T 53

5р

11

278895
~~27898~~

НА ДОМ НЕ ВЫДАЕТСЯ

Пр. 2010

ПРОВЕРЕНО
19 г.

Письма Л. Н. Толстого.

1848—1910 гг.

Письма

Л. Н. Толстого.

1848—1910 гг.

Гп. 53.

БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ
Н. А. Некрасова
г. Свердловск.
Угол Сибирск. и Пушкин. ул. д. № 121/168.

"—" ——— 19__ г.
№ ———

БИБЛІОТЕКА
И
МАГАЗИНЪ ДЛЯ ЧТЕНІЯ
С. А. Тихоцкой
Екатеринбургъ

Б
+ 53
П. 53
891
Б
+ 53
891
Пр. 1955 г.

ТОЛСТОВСКІЙ АЛЬМАНАХЪ.

ПИСЬМА
Л. Н. ТОЛСТОГО

1848-1910 гг.

Библиотека
кабинета для чтенія
С. А. Тихоцкой
Екатеринбургъ
278895

Собранныя и редактированныя
П. А. СЕРГѢЕНКО.

БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ
Н. А. Некрасова
г. Свердловск
19 г.

К-во „КНИГА".
1910.

Уральский Госуниверситет
Библиотека
Топографический
ГУ
каталог
Инв 3560.

Москва—1910.
Типографія Русскаго Товарищества Чистые пруды, Мыльниковъ пер., с. д.
Телефонъ 18-35.

Настоящій сборникъ представляетъ попытку, дать бѣглую исторію замѣчательной души человѣческой—поскольку письма къ близкимъ людямъ могутъ отражать внутреннюю жизнь человѣка.

Въ сборникѣ помѣщены письма Л. Н. Толстого съ 1848-го по 1910-й годъ.

Составитель сборника ставилъ главными условіями осуществленія своей задачи:

1) по возможности фотографически точное воспроизведеніе писемъ Льва Николаевича со всѣми ихъ особенностями и

2) точное обозначеніе мѣста и времени, когда письма были написаны.

Осуществить свою задачу во всей полнотѣ составителю сборника, къ сожалѣнію, не удалось. Вслѣдствіе особеннаго положенія печати въ Россіи приходилось съ горестью прибѣгать къ нѣкоторымъ сокращеніямъ.

Но составитель сборника поставилъ себѣ за правило: допускать сокращенія только относительно выраженій, а не мыслей писателя. И когда требовались сокращенія, могущія затемнить или завуалировать выраженную мысль, то таковыя письма откладывались до болѣе счастливой поры.

Не удалось, вѣроятно, составителю сборника установить съ полной точностью и даты нѣкоторыхъ писемъ.

Многіе изъ писемъ Льва Николаевича не датированы имъ. И надо было прибѣгать къ очень сложной окольной работѣ, въ которую и могли вплестись невольные промахи.

Но, быть можетъ, лица, которымъ попадетъ въ руки этотъ сборникъ и которымъ дорого все, относящееся къ правди-

вому освѣщенію личности великаго писателя, благоволятъ прислать свои указанія и замѣчанія, относительно дефектовъ сборника, не стѣсняясь формой изложенія.

Составитель сборника заранѣе выражаетъ свою признательность за всѣ указанія, а также и свою глубокую благодарность всѣмъ, способствовавшимъ составленію этого сборника и особенно П. И. Бирюкову, чья помощь была особенно цѣнной.

Всѣ запросы и указанія просятъ направлять:

„*Болшево*, Моск. губ. Петру Алексѣевичу Сергѣенко“.

Редакторъ.

1848 г.

№ 1.

Графу С. Н. Толстому. *)

(Петербургъ, 1848 г., Февр. 13).

Сережа!

Я пишу тебѣ это письмо изъ Петербурга, гдѣ я и намѣренъ остаться навѣки... Я рѣшился здѣсь остаться держать экзаменъ**) и потомъ служить; ежели же не выдержу (все можетъ случиться), то и съ 14-го класса начну служить, я много знаю чиновниковъ 2-го разряда, которые не хуже и васъ перворазрядныхъ служатъ. Короче тебѣ скажу, что петербургская жизнь на меня имѣетъ большое и доброе вліяніе: она меня пріучаетъ къ дѣятельности и замѣняетъ для меня невольно расписаніе; какъ-то нельзя ничего не дѣлать, всѣ заняты, всѣ хлопочутъ, да и не найдешь человѣка, съ которымъ бы можно было вести безпутную жизнь— одному же нельзя.

Я знаю, что ты никакъ не повѣришь, чтобы я перемѣнился, скажешь: „это ужъ въ двадцатый разъ и все изъ тебя пути нѣтъ“, „самый пустяшный малый“, — нѣтъ, я теперь совсѣмъ иначе перемѣнился, чѣмъ прежде мѣнялся; прежде я скажу себѣ: „дай-ка я перемѣнюсь“, а теперь я вижу, что я перемѣнился, и говорю: „я перемѣнился“.

Главное то, что я вполнѣ убѣжденъ теперь, что умозрѣніемъ и философіей жить нельзя, а надо — жить положительно, т.-е. быть практическимъ человѣкомъ. Это большой

---

*) Старшій братъ Л. Н.

**) Въ университетъ.

шагъ и большая перемѣна, еще этого со мной ни разу не было. Ежели же кто хочетъ жить и молодъ, то въ Россіи нѣтъ другого мѣста, какъ Петербургъ; какое бы направленіе кто не имѣлъ, всему можно удовлетворить, все можно развить, легко, безъ всякаго труда. Что же касается до средствъ къ жизни, то для холостого жизнь здѣсь вовсе не дорогая, и напротивъ, дешевле и лучше московской, исключая квартиръ.

Сейчасъ пріѣзжалъ ко мнѣ Оболенскій и привозилъ письмо, только что полученное имъ отъ брата Дмитрія... Всѣмъ нашимъ передай, что я всѣхъ цѣлую и кланяюсь, и что лѣтомъ въ деревнѣ можетъ буду, можетъ нѣтъ, мнѣ хочется лѣтомъ взять отпускъ и поѣздить по окрестностямъ Петербурга, въ Гельсингфорсъ и въ Ревель тоже хочу съѣздить.

Напиши мнѣ, ради Бога, хоть разъ въ жизни; мнѣ хочется знать, какъ ты и всѣ наши эту новость примутъ; проси ихъ отъ меня писать, я же писать къ нимъ боюсь, такъ давно не писалъ я къ нимъ, что они вѣрно сердятся, особенно передъ тетенькой Татьяной Александровной*) мнѣ совѣстно, попроси у нея отъ меня прощенія.

Оболенскій тебѣ кланяется. Можешь себѣ представить, что Алеша Пушкинъ здѣсь. Однако я его еще не видѣлъ.

Левъ.

№ 2.

Графу С. Н. Толстому.

(Петербургъ, 1848 г., Май 1).

Читай это письмо одинъ.

Сережа, ты, я думаю, уже говоришь, что я „самый пустяшный малый“, и говоришь правду. Богъ знаетъ, что я

*) Т. А. Ергольская, дальняя родственница и воспитанница Толстыхъ. Послѣ смерти матери Л—а Н—а (1830 г.) Т. А. замѣнила ему мать. Изъ чувства родственности дѣти называли ее „тетенькой“.

надѣлалъ? Поѣхалъ безъ всякой причины въ Петербургъ, ничего тамъ нужнаго не сдѣлалъ, только прожилъ пропасть денегъ и задолжалъ. Глупо! Невыносимо глупо! Ты не повѣришь, какъ это меня мучаетъ. Главное долги, которые мнѣ нужно заплатить, какъ можно скорѣе; потому что ежели я ихъ заплачу не скоро, то я сверхъ денегъ потеряю и репутацію.

Ради Бога, сдѣлай вотъ что. Не говоря теткамъ и Андрею, почему и зачѣмъ—продай Воротынку Уварову или Селезневу. Это моя послѣдняя рессурса, но безъ которой я не обойдусь, какъ для того, чтобы прожить, такъ и для того, чтобъ въ опекунскій совѣтъ заплатить.

Мнѣ до новаго дохода необходимо 3500 р. сер. 1200 въ Опекунскій Совѣтъ, 1600 заплатить долги, 700 р. на прожитокъ. Я знаю, ты будешь ахать, но что же дѣлать? глупость дѣлаютъ разъ въ жизни. Надо мнѣ было поплатиться за свою свободу (Некому было сѣчь. Это главное несчастіе) и философію, вотъ я и поплатился. Сдѣлай милость, похлопочи, чтобы вывести меня изъ фальшиваго и гадкаго положенія, въ которомъ я теперь—безъ гроша денегъ и кругомъ долженъ.

Ты знаешь вѣрно, что наши войска всѣ идутъ въ походъ, и что часть (2 корпуса) перешли границу и, говорятъ, уже въ Вѣнѣ.

Я началъ было держать экзаменъ на кандидата и выдержалъ два хорошо, но теперь перемѣнилъ рѣшеніе и хочу вступить юнкеромъ въ конно-гвардейскій полкъ. Мнѣ совѣстно писать это тебѣ, потому что я знаю, что ты меня любишь, и тебя огорчатъ всѣ мои глупости и безосновательность. Я даже нѣсколько разъ вставалъ и краснѣлъ отъ этого письма, что и ты будешь дѣлать, читая его, но что дѣлать, прошедшаго не перемѣнишь, а будущее зависитъ отъ меня.

Богъ дастъ я исправлюсь и сдѣлаюсь когда-нибудь порядочнымъ человѣкомъ; больше всего я надѣюсь на юнкерскую службу, она меня пріучитъ къ практической жизни и

volens nolens мнѣ надо будетъ служить до офицерскаго чина. Съ счастіемъ, т.-е. если гвардія будетъ въ дѣлѣ, я могу быть произведенъ и прежде 2-лѣтняго срока. Гвардія идетъ въ походъ въ концѣ мая. Я теперь ничего не могу дѣлать, потому что, во-первыхъ, нѣтъ денегъ, которыхъ мнѣ нужно, немного (все, кажется), а во-вторыхъ, два метрическія свидѣтельства въ Ясной; вели ихъ прислать, какъ можно скорѣе. Не сердись на меня, пожалуйста, а то я теперь слишкомъ чувствую свое ничтожество, и исполни поскорѣе мои порученія. Прощай, не показывай письма этого тетенькѣ, я не хочу ее огорчать.

1850 г.

№ 3.

Т. А. Ергольской.

(по-французски).

(Москва, 1850 г., Декабрь 9).

Chère tante!

Мое воспаленіе идетъ лучше, но я еще не выхожу изъ комнаты, разсчитываю сдѣлать это завтра, т.-е. въ воскресенье.

Нѣтъ худа безъ добра—говорю это къ тому, что въ одномъ отношеніи я даже доволенъ, что хворалъ и долженъ былъ сидѣть дома около недѣли. По крайней мѣрѣ успѣлъ устроиться, оглядѣться.

Я вамъ говорилъ, что моя квартира очень славная.

Она состоитъ изъ четырехъ комнатъ—столовая, гдѣ у меня уже есть роялино, которое я взялъ на прокатъ, гостиная съ диваномъ, стульями и столами, орѣховаго дерева, покрытыми краснымъ сукномъ, и украшенная тремя большими зеркалами; кабинетъ, гдѣ стоитъ мой письменный столъ, бюро и диванъ, который напоминаетъ мнѣ всѣ наши споры объ

этой мебели, и еще комната, довольно большая, чтобы служить спальной и уборной и, сверхъ того, маленькая передняя.

Я обѣдаю дома щами и кашей, чѣмъ я вполнѣ довольствуюсь. Жду только варенье и наливку, чтобы имѣть все, къ чему я привыкъ въ деревнѣ.

У меня есть сани за сорокъ рублей, это пошевни, родъ саней, теперь въ модѣ. Сережа долженъ знать, что это такое. Я купилъ всю упряжь, и она у меня теперь очень изящна.

Прощайте, цѣлую ваши ручки. Я очень удивленъ, что до сихъ поръ не получилъ отъ васъ письма.

Въ многолюдствѣ не разсѣиваюсь и игрокамъ не поддаюсь.

№ 4.

Т. А. Ергольской.

(по-французски).

(Москва, 1850 г., Декабрь 24).

Chère tante!

Удивляюсь и не перестаю удивляться вашему молчанію, хотя и получилъ вчера ваше письмо отъ 16 декабря, отвѣтъ на мое первое; но это уже четвертое, которое я вамъ пишу. Здоровье мое великолѣпно, но зато мои денежныя дѣла далеко не въ блестящемъ положеніи.

Зачѣмъ вы такъ возмущены Исленевымъ*), если это для того, чтобы меня отъ него отвратить—это безполезно, потому что его нѣтъ въ Москвѣ. Все, что вы говорите о развращающемъ вліяніи игры—вѣрно и часто мнѣ приходитъ на умъ, вотъ почему я думаю, что я больше играть не буду. „Я думаю“, но надѣюсь скоро сказать это навѣрно.

---

*) Дѣдъ гр. Соф. А. Толстой по матери, съ которымъ Л. Н. игрывалъ въ карты.

Все, что вы говорите объ обществѣ, вѣрно, такъ же, какъ и все, что вы говорите, особенно въ письмахъ: во-первыхъ потому, что вы пишете какъ м-мъ де-Севиньи, и во-вторыхъ, потому что я не могу по моимъ привычкамъ спорить. Вы также говорите много хорошаго обо мнѣ. Я убѣжденъ, что похвалы приносятъ столько же пользы, сколько и вреда. Онѣ полезны, потому что онѣ удерживаютъ человѣка, въ тѣхъ хорошихъ качествахъ, которыя хвалятъ, и вредны, потому что увеличиваютъ самолюбіе. Я увѣренъ, что ваши похвалы принесутъ мнѣ только пользу, потому что онѣ продиктованы искреннимъ дружескимъ чувствомъ, но, конечно настолько, насколько я ихъ заслуживаю.

Мнѣ кажется, что я ихъ заслужилъ: во все время моего пребыванія въ Москвѣ я доволенъ собой.

Скажите Сергѣю, что я его обнимаю, что всѣ его порученія исполнены, и добросовѣстно исполнены. Прощайте, цѣлую Ваши руки. Досвиданія.

1851 г.

№ 5.

Т. А. Ергольской.

(по-французски).

(Москва, 1851 г., Мартъ 8).

Chère tante!

Изъ вашего молчанія я заключаю, что вы на меня сердитесь; дѣйствительно, я уже давно не писалъ вамъ, но вы знаете, что если я и бываю виноватъ передъ вами, то случается это помимо моей воли. Вы знаете также, что чѣмъ дольше я не вижу васъ, тѣмъ сильнѣе чувство, которое я къ вамъ питаю. Я клеветалъ на себя, говоря, что для меня отсутствующіе всегда неправы.

Въ одномъ сочиненіи, которое я читалъ на-дняхъ, авторъ говоритъ, что первые признаки весны дѣйствуютъ обыкно-

венно на человѣческую душу. Съ возрождающейся природой хочется чувствовать и свое возрожденіе, жалѣть о прошломъ, дурно потраченномъ времени, каяться въ слабости, и будущее представляется, какъ свѣтлая точка впереди насъ, и становишься лучше, нравственно лучше. Что касается меня, это совершенно вѣрно; съ тѣхъ поръ, какъ я началъ жить самостоятельно, весна всегда приводила меня въ хорошее настроеніе, въ которомъ я держался болѣе или менѣе долго; но вотъ зима всегда была для меня камнемъ преткновенія—всегда собьюсь.

Впрочемъ сопоставляя съ прошлыми зимами, эта несомнѣнно самая пріятная и самая разумная изъ всѣхъ проведенныхъ мною. Я веселился, я ѣздилъ въ свѣтъ, остались воспоминанія, и при всемъ томъ, я не разстроилъ свои финансы—и не устроилъ—правда.

Только что я подсчиталъ свои долги и сумма ихъ оказалась та же, что и въ прошломъ году. Прощайте, милая, дорогая тетенька, тысячу разъ цѣлую ваши ручки и надѣюсь скоро сдѣлать это въ дѣйствительности.

№ 6.

Т. А. Ергольской.

(по-французски).

(Казань, 1851 г., Апрѣль).

Chère tante!

Вотъ и опять эти два слова стоятъ на заголовкѣ листа бумаги, и снова я въ затрудненіи: что писать вамъ? А между тѣмъ мнѣ надо столько сказать вамъ.

Наше путешествіе было очень удачно въ смыслѣ погоды и дороги. Мы провели два дня въ Москвѣ.

Я былъ на гуляньи въ Сокольникахъ въ отвратительную погоду и потому не встрѣтилъ ни одну изъ дамъ, которыхъ я хотѣлъ видѣть. Такъ какъ, по-вашему, я человѣкъ испытывающій себя, я пошелъ въ народъ, въ цыганскій таборъ.

Вы легко можете себѣ представить, какая поднялась тамъ во мнѣ внутренняя борьба за и противъ. Впрочемъ, я вышелъ побѣдителемъ, то-есть ничего не далъ этимъ веселымъ потомкамъ знаменитыхъ фараоновъ, кромѣ моего благословенія. Николай *) находитъ, что я очень пріятный спутникъ, если бы не моя опрятность. Онъ сердится на то, что, какъ онъ говоритъ, я 12 разъ въ день мѣняю бѣлье. Я нахожу, что онъ тоже очень пріятный спутникъ, если бы не его неопрятность. Не знаю, кто изъ насъ правъ.

Изъ Москвы написалъ Валерьяну, что выигралъ 400 р. Боюсь, какъ бы это васъ не встревожило. Вы подумаете, что я играю и опять буду играть. Успокойтесь, это исключеніе.

Только пріѣхавъ въ Казань, я опять начинаю приходить въ хорошее настроеніе, которымъ и пользуюсь, чтобы писать вамъ. Все это время я не то что былъ въ плохомъ настроеніи, но мнѣ было невесело. Вы легко разгадаете причину...

Вы старались не казаться опечаленной при нашемъ отъѣздѣ, я это замѣтилъ и благодаренъ вамъ за это.

№ 7.

Т. А. Ергольской.

(по-французски).

(Астрахань, 1851 г., Май).

Chère tante!

Мы въ Астрахани и уже на отъѣздѣ, такъ что намъ еще остается сдѣлать 400 верстъ. Въ Казани я провелъ очень пріятно недѣлю. Путешествіе до Саратова было непріятно, но зато оттуда путешествіе въ небольшой лодкѣ до Астрахани было очень поэтично и полно очарованія для меня, по новизнѣ мѣстъ и по самому способу путешествія. Вчера я написалъ Машѣ **) длинное письмо, въ которомъ я ей раз-

*) Старшій, любимый братъ Л. Н.

**) Сестра Л. Н.

сказываю о моемъ пребываніи въ Казани. Я ничего вамъ не говорю объ этомъ, изъ опасенія повториться, хотя я и увѣренъ, что вы не смѣшали бы оба письма. Пока я очень доволенъ моей поѣздкой. У меня много предметовъ для размышленія и потомъ самая перемѣна мѣста мнѣ пріятна. Проѣздомъ черезъ Москву я абонировался, такъ что у меня много чтенія, которымъ я занимаюсь даже въ тарантасѣ. Затѣмъ, какъ вы понимаете, общество Николая содѣйствуетъ моему довольству. Я не перестаю думать о васъ и о всѣхъ моихъ. Я даже иногда упрекаю себя за то, что оставилъ эту жизнь, которую такъ смягчала ваша любовь ко мнѣ; но это только отсрочка, и я еще съ большей радостью увижу васъ. Если бы я не спѣшилъ, я бы написалъ Сережѣ, но я откладываю это до того, когда я устроюсь и буду спокойнѣе. Поцѣлуйте же его отъ меня и скажите ему, что я очень раскаиваюсь въ той холодности, которая была между нами передъ отъѣздомъ и въ которой я обвиняю только себя.

Прощайте, тетенька, тысячу разъ цѣлую ваши руки.

№ 8.

Т. А. Ергольской.

(по-французски).

(Старый Юртъ, 1851 г., Іюль).

Chère tante!

Давно я не писалъ вамъ, и отъ васъ получилъ всего нѣсколько словъ. Позвольте вамъ за это сдѣлать выговоръ.

Я пріѣхалъ живъ и здоровъ, но немного грустный, къ концу мѣсяца въ Старогладовскую. Я увидалъ вблизи образъ жизни, который ведетъ Николай и познакомился съ офицерами, которые составляютъ общество. Образъ жизни не очень привлекателенъ, какъ мнѣ показалось сперва, потому что и самый край, который я предполагалъ очень красивымъ, вовсе

не таковъ. Такъ какъ станица расположена въ низинѣ,— нѣтъ краснаго вида; квартира плохая, а также и все, что составляетъ удобство жизни. Насчетъ офицеровъ, какъ вы сами можете себѣ представить, это люди безъ образованія, но люди славные и очень любящіе Николеньку.

Алексѣевъ, его начальникъ, это маленькій бѣлокурень-кій рыжеватый человѣчекъ съ усиками и бакенбардами, говорящій пронзительнымъ голосомъ, но добрый христіанинъ, напоминающій немного А. С. Волкова, но не такой ханжа, какъ онъ. Потомъ Д., молодой офицеръ, ребенокъ и bon enfant, напоминающій Петрушу. Потомъ старый капитанъ Билковскій, изъ уральскихъ казаковъ—старый, простой солдатъ, но благородный, храбрый и добрый. Признаюсь, сначала многое въ этомъ обществѣ коробило меня, но я привыкъ, хотя и не сдружился съ этими господами. Я нашелъ счастливое средство общенія, въ которомъ нѣтъ ни гордости ни запанибратства. Впрочемъ въ этомъ мнѣ оставалось только слѣдовать примѣру Николеньки.

Едва пріѣхавъ, Николенька получилъ приказъ отправиться въ Староюртовское укрѣпленіе для прикрытія больныхъ въ Горячеводскомъ лагерѣ.

Николенька уѣхалъ черезъ недѣлю послѣ своего пріѣзда, и я послѣдовалъ за нимъ, такъ что мы почти три недѣли здѣсь живемъ въ палаткѣ. Погода хорошая, и такъ какъ я привыкъ немного къ такому образу жизни, то мнѣ очень хорошо. Здѣсь чудные виды. Начну съ того мѣста, гдѣ источники. Это большая гора изъ нагроможденныхъ другъ на друга камней. Одни изъ нихъ оборвались и, упавъ, образовали нѣчто въ родѣ гротовъ, другіе нависли на страшной высотѣ. Всѣ они перерѣзаны потоками горячей воды, которые падаютъ съ шумомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и закрываютъ, особенно по утрамъ верхнюю часть скалы бѣлымъ паромъ, который поднимается отъ этой кипящей воды. Вода такъ горяча, что въ ней можно сварить яйцо вкрутую въ три

минуты. Въ этомъ оврагѣ на потокахъ, есть три мельницы, одна надъ другой, построенныя совсѣмъ особеннымъ образомъ и очень красиво. Весь день татарскія женщины то и дѣло приходятъ выше и ниже мельницъ, чтобы мыть бѣлье. Нужно вамъ сказать, что онѣ моютъ ногами. Это, какъ муравейникъ, вѣчно кишащій. Женщины большей частью красивы и хорошо сложены. Одежды восточныхъ женщинъ, несмотря на ихъ бѣдность, изящны. Красивыя группы женщинъ, дикая красота мѣстности—все это представляетъ очаровательную картину. Я часто часами стою и любуюсь пейзажемъ. Затѣмъ видъ съ вершины горы еще лучше и совершенно въ другомъ родѣ. Но я боюсь надоѣсть вамъ своими описаніями.

Я очень радъ быть на водахъ, я пользуюсь этимъ. Я беру желѣзистыя ванны и болѣе не чувствую боли въ ногахъ. У меня всегда были ревматизмы, но во время нашего путешествія по водѣ, я думаю, я еще простудился. Рѣдко я такъ хорошо себя чувствовалъ, какъ теперь, и, несмотря на сильныя жары, я много двигаюсь.

Офицеры здѣсь такіе же, какъ и тѣ, о которыхъ я вамъ писалъ. Ихъ тутъ много. Я всѣхъ ихъ знаю и отношенія съ ними тѣ же.

Скажите Сергѣю, что я его обнимаю, и что я пишу вамъ то же самое, что писалъ ему, и что жду отъ него письма. Онъ прекрасно знаетъ, что можетъ интересовать меня, слѣдовательно, ему не трудно будетъ заполнить свое письмо. Прощайте, тетенька, цѣлую ваши руки.

№ 9.

Т. А. Ергольской.

(Старогладовская, 1851 г., Сент. 16).

Chère et excellente tante!

Вы мнѣ много разъ говорили, что у васъ нѣтъ привычки писать черновики для вашихъ писемъ; я слѣдую вашему

примѣру, но у меня это не выходитъ такъ хорошо, какъ у васъ, такъ какъ мнѣ часто приходится рвать письма, послѣ того, какъ я ихъ перечитаю. И это не изъ ложнаго стыда я такъ дѣлаю. Орѳографическая ошибка, неловкое выраженіе не стѣсняютъ меня; но это отъ того, что мнѣ не удается хорошо управлять своимъ перомъ и мыслями. Я только что разорвалъ письмо, которое написалъ вамъ, потому что я наговорилъ тамъ много такого, чего я не хотѣлъ вамъ говорить, и не сказалъ того, что хотѣлъ. Быть можетъ вы думаете, что это скрытность, и скажете, что не хорошо скрывать отъ людей, которыхъ любишь и которыми чувствуешь себя любимымъ. Я согласенъ. Но согласитесь и вы, что безразличному человѣку можно все сказать, но, чѣмъ ближе вамъ человѣкъ, тѣмъ больше есть вещей, которыя бы хотѣлось скрыть отъ него...

Написалъ эту страницу и раскаиваюсь. Не думайте, что это предисловіе (приготовленіе къ чему-нибудь), не пугайтесь. Просто напросто эта мысль пришла мнѣ въ голову и я ее вамъ передаю. Третьяго дня получилъ вашъ отвѣтъ на мое первое письмо, написанное мною съ Кавказа. Получить отвѣтъ черезъ два мѣсяца—это ужасно, особенно, когда хочется постоянно разговаривать съ вами. Вы говорите: боюсь, что мое письмо покажется тебѣ очень длиннымъ;—говорю безъ всякой риторики, ваши письма, хотя я перечитываю каждое изъ нихъ по крайней мѣрѣ разъ десять, кажутся мнѣ такими короткими, что я удивляюсь, какъ это вы ухитряетесь писать такъ мало, когда о столькомъ надо поговорить.

Вотъ уже двѣ недѣли, какъ я разстался съ Николенькой. Онъ въ лагерѣ на горячихъ водахъ, а я въ его главной квартирѣ. Въ сентябрѣ онъ вернется. Многія лица уговариваютъ меня поступить на службу здѣсь.

Совѣтуете ли вы мнѣ это? Прощайте, цѣлую ваши руки.

№ 10.

Т. А. Ергольской.

(по-французски).

(Тифлисъ, 1851 г., Ноябрь 12).

Chère tante!

Черезъ недѣлю будетъ ровно 4 мѣсяца, какъ я не получаю вѣстей отъ васъ, но теперь у меня есть по крайней мѣрѣ надежда, что ваши письма находятся въ Старогладовской.

Мы въ дѣйствительности выѣхали 25-го и послѣ семи дней путешествія, очень скучнаго по недостатку лошадей на каждой станціи и очень пріятнаго вслѣдствіе красоты мѣстъ, по которымъ проѣзжаешь. 1-го числа этого мѣсяца мы пріѣхали.

На слѣдующій день я пошелъ къ генералу Бриммеру, чтобы представить ему бумаги, полученныя мною въ Тулѣ, а также и собственную особу. Несмотря на свою нѣмецкую услужливость и все свое желаніе, онъ принужденъ былъ отказать мнѣ, такъ какъ мои бумаги не въ исправности, и мнѣ не хватаетъ документовъ, которые въ данную минуту находятся въ П. и я долженъ ждать.

Если мои бумаги не придутъ черезъ мѣсяцъ, я отказываюсь отъ военной службы, такъ какъ не смогу въ этомъ году участвовать въ зимней экспедиціи, что было моимъ единственнымъ желаніемъ при поступленіи на службу.

Сверхъ ожиданія, я нашелъ въ Тифлисѣ хорошаго петербургскаго знакомаго, князя Багратіона; онъ для меня большая помощь. Это умный и образованный человѣкъ.

Тифлисъ очень цивилизованный городъ, очень подражающій Петербургу, и это ему удается. Избранное многолюдное общество. Есть русскій театръ и итальянская опера, которыми я пользуюсь настолько, насколько мнѣ позволяютъ мои маленькія средства. Я живу въ нѣмецкой колоніи,

это предмѣстіе, но оно представляетъ для меня двѣ большія выгоды. Во-первыхъ, это прелестное мѣстечко, окруженное садами и виноградниками, такъ что здѣсь чувствуешь себя болѣе въ деревнѣ, чѣмъ въ городѣ. (Здѣсь еще очень жарко и ясно, не было ни снѣга, ни мороза до сихъ поръ). Второе преимущество это то, что я плачу здѣсь за двѣ довольно чистыя комнаты пять рублей серебромъ въ мѣсяцъ, тогда какъ въ городѣ нельзя бы было нанять такую квартиру меньше, чѣмъ за 40 рублей въ мѣсяцъ. Сверхъ того, у меня безплатная практика нѣмецкаго языка, у меня есть книги, занятія и досугъ, потому что никто не приходитъ безпокоить меня, такъ что въ общемъ я не скучаю.

Помните, добрая тетенька, совѣтъ, который вы разъ мнѣ дали—писать романы. Такъ вотъ, я слѣдую вашему совѣту, и занятія, о которыхъ я вамъ писалъ, состоятъ въ литературѣ. Я еще не знаю, появится ли когда-нибудь въ свѣтъ то, что я пишу; но эта работа, которая меня занимаетъ, и въ которой я уже слишкомъ далеко зашелъ, чтобы ее оставить.

Вотъ точный отчетъ о моихъ занятіяхъ, что же касается моихъ плановъ, если я не поступлю на военную службу, я постараюсь найти какую-нибудь штатскую должность. Здѣсь, а не въ Россіи.

Прощайте, цѣлую ваши руки и жду вашихъ писемъ. Адресуйте прямо—Въ Грузію, въ г. Тифлисъ.

№ 11.

Графу С. Н. Толстому.

(Тифлисъ, 1851 г., Декабрь 23).

Милый другъ Сережа. Какъ жалко, что мы съ тобой не переписываемся. Что значитъ 20 или 30 гривенниковъ въ годъ и нѣсколько часовъ, посвященныхъ на то, чтобы пи-

сать другъ другу? А сколько было бы удовольствія. Я въ настоящую минуту до такой степени жажду поболтать съ тобой, что ежели бы конвертъ стоилъ не 10 к., а 30 рублей, я отдалъ бы послѣдніе. Я пишу и завидую удовольствію, которое ты получишь, читая мое письмо.

На-дняхъ давно желанный мною приказъ о зачисленіи меня фейерверкеромъ въ 4-ую батарею долженъ состояться, и я буду имѣть удовольствіе дѣлать фрунтъ и провожать глазами ѣдущихъ офицеровъ и генераловъ. Даже теперь, когда я прогуливаюсь по улицамъ въ своемъ шармеровскомъ пальто и въ складной шляпѣ, за которую я заплатилъ здѣсь 10 рублей, несмотря на всю свою величавость въ этой одеждѣ, я такъ привыкъ къ мысли скоро одѣть сѣрую шинель, что невольно правая рука хочетъ схватить за пружины складную шляпу и опустить ее внизъ. Впрочемъ, ежели мое желаніе исполнится, то я въ день же своего опредѣленія уѣзжаю въ Старогладовскую, а оттуда тотчасъ же въ походъ, гдѣ буду ходить и ѣздить въ тулупѣ или черкескѣ, и тоже по мѣрѣ силъ моихъ буду способствовать съ помощью пушки къ истребленію хищниковъ и непокорныхъ азіатовъ.

Сережа, ты видишь по письму моему, что я въ Тифлисѣ, куда пріѣхалъ еще 1 ноября, такъ что немного успѣлъ поохотиться съ собаками, которыхъ тамъ купилъ (въ Старогладовской), а присланныхъ собакъ вовсе не видалъ. Охота здѣсь (т.-е. въ станицѣ)—чудо! Чистыя поля, болотцы, набитыя русаками и острова не изъ лѣса, а изъ камыша, въ которомъ держатся лисицы. Я всего девять разъ былъ въ полѣ, отъ станицы въ 10—15 верстахъ, и съ двумя собаками, изъ которыхъ одна отличная, а другая дрянь; затравилъ двухъ лисицъ и русаковъ съ 60. Какъ пріѣду, такъ попробую травить козъ.

На охотахъ съ ружьями на кабановъ, оленей я присутствовалъ неоднократно, но ничего самъ не убилъ. Охота

эта тоже очень пріятна, но, привыкнувъ охотиться съ борзыми, нельзя полюбить эту. Такъ же, какъ ежели кто привыкнулъ курить турецкій табакъ, нельзя полюбить Жуковъ, хотя и можно спорить, что этотъ лучше.

Я знаю твою слабость: ты вѣрно пожелаешь знать, кто здѣсь были, и есть мои знакомые, и въ какихъ я съ ними отношеніяхъ. Долженъ тебѣ сказать, что этотъ пунктъ нисколько меня здѣсь не занимаетъ, но спѣшу удовлетворить тебя. Въ батареѣ офицеровъ немного; поэтому я со всѣми знакомъ, но очень поверхностно; хотя и пользуюсь общимъ расположеніемъ, потому что у насъ съ Николенькой всегда есть для посѣтителей водка, вино и закуска; на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ составилось и поддерживается мое знакомство съ другими полковыми офицерами, съ которыми я имѣлъ случай познакомиться въ Старомъ Юртѣ (на водахъ, гдѣ я жилъ лѣто), и въ набѣгѣ, въ которомъ я былъ. Хотя есть болѣе или менѣе порядочные люди, но такъ какъ я и безъ офицерскихъ бесѣдъ всегда имѣю болѣе интересныя занятія, я остаюсь со всѣми въ одинаковыхъ отношеніяхъ.

Подполковникъ Алексѣевъ, командиръ батареи, въ которую я поступаю, человѣкъ очень добрый и тщеславный. Послѣднимъ его недостаткомъ я, признаюсь, пользовался и пускалъ ему нѣкоторую пыль въ глаза—онъ мнѣ нуженъ. Но и это я дѣлаю невольно въ чемъ и раскаиваюсь. Съ людьми тщеславными самъ дѣлаешься тщеславнымъ.

Ежели хочешь щегольнуть извѣстіями съ Кавказа, то можешь разсказывать, что второе лицо послѣ Шамиля, нѣкто Хаджи-Муратъ, на-дняхъ передался русскому правительству. Это былъ первый лихачъ (джигитъ) и молодецъ во всей Чечнѣ, а сдѣлалъ подлость. Еще можешь съ прискорбіемъ разсказывать о томъ, что на-дняхъ убитъ извѣстный храбрый и умный генералъ Слѣпцовъ. Ежели ты захочешь знать больно ли ему было, то этого не могу сказать.

1852 г.

№ 12.

Т. А. Ергольской.

(по-французски).

(Тифлисъ, 1852 г., Январь 6).

Chère tante!

Я только что получилъ ваше письмо отъ 24 ноября и тотчасъ же отвѣчаю (я установилъ такой обычай). Послѣдній разъ я вамъ писалъ, что ваше письмо заставило меня плакать и я полагалъ, что причиной этой слабости была моя болѣзнь. Я былъ не правъ. Всѣ ваши письма съ нѣкотораго времени дѣйствуютъ на меня также. Я всегда былъ Лева-рева. Сначала я стыдился этой слабости, но слезы, которыя я проливаю, думая о васъ и о вашей любви къ намъ, такъ радостны, что я имъ позволяю течь безъ всякаго ложнаго стыда. Ваше письмо слишкомъ полно грусти и потому не могло не произвести подобнаго же дѣйствія. Вы мнѣ всегда давали совѣты, и хотя я, къ сожалѣнію, не всегда слѣдовалъ имъ, я хотѣлъ бы всю мою жизнь лишь слѣдовать вашимъ указаніямъ. Позвольте мнѣ теперь сказать вамъ о томъ дѣйствіи, которое произвело на меня ваше письмо, и о мысляхъ, которыя возникли во мнѣ за чтеніемъ его. Если я говорю вамъ слишкомъ откровенно, вы простите меня ради моей любви къ вамъ. Говоря, что теперь ваша очередь оставить насъ и соединиться съ тѣми, которыхъ уже нѣтъ и которыхъ вы такъ любили, говоря, что вы просите Бога положить предѣлъ вашему существованію, которое кажется вамъ столь невыносимымъ и одинокимъ,— извините, дорогая тетенька, но мнѣ кажется, что говоря это вы ропщете на Бога и обижаете меня и всѣхъ насъ, которые такъ васъ любятъ. Вы просите у Бога смерти, т.-е. самаго большаго несчастія, которое бы могло произойти для меня

(это не фраза, но Богъ свидѣтель, что два самыя большія несчастія, которыя могутъ произойти для меня, это смерть ваша и Николеньки, двухъ людей, которыхъ я люблю больше самого себя. Что осталось бы для меня, если бы Богъ услыхалъ вашу молитву? Ради кого старался бы я стать лучше, имѣть хорошія качества, составить о себѣ хорошее мнѣніе въ свѣтѣ? Когда я строю планы личнаго счастія, мысль о томъ, что вы раздѣлите его со мной и будете пользоваться имъ, никогда не покидаетъ меня. Когда я дѣлаю что-нибудь хорошее, я доволенъ собой, потому что знаю, что вы будете довольны мной. Когда я поступаю дурно—чего я больше всего опасаюсь, это вамъ причинить огорченіе. Ваша любовь для меня все, а вы просите Бога, чтобы Онъ насъ разлучилъ. Я не могу вамъ выразить того чувства, которое я питаю къ вамъ, словъ недостаточно для этого, я боюсь, чтобы вы не подумали, что я преувеличиваю, а между тѣмъ я плачу горючими слезами, пока пишу вамъ. Этой тяжелой разлукѣ я обязанъ сознаніемъ того, какой вы для меня другъ и какъ я васъ люблю. Но я развѣ одинъ, питающій къ вамъ эти чувства—а вы просите у Бога смерти. Вы говорите, что вы одиноки; хотя я и отдѣленъ отъ васъ, но если вы вѣрите моей любви и еслибы такая мысль могла послужить противовѣсомъ вашему горю, что касается до меня, я никогда не чувствую себя одинокимъ, пока я знаю, что я любимъ вами такъ, какъ оно есть.

Чувствую тѣмъ не менѣе, что дурное чувство диктуетъ эти слова,—я ревную васъ къ вашему горю.

Сегодня произошелъ случай, который могъ бы меня заставить повѣрить въ Бога, если бы я уже не вѣрилъ въ него съ нѣкоторыхъ поръ.

. . . . . .

Лѣтомъ въ Старомъ Юртѣ всѣ офицеры были исключительно заняты игрой и довольно большой. Такъ какъ, живя въ лагерѣ, нельзя не видѣться часто, я нерѣдко присут-

ствовалъ при игрѣ и, несмотря на упрашиванія, которыя мнѣ дѣлали, я держался съ мѣсяцъ. Но въ одинъ прекрасный день, шутя я поставилъ немного, проигралъ, снова поставилъ, опять проигралъ, мнѣ не повезло, игорная страсть поднялась во мнѣ и въ два дня я проигралъ все, что у меня было деньгами, что мнѣ далъ Николенька (около 250 р.) и сверхъ того еще 500 р. серебромъ, на которые я далъ вексель срокомъ по январь 1852 г.

Надо вамъ сказать, что подлѣ лагеря есть аулъ, въ которомъ живутъ чеченцы. Одинъ молодой чеченецъ Садо, пріѣзжалъ въ лагерь и игралъ; но такъ какъ онъ не умѣлъ считать и записывать, то были такіе негодяи, которые его обманывали. По этому самому я никогда не хотѣлъ играть противъ Садо и ему даже говорилъ, чтобъ онъ не игралъ, потому что его надуваютъ, и предложилъ ему играть за него по довѣренности. Онъ былъ мнѣ очень благодаренъ за это и подарилъ мнѣ кошелекъ, а такъ какъ въ обычаѣ этого народа дарить другъ другу, то я ему подарилъ плохенькое ружье, которое купилъ за 8 рублей. Надо вамъ сказать, что для того, чтобы стать *кунакомъ*, т.-е. другомъ, нужно дѣлать подарки и потомъ обѣдать въ домѣ кунака. Послѣ этого по старинному обычаю этого народа (который сохраняется едва ли только не въ преданіи) становятся друзьями на жизнь и на смерть, т.-е. что если я у него спрошу всѣ деньги, его жену, его оружіе и все, что у него есть самаго драгоцѣннаго, онъ долженъ мнѣ отдать и я тоже ни въ чемъ не долженъ ему отказывать. Садо пригласилъ меня къ себѣ въ домъ, предложивъ быть его кунакомъ. Я пошелъ къ нему. Угостивъ меня по-своему, онъ предложилъ мнѣ выбрать, что я хочу въ его домѣ: оружіе, лошадь, все... Я хотѣлъ выбрать самое дешевое и взялъ уздечку, отдѣланную въ серебро; но онъ сказалъ мнѣ, что я его этимъ обижу, и заставилъ меня взять шашку, стоющую по меньшей мѣрѣ сто рублей серебромъ.

Отецъ его былъ человѣкъ богатый, но у него деньги закопаны въ землѣ и онъ не даетъ сыну ни копейки. Сынъ, чтобы выручить денегъ, ѣздитъ къ непріятелю красть лошадей, коровъ. Иной разъ онъ подвергаетъ 20 разъ опасности свою жизнь изъ-за вещи стоющей не болѣе 10 р., но это онъ дѣлаетъ не изъ жадности, а по натурѣ. Самый ловкій воръ очень уважаемъ и его называютъ „джигитъ", молодецъ. У Садо то бываетъ 1000 р., то ни копейки. Послѣ одного изъ моихъ посѣщеній его дома, я подарилъ ему Николенькины серебряные часы и мы стали самыми большими друзьями. Много разъ онъ доказалъ мнѣ свою преданность, подвергая изъ-за меня свою жизнь опасности,—но это для него ничего не значитъ, это для него обычай и удовольствіе.

Когда я уѣхалъ изъ Стараго Юрта, а Николенька остался тамъ, Садо каждый день приходилъ къ нему и говорилъ, что онъ не знаетъ, что ему безъ меня дѣлать и что онъ страшно скучаетъ. Я писалъ Николенькѣ, что такъ какъ моя лошадь заболѣла, то я прошу его найти мнѣ какую-нибудь въ Старомъ Юртѣ. Садо, узнавъ объ этомъ, ничего не нашелъ лучшаго, какъ явиться ко мнѣ въ станицу и подарить мнѣ свою лошадь, несмотря на всѣ мои усилія отказать ему.

Послѣ глупости, которую я сдѣлалъ проигравъ въ Старомъ Юртѣ, я больше не бралъ въ руки картъ и читалъ наставленія Садо, который страстный игрокъ и хотя не знаетъ игры, всегда бываетъ очень счастливъ въ игрѣ.

Вчера вечеромъ я былъ занятъ мыслями о моихъ денежныхъ дѣлахъ и моихъ долгахъ. Я думаю о томъ, какъ я расплачусь. Долго размышляя объ этомъ я увидалъ, что если я не буду много тратить, долги не будутъ мнѣ обременительны и я смогу расплатиться въ два или 3 года; но 500 рублей, которые я долженъ былъ заплатить въ этомъ мѣсяцѣ, приводили меня въ отчаяніе.

Я совсѣмъ не могъ уплатить ихъ и въ эту минуту они безпокоили меня больше, чѣмъ 4000 Огарева. Я былъ въ

отчаяніи отъ этой глупости, что, дѣлавши долги въ Россіи, пріѣхалъ ихъ снова дѣлать сюда. Вечеромъ молясь, я просилъ Бога, чтобы Онъ избавилъ меня отъ этого тяжелаго положенія и я молился очень горячо.—„Но какъ же я могу выпутаться изъ этого дѣла?“ думалъ я, ложась спать. Ничего не можетъ случиться такого, что бы дало мнѣ возможность расплатиться съ этимъ долгомъ. Я уже представлялъ себѣ всѣ непріятности, которыя мнѣ пришлось бы перенести изъ-за этого.

Какъ онъ подастъ ко взысканію, какъ по начальству отъ меня будутъ требовать отзыва, почему я не плачу и т. д. Помоги мнѣ, Господи, сказалъ я и заснулъ.

На другой день я получилъ письмо отъ Николеньки съ приложеніемъ вашего и многихъ другихъ писемъ. Онъ мнѣ пишетъ:

На-дняхъ былъ у меня Садо, онъ выигралъ у Кнорринга твои векселя и привезъ ихъ мнѣ. Онъ такъ былъ доволенъ этому выигрышу, такъ счастливъ и такъ много меня спрашивалъ: „Какъ думаешь, братъ радъ будетъ, что я это сдѣлалъ?“ что я его очень за это полюбилъ. Этотъ человѣкъ дѣйствительно къ тебѣ привязанъ.

Не правда ли, удивительно видѣть свою просьбу услышанной на другой же день, т.-е. удивительна больше всего милость Божія къ существу, столь мало заслужившему ее, какимъ былъ я. И не правда ли, эта черта преданности Садо прелестна. Онъ знаетъ, что у меня есть братъ Сергѣй который любитъ лошадей и такъ какъ я обѣщалъ Садо взять его съ собою въ Россію, когда я туда поѣду, онъ сказалъ мнѣ, что хоть бы это ему стоило сто жизней, онъ украдетъ самую лучшую лошадь и приведетъ ему.

Пожалуйста, прикажите купить въ Тулѣ шестиствольный пистолетъ и послать его мнѣ и коробочку съ музыкой, если это не слишкомъ дорого стоитъ. Это вещи, которыя ему очень понравятся.

Я все въ Тифлисѣ, сижу у моря, жду погоды, т.-е. денегъ. Прощайте, тетенька. Левушка тысячу разъ цѣлуетъ ваши руки.

№ 13.

Т. А. Ергольской.

(по-французски).

(Станція Моздокъ, на полдорогѣ къ Тифлису, 1852 г. Январь 12).

Вотъ мысли, которыя пришли мнѣ на умъ. Я постараюсь передать ихъ вамъ, потому что я думалъ о васъ. Я очень перемѣнился нравственно и это со мной уже было столько разъ. Впрочемъ, я думаю, что это со всѣми такъ бываетъ. Чѣмъ болѣе живешь, тѣмъ болѣе мѣняешься; вы человѣкъ опытный, скажите, вѣдь это правда? Я думаю, что недостатки и качества, основы характера остаются тѣ же, но взгляды на жизнь, на счастіе должны измѣняться съ годами. Годъ тому назадъ я думалъ найти счастіе въ удовольствіяхъ, въ движеніяхъ; теперь же, напротивъ, отдыхъ физическій и моральный это то, чего я желаю. Но я представляю себѣ состояніе покоя безъ скуки, съ тихой радостью любви и дружбы,—это для меня верхъ счастья. Впрочемъ, очарованіе покоя чувствуешь только послѣ усталости и радости любви только послѣ ея лишенія. И вотъ я лишенъ теперь и того и другого и потому-то я такъ стремлюсь къ нимъ. Мнѣ *нужно* быть лишеннымъ ихъ еще на сколько времени? Богъ знаетъ. Не знаю почему, но я чувствую, что это нужно. Религія и опытъ жизни, какъ бы малъ онъ ни былъ, научили меня, что жизнь есть испытаніе. Для меня она больше, чѣмъ испытаніе, она есть искупленіе моихъ грѣховъ.

Мнѣ кажется, что мысль поѣхать на Кавказъ внушена мнѣ свыше. Эта рука Божія ведетъ меня и я непрестанно благодарю Его. Я чувствую, что здѣсь я сталъ лучше (это еще немного, потому что я былъ очень дуренъ), и я твердо увѣренъ, что все, что можетъ со мной случиться здѣсь, бу-

деть мнѣ на пользу, потому что самъ Богъ этого хочетъ. Быть можетъ, это слишкомъ смѣлая мысль, но я въ этомъ убѣжденъ. Поэтому-то я переношу невзгоды и лишенія физическія, о которыхъ я говорю (какія могутъ быть физическія лишенія для здороваго малаго 23 лѣтъ), какъ бы не чувствуя ихъ, даже съ нѣкоторымъ наслажденіемъ думая о счастіи, которое меня ожидаетъ. Вотъ какъ я его себѣ представляю:

Послѣ нѣкотораго количества лѣтъ, не молодой, не старый я въ Ясной Полянѣ, дѣла мои въ порядкѣ, у меня нѣтъ ни безпокойства, ни непріятностей. Вы также живете въ Ясной. Вы немного постарѣли, но еще свѣжи и здоровы. Мы ведемъ жизнь, которую вели раньше,—я работаю по утрамъ, но мы видимся почти цѣлый день. Мы обѣдаемъ. Вечеромъ я вамъ читаю что-нибудь интересное для васъ. Потомъ мы бесѣдуемъ, я разсказываю вамъ про кавказскую жизнь, вы мнѣ разсказываете ваши воспоминанія о моемъ отцѣ, матери; вы мнѣ разсказываете „страшныя“, которыя мы прежде слушали съ испуганными глазами и разинутыми ртами. Мы вспоминаемъ людей, которые намъ были дороги, и которыхъ больше нѣтъ. Вы станете плакать и я тоже, но эти слезы будутъ успокоительны; мы будемъ говорить о братьяхъ, которые будутъ къ намъ пріѣзжать время отъ времени. О дорогой Машѣ, которая также будетъ проводить нѣсколько мѣсяцевъ въ году въ Ясной, которую она такъ любитъ, со всѣми своими дѣтьми. У насъ не будетъ знакомыхъ, никто не придетъ намъ надоѣдать и сплетничать. Это чудный сонъ. Но это еще не все, о чемъ я себѣ позволяю мечтать. Я женатъ, моя жена тихая, добрая, любящая; васъ она любитъ такъ же, какъ и я; у насъ дѣти, которыя васъ зовутъ бабушкой; вы живете въ большомъ домѣ наверху, въ той же комнатѣ, которую прежде занимала бабушка. Весь домъ содержится въ томъ же порядкѣ, какой былъ при отцѣ и мы начинаемъ

ту же жизнь, только перемѣнившись ролями. Вы замѣняете бабушку, но вы еще лучше ея, я замѣняю отца, хотя я не надѣюсь никогда заслужить эту честь. Жена моя замѣняетъ мать, дѣти—насъ. Маша беретъ на себя роль двухъ тетокъ, исключая ихъ горе; даже Гаша замѣняетъ Прасковью Ильиншну. Не будетъ хватать только лица, которое взяло бы на себя вашу роль въ жизни нашей семьи. Никогда не найдется столь прекрасная душа, столь любящая, какъ ваша. У васъ нѣтъ преемниковъ. Будетъ три новыхъ лица, которыя будутъ иногда появляться среди насъ—это братья, особенно одинъ, который часто будетъ съ нами, Николенька, старый холостякъ, лысый, въ отставкѣ, всегда такой же добрый, благородный.

Я воображаю, какъ онъ будетъ, какъ въ старину разсказывать дѣтямъ своего сочиненія сказки, какъ дѣти будутъ у него цѣловать сальныя руки (но которыя стоятъ того), какъ онъ будетъ съ ними играть, какъ жена моя будетъ хлопотать, чтобы сдѣлать ему любимое кушанье, какъ мы съ нимъ будемъ перебирать общія воспоминанія о давно прошедшемъ времени, какъ вы будете сидѣть на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ и съ удовольствіемъ слушать насъ; какъ вы насъ,—старыхъ будете называть попрежнему Левочка, Николенька, и будете бранить меня за то, что я руками ѣмъ, а его за то, что у него руки не чисты.

Если бы меня сдѣлали русскимъ императоромъ, если бы мнѣ дали Пэру, однимъ словомъ, если бы волшебница пришла ко мнѣ съ своей палочкой и спросила меня, чего я желаю, я, положа руку на сердце, отвѣтилъ бы, что желаю, чтобы эти мечты могли стать дѣйствительностью.

Знаю, вы не любите загадывать, но что же тутъ дурного? А это такъ пріятно. Я боюсь, что это слишкомъ эгоистично и что я вамъ удѣлилъ мало мѣста въ этомъ счастіи. Я опасаюсь, что прошлыя горя оставили слишкомъ чувствительный слѣдъ въ вашемъ сердцѣ и это помѣшаетъ вамъ

отдаться этому будущему, которое составило бы мое счастіе. Дорогая тетенька, скажите, были бы вы счастливы? Все это можетъ случиться и надежда такъ утѣшительна!

Опять я плачу. Зачѣмъ я плачу, думая о васъ? Это слезы радости; я счастливъ отъ сознанія моей любви къ вамъ, какія бы несчастія ни случились, я не сочту себя вполнѣ несчастнымъ, пока вы живы. Помните ли вы нашу разлуку у Иверской часовни, когда мы уѣзжали въ Казань. Тогда, какъ бы по вдохновенію въ самую минуту разлуки, я понялъ, кѣмъ вы были для меня и хотя еще ребенокъ, слезами и нѣсколькими отрывочными словами я сумѣлъ дать вамъ понять, что я чувствовалъ. Я никогда не переставалъ васъ любить; но чувство, которое я испыталъ у Иверской и теперешнее совсѣмъ иныя, теперешнее гораздо сильнѣе, болѣе возвышенное, чѣмъ въ какое-либо другое время.

Сознаюсь вамъ въ одномъ, чего стыжусь, но долженъ сказать вамъ это, чтобы освободить мою совѣсть. Раньше, читая ваши письма, въ которыхъ вы говорили о вашихъ чувствахъ ко мнѣ, мнѣ казалось, что вы преувеличиваете. Но только теперь перечитывая ихъ, я понимаю васъ, вашу безграничную любовь къ намъ и вашу возвышенную душу. Я увѣренъ, что всякій другой, читая это письмо и предыдущее, сдѣлалъ бы мнѣ тотъ же упрекъ. Но я не опасаюсь этого отъ васъ, вы меня слишкомъ хорошо знаете и вы знаете, что быть можетъ единственное мое доброе качество— это чувствительность. Этому качеству я обязанъ счастливѣйшими минутами моей жизни. Во всякомъ случаѣ, это послѣднее письмо, въ которомъ я позволяю себѣ выразить столь напыщенныя чувства. Напыщенныя для равнодушныхъ, но вы сумѣете ихъ оцѣнить.

Прощайте, дорогая тетя, черезъ нѣсколько дней надѣюсь снова увидѣть Николеньку, тогда напишу вамъ.

№ 14.

Т. А. Ергольской.

(по-французски).

(Пятигорскъ, 1852 г., Май 30).

Chère tante!

У меня нѣтъ никакой законной причины, чтобы оправдать свое молчаніе, поэтому я начинаю съ того, что прошу у васъ прощенія. Возвратившись съ экспедиціи, я провелъ съ Николенькой 2 мѣсяца въ Старогладовской. Мы вели тамъ нашъ обычный образъ жизни—охота, чтеніе, разговоры, шахматы. За это время я совершилъ поѣздку къ Каспійскому морю, очень интересную и пріятную. Я былъ бы вполнѣ доволенъ этими двумя мѣсяцами, если бы не хворалъ. А въ общемъ нѣтъ худа безъ добра, моя болѣзнь дала мнѣ предлогъ отправиться на лѣто въ Пятигорскъ, откуда я вамъ и пишу. Я здѣсь уже двѣ недѣли и веду образъ жизни очень правильный и уединенный, благодаря чему доволенъ, какъ своимъ здоровьемъ, такъ и поведеніемъ. Встаю въ 4 часа, чтобы пойти пить воды, что продолжается до 6. Въ 6 беру ванну и возвращаюсь домой. Читаю или разговариваю за чаемъ съ однимъ изъ нашихъ офицеровъ, который живетъ рядомъ со мной, и съ которымъ мы столуемся вмѣстѣ: затѣмъ пишу до 12—часъ нашего обѣда. Ванюшка, которымъ я вполнѣ доволенъ, готовитъ намъ очень дешево и довольно сносно. Сплю до 4, играю въ шахматы или читаю, снова отправляюсь къ источнику, а возвратившись, если погода хороша, велю подавать чай въ садъ, гдѣ провожу цѣлые часы, мечтая о Ясной, о чудныхъ мгновеніяхъ, проведенныхъ тамъ, а главное о тетенькѣ, которую я съ каждымъ днемъ люблю все больше и больше. Чѣмъ дальше отходятъ эти воспоминанія, тѣмъ больше я люблю ихъ и тѣмъ лучше научаюсь цѣнить ихъ. Хотя и грустно размышлять о прошедшемъ счастьѣ, а главное о счастьѣ, ко-

торое мы пропустили, не сумѣвъ воспользоваться имъ, но я люблю этого рода грусть и черпаю въ ней порою много сладостныхъ мгновеній.

Со времени моего путешествія и пребыванія въ Тифлисѣ, мой образъ жизни не измѣнился, я стараюсь заводить какъ можно меньше знакомыхъ и воздерживаться отъ интимности въ тѣхъ знакомствахъ, которыя я уже сдѣлалъ. Къ этому уже привыкли, меня не безпокоятъ и я увѣренъ, что про меня говорятъ, что я *гордецъ* и *чудакъ*.

Не изъ гордости я такъ веду себя, это вышло само собой; слишкомъ велика разница въ воспитаніи, въ чувствахъ, во взглядахъ у тѣхъ, кого я встрѣчаю здѣсь, чтобы я могъ находить какое-нибудь удовлетвореніе съ ними. Только Николенька имѣетъ способность, несмотря на огромную разницу, какая есть между нимъ и этими господами, проводить съ ними пріятно время и быть любимымъ всѣми. Я завидую ему, но чувствую, что не могу такъ поступать.

Правда и то, что такой образъ жизни не влечетъ за собой удовольствій; но я уже давно не думаю объ удовольствіяхъ, я думаю о томъ, чтобы быть спокойнымъ и удовлетвореннымъ. Съ нѣкоторыхъ поръ я вошелъ во вкусъ историческаго чтенія (это былъ предметъ нашего спора и насчетъ этого теперь я вполнѣ съ вами согласенъ). Мои литературныя работы также подвигаются понемногу, хотя я еще не думаю ничего печатать. Я три раза передѣлалъ работу, которую началъ уже давно, и я разсчитываю еще разъ передѣлать ее, чтобы быть довольнымъ. Быть можетъ, это будетъ работой Пенелопы, но это не отталкиваетъ меня; я пишу не изъ тщеславія, но по влеченію, мнѣ пріятно и полезно работать и я работаю. Хотя я не веселюсь, какъ я вамъ писалъ, но и не скучаю, потому что я занятъ; но кромѣ того я вкушаю еще болѣе высокое, болѣе сильное удовольствіе, чѣмъ то, которое могло бы мнѣ дать общество—это сознаніе

спокойной совѣсти, сознаніе высшей оцѣнки самого себя, сознаніе движенія во мнѣ добрыхъ великодушныхъ чувствъ.

Прощайте, до свиданія, дорогая тетенька. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, если Богъ не разстроитъ моихъ плановъ, я буду у васъ и своими заботами и любовью смогу доказать вамъ, что хоть немного заслужилъ все то, что вы для меня сдѣлали. Память о васъ такъ жива во мнѣ, что, написавъ это, я нѣсколько минутъ просидѣлъ надъ письмомъ, стараясь представить себѣ ту счастливую минуту, когда снова увижу васъ, когда вы заплачете отъ радости при видѣ меня, когда и я расплачусь, какъ ребенокъ, цѣлуя ваши руки.

Не преувеличивая, я во всю свою жизнь ничего не ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ и надеждой, какъ жду теперь этой счастливой минуты.

Меня совершенно не безпокоитъ мысль, что то, что я вамъ пишу, можетъ показаться напыщеннымъ и смѣшнымъ въ глазахъ чужого человѣка, я такъ увѣренъ, что вы всегда поймете меня.

Было время, когда я тщеславился моимъ умомъ, моимъ положеніемъ въ свѣтѣ, моимъ именемъ, но теперь, я знаю, я чувствую, что если есть во мнѣ что-нибудь хорошаго, и что если есть за что благодарить Провидѣніе, это за доброе сердце, чувствительное и способное любить, которое оно даровало и сохранило мнѣ. Ему одному я обязанъ лучшими пережитыми минутами и тѣмъ, что хотя у меня и нѣтъ удовольствій и общества, я не только доволенъ, но часто бываю счастливъ.

Скоро пять мѣсяцевъ, какъ я служу, слѣдовательно черезъ мѣсяцъ мнѣ слѣдовало бы дать повышеніе, но я знаю, что пройдетъ еще 6 мѣсяцевъ, а можетъ быть и больше, прежде чѣмъ я получу чинъ. Положа руку на сердце, я отношусь къ этому совершенно безразлично; единственное, что меня безпокоитъ, это моя поѣздка въ Петербургъ, кото-

рую мнѣ нужно совершить и на которую у меня нѣтъ средствъ. Вспоминаю Ваше правило, что не надо загадывать, какъ-нибудь да сдѣлается.

Прощайте, дорогая тетенька, кончаю письмо, потому что уже поздно; но такъ какъ почта идетъ только черезъ два дня, и не проходитъ дня, чтобы я не думалъ о васъ, я вѣроятно буду продолжать его. Итакъ, до свиданія.

№ 15.

Т. А. Ергольской.

(по-французски).

(Пятигорскъ, 1852 г., Іюнь 26).

Зачѣмъ вы меня обидѣли, chère tante! Вы начинаете ваше письмо, говоря, что по всей вѣроятности ваши письма для меня скучны, разъ я такъ долго не пишу.

Я не заслужилъ отъ васъ этого недовѣрія. Если я не могу объяснить вамъ всѣ основанія моихъ поступковъ, какъ сдѣлалъ бы это въ разговорѣ, надо винить не меня, а нашу разлуку. Я думаю, тетенька, почта далеко не лучшее средство, чтобы сдѣлать разлуку менѣе тягостной.

Богъ, видящій сокровенную глубину моей души и направляющій ее, знаетъ, что, благодаря Ему, я никогда не жилъ болѣе безупречно и не чувствовалъ себя нравственно болѣе удовлетвореннымъ, чѣмъ за эти 8 мѣсяцевъ—со времени моей поѣздки въ Тифлисъ и до сего дня.

Я писалъ Вамъ изъ Тифлиса, что отставка моя была еще не получена, но что, несмотря на это, я надѣлъ мундиръ и отправился въ батарею. Вотъ какъ это устроилъ генералъ Вольфъ. Онъ приказалъ написать бумагу въ батарею, въ которой было сказано, что графъ Толстой изъявилъ желаніе поступить на службу, но такъ какъ отставки его еще нѣтъ и онъ не можетъ быть зачисленъ юнкеромъ, то предписываю вамъ употребить его на службу съ тѣмъ, чтобы, по полученіи отставки, зачислить его на дѣйствительную службу въ батареѣ.

Я вамъ объ этомъ не говорилъ въ моемъ предпослѣднемъ письмѣ, чтобы не повторять то, что одинаково непріятно, какъ вамъ, такъ и мнѣ: дѣло въ томъ, что меня преслѣдуетъ постоянное несчастіе во всемъ, что я предпринимаю. Во время этой кампаніи я имѣлъ случай быть представленъ два раза георгіевскому кресту, и я не могъ его получить изъ-за опозданія въ нѣсколько дней этой проклятой бумаги. Я былъ представленъ къ 17 февр. (мои именины), но были принуждены отказать за отсутствіемъ этой бумаги.

Списокъ съ представленіями былъ посланъ 19-го, а бумага пришла 20-го. Я вамъ откровенно признаюсь, что изъ всѣхъ воинскихъ почестей мое честолюбіе заставляло меня желать получить только одинъ этотъ маленькій крестикъ. И это запозданіе во мнѣ вызвало страшную досаду, тѣмъ болѣе, что для полученія его существуетъ мнѣ одинъ извѣстный срокъ, а теперь онъ для меня упущенъ. *)

Прощайте, цѣлую ваши руки. Какъ жаль, что I томъ Новой Элоизы затерянъ.

№ 16.

Т. А. Ергольской.

(по-французски).

(Старогладовская, 1852 г., Окт. 20).

Chère tante!

Давно уже не получаю вашихъ милыхъ писемъ. Дай Богъ, чтобы это молчаніе какъ я надѣюсь, не было вызвано ничѣмъ серьезнымъ. Можетъ быть причина задержки только

*) Но въ жизни Л. Н. было еще два случая, когда онъ могъ получить георгіевскій крестъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ П. И. Бирюкову (1906 г.) Л. Н. пишетъ: „Второй случай былъ, когда послѣ движенія 18 февраля въ нашу батарею были присланы два креста, и я съ удовольствіемъ вспоминаю, что я—не самъ, а по намеку милаго Алексѣева—согласился уступить крестъ ящичному рядовому Андрееву, старому добродушному солдату. Третій случай былъ, когда Левинъ, нашъ бригадный командиръ, посадилъ меня подъ арестъ за то, что я не былъ въ караулѣ, и сказалъ Алексѣеву дать мнѣ крестъ. Я былъ очень огорченъ".

неаккуратность почты, но я чувствую потребность писать вамъ—это меня успокоитъ.

Возвратившись съ водъ *), я провелъ мѣсяцъ довольно непріятно по причинѣ смотра, который долженъ былъ дѣлать генералъ.

Къ счастью, это продолжалось недолго и я снова началъ свой образъ жизни, который состоитъ въ охотѣ, писаніи, чтеніи и бесѣдахъ съ Николенькой. Я полюбилъ ружейную охоту и такъ какъ оказалось, что я стрѣляю порядочно, то это занятіе беретъ у меня два—три часа въ день. Въ Россіи не знаютъ, сколько и какая великолѣпная дичь здѣсь. Въ ста шагахъ отъ моего дома я нахожу фазановъ и за какія-нибудь полчаса я убиваю 2—3, 4. Кромѣ удовольствія, это упражненіе прекрасно для моего здоровья, которое, несмотря на воды, не въ очень хорошемъ состояніи. Я не боленъ, но я часто страдаю простудой, то болью въ горлѣ, то зубами, которые все не проходятъ, то ревматизмомъ, такъ что, по крайней мѣрѣ, два дня въ недѣлю я не выхожу. Не думайте, что я отъ васъ скрываю что-нибудь. Я какъ всегда былъ сильнаго сложенія, но слабаго здоровья. Я думаю слѣдующее лѣто опять провести на водахъ. Если онѣ не поправили меня совсѣмъ, то все-таки мнѣ помогли. Нѣтъ худа безъ добра: когда я нездоровъ, я болѣе усидчиво занимаюсь писаніемъ другого романа, который я началъ. Тотъ, который я отослалъ въ Петербургъ, напечатанъ въ сентябрьской книжкѣ Современника 1852 г. подъ названіемъ „Дѣтство“ **). Я подписалъ его Л. Н. и никто, кромѣ Николеньки, не знаетъ, кто авторъ. И я не хотѣлъ бы, чтобы это узнали.

Мое повышеніе не подвигается впередъ. Буду ли я офицеромъ, поѣду ли въ Петербургъ въ этомъ году? Этого я не знаю—можетъ быть да, можетъ быть нѣтъ. Долго объя-

---

*) Кавказскихъ минеральныхъ водъ.

**) „Исторія моего дѣтства“. Современникъ. 1852, сент.

снять вамъ причины, но чистая правда та, что это зависитъ отъ обстоятельствъ. Увѣряю васъ, что отношусь къ этому равнодушно, я не строилъ честолюбивыхъ плановъ, отправляясь на Кавказъ, и не строю ихъ, и вы не стройте ихъ за меня.

Прощайте, дорогая тетенька, цѣлую ваши руки. Николай тоже. Ему очень хочется написать вамъ, но вы знаете его бѣду. Можетъ быть это оставшееся пустое мѣсто соблазнитъ его.

1853 г.

№ 17.

Графу С. Н. Толстому.

(Кавказъ, 1853 г., Май).

Пишу второпяхъ, поэтому извини за то, что письмо будетъ коротко и безтолково. „Дѣтство“ было испорчено, а „Набѣгъ“ такъ и пропалъ отъ цензуры. Все, что было хорошаго, все выкинуто или изуродовано. Я подалъ въ отставку и на-дняхъ, т.-е. мѣсяца черезъ полтора, надѣюсь свободнымъ человѣкомъ ѣхать въ Пятигорскъ, а оттуда въ Россію.

Если представленіе мое пойдетъ, то я и въ отставкѣ получу чинъ, слѣдовательно, ничего не потеряю... Не помню, кому я писалъ о высылкѣ мнѣ 100 руб., которые я не получилъ еще. Узнай про это и вели мнѣ ихъ выслать, и ежели возможно, еще 200 руб. Будь покоенъ, я въ карты не играю, но такъ какъ задумалъ уѣзжать, многимъ бы, почти необходимымъ, хотѣлъ заплатить здѣсь.

Гр. Л. Толстой.

№ 18.

Графу С. Н. Толстому.

(Пятигорскъ, 1853 г., Іюль 20).

Сережа!

Я уже писалъ тебѣ, кажется, что я подалъ въ отставку. Богъ знаетъ однако, выйдетъ ли, и когда она выйдетъ те-

перь, по случаю войны съ Турціей. Это очень безпокоитъ меня, потому что я теперь уже такъ привыкъ къ счастливой мысли поселиться скоро въ деревнѣ, что вернуться опять въ Старогладовскую и ожидать до безконечности— такъ, какъ я ожидаю всего, касающагося моей службы,— очень непріятно.

Все пишу, но мало и дурно; для того, чтобы писать хорошо, нужно душевное спокойствіе, котораго у меня нѣтъ.

Гр. Л. Толстой.

№ 19.

Графу С. Н. Толстому.

(Старогладовская станица, 1853 г., Ноябрь 23).

Сережа. Необходимо, чтобъ кто-нибудь похлопоталъ о моихъ бумагахъ въ герольдіи, но такъ какъ я уже потерялъ изъ вида своихъ петербургскихъ знакомыхъ, то напиши ты кому-нибудь, чтобы освѣдомиться: „почему на отношеніе инспекторскаго департамента военнаго министерства въ департаментѣ герольдіи отъ 24-го Іюля 1852 г. за № 8100, при которомъ (отношеніе) прилагались бумаги графа Льва Толстого на разсмотрѣніе, не сдѣлано никакого распоряженія"? И постараться ускорить это разсмотрѣніе.

Мнѣ писать некогда, потому что я пью чай. Но, впрочемъ, я живъ и здоровъ, чего и вамъ желаю.

Л. Толстой.

Изъ скромности долженъ прибавить, что до составленія такого рода писемъ дошелъ я не собственнымъ размышленіемъ, а примѣромъ старшихъ братьевъ...

Пожалуйста, о бумагахъ моихъ напиши скорѣе. Это нужно. Когда я пріѣду? Знаетъ одинъ Богъ, потому что вотъ уже годъ скоро какъ я только о томъ и думаю, какъ бы положить въ ножны свой мечъ, и не могу. Но такъ какъ я принужденъ воевать гдѣ бы то ни было, то нахожу болѣе пріятнымъ воевать въ Турціи, чѣмъ здѣсь, о чемъ и про-

силъ князя Сергѣя Дмитровича, который писалъ мнѣ, что онъ уже писалъ своему брату, но, что будетъ, не знаетъ.

Во всякомъ случаѣ къ Новому году я ожидаю перемѣны въ своемъ образѣ жизни, который, признаюсь, невыносимо надоѣлъ мнѣ. Глупые офицеры, глупые разговоры, больше ничего. Хоть бы былъ одинъ человѣкъ, съ которымъ бы можно было поговорить отъ души. Тургеневъ правъ, „что за иронія въ одиночку“, — самъ становишься ощутительно глупъ. Несмотря на то, что Николенька увезъ, Богъ знаетъ зачѣмъ, гончихъ собакъ (мы съ Епишкой часто называемъ его „швиньей“ за это), я по цѣлымъ днямъ, съ утра до вечера хожу на охоту одинъ съ легавой собакой. И это одно удовольствіе, и не удовольствіе, а одурманивающее средство. Измучаешься, проголодаешься и уснешь, какъ убитый, и день прошелъ. Если будетъ случай, или самъ будешь въ Москвѣ, то купи мнѣ Диккенса (Давидъ Копперфильдъ) на англійскомъ языкѣ и лексиконъ англійскій Садлера, который есть въ моихъ книгахъ.

То, что будутъ стоить мои покупки, высчитай изъ моего двухтысячнаго оклада.

1854 г.

№ 20.

Т. А. Ергольской.

(Бухарестъ, 1854 г., Мартъ 13).

Chère tante!

Жимбу правду сказалъ, что я далеко пойду. Дѣйствительно я ушелъ очень далеко.

Изъ Курска сдѣлалъ 3000*) верстъ вмѣсто тысячи, какъ я думалъ; я поѣхалъ черезъ Полтаву, Балту, Кишиневъ, а не черезъ Кіевъ, что было бы крюкомъ. До Херсонской губерніи былъ хорошій санный путь, но тамъ я долженъ былъ

*) По дорогѣ въ Румынію.

бросить сани и сдѣлать 1000 верстъ на перекладныхъ по ужасной дорогѣ до границы и отъ границы до Бухареста. Эта дорога не поддающаяся описанію; надо ее попробовать, чтобы понять удовольствіе сдѣлать 1000 верстъ въ телѣжкѣ меньше нашей навозной. Не понимая ни слова по-молдавски и не находя никого, кто бы понималъ по-русски, при этомъ платя за восемь лошадей вмѣсто двухъ! Хотя мое путешествіе длилось девять дней, я истратилъ больше двухсотъ рублей и пріѣхалъ почти больной отъ усталости.

17 марта. Не продолжалъ письма, такъ какъ не зналъ, что сказать о себѣ. Князя не было здѣсь. Вчера онъ только что пріѣхалъ и я сейчасъ былъ у него. Онъ принялъ меня лучше, чѣмъ я думалъ, совсѣмъ по-родственному. Онъ обнялъ меня, приглашалъ меня каждый день приходить обѣдать къ нему и хочетъ оставить меня при себѣ; хотя это еще не рѣшено. Какъ только рѣшится, я вамъ напишу.

Простите, дорогая тетенька, я вамъ пишу мало, у меня еще голова не на мѣстѣ. Этотъ большой, красивый городъ, всѣ эти представленія по начальству, итальянская опера, французскій театръ, два молодые Горчакова, славные ребята.... однимъ словомъ, я 2-хъ часовъ не сидѣлъ дома и не думалъ о своихъ занятіяхъ.

Прощайте, дорогая тетенька, цѣлую ваши ручки. Былъ уже 4 раза на почтѣ, надѣясь найти тамъ письмо отъ васъ.

22 марта. Вчера я узналъ, что я не остаюсь при князѣ, но отправляюсь въ Ольтеницу къ своей батареѣ.

Léon.

№ 21.

Т. А. Ергольской.

(по-французски).

(Бухарестъ, 1854 г., Май 24).

Представьте, chère tante, что до сихъ поръ, въ теченіе почти трехъ мѣсяцевъ, которые я здѣсь живу, я не получилъ отъ васъ ни одного письма.

Хотя я и долженъ былъ, несмотря на ваше молчаніе, написать вамъ еще, я этого не сдѣлалъ, отчасти потому, что ждалъ со дня на день вѣстей отъ васъ, отчасти потому, что я подлецъ, въ чемъ откровенно признаюсь и прошу у васъ прощенія. Представляю себѣ, какъ васъ тревожитъ мое молчаніе, особенно если вы еще въ Щербачевкѣ, потому что я довольно часто писалъ Мари и Валерьяну (единственные, отъ кого я получалъ вѣсточки) и мнѣ очень неловко, что въ то время, какъ вы думаете, что я испытываю всѣ опасности войны, а я еще не нюхалъ пороху и спокойно гуляю по Бухаресту, занимаюсь музыкой и ѣмъ мороженое. Въ самомъ дѣлѣ, все это время, за исключеніемъ двухъ недѣль, которыя я провелъ въ Ольтеницѣ, гдѣ я былъ прикомандированъ къ батареѣ и одной недѣли, которую я провелъ въ разъѣздахъ по Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи, по приказанію генерала Сержнутовскаго, при которомъ я состою теперь по особымъ порученіямъ, остальное время я оставался въ Бухарестѣ и долженъ вамъ откровенно сознаться, этотъ разсѣянный образъ жизни, совершенно праздный, очень дорого стоящій, который я веду здѣсь, мнѣ очень не нравится. Сначала меня задерживала здѣсь служба, а теперь я остался на три недѣли изъ-за лихорадки, которую я схватилъ въ дорогѣ, но отъ которой, благодаря Бога, я достаточно освободился, чтобы дня черезъ 2 или 3 явиться къ своему генералу, который въ лагерѣ подъ Силистріей. О моемъ генералѣ скажу, что онъ хорошій человѣкъ и, кажется, хотя мы и мало знакомы, хорошо расположенъ ко мнѣ. Что еще пріятно, это то, что его штабъ состоитъ большей частью изъ людей comme il faut: два сына князя Сергѣя (Горчаковы), которыхъ я встрѣтилъ здѣсь, славные ребята, особенно младшій, у котораго, хотя онъ и не выдумалъ пороха, много благородства въ характерѣ и прекрасное сердце. Я его очень люблю.

Что касается стараго князя, я давно уже не видалъ его. Вы прекрасно понимаете, что у него не только дѣла, что

думать о моей особѣ, и что я, какъ вы знаете, не слишкомъ-то пользовался его приглашеніемъ навѣщать его каждый день.

Вообще я во всѣхъ отношеніяхъ чувствую себя въ довольно хорошемъ положеніи.

Единственными непріятностями до сихъ поръ были тѣ, что я хворалъ, а также недостатокъ денегъ; теперь же этихъ непріятностей нѣтъ, такъ какъ я вполнѣ здоровъ, а деньги, присланныя Валерьяномъ, вывели меня изъ затрудненія.

Прощайте, тетенька, цѣлую ваши руки, желаю вамъ много счастья и жду отъ васъ длиннаго письма.

Léon.

№ 22.

Т. А. Ергольской.

(по-французски).

(Бухарестъ, 1854 г., Іюль 4).

Chère et excellente tante!

Представьте, только вчера я получилъ письма ваши и Митеньки отъ 14 апрѣля, написанныя еще изъ Курска. Отвѣчать на всѣ получаемыя письма вошло у меня въ привычку, а отвѣчать на ваши, т.-е. думать о васъ, говорить съ вами, для меня одно изъ самыхъ большихъ удовольствій. Какъ я вамъ кажется уже написалъ въ послѣднемъ письмѣ, я въ настоящее время нахожусь въ Бухарестѣ, гдѣ веду тихую и пріятную жизнь.

И такъ я вамъ буду говорить о прошломъ, о моихъ воспоминаніяхъ о Силистріи. Я видѣлъ тамъ столько интереснаго, поэтическаго и трогательнаго, что время, проведенное мною тамъ, никогда не изгладится изъ моей памяти. Нашъ лагерь былъ расположенъ по ту сторону Дуная, т.-е. на правомъ берегу, на возвышенномъ мѣстѣ, среди превосходныхъ садовъ, принадлежащихъ Мустафѣ-пашѣ, губернатору Силистріи. Видъ съ этого мѣста не только великолѣпенъ, но для всѣхъ насъ большой важности. Не говоря уже о

Дунаѣ, объ его островахъ и берегахъ, изъ которыхъ одни заняты нами, другіе турками, съ этой высоты былъ виденъ городъ, крѣпость, мелкіе форты Силистріи, какъ на ладони. Слышны были пушечные и ружейные выстрѣлы, не перестававшіе ни днемъ, ни ночью; съ помощью зрительной трубы можно было различать турецкихъ солдатъ. Правда, что это странное удовольствіе смотрѣть, какъ люди убиваютъ другъ друга, но тѣмъ не менѣе всякій вечеръ и всякое утро я садился на свою повозку и цѣлыми часами смотрѣлъ, и это дѣлалъ не я одинъ. Зрѣлище было поистинѣ великолѣпное, особенно ночью. По ночамъ обыкновенно мои солдаты принимаются за траншейныя работы и турки бросаются на нихъ, чтобы помѣшать имъ, и тогда надо видѣть и слышать эту пальбу. Первую ночь, которую я провелъ въ лагерѣ, этотъ ужасный шумъ разбудилъ и напугалъ меня, я думалъ, что пошли на приступъ, и я поскорѣе велѣлъ осѣдлать мою лошадь, но тѣ, кто провели въ лагерѣ уже нѣсколько времени, сказали мнѣ, чтобы я былъ спокоенъ, что эта канонада и ружейная пальба вещь обыкновенная, и это шутя называется „Аллахъ“. Тогда я снова легъ спать, но, не будучи въ состояніи заснуть, я забавлялся, съ часами въ рукахъ, считая пушечные удары, и я насчиталъ 110 ударовъ въ минуту. А между тѣмъ вблизи все это не было такъ страшно, какъ казалось. Ночью, когда ничего не видно, это былъ переводъ пороха и тысячами выстрѣловъ убивали десятка три съ каждой стороны.

Позвольте мнѣ, дорогая тетенька, дальше въ этомъ письмѣ обращаться къ Николенькѣ, такъ какъ я заговорилъ о подробностяхъ войны, я хотѣлъ бы продолжать это, обращаясь къ человѣку, который бы меня понималъ и могъ объяснить вамъ то, что для васъ будетъ не ясно.

И такъ это было обыкновеннымъ представленіемъ, которое мы видѣли каждый день и въ которомъ я принималъ иногда участіе, когда меня посылали съ приказаніями въ

траншеи. Но бывали также и необыкновенныя представленія, какъ то, которое было наканунѣ приступа, когда была взорвана мина въ 240 пудовъ пороха подъ однимъ изъ непріятельскихъ бастіоновъ. Утромъ этого дня князь былъ на траншеяхъ со всѣмъ своимъ штабомъ (такъ какъ генералъ, при которомъ я состою, находился въ его штабѣ, то и я тамъ былъ), чтобы дѣлать окончательныя распоряженія въ виду штурма слѣдующаго дня. Планъ штурма, слишкомъ длинный, чтобы я могъ здѣсь его объяснить, былъ такъ хорошо сдѣланъ, все было такъ хорошо предвидѣно, что никто не сомнѣвался въ успѣхѣ. По поводу этого, я долженъ вамъ сказать, я начинаю восхищаться княземъ (впрочемъ, стоитъ только послушать, что говорятъ о немъ офицеры и солдаты, я не только никогда не слыхалъ плохого про него, но онъ большей частью обожаемъ).

Я видѣлъ его подъ огнемъ въ первый разъ въ это утро. Надо было видѣть эту немного комичную фигуру высокаго роста, руки за спиной, фуражка на затылкѣ, въ очкахъ, съ говоромъ, напоминающимъ индюка. Видно, что онъ такъ занятъ общимъ ходомъ дѣлъ, что пули и ядра не существуютъ для него; онъ выставляетъ себя на опасность съ такой простотой, что можно подумать, что онъ и не знаетъ о ней и невольно боишься только за себя. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ даетъ приказанія съ ясностью и точностью и въ то же время внимателенъ со всякимъ. Это великій человѣкъ, т.-е. человѣкъ способный и честный, какъ я понимаю это слово, человѣкъ, который всю жизнь отдалъ на служеніе родинѣ и не ради тщеславія, а ради долга. Я вамъ разскажу одну черту его характера, которая связана съ исторіей штурма, о которомъ я началъ разсказывать. Послѣ обѣда того же дня взорвали мину и около 600 орудій открыли огонь противъ форта, который хотѣли взять и этотъ огонь продолжался всю ночь. Это было зрѣлище и ощущеніе, которое никогда не забудешь. Вечеромъ при всемъ

этомъ громѣ князь снова пришелъ, чтобы залечь въ траншеи и самому руководить штурмомъ, который долженъ былъ начаться въ три часа ночи.

Мы были всѣ тамъ же, и какъ всегда наканунѣ сраженія, всѣ мы дѣлали видъ, что о слѣдующемъ днѣ мы не думаемъ больше, чѣмъ о самомъ обыкновенномъ, и у всѣхъ, я въ этомъ увѣренъ, въ глубинѣ души немного сжималось сердце, а можетъ быть даже очень, при мысли о штурмѣ. Какъ ты знаешь, Николенька, время, предшествующее дѣлу,—самое непріятное, единственное, когда есть время бояться, а боязнь—одно изъ самыхъ непріятныхъ чувствъ. Къ утру, чѣмъ ближе рѣшительный моментъ, тѣмъ меньше становилось чувство страха и около трехъ часовъ, когда мы всѣ ожидали увидѣть букетъ пущенныхъ ракетъ, что было сигналомъ атаки, я пришелъ въ такое хорошее настроеніе, что если бы пришли и сказали мнѣ, что штурма не будетъ, мнѣ было бы жалко. И вотъ ровно за часъ до начала штурма пріѣзжаетъ адъютантъ фельдмаршала съ приказаніемъ снять осаду Силистріи. Я могу, не боясь обмануться, сказать, что это извѣстіе было принято всѣми: солдатами, офицерами и генералами, какъ истинное несчастіе, тѣмъ болѣе, что знали черезъ лазутчиковъ, которые часто приходили изъ Силистріи и съ которыми мнѣ часто приходилось самому разговаривать, знали, что когда будетъ взятъ этотъ фортъ, въ чемъ никто не сомнѣвался, Силистрія не могла бы держаться болѣе 2-хъ, 3-хъ дней. Не правда ли, что если кому-нибудь это извѣстіе могло доставить горе, такъ это князю, который во всю эту кампанію, стараясь все дѣлать къ лучшему, въ срединѣ своей дѣятельности видитъ, что фельдмаршалъ вмѣшивается въ его дѣла, чтобы все испортить. Имѣя единственную возможность загладить этимъ штурмомъ прежнія неудачи, онъ получаетъ отмѣну въ моментъ начала этого дѣла. И вотъ князь ни на минуту не смутился, онъ, такой впечатлительный, былъ доволенъ, что

могъ избѣжать эту рѣзню, которая лежала бы на его отвѣтственности и во все время отступленія которымъ онъ руководилъ самъ, желая уйти съ послѣднимъ солдатомъ и которое было произведено въ замѣчательномъ порядкѣ и точности,—въ этомъ отступленіи онъ былъ веселѣе, чѣмъ когда-либо. Что много содѣйствовало его хорошему расположенію духа,—это эмиграція около семи тысячъ семействъ болгаръ, которыхъ мы взяли съ собой въ память звѣрства турокъ, которому я несмотря на свою недовѣрчивость долженъ былъ повѣрить. Какъ только мы оставили нѣсколько болгарскихъ деревень, которыя занимали раньше, турки пришли туда, и, исключая молодыхъ женщинъ, годныхъ для гарема, уничтожили все, что тамъ было. Я знаю деревню, въ которую я ходилъ изъ лагеря за молокомъ и фруктами, которая была такимъ образомъ разорена. Такъ что, какъ только князь далъ знать болгарамъ, что кто желаетъ можетъ перейти съ арміей Дунай и стать русскими подданными, весь край поднимается и всѣ съ женами, дѣтьми, лошадьми, скотиной подъѣзжаютъ къ мосту. Но такъ какъ было невозможно взять ихъ всѣхъ, князь былъ принужденъ отказать пришедшимъ послѣдними и надо было видѣть, какъ это ему было тяжело. Онъ принималъ всѣ депутаціи, которыя приходили отъ этихъ несчастныхъ, разговаривалъ съ каждымъ, старался объяснить имъ невозможность этого, предлагалъ переправиться безъ повозокъ и скотины, беря на себя заботу о ихъ пропитаніи, пока они не пріѣдутъ въ Россію, платилъ изъ собственныхъ средствъ за частныя суда для ихъ перевоза, однимъ словомъ дѣлалъ все, что только возможно, для блага этихъ людей.

Да, дорогая тетенька, я желалъ бы очень, чтобы ваше пророчество сбылось. О чемъ я больше всего мечтаю, это быть адъютантомъ такого человѣка, какъ онъ, котораго я люблю и уважаю отъ всей глубины моего сердца. Прощайте, дорогая и добрая тетенька, цѣлую ваши ручки.

№ 23.

Графу С. Н. Толстому.

(На батареѣ, около Севастополя, 1854 г., Ноябрь 20).

Любезный другъ Сережа, я, Богъ знаетъ, какъ виноватъ передъ всѣми вами съ самаго начала своего отъѣзда, и отчего это случилось, самъ не знаю; то разсѣянная жизнь, то скучное положеніе и расположеніе, то война, то кто-нибудь помѣшаетъ и т. д. и т. д. Главная же причина—разсѣянная и обильная впечатлѣніями жизнь. Столько я переузналъ, переиспыталъ, перечувствовалъ въ этотъ годъ, что рѣшительно не знаешь съ чего начать описывать, да и сумѣешь ли описать, какъ хочется. Вѣдь, я тетенькѣ написалъ про Силистрію, а тебѣ и Николенькѣ я не напишу такъ,—я бы хотѣлъ вамъ передать такъ, чтобы вы меня поняли, какъ я хочу. Теперь Силистрія старая пѣснь, теперь Севастополь, про который, я думаю, и вы читаете съ замираніемъ сердца, и въ которомъ я былъ 4 дня тому назадъ. Ну, какъ тебѣ разсказать все, что я тамъ видѣлъ и что дѣлалъ, и что говорятъ плѣнные и раненые французы и англичане и *больно ли имъ и очень ли больно,* и какіе герои наши враги, особенно англичане. Разсказывать это все будемъ въ Ясной послѣ или въ Пироговѣ; а про многое ты отъ меня же узнаешь въ печати. Какимъ это образомъ, разскажу послѣ, теперь же дамъ тебѣ понятіе о томъ, въ какомъ положеніи наши дѣла въ Севастополѣ. Городъ осажденъ съ одной стороны, съ южной, на которой у насъ не было никакихъ укрѣпленій, когда непріятель подошелъ къ нему. Теперь у насъ на этой сторонѣ болѣе 500 орудій огромнаго калибра и нѣсколько рядовъ земляныхъ укрѣпленій, рѣшительно неприступныхъ. Я провелъ недѣлю въ крѣпости и до послѣдняго дня блудилъ, какъ въ лѣсу, между этими лабиринтами батарей. Непріятель уже болѣе трехъ недѣль подошелъ въ одномъ мѣстѣ на 80 саженъ и не идетъ впе-

редъ; при малѣйшемъ движеніи его впередъ, его засыпаютъ градомъ снарядовъ.

Духъ въ войскахъ выше всякаго описанія. Во времена древней Греціи не было столько геройства. Корниловъ, объѣзжая войска вмѣсто: „здорово ребята!“, говорилъ: „нужно умирать, ребята, умрете?“ и войска отвѣчали: „умремъ, Ваше Превосходительство, ура!“ И это былъ не эффектъ, а на лицѣ каждаго видно было, что не шутя, а *взаправду*, и уже 22000 исполнили это обѣщаніе.

Раненый солдатъ, почти умирающій, разсказывалъ мнѣ, какъ они брали 24-ую французскую батарею и ихъ не подкрѣпили; онъ плакалъ навзрыдъ. Рота моряковъ чуть не взбунтовалась за то, что ихъ хотѣли смѣнить съ батареи, на которой они простояли 30 дней подъ бомбами. Солдаты вырываютъ трубки изъ бомбъ. Женщины носятъ воду на бастіоны для солдатъ. Многія убиты и ранены. Священники съ крестами ходятъ на бастіоны и подъ огнемъ читаютъ молитвы. Въ одной бригадѣ, 24-го, было 160 человѣкъ, которые раненые не вышли изъ фронта. Чудное время! Теперь, впрочемъ, послѣ 24-го, мы успокоились,—въ Севастополѣ стало прекрасно. Непріятель почти не стрѣляетъ, и всѣ убѣждены, что онъ не возьметъ города, и это дѣйствительно невозможно. Есть три предположенія: или онъ пойдетъ на приступъ, или занимаетъ насъ фальшивыми работами, или укрѣпляется, чтобы зимовать. Первое менѣе, а второе болѣе всего вѣроятно. Мнѣ не удалось ни одного раза быть въ дѣлѣ; но я благодарю Бога за то, что я видѣлъ этихъ людей и живу въ это славное время. Бомбардированіе 5-го числа останется самымъ блестящимъ славнымъ подвигомъ не только въ русской, но и во всемірной исторіи. Болѣе 1500 орудій два дня дѣйствовали по городу и не только не дали сдаться ему, но не заставили замолчать и $\frac{1}{200}$ нашихъ батарей. Ежели, какъ мнѣ кажется въ Россіи невыгодно смотрятъ на эту кампанію, то потомство поставитъ ее выше

всѣхъ другихъ; не забудь, что мы съ равными, даже меньшими силами, съ одними штыками и съ худшими войсками въ русской арміи (какъ 6-ой корпусъ), деремся съ непріятелемъ многочисленнѣйшимъ и имѣющимъ флотъ, вооруженнымъ 3000 орудіями, отлично вооруженнымъ штуцерами и съ лучшими его войсками. Ужъ я не говорю о преимуществѣ его генераловъ.

Только наше войско можетъ стоять и побѣждать (мы еще побѣдимъ, въ этомъ я убѣжденъ) при такихъ условіяхъ. Надо видѣть плѣнныхъ французовъ и англичанъ (особенно послѣднихъ): это молодецъ къ молодцу, именно морально и физически, народъ бравый. Казаки говорятъ, что даже рубить жалко, и рядомъ съ ними надо видѣть нашего какого-нибудь егеря: маленькій, вшивый, сморщенный какой-то.

Теперь разскажу какимъ образомъ ты въ печати будешь отъ меня же узнавать о подвигахъ этихъ вшивыхъ и сморщенныхъ героевъ. Въ нашемъ артиллерійскомъ штабѣ, состоящемъ, какъ, кажется, я писалъ вамъ, изъ людей очень хорошихъ и порядочныхъ, родилась мысль издавать военный журналъ, съ цѣлью поддерживать хорошій духъ въ войскѣ, журналъ дешевый (по 3 р.) и популярный, чтобы его читали солдаты. Мы написали проектъ журнала и представили его князю. Ему очень понравилась эта мысль, и онъ представилъ проектъ и пробный листокъ, который мы тоже составили на разрѣшеніе Государя. Деньги на изданіе авансируемъ я и Столыпинъ. Я избранъ редакторомъ вмѣстѣ съ однимъ господиномъ Константиновымъ, который издавалъ „Кавказъ“ и человѣкъ опытный въ этомъ дѣлѣ. Въ журналѣ будутъ помѣщаться описанія сраженій, не такія сухія и лживыя, какъ въ другихъ журналахъ. Подвиги храбрости, біографіи и некрологи хорошихъ людей и преимущественно изъ темненькихъ; военные разсказы, солдатскія пѣсни, популярныя статьи объ инженерномъ и артил-

лерійскомъ искусствѣ и т. д. Штука эта мнѣ очень нравится: во-первыхъ я люблю это занятіе, а во-вторыхъ, надѣюсь, что журналъ будетъ полезный и не совсѣмъ скверный.—Все это еще предположенія до тѣхъ поръ, пока не узнаемъ отвѣта Государя, а я, признаюсь, боюсь за него: въ пробномъ листкѣ, который посланъ въ Петербургъ, мы неосторожно помѣстили двѣ статьи, одна моя, другая Ростовцева, не совсѣмъ православныя. Для этой же штуки мнѣ нужны 1500 р., которые лежатъ въ приказѣ и которые я просилъ Валерьяна *) прислать мнѣ. Такъ какъ я уже проболтался тебѣ объ этомъ, то передай и ему.

Я, слава Богу, здоровъ, живу весело и пріятно съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ пришелъ изъ-за границы. Вообще все мое пребываніе въ арміи раздѣляется на два періода, за границей скверный,—я былъ боленъ, и бѣденъ, и одинокъ,—въ границахъ пріятный: я здоровъ, имѣю хорошихъ пріятелей, но все-таки бѣденъ, деньги такъ и лѣзутъ.

Писать не пишу но за то испытываю, какъ меня дразнитъ тетенька. Одно безпокоитъ меня: я четвертый годъ живу безъ женскаго общества, я могу совсѣмъ загрубѣть и не быть способнымъ къ семейной жизни, которую я такъ люблю.

Прощай же, Богъ знаетъ, когда мы увидимся, ежели вы съ Николенькой не вздумаете отъѣзжимъ полемъ завернуть какъ-нибудь изъ Тамбова въ главную квартиру.

А война, кажется, затянулась надолго. За Силистрію я, какъ и слѣдовало, не представленъ, а по линіи получилъ подпоручика, чему очень доволенъ, а то у меня было слишкомъ старое отличіе для прапорщика, стыдно было...

Гр. Л. Толстой.

---

*) В. И. Толстой, мужъ сестры Л-а Н-а гр. Маріи Николаевны Толстой, много лѣтъ монашествующей въ женской обители Шамардино.

1855 г.

№ 24.

Т. А. Ергольской.

(по-французски).

(Симферополь, 1855 г., Январь 6).

Chère et excellente tante!

Я знаю, что въ глубинѣ души вы не можете сомнѣваться въ любви, которую я питаю и несмотря ни на какія обстоятельства, не перестаю питать къ вамъ. Знаю, что только горе вызвало у васъ такія жестокія слова, будто вы сомнѣваетесь въ моей любви, которая не только не уменьшается по мѣрѣ того, какъ длится наша разлука, и чѣмъ старше я становлюсь, а увеличивается съ каждымъ днемъ.

Ради Бога, тетенька, никогда не истолковывайте моего молчанія равнодушіемъ, вы лучше, чѣмъ кто-либо знаете, что для меня оно невозможно; вы знаете, что самая большая любовь, жившая въ моемъ сердцѣ, была и будетъ всегда любовь къ вамъ, не дѣлайте же мнѣ больно говоря, что вы сомнѣваетесь въ ней — что ваши письма, вѣроятно, не доставляютъ мнѣ удовольствія. Я вамъ говорилъ и изъ глубины души повторяю (я слишкомъ почитаю васъ, чтобы испортить мое чувство къ вамъ ложью), что ваши письма доставляютъ мнѣ не удовольствіе, они для меня величайшее благо, я становлюсь совсѣмъ другимъ, становлюсь лучше, когда получаю одно изъ вашихъ писемъ, которыя перечитываю разъ 100; я такъ счастливъ, получивъ ихъ, что мнѣ не сидится на мѣстѣ, мнѣ хочется прочесть ихъ всѣмъ; и если я передъ тѣмъ далъ увлечь себя на что-нибудь дурное—я останавливаюсь, снова строю планы, какъ стать лучше.

Я не принималъ участья въ двухъ кровавыхъ сраженіяхъ, бывшихъ въ Крыму, но я былъ въ Севастополѣ тотчасъ послѣ сраженія 24 и провелъ тамъ мѣсяцъ. Больше не дерутся въ открытомъ полѣ по причинѣ зимы, которая очень сурова, особенно теперь, но осада продолжается. Каковъ будетъ исходъ этой войны, Богъ знаетъ, но во всякомъ случаѣ, Крымская кампанія должна кончиться черезъ 3 или 4 мѣсяца. Но увы! конецъ Крымской кампаніи не означаетъ конца войны; напротивъ, кажется, что она затянется надолго. Я кажется говорилъ въ моихъ письмахъ къ Сережѣ и Валерьяну объ одномъ занятіи, которое у меня было въ виду, и которое мнѣ очень улыбалось? Теперь, когда это уже дѣло рѣшенное, я могу сказать. У меня была мысль создать военный журналъ. Этотъ проектъ, надъ которымъ я работалъ въ сотрудничествѣ со многими выдающимися людьми, былъ одобренъ княземъ и былъ посланъ на усмотрѣніе Его Величества; но такъ какъ у насъ противъ всего интригуютъ, нашлись люди, которые побоялись конкурренціи этого журнала и затѣмъ, быть можетъ идея этого журнала не была въ видахъ правительства, и государь отказалъ.

Эта неудача, признаюсь вамъ, мнѣ доставила большое горе и много измѣнила мои планы. Если, Богъ дастъ, Крымская кампанія хорошо кончится и если я не получу мѣста, которымъ бы я былъ доволенъ, и если не будетъ войны въ Россіи, я оставляю военную службу и ѣду въ Петербургъ въ военную академію. Этотъ планъ пришелъ мнѣ въ голову, во-первыхъ, потому, что я не хотѣлъ бы бросать литературныя занятія, которыми мнѣ невозможно заниматься въ этой лагерной жизни, во-вторыхъ потому, что мнѣ кажется, что я становлюсь тщеславенъ, не то, что тщеславенъ, но мнѣ хочется дѣлать хорошее, а для этого мало быть подпоручикомъ. Въ-третьихъ потому, что тогда я увижу всѣхъ васъ и всѣхъ моихъ друзей. Николенька пишетъ мнѣ, что Тур-

геневъ познакомился съ Машенькой *), я отъ этого въ восторгѣ; если вы его увидите у нихъ, скажите Варенькѣ, что поручаю ей обнять его отъ меня и сказать ему, что хотя я его знаю только по писаніямъ, у меня многое есть, что ему сказать.

Прощайте, тетенька, какъ всегда, строю массу плановъ на новый годъ. Не знаю, что случится со мною въ этомъ году, но новый годъ начался для меня хорошими предзнаменованіями.

Вы знаете, я немного суевѣренъ... надѣюсь и жду почти каждую минуту, что случится что-нибудь хорошее. Но такъ какъ счастье не можетъ прійти для меня безъ васъ, то я предполагаю, что скоро увижусь съ вами.

Léon.

№ 25.

Н. А. Некрасову.

(Севастополь, 1855 г., Апр. 30).

Милостивый государь Николай Алексѣевичъ!

Вы уже должны были получить статью мою: „Севастополь въ декабрѣ“ и обѣщаніе статьи Столыпина **). Вотъ она. Несмотря на дикую орфографію этой рукописи, которую вы уже сами распорядитесь исправить, ежели она будетъ напечатана безъ цензурныхъ вырѣзокъ, чего старается всѣми силами избѣжать авторъ, вы согласитесь, я надѣюсь, что статей такихъ военныхъ или очень мало или вовсе не печатается у насъ, къ несчастью. Можетъ быть съ этимъ же курьеромъ пошлется статья Сакина, о которой ничего не говорю, и которую, надѣюсь, вы не напечатаете. Поправки сдѣланы черными чернилами Хрулевымъ, лѣвой рукой, потому что правая ранена. Столыпинъ проситъ помѣстить ихъ

*) Сестра Л. Н.

**) Полковой товарищъ и другъ Л. Н-ча, отецъ премьера П. А. Столыпина.

въ выноскахъ. Пожалуйста, ежели можно помѣстить, какъ мою, такъ и Столыпинскую въ іюньской книжкѣ. Теперь мы всѣ собрались и литературное общество падшаго журнала начинаетъ организоваться и, какъ я вамъ писалъ, ежемѣсячно вы будете получать отъ меня двѣ, 3 или 4 статьи современнаго военнаго содержанія. Лучшіе два сотрудника Бакунинъ и Ростовцевъ еще не успѣли кончить своихъ статей. Будьте такъ добры отвѣчайте мнѣ и пишите вообще съ этимъ курьеромъ, адъютантомъ Горчакова, и съ будущими, которые безпрестанно снуютъ отъ васъ и сюда. Затѣмъ съ совершеннымъ уваженіемъ имѣю честь быть

покорный слуга *гр. Левъ Толстой*.

№ 26.

Графу С. Н. Толстому.

(Позиція при рѣкѣ Бельбекъ, 1855 г., Іюль 3).

Господину Поручику Стрѣлковаго Императорской фамиліи Полка Графу Толстому.

Начальникъ Горной Артиллеріи Южной Арміи и Морскихъ и Сухопутныхъ силъ въ Крыму, расположенныхъ Артиллеріи Подпоручика и Кавалера Графа Толстого.

Рапортъ.

Вслѣдствіе продолжительнаго молчанія Вашего и моего сіятельства, имѣю честь почтительнѣйше донести, что сіе обоюдно было весьма глупо и что я съ своей стороны намѣренъ исправить свою ошибку и впредь не впадать въ оную; о чемъ покорнѣйше прошу и Ваше Сіятельство.

Начальникъ Горной Артиллеріи Подпоручикъ Графъ Толстой.

Позиція при рѣкѣ Бельбекъ, № 54.

Хотѣлъ бы не писать больше ничего съ тѣмъ, чтобы только узнать, гдѣ ты, но потомъ вообразилъ себѣ, какъ ты бы разозлился и нѣсколько разъ назвалъ бы меня „са-

мымъ пустяшнымъ малымъ", но главное что самому захотѣлось разсказать и разспросить кое-что...

Хотя ты вѣрно знаешь черезъ нашихъ, гдѣ и что я дѣлалъ, повторяю тебѣ свои похожденія съ Кишинева, тѣмъ болѣе, что, можетъ быть, для тебя будетъ интересно же, какъ я ихъ разсказываю, и поэтому ты узнаешь, въ какой я фазѣ нахожусь—такъ какъ видно ужъ моя судьба всегда находится въ какой-нибудь фазѣ. Изъ Кишинева 1 ноября я просился въ Крымъ отчасти для того, чтобы видѣть эту войну, отчасти для того, чтобы вырваться изъ штаба Сержпутовскаго, который мнѣ не нравился, а больше всего изъ патріотизма, который въ то время признаюсь, сильно напалъ на меня. Я никуда не просился, а предоставилъ начальству распоряжаться моей судьбой. Въ Крыму прикомандировали къ батареѣ въ самый Севастополь, гдѣ я пробылъ мѣсяцъ весьма пріятно, въ кругу простыхъ, добрыхъ товарищей, которые бываютъ особенно хороши во время настоящей войны и опасности. Въ декабрѣ нашу батарею отвели къ Симферополю, и тамъ я прожилъ $1^1/_2$ мѣсяца въ удобномъ помѣщичьемъ домѣ, ѣздилъ въ Симферополь танцовать и играть на фортепіано съ барышнями и охотиться на Чатырдагѣ съ чиновниками за дикими козами. Въ январѣ опять была тасовка офицеровъ и меня перевели въ батарею, которая стояла лагеремъ въ 10 верстахъ отъ Севастополя на Бельбекѣ. Тамъ j'ai fait la connaissance de la mère de Кузьма—самый гадкій кружокъ офицеровъ въ батареѣ, командиръ хотя и доброе, но сильное и грубое созданіе, никакихъ удобствъ, холодъ въ землянкахъ. Ни одной книги, ни одного человѣка, съ которымъ бы можно поговорить. И тутъ-то я получилъ 1500 рублей на журналъ, который уже былъ отказанъ, и тутъ-то я проигралъ 2500 р. и тѣмъ доказалъ всему міру, что я все-таки *пустяшный малый*, хотя предыдущія обстоятельства и могутъ быть приняты comme circonstances atténuantes, все-таки очень, очень скверно. Въ мартѣ

стало теплѣе и пріѣхалъ въ батарею милый, отличнѣйшій человѣкъ Броневскій; я сталъ опоминаться, а 1-го апрѣля батарея во время самаго бомбардированія пошла въ Севастополь и я совсѣмъ опомнился. Тамъ до 15 мая, хотя и въ серьезной опасности, т. е. по 4 дня черезъ 8 дежурнымъ на батареѣ 4-го бастіона, но весна и погода отличныя; впечатлѣній и народа пропасть, всѣ удобства жизни, и насъ собрался прекрасный кружокъ порядочныхъ людей, такъ что эти полтора мѣсяца останутся однимъ изъ самыхъ пріятныхъ моихъ воспоминаній. 15-го мая Горчакову или начальнику артиллеріи вздумалось поручить мнѣ сформировать и командовать горнымъ взводомъ въ Бельбекѣ—20 верстъ отъ Севастополя, чѣмъ я чрезвычайно до сихъ поръ доволенъ во многихъ отношеніяхъ *). Вотъ тебѣ общее описаніе; въ слѣдующемъ письмѣ напишу подробнѣе о настоящемъ.

Адресомъ моимъ, пожалуйста, никогда не затрудняйся—всегда въ главный штабъ Крымской арміи и больше ничего.

1856 г.

№ 27.

Т. А. Ергольской.

(по-французски).

(Москва, 1856 г., Январь 12).

Chère tante! Я получилъ мой заграничный паспортъ и пріѣхалъ въ Москву, чтобы провести нѣсколько дней съ Машенькой, потомъ съѣздить въ Ясную, устроить свои дѣла и проститься съ вами. Но теперь я раздумалъ, особенно по совѣту Машеньки, и рѣшился пробыть съ ней здѣсь недѣлю

*) П. И. Бирюковъ говоритъ, что переводъ былъ произведенъ по распоряженію Государя Александра II, прочитавшаго въ корректурѣ разсказъ „Севастополь въ декабрѣ 1854 г.“. Разсказъ этотъ произвелъ сильное впечатлѣніе на Государя, и онъ приказалъ беречь молодого офицера и удалить его изъ опаснаго мѣста.

или двѣ и потомъ ѣхать прямо черезъ Варшаву въ Парижъ. Вы, вѣрно, понимаете, chère tante, почему мнѣ не хочется, даже не слѣдуетъ пріѣзжать теперь въ Ясную или скорѣе въ Судаково. Я, кажется, поступилъ очень дурно въ отношеніи В..., но ежели я бы теперь свидѣлся съ ней, я поступилъ бы еще хуже. Какъ я вамъ писалъ, я къ ней болѣе чѣмъ равнодушенъ, и чувствую, что не могу болѣе обманывать ни себя, ни ее. А пріѣзжай я, можетъ быть, отъ слабости характера и опять сталъ бы надувать себя. Помните ли вы, дорогая тетенька, какъ вы смѣялись надо мной, когда я вамъ сказалъ, что я уѣзжаю въ Петербургъ, чтобы испытать себя, а между тѣмъ этому рѣшенію я обязанъ тѣмъ, что не сдѣлалъ несчастія молодой особы и себя; не подумайте, чтобы это было непостоянство или невѣрность; никто не понравился мнѣ въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ, просто я увидѣлъ, что я самъ себя обманывалъ, что у меня не только не было, но и никогда не будетъ по отношенію В. малѣйшаго чувства настоящей любви. Единственно, что меня безпокоитъ, это то, что я причинилъ огорченіе дѣвушкѣ и что мнѣ не удается проститься съ вами передъ отъѣздомъ. Я надѣюсь вернуться въ Россію въ іюлѣ, но если вы пожелаете, я пріѣду въ Ясную, чтобы обнять васъ; еще есть время получить вашъ отвѣтъ въ Москвѣ.

Во всякомъ случаѣ прощайте, цѣлую ваши руки и прошу (это не фраза) никогда не вѣрить, что я измѣнился или могу когда-нибудь измѣниться по отношенію къ вамъ и не любить васъ, какъ всегда, изо всѣхъ силъ.

Léon.

№ 28.

Графу С. Н. Толстому.

(Петербургъ, 1856 г., Мартъ 25).

Я тронусь за границу на 8 мѣсяцевъ; ежели пустятъ, то поѣду. Я писалъ объ этомъ Николенькѣ и звалъ его ѣхать.

Ежели бы мы всѣ трое устроились ѣхать вмѣстѣ, это было бы отлично. Ежели каждый возьметъ по тысячѣ рублей, то можно съѣздить отлично.—Пиши, пожалуйста, мнѣ. Какъ понравилось тебѣ „Метель?“ Я ею недоволенъ—серьезно. А теперь писать многое хочется, но рѣшительно некогда въ этомъ проклятомъ Петербургѣ. Во всякомъ случаѣ, пустятъ ли меня или нѣтъ (за границу), я въ апрѣлѣ намѣренъ взять отпускъ и быть въ деревнѣ.

№ 29.

Графу С. Н. Толстому.

(Ясная Поляна, 1856 г., Май 29).

Я пишу нѣсколько словъ изъ Ясной Поляны, куда пріѣхалъ вчера... Я получилъ отпускъ въ половинѣ мая, несмотря на то, что мнѣ его обѣщали каждый день. Въ Москвѣ же я пробылъ 10 дней ужъ по своей винѣ, но за то чрезвычайно пріятно, безъ шампанскаго и цыганъ, а немного влюбленный, въ кого, разскажу тебѣ послѣ. Я пробуду въ Ясной до августа... Въ августѣ же (ежели будутъ деньги) отпускъ вышелъ уже, поѣду за границу... Хотѣлъ я хоть отъ тетеньки узнать твое мнѣніе о моихъ „Гусарахъ“, но, говорятъ, ты не читалъ еще. Напиши, сколько ты мнѣ ставишь за это: 1, 2, 3, 4 или 5...

Пожалуйста отвѣчай. До свиданія, милый другъ.

Твой *гр. Л. Толстой*.

№ 30.

Графу С. Н. Толстому.

(Ясная Поляна, 1856 г. Начало Сент.).

Теперь только въ 9 часовъ вечера, понедѣльникъ, могу дать тебѣ хорошій отвѣтъ, а то все было хуже и хуже; привозили двухъ докторовъ, пускали еще сорокъ піявокъ, но сію минуту только я заснулъ, и, проснувшись, почувствовалъ себя

значительно лучше. Раньше дней 5—6 все-таки и думать нельзя мнѣ ѣхать. Такъ до свиданія, пожалуйста, увѣдомь, когда ты уѣдешь и точно ли есть большія упущенія у тебя въ хозяйствѣ и не очень безъ меня выбивай мѣста. Собакъ, можетъ быть, пошлю завтра.

Твой *гр. Л. Толстой.*

№ 31.

Графу С. Н. Толстому.

(Ясная Поляна, 1856 г., Сентябрь 15).

Любезный другъ Сережа. Здоровье мое и поправилось и нѣтъ. Боли-то нѣтъ и воспаленія нѣтъ, но какая-то тяжесть въ груди, покалываетъ и къ вечеру болитъ. Можетъ быть, оно и пройдетъ понемногу само-собой, но я не скоро рѣшусь ѣхать въ Курскъ и ежели не скоро, то и совсѣмъ нечего ѣхать. Скорѣе ежели недѣли двѣ не будетъ лучше, я съѣзжу въ Москву.

Пожалуйста, не сердись на меня и не думай, чтобы я желалъ тебѣ измѣнить. Мнѣ, напротивъ, страшно хотѣлось ѣхать и собакъ я вернулъ почти съ дороги... Я еще не выхожу изъ комнаты... Прощай, будь здоровъ и затрави тамъ 10 лисицъ и пріѣзжай къ намъ.

Отвѣчай пожалуйста.

№ 32.

Графу С. Н. Толстому.

(Петербургъ, 1856 г., Ноябрь 10).

Извини, любезный другъ Сережа, что пишу два слова, все некогда. Мнѣ все неудача съ моего отъѣзда: никого нѣтъ здѣсь, кого я люблю. Въ „Отечественныхъ Запискахъ“, говорятъ, обругали меня за военные разсказы, я еще не читалъ, но, главное, Константиновъ объявилъ мнѣ, только что

я пріѣхалъ, что великій князь Михаилъ, узнавъ, что я будто бы сочинилъ пѣсню, недоволенъ особенно тѣмъ, что будто бы я училъ ей солдатъ. Это гнусно. Я объяснялся по этому случаю съ начальникомъ штаба. Хорошо только то, что здоровье мое хорошо и что Щипулинскій сказалъ, что у меня грудь здоровешенька.

Тетенькѣ цѣлую ручки.

Гр. Л. Толстой. Твой другъ и братъ.

Книги идутъ плохо. Продано и тѣхъ и другихъ экземпляровъ 900.

№ 33.

Т. А. Ергольской.

(по-французски).

(Москва, 1856 г., Декабрь 5).

Chère tante!

Виноватъ, что дня три не отвѣчалъ на ваше письмо. Я ужасно былъ занятъ это время. Я написалъ одинъ совершенно новый разсказъ и т. д.

Вы мнѣ пишете про В. опять въ томъ же тонѣ, въ которомъ вы всегда мнѣ говорили про нее, и я отвѣчаю опять такъ же, какъ и всегда. Только что я уѣхалъ и недѣлю послѣ этого мнѣ казалось, что я былъ влюбленъ, что называется, но съ моимъ воображеніемъ это не трудно. Теперь же и послѣ этого, особенно какъ я пристально занялся работой, я бы желалъ и очень желалъ мочь сказать, что я влюбленъ или просто люблю ее, но этого нѣтъ. Одно чувство, которое я имѣю къ ней,—это благодарность за ея любовь и еще мысль, что изъ всѣхъ дѣвушекъ, которыхъ я зналъ и знаю, она лучше всѣхъ была бы для меня женой какъ я думаю о семейной жизни. Вотъ въ этомъ-то я и желалъ бы знать ваше откровенное мнѣніе—ошибаюсь ли я или нѣтъ, и желалъ бы слышать ваши совѣты, во-первыхъ,

потому, что вы знаете и ее и меня, и, главное, потому, что вы меня любите, а люди, которые любятъ, никогда не ошибаются. Правда, я очень дурно поиспытывалъ себя, потому что съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ, велъ жизнь скорѣе уединенную, чѣмъ разсѣянную, и видѣлъ мало женщинъ, но несмотря на это, часто мнѣ приходили минуты досады на себя, что я сошелся съ ней, и что я раскаивался въ этомъ. Все-таки я говорю, что если бы я убѣдился, что она—натура постоянная и будетъ любить меня всегда, хоть не такъ, какъ теперь, а больше, чѣмъ всѣхъ, то я бы ни минуты не задумался жениться на ней. Я увѣренъ, что тогда бы моя любовь къ ней все увеличивалась бы и увеличивалась и что посредствомъ этого чувства изъ нея бы можно было сдѣлать хорошую женщину.

Прощайте, chère tante, цѣлую ваши руки. Сережѣ я напишу съ этой же почтой.

1857 г.

№ 34.

Т. А. Ергольской.

(Парижъ, 1857 г., Февраль 22).

Пріѣхалъ вчера въ Парижъ, дорогая тетенька, и спѣшу, хотя бы въ нѣсколькихъ словахъ, сообщить о себѣ.

На поѣздку изъ Москвы въ Парижъ почти безъ остановокъ, я употребилъ 11 дней. Хотя я еще очень усталъ, но вполнѣ здоровъ. Нашелъ здѣсь Некрасова и Тургенева и разсчитываю провести здѣсь мѣсяцъ, чтобы весною отправиться въ Италію. Ни путешествіе, ни здѣшняя жизнь не дороги, но я истратилъ много денегъ въ Москвѣ, гдѣ мы провели, какъ вамъ разскажетъ Сергѣй, три недѣли, для меня, по крайней мѣрѣ, очень пріятныя.

Судя по вашему письму, дорогая тетенька, я вижу, что мы не понимаемъ другъ друга по вопросу о С. Хотя я и

признаю, что я виновенъ въ непослѣдовательности, и что все могло произойти совсѣмъ иначе, я считаю, что я дѣйствовалъ вполнѣ честно. Я не переставалъ говорить, что я не знаю, каково то чувство, которое я испытываю къ молодой особѣ, но что это не любовь и что я самъ желаю испытать себя. Испытаніе показало мнѣ, что я ошибался, и я написалъ это В., какъ только могъ искренно.

Послѣ этого мои отношенія къ ней были настолько чисты, что я увѣренъ, что воспоминаніе о нихъ никогда не будетъ ей непріятно, если она выйдетъ замужъ. Поэтому то я и написалъ ей, что я хотѣлъ бы, чтобы она мнѣ писала. Я не вижу, почему молодой человѣкъ долженъ быть влюбленнымъ въ молодую особу и жениться на ней а не имѣть съ ней дружественныхъ отношеній; что касается дружбы и интереса, я навсегда сохраню ихъ по отношенію къ ней.

Если бы M-lle V. написавшая мнѣ такое смѣшное письмо, припомнила бы мое поведеніе по отношенію къ В. *), какъ я старался приходить какъ можно рѣже и какъ она звала меня бывать чаще и входить въ болѣе близкія отношенія. Я понимаю, что она сердится, такъ какъ то, чего она такъ желала не сдѣлалось (я быть можетъ жалѣю объ этомъ больше ея), но это еще не причина говорить человѣку, который старался поступать наилучшимъ образомъ, который пожертвовалъ многимъ изъ страха сдѣлать несчастіе другихъ, говорить ему, что онъ свинья, и стараться увѣрить въ этомъ всѣхъ. Я увѣренъ, что въ Тулѣ убѣждены, что я самое страшное чудовище.

Прощайте, тетенька, цѣлую ваши рукп. Пишите мнѣ: France, Paris, Rue de Rivoli, Hôtel Maurice, № 149.

---

*) У Л. Н. былъ романъ съ дѣвушкой В. А., и близкіе думали, что онъ на ней женится.

№ 35.

Т. А. Ергольской.

(по-французски).

(Женева, 1857 г., Апрѣль 17).

Дорогая тетенька!

Сегодня я началъ говѣть здѣсь, въ Женевѣ, а вчера получилъ ваше письмо, адресованное въ Парижъ.

Мнѣ не за чѣмъ говорить Вамъ, какъ для меня всегда пріятны ваши письма, и какое удовольствіе доставило мнѣ это письмо, полученное въ тотъ вечеръ, когда я долженъ былъ исповѣдоваться.

Надѣюсь, вы мнѣ прощаете всѣ мои прегрѣшенія передъ вами.

Вы говорите, дорогая тетенька, что давно ужъ перестали понимать меня. Это не моя вина, увѣряю васъ, въ этомъ дѣлѣ я самъ себя понялъ только позже, но клянусь вамъ, что слишкомъ люблю васъ, чтобы когда-нибудь скрыть что-нибудь отъ васъ, и что надѣюсь всегда жить такъ, чтобы не имѣть отъ васъ тайнъ.

Что касается В., я никогда не любилъ ее настоящей любовью; я увлекся нехорошимъ желаніемъ внушить любовь. Это доставляло мнѣ никогда еще неиспытанное наслажденіе. Но время, которое я провелъ вдали отъ нея доказало мнѣ, что у меня даже не было желанія увидать ее, а не только жениться на ней. Мнѣ было страшно подумать объ обязанностяхъ, которыя долженъ буду выполнять по отношенію къ ней, не любя ея; и это заставило меня уѣхать раньше, чѣмъ я думалъ. Я очень плохо поступилъ, я просилъ Бога простить меня и прошу этого у всѣхъ, кому причинилъ огорченіе; но поправить это дѣло невозможно, и теперь ничто въ мірѣ не можетъ возобновить этого.

Я желаю много счастья О., я въ восторгѣ отъ ея замужества, но я признаюсь Вамъ, дорогая тетенька, что если

что можетъ мнѣ доставить наибольшую радость, такъ это узнать, что В. выходитъ замужъ за человѣка, котораго она любитъ и который ея стоитъ; потому что, хотя въ глубинѣ души у меня нѣтъ ни малѣйшей любви къ ней, я все таки нахожу, что она добрая и достойная дѣвушка.

Поздравляю васъ, тетенька, съ причастіемъ и съ праздникомъ Пасхи. Христосъ Воскресе!

Это второе письмо, которое я вамъ пишу изъ Женевы. Мѣстность чудная, чувствую себя здѣсь такъ хорошо во всѣхъ отношеніяхъ, что не знаю, не останусь ли здѣсь до Сентября, т.-е. до моего возвращенія въ Россію. Я началъ здѣсь леченіе сѣрными ваннами и чувствую себя прекрасно,— занимаюсь, читаю, любуюсь природой, наблюдаю здѣшній свободный, милый народъ и надѣюсь, что все это мнѣ долго не наскучитъ и принесетъ пользу. Ежели Сережа пріѣхалъ, скажите, чтобы онъ затравилъ за меня 2-хъ лисицъ, а осенью я самъ затравляю. Ежели Николенька пріѣдетъ, велите ему, пожалуйста, написать мнѣ хоть строчку.

Прощайте, тетенька, цѣлую ваши руки и желаю вамъ всякаго, вполнѣ заслуженнаго вами, счастья, какого вы себѣ сами пожелаете.

C. Léon Tolstoï.

Адресъ мой: Suisse, Génève, Hôtel de Bergues.

№ 36.

Т. А. Ергольской.

(по-французски).

(Женева, 1857 г., Апрѣль 4).

Chère tante!

Если бы Сергѣй не сообщилъ мнѣ о васъ, меня бы сильно безпокоило ваше молчаніе. Со времени отъѣзда я написалъ вамъ 2 письма, одно съ пути, другое изъ Парижа.

Провелъ полтора мѣсяца въ Парижѣ и такъ пріятно, что каждый день я говорилъ себѣ, что я хорошо сдѣлалъ, что поѣхалъ за-границу. Я очень мало посѣщалъ общества и литературный міръ, а такъ же кафе и публичные балы, но несмотря на это, я здѣсь нашелъ столько интереснаго для меня, что каждый день, ложась спать, я говорю себѣ: какая жалость, что день прошелъ такъ скоро, и я не успѣлъ сдѣлать всего того, что хотѣлъ.

Представьте, встрѣтилъ въ Парижѣ массу родственниковъ и во всѣхъ этихъ семьяхъ есть барышни, которыя оказались моими кузинами. Но я былъ такъ занятъ, что, хотя нѣкоторыя изъ этихъ кузинъ прелестны, я очень рѣдко навѣщалъ ихъ.

Бѣдный Тургеневъ очень боленъ физически и еще болѣе морально. Его несчастная связь съ M-me V. и ея дочерью держитъ его здѣсь въ климатѣ, который вреденъ ему и на него жалко смотрѣть. Я никогда не думалъ, чтобы онъ могъ такъ любить.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на удовольствіе, доставленное мнѣ жизнью въ Парижѣ, на меня безъ всякой причины напала невыразимая тоска, и хотя я положилъ выѣхать изъ Парижа въ Маѣ мѣсяцѣ, я рѣшился поѣхать на нѣкоторое время въ Швейцарію, въ Женеву. Здѣсь я уже 3 дня, но красивая мѣстность и прелестная жизнь въ деревнѣ въ окрестностяхъ Женевы такъ понравились мнѣ, что я думаю остаться здѣсь довольно долго.

Я здѣсь не знаю никого, за исключеніемъ Толстыхъ и Строгонова—мужа Великой Княгини,—но постараюсь бывать у нихъ возможно рѣже и не заводить новыхъ знакомствъ. Мнѣ здѣсь очень хорошо, спокойно, среди чудной природы почти въ полномъ одиночествѣ. Разсчитываю много работать здѣсь и пока не строю другихъ плановъ относительно путешествія.

Скажите, тетенька, пожалуйста, Василью, чтобы онъ непремѣнно писалъ мнѣ каждый мѣсяцъ и написалъ бы по-

дробно, сколько въ Ясной и Грецовкѣ душъ—крестьянскихъ и дворовыхъ, сколько тяголъ, сколько земли пахотной крестьянской, пахотной господской, сколько луговъ, сколько подъ усадьбой, сколько всего земли. Это мнѣ нужно для соображенія. Адресъ мой такъ: Suisse, Génève, Comte Léon Tolstoi.

№ 37.

Т. А. Ергольской.

(по-французски).

(Кларанъ, 1857 г., Май 18).

Я только что получилъ ваше письмо, дорогая тетушка, которое застало меня, какъ вы должны знать изъ моего послѣдняго письма, въ окрестностяхъ Женевы, въ Кларанѣ, въ томъ самомъ мѣстечкѣ, гдѣ жила Юлія Руссо... Не буду пытаться описывать вамъ всю красоту этого края, особенно теперь, когда все въ зелени и цвѣтахъ. Я вамъ скажу только, что буквально невозможно оторваться отъ этого озера, отъ этихъ береговъ и что я провожу большую часть моего времени въ созерцаніи и восхищеніи, гуляя или просто стоя у окна моей комнаты. Я не перестаю радоваться пришедшей мнѣ мысли оставить Парижъ и пріѣхать сюда провести здѣсь весну, хотя я этимъ и заслужилъ отъ васъ упрекъ въ непостоянствѣ. Право, я счастливъ...

Здѣсь прелестное русское общество.

Всѣ эти семьи уѣзжаютъ черезъ недѣлю и если мои друзья Боткинъ и Дружининъ не пріѣдутъ сюда, я поѣду къ нимъ во Флоренцію. Жду отъ нихъ отвѣта.

Прощайте, тетенька, цѣлую ваши руки. Мнѣ кажется, что вы мною недовольны по Вашему письму, и мнѣ это было грустно. Ежели я виноватъ (и во многомъ я виноватъ передъ вами) то простите меня за то, что я Васъ всегда и теперь особенно люблю изо всѣхъ силъ, какъ вы говорите.

Léon.

№ 38.

Т. А. Ергольской.

(по-французски).

(Люцернъ, 1857 г., Іюль 8).

Кажется я писалъ вамъ, дорогая тетушка, что я уѣхалъ изъ Кларана съ намѣреніемъ предпринять довольно большое путешествіе черезъ Сѣверную Швейцарію, Рейнъ, Голландію и оттуда въ Англію. Оттуда я снова разсчитываю проѣхать черезъ Францію, и Парижъ и въ августѣ провести нѣсколько времени въ Римѣ и Неаполѣ. Если я буду въ состояніи перенести морскія путешествія, что я увижу на моемъ переѣздѣ изъ Гаги въ Лондонъ, я думаю вернуться черезъ Средиземное море, Константинополь и Одессу. Но все это только планы, которые я быть можетъ не осуществлю, по причинѣ моего измѣнчиваго настроенія, за которое вы меня справедливо упрекаете, дорогая тетушка. Я пріѣхалъ въ Люцернъ. Это городъ въ Сѣверной Швейцаріи, не далеко отъ Рейна и я уже задерживаюсь въ пути, чтобы провести нѣсколько дней въ этомъ очаровательномъ городкѣ. Я опять совсѣмъ одинъ и признаюсь вамъ, уединеніе часто бываетъ очень тяжело мнѣ, такъ какъ знакомства, которыя дѣлаешь въ отеляхъ и по желѣзной дорогѣ не удовлетворяютъ. Но въ этомъ уединеніи есть и хорошая сторона, оно заставляетъ меня работать. Я немного работаю, но дѣло идетъ плохо, какъ обыкновенно лѣтомъ.

Здоровье мое не плохое, но и не совсѣмъ хорошее. Благодаря сильной жарѣ и постояннымъ моимъ путешествіямъ, у меня головныя боли и приливы крови, но съ тѣхъ поръ, какъ я пересталъ пить вино, чай и кофе и ѣмъ меньше мяса, чувствую себя хорошо.

Одно у меня осталось — непріятная вещь — расширеніе жилъ въ ногахъ, которыя я натрудилъ длинными походами по горамъ и въ жаръ.

Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше, особенно уже въ мои годы, такъ и тянетъ домой къ Вамъ подъ крылышко.

Но ужъ такъ какъ я здѣсь и положилъ себѣ до осени ѣздить, и деньги есть, то хочу воспользоваться сколько можно.

Прощайте, дорогая тетенька, тысячу разъ цѣлую ваши ручки и жду писемъ отъ васъ въ Парижъ, до востребованія.

1858 г.

№ 39.

Графинѣ А. А. Толстой.*)

(Ясная Поляна, 1858 г., Апр.).

Бабушка! Весна!...

Отлично жить на свѣтѣ хорошимъ людямъ; даже и такимъ, какъ я, хорошо бываетъ. Въ природѣ, въ воздухѣ, во всемъ—надежда, будущность—и прелестная будущность... Иногда ошибешься—и думаешь, что не одну природу ждетъ будущность и счастье, а и тебя тоже,—и хорошо бываетъ. Я теперь въ *такомъ* состояніи, и съ свойственнымъ мнѣ эгоизмомъ тороплюсь писать вамъ о предметахъ только для меня интересныхъ. Я очень хорошо знаю, когда обсужу здраво, что я старая, померзлая, и еще подъ соусомъ сваренная картофелина; но весна такъ дѣйствуетъ на меня, что я иногда застаю себя въ полномъ разгарѣ мечтаній о томъ, что я—растеніе, которое распустилось вотъ только теперь, вмѣстѣ съ другими, и станетъ просто, спокойно и радостно расти на свѣтѣ Божіемъ. По этому случаю, къ этому времени идетъ такая внутренняя переборка, очи-

*) Гр. А. А. Толстая, фрейлина Двора, дальняя родственница Л. Н., приходившаяся ему теткой, но въ шутку онъ называлъ ее иногда „бабушкой“.

щеніе и порядокъ, какой никто, не испытавши этого чувства, не можетъ себѣ представить. Все старое—прочь! всѣ условія свѣта, всю лѣнь, весь эгоизмъ, всѣ пороки, всѣ запутанныя неясныя привязанности, всѣ сожалѣнія, даже раскаянія—все прочь!.. Дайте мѣста необыкновенному цвѣтку, который надуваетъ почки и выростаетъ вмѣстѣ съ весной...

Прощайте, милая бабушка! не сердитесь на меня за этотъ вздоръ, а отвѣтьте умное и пропитанное добротой — и христіанской добротой! — словечко. Я давно хотѣлъ написать вамъ, что вамъ удобнѣе писать по-французски, а мнѣ женская мысль понятнѣе по-французски.

№ 40.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1858 г., Май 12).

Драгоцѣнный дяденька! Пишу два слова только чтобы сказать, что обнимаю васъ изо всѣхъ силъ, что письмо ваше получилъ, что М. П. *) цѣлую руки, всѣмъ вашимъ кланяюсь. Тетенька очень благодарна за память и кланяется; и сестра кланяется. Что за весна была и есть чудная! Я въ одиночествѣ смаковалъ ее чудесно. Братъ Николай долженъ быть въ Никольскомъ (Вяземскомъ); поймайте его и не пускайте, я въ этомъ мѣсяцѣ хочу придти къ вамъ. Тургеневъ поѣхалъ въ Винцигъ до августа, лѣчить свой пузырь. Чертъ его возьми. Надоѣло любить его. Пузыря не вылѣчитъ, а насъ лишитъ. Затѣмъ прощайте, любезный другъ; ежели до моего прихода не будетъ стихотворенія, ужъ я изъ васъ его выжму.

Вашъ *гр. Л. Толстой.*

Какой Троицынъ день былъ вчера! Какая обѣдня, съ вянущей черемухой, сѣдыми волосами и ярко-краснымъ кумачемъ и горячее солнце.

*) Марія Петровна, жена А. А. Фета, урожденная Боткина.

№ 41.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1858 г., Май 16).

Ау! Дяденька! Ауу! Во-первыхъ, сами не отзоветесь ничѣмъ, когда весна, и знаете, что всѣ о васъ думаютъ, и что я, какъ Прометей, прицѣпленъ къ скалѣ и все таки алкаю васъ видѣть и слышать. Или бы пріѣхали, или хоть позвали бы къ себѣ хорошенько. А во-вторыхъ, зажилили брата *), и очень хорошаго брата, по прозвищу Фирдуси. Главная тутъ преступница, я думаю, Марья Петровна, которой очень кланяюсь и прошу возвратить собственнаго нашего брата. Безъ шутокъ, онъ велѣлъ сказать, что на той недѣлѣ будетъ; Дружининъ тоже будетъ. Пріѣзжайте и вы, голубчикъ дяденька. Право, а потомъ ужъ и въ Козюлькино (Новоселки). Ив. П. и Над. Аф. душевный поклонъ и до свиданія.

Вашъ *Л. Толстой.*

№ 42.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1858 г., Окт. 24).

Душенька, дяденька Фетинька. Ей-Богу душенька, и я васъ ужасно, ужасно люблю. Вотъ-те и все. Повѣсти писать глупо, стыдно. Стихи писать... Пожалуй пишите; но любить хорошаго человѣка очень пріятно. А можетъ быть противъ моей воли и сознанія не я, а сидящая во мнѣ еще не назрѣвшая повѣсть заставляетъ любить васъ. Что то иногда такъ кажется. Что ни дѣлай, а между навозомъ и каростой нѣтъ-нѣтъ да возьмешь и сочинишь. Спасибо, что еще писать себѣ не позволяю и не позволю. Изо всѣхъ силъ благодарю васъ за хлопоты о ветеринарѣ и пр. Нашелъ я тульскаго и началъ леченье. Что будетъ,—не знаю. Да и

*) Графа Николая Николаевича Толстого.

чертъ съ ними со всѣми. Дружининъ проситъ по дружбѣ сочинить повѣсть. Я право хочу сочинить. Такую сочиню, что ужъ ничего не будетъ. Шахъ персидскій куритъ табакъ, а я тебя люблю. Вотъ она штука-то. Безъ шутокъ, что вашъ Гафизъ? Вѣдь какъ ни вертись, а верхъ мудрости и твердости для меня, это только радоваться чужой поэзіей, а свою собственную не пускать въ люди въ уродливомъ нарядѣ, а свою самому ѣсть съ хлѣбомъ насущнымъ. А иногда такъ вдругъ захочется быть великимъ человѣкомъ и такъ досадно, что до сихъ поръ еще это не сдѣлалось. Даже поскорѣе торопишься вставать или доѣдать обѣдъ, чтобы начинать. Всѣхъ такъ называемыхъ глупостей не переговоришь, но пріятно хоть одну сказать такому дяденькѣ, какъ вы, который живетъ только однѣми такъ называемыми глупостями „закурдалами“. Пришлите мнѣ одно самое здоровое переведенное вами стихотвореніе Гафиза me faire venir l'eau à la bouche, а я вамъ пришлю образчикъ пшеницы. Охота надоѣла смерть. Погода стоитъ прелестная, но я одинъ не ѣзжу. Гончія ваши, Иванъ Петровичъ, живы и здоровы, равно Прокофій и сѣрый меринъ. Очень благодарю васъ за разрѣшеніе и воспользуюсь имъ до порошъ. Тогда отправлю Прокофія съ гончими. Еще краснаго звѣря, съ тѣхъ поръ какъ съ вами разстался, травилъ и затравилъ одну лисицу около себя въ поляхъ и самъ. На дняхъ напишу вамъ, а теперь только благодарю за хлопоты и крѣпко обнимаю. Энциклопедію пришлите. Тетенька очень благодаритъ за память; и это не фраза, а всякій разъ, какъ я ей прочту вашу приписку, она улыбнется, наклонитъ голову и скажетъ: „Однако (почему однако?) какой славный человѣкъ этотъ Фетъ“. А я знаю за что славный—за то, что она думаетъ, что онъ меня очень любитъ. Ну-съ прощайте. Пописывайте мнѣ иногда безъ возбудителя ветеринара.

Л. Толстой.

№ 43.

Т. А. Ергольской.

(по-французски).

(1858 г., Декабрь 25).

Во-первыхъ, поздравляю васъ, во-вторыхъ, я боюсь, что до васъ дойдетъ какъ-нибудь съ прибавленіями мое приключеніе и потому самъ спѣшу извѣстить васъ о немъ.

Мы были съ Николенькой на медвѣжьей охотѣ, 21 я убилъ медвѣдя, 22-го мы снова пошли и со мной случилось нѣчто самое необыкновенное. Медвѣдь не видя меня бросился на меня, я выстрѣлилъ въ него съ 6-ти шаговъ, первый разъ промахнулся, со второго выстрѣла въ 2-хъ шагахъ я его смертельно ранилъ, но онъ бросился на меня, повалилъ на землю и, пока ко мнѣ бѣжали, онъ укусилъ меня два раза въ лобъ надъ и подъ глазомъ. По счастію это продолжалось не болѣе 10 или 15 секундъ; медвѣдь убѣжалъ и я поднялся съ небольшой раной, которая не уродуетъ меня и не причиняетъ мнѣ страданій. Ни кость черепа, ни глазъ не повреждены, я отдѣлался небольшимъ шрамомъ, который останется на лбу.

Теперь я въ Москвѣ и чувствую себя совсѣмъ хорошо. Я пишу Вамъ чистую правду, ничего не скрывая, чтобы вы не безпокоились. Теперь все прошло и остается только благодарить Бога, который меня спасъ столь необычайнымъ образомъ.

Прощайте, дорогая тетенька, цѣлую ваши ручки, Маша, братья и дѣти тоже. Всѣ здоровы. Сергѣй, Слава Богу, еще не проигралъ то, что выигралъ, и надо надѣяться, не будетъ больше играть, такъ какъ у него больше нѣтъ денегъ.

Léon.

1860 г.

№ 44.

Графу С. Н. Толстому.

(Гіера, 1860 г., Сент.).

Ты, я думаю, получилъ извѣстіе о смерти Николеньки. Мнѣ жаль тебя, что ты не былъ тутъ; какъ это ни тяжело, мнѣ хорошо, что все это было при мнѣ, и что все это подѣйствовало на меня, какъ должно было. Не такъ, какъ смерть Митеньки *), о которой я узналъ, вовсе не думая о немъ. Впрочемъ это совсѣмъ другое дѣло. Съ Митенькой были связаны воспоминанія дѣтства и родственное чувство только: а это былъ положительно человѣкъ для тебя и для меня, котораго мы любили и уважали и положительно больше всѣхъ на свѣтѣ. Ты это знаешь, эгоистическое чувство, которое послѣднее время приходило, что чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; а теперь страшно это писать и вспоминать, что это думалъ. До послѣдняго дня онъ со своей необычайной силой характера и сосредоточенностью дѣлалъ все, чтобы мнѣ не было въ тягость. Въ день своей смерти онъ самъ одѣлся, и умылся и утромъ я его засталъ одѣтаго на креслѣ. Это было часовъ за 9 до смерти, что онъ покорился болѣзни и попросилъ себя раздѣть. Первое было въ н..... Я вышелъ внизъ и слышу дверь его отворилась; я вернулся, его нѣтъ нигдѣ. Сначала я боялся войти, онъ не любилъ, но тутъ онъ самъ мнѣ сказалъ: „помоги мнѣ“.

И онъ покорился и сталъ другой: кроткій, добрый этотъ день; не стоналъ, ни про кого не говорилъ, всѣхъ хвалилъ и мнѣ говорилъ: „Благодарствуй, мой другъ“. Понимаешь, что это значитъ въ нашихъ отношеніяхъ. Я сказалъ ему, что слышалъ, какъ онъ кашлялъ утромъ, но не во-

*) Братъ Л. Н-ча.

шелъ изъ-за fausse honte. „Напрасно, это бы меня утѣшило“. Страдать—онъ страдалъ, но онъ только разъ сказалъ дня за два до смерти: „что за ужасныя ночи безъ сна. Къ утру давитъ кашель мѣсяцъ! и что грезится—Богъ знаетъ. Еще такія ночи двѣ—это ужасно“. Ни разу ясно онъ не сказалъ, что чувствуетъ приближеніе смерти. Но онъ только не то говорилъ. Въ день смерти онъ заказалъ комнатное платье и вмѣстѣ съ тѣмъ, когда я сказалъ, что если не будетъ лучше, то мы съ Машенькой не поѣдемъ въ Швейцарію, онъ сказалъ: „развѣ ты думаешь, что мнѣ будетъ лучше?“ такимъ голосомъ, что видно онъ чувствовалъ, но для меня не говорилъ, а я для него не показывалъ; однако съ утра я зналъ какъ будто и все былъ у него. Онъ умеръ совсѣмъ безъ страданій наружныхъ, по крайней мѣрѣ. Рѣже, рѣже дышалъ и кончилось. На другой день я сошелъ къ нему и боялся открыть лицо. Мнѣ казалось, что оно будетъ еще страдальческѣе, страшнѣе, чѣмъ во время болѣзни, и ты не можешь себѣ вообразить, что это было за прелестное лицо съ его лучшимъ веселымъ спокойнымъ выраженіемъ.

Вчера его похоронили тутъ. Я одно время думалъ перевести, телеграфировать тебѣ, да раздумалъ. Нечего ковырять рану. Мнѣ жалко тебя, что тебя извѣстіе это застанетъ на охотѣ, въ разсѣянности и не прохватитъ такъ, какъ насъ. Это здорово. Я чувствую теперь то, что слыхалъ часто, что какъ потеряешь такого человѣка, какъ онъ для насъ, такъ много легче самому становится думать о смерти.

Твое письмо пришло въ самую минуту, какъ его отпѣвали. Да, ужъ не будешь полевать съ нимъ.

Два дня до смерти читалъ онъ мнѣ свои записки объ охотѣ и много говорилъ о тебѣ. Онъ говорилъ о тебѣ, что ты всѣмъ отъ Бога сдѣланъ счастливымъ человѣкомъ и самъ себя мучаешь. Я только на второй день хватился сдѣлать его портретъ и маску. Портретъ уже не засталъ его удивительнаго выраженія, но маска прелестна.

№ 45.

Д. А. Дьякову *).

(Изъ-за границы 1860 г. Осень).

Благодарствуй за каталоги и за письмо, любезный другъ. Все прекрасно. Списокъ журнала я самъ составлю. Душевно радуемся мы съ сестрой, что жену твою мучили не напрасно. Богъ дастъ я увижу ее здоровой, а то ужъ это слишкомъ бы было скверно. Я все подумываю о поѣздкѣ въ Парижъ и Лондонъ, но кашель не проходитъ и задерживаетъ меня. Машенька тебѣ очень кланяется. Здоровье ея кажется получше, но едва ли она пріѣдетъ въ Парижъ. Чего ты можетъ быть не знаешь и что мнѣ хочется сказать тебѣ, это, что ты отличный человѣкъ и что ты только послушался своего сердца пріѣхалъ къ намъ а ничего бы нельзя было выдумать для насъ лучше. Я по Машенькѣ вижу и по себѣ чувствую, какъ ты и никто бы другой не могъ этого сдѣлать поднялъ насъ.

Прощай душа моя, всегда мысленно обнимаю тебя.

Л. Толстой.

№ 46.

А. А. Фету.

(Изъ-за границы, 1860 г., Окт. 17).

Мнѣ думается, что вы уже знаете то, что случилось. 20 Сентября онъ умеръ, буквально на моихъ рукахъ. Ничто въ жизни не дѣлало на меня такого впечатлѣнія. Правду онъ говаривалъ, что хуже смерти ничего нѣтъ. А какъ хорошенько подумать, что она всетаки конецъ всего, такъ и хуже жизни ничего нѣтъ. Для чего хлопотать, стараться, коли отъ того, что былъ Никол. Никол. Толстой, для него ничего не осталось. Онъ не говорилъ, что чувствуетъ при-

*) Одинъ изъ самыхъ близкихъ друзей Л—а Н—ча въ его молодости.

ближеніе смерти, но я знаю, что онъ за каждымъ шагомъ ея слѣдилъ и вѣрно зналъ, что еще остается. За нѣсколько минутъ передъ смертью онъ задремалъ и вдругъ очнулся и съ ужасомъ прошепталъ: „да что жъ это такое?“ Это онъ ее увидалъ, это поглощеніе себя въ ничто. А ужъ ежели онъ ничего не нашелъ, за что ухватиться, что же я найду? Еще меньше. И ужъ вѣрно ни я и никто такъ не будетъ до послѣдней минуты бороться съ нею, какъ онъ. Дня за два я ему говорю: „нужно бы тебѣ удобство въ комнату поставить“. „Нѣтъ, говоритъ, я слабъ, но еще не такъ; еще мы поломаемся“.

До послѣдней минуты онъ не отдавался ей, все самъ дѣлалъ, все старался заниматься, писалъ, меня спрашивалъ о моихъ писаньяхъ, совѣтовалъ. Но все это, мнѣ казалось, онъ дѣлалъ уже не по внутреннему стремленію, а по принципу. Одно—природа, это осталось до конца. Наканунѣ онъ пошелъ въ свою спальню и упалъ отъ слабости на постель у открытаго окна. Я пришелъ, онъ говоритъ со слезами на глазахъ: „какъ я наслаждался теперь часъ цѣлый“.—Изъ земли взятъ и въ землю пойдешь. Осталось одно, смутная надежда, что тамъ, въ природѣ, которой частью сдѣлаешься въ землѣ, останется и найдется что-нибудь. Всѣ, кто знали и видѣли его послѣднія минуты, говорятъ: „какъ удивительно спокойно, тихо онъ умеръ“; а я знаю, какъ страшно мучительно, потому что ни одно чувство не ускользнуло отъ меня. Тысячу разъ я говорю себѣ: „оставьте мертвымъ хоронить мертвыхъ“, но надо же куда-нибудь дѣвать силы, которыя еще есть. Нельзя уговорить камень, чтобы онъ падалъ кверху, а не книзу, куда его тянетъ. Нельзя смѣяться шуткѣ, которая наскучила. Нельзя ѣсть, когда не хочется. Къ чему все, когда завтра начнутся муки смерти со всей мерзостью лжи, самообмана, и кончится ничтожествомъ, нулемъ для себя. Забавная штучка. Будь полезенъ, будь добродѣтеленъ, счастливъ, покуда живъ, говорятъ люди другъ другу; а ты, и счастье, и добродѣтель, и польза со-

стоять въ правдѣ. А правда, которую я вынесъ изъ тридцати двухъ лѣтъ, есть та, что положеніе, въ которое мы поставлены, ужасно. „Берите жизнь, какая она есть; вы сами поставили себя въ это положеніе“. Какъ же. Я беру жизнь, какъ она есть. Какъ только дойдетъ человѣкъ до высшей степени развитія, такъ онъ увидитъ ясно, что все дичь, обманъ, и что правда, которую все таки онъ любитъ лучше всего, что эта правда ужасна. Что какъ увидишь ее хорошенько, ясно, такъ очнешься и съ ужасомъ скажешь, какъ братъ: „да что жъ это такое?“ Но разумѣется, покуда есть желаніе знать и говорить правду, стараешься знать и говорить. Это одно, что осталось у меня изъ моральнаго міра, выше чего я не могу стать. Это одно я и буду дѣлать, только не въ формѣ вашего искусства. Искусство есть ложь, а я уже не могу любить прекрасную ложь... Я зиму проживу здѣсь по той причинѣ, что и здѣсь, и все равно жить гдѣ бы то ни было.

Пишите мнѣ, пожалуйста. Я васъ люблю такъ же, какъ братъ васъ любилъ и помнилъ до послѣдней минуты...

Л. Толстой.

1861 г.

№ 47.

Т. А. Ергольской.

(по-французски).

(Дрезденъ, 1861 г., Апр.).

Я здоровъ и горю желаніемъ вернуться въ Россію. Но разъ я въ Европѣ и не зная когда снова попаду сюда, вы понимаете, что я хотѣлъ какъ можно больше воспользоваться моимъ путешествіемъ. И кажется я это сдѣлалъ. Я везу такое количество впечатлѣній, знаній, что я долженъ бы долго работать, прежде чѣмъ уложить все это въ моей головѣ. Я разсчитываю остаться въ Дрезденѣ до 10/22 и къ Пасхѣ во всякомъ случаѣ предполагаю быть въ Ясной.

Отсюда, если къ 25-му не откроется навигація, я ѣду черезъ Варшаву въ Петербургъ, гдѣ мнѣ нужно быть, чтобы получить разрѣшеніе на журналъ, который я намѣренъ издавать при Яснополянской школѣ.

№ 48.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1861 г., Май 19).

Обнимаю васъ отъ души, любезный другъ Афан. Афан., за ваше письмо и за вашу дружбу и за то, что вы есть Фетъ. Ивана Сергѣевича *) мнѣ хочется видѣть, а васъ въ десять разъ больше. Такъ давно мы не видались, и такъ много съ нами обоими случилось съ тѣхъ поръ. Вашей хозяйственной дѣятельности я не нарадуюсь, когда слышу и думаю про нее. И немножко горжусь, что и я хоть немного содѣйствовалъ ей. Не мнѣ бы говорить, не вамъ бы слушать. Другъ—хорошо; но онъ умретъ, онъ уйдетъ какъ-нибудь, не поспѣешь какъ-нибудь за нимъ; а природа, на которой женился посредствомъ купчей крѣпости, или отъ которой родился по наслѣдству, еще лучше. Своя собственная природа. И холодная она, и не сговорчивая, и важная, и требовательная, да за то ужъ это такой другъ, котораго не потеряешь до смерти, а и умрешь—все въ нее же уйдешь. Я впрочемъ теперь меньше предаюсь этому другу, у меня другія дѣла, втянувшія меня; но все безъ этого сознанія, что она тутъ, какъ повихнулся—есть за кого ухватиться,—плохо бы было жить.

Дай вамъ Богъ успѣха, успѣха, чтобы радовала васъ ваша Степановка. Что вы пишете и будете писать, въ этомъ я не сомнѣваюсь. Марьѣ Петровнѣ жму руку и прошу меня не забывать. Особенное будетъ несчастье, ежели я не побываю у васъ нынче лѣтомъ, а когда, не знаю.

Л. Толстой.

---

*) Тургенева.

1862 г.

№ 49.

Н. Г. Чернышевскому.

(Ясная Поляна, 1862 г., Февр. 3).

Милостивой государь Николай Гавриловичъ. Вчера вышелъ 1-й № моего журнала *). Я васъ очень прошу внимательно прочесть его и сказать о немъ искренно и серьезно ваше мнѣніе въ „Современникѣ". Я имѣлъ несчастье писать повѣсти, и публика, не читая, будетъ говорить: „Да... дѣтство очень мило, но журналъ?.." А журналъ и все дѣло **) составляютъ для меня все. Отвѣтьте мнѣ въ Тулу.

Левъ Толстой.

№ 50.

Т. А. Ергольской.

(Самара, 1862 г., Май 27).

Chère tante!

Я нынче ѣду изъ Самары за 130 верстъ въ Каралыкъ, Николаевскаго уѣзда. Адресъ мой—въ Самару, Юрію Федоровичу Самарину, для передачи Л. Н. Т.

Путешествіе я сдѣлалъ прекрасное, мѣсто мнѣ очень нравится, здоровье лучше, т.-е. меньше кашляю. Алексѣй ***) и ребята****) живы и здоровы, что можете сообщить ихъ роднымъ. Пожалуйста напишите мнѣ о Сережѣ *****) или онъ самъ. Всѣмъ дорогимъ товарищамъ поклонъ и прошу ихъ

---

*) „Ясная Поляна".

**) Народныя школы.

***) Слуга.

****) Два крестьянскихъ мальчика, взятыхъ Л. Н. изъ Ясной Поляны.

*****) Братъ Л-а Н-а.

писать мнѣ, что и какъ у нихъ дѣлается и живется. Влад. Ив. Юшковъ молодцомъ еще. Съ мѣста напишу поподробнѣе.

Цѣлую ваши руки. *Л. Толстой.*

Разумѣется, извѣстія о Машенькѣ вы мнѣ сообщите.

№ 51.

Т. А. Ергольской.

(Изъ Самарской губ. Каралыкъ, 1862 г., Іюнь 28).

Chère tante!

Вотъ уже мѣсяцъ, какъ я безъ всякихъ свѣдѣній о васъ и изъ дома, пожалуйста напишите мнѣ о всѣхъ, во 1) родныхъ, во 2) студентахъ и т. д. Мы съ Алексѣемъ потолстѣли въ особенности онъ, но кашляемъ немного, тоже въ особенности онъ. Живемъ мы въ кибиткѣ, я нашелъ пріятеля Столыпина—атаманомъ въ Уральскѣ и ѣздилъ къ нему и привезъ оттуда писаря, но диктую и пишу мало. Лѣнь одолѣваетъ при кумысѣ. Черезъ двѣ недѣли я намѣренъ отсюда выѣхать, и потому къ Ильину дню думаю быть дома. Меня мучаетъ неизвѣстность въ этой глуши и еще мысль о томъ, что я безобразно отсталъ въ изданіи журнала *). Цѣлую ваши ручки. Пожалуйста, пишите подробно о Сережѣ, Машѣ **), студентахъ ***), которымъ кланяюсь.

Л. Толстой.

№ 52.

Графинѣ А. А. Толстой.

(по-французски).

(Ясная Поляна, 1862 г., Авг.).

...Дѣла этого ****) оставить я никакъ не хочу и не могу. Вся моя дѣятельность, въ которой я нашелъ счастіе и успо-

*) Ясная Поляна.

**) Сестра.

***) Учителя, приглашенные Л. Н. для занятій въ школахъ.

****) Въ Ясной Полянѣ, въ время отсутствія Льва Николаевича, былъ сдѣланъ грубый обыскъ со взломомъ письменнаго стола, прочтеніемъ интимныхъ писемъ и проч.

коеніе, испорчена. Тетенька отъ испуга такъ больна, что вѣроятно, не встанетъ. Народъ смотритъ на меня ужъ не какъ на честнаго человѣка, мнѣніе котораго я заслуживалъ годами, а какъ на преступника, поджигателя или дѣлателя фальшивой монеты, который только по плутоватости увернулся.

— „Что, братъ? Попался. Будетъ тебѣ толковать намъ о честности, справедливости, — самого чуть не заковали".

О помѣщикахъ—что и говорить: это стонъ восторга. Напишите мнѣ пожалуйста поскорѣй, посовѣтовавшись съ Перовскимъ или Алексѣемъ Толстымъ, или съ кѣмъ хотите,— какъ мнѣ написать и какъ передать письмо Государю. Выхода мнѣ нѣтъ другого—какъ получить такое же гласное удовлетвореніе, какъ и оскорбленіе; (поправить дѣло уже невозможно), или экспатріироваться, на что я твердо рѣшился. Къ Герцену я не поѣду; Герценъ самъ по себѣ—и я самъ по себѣ. Я и прятаться не стану, а громко объявлю, что продаю имѣніе, чтобы уѣхать изъ Россіи, гдѣ нельзя узнать минутой впередъ, что тебя ожидаетъ.

Я часто говорю себѣ—какое огромное счастье, что меня не было дома: ежели бы я былъ, то теперь навѣрно бы уже судился, какъ убійца...

№ 53.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1862 г.. Окт. 9).

Фетушка, дяденька и просто милый другъ Афанасій Афанасьевичъ. Я двѣ недѣли женатъ и счастливъ и новый, совсѣмъ новый человѣкъ. Хотѣлъ я самъ быть у васъ, но не удается. Когда я васъ увижу? Опомнившись, я дорожу вами очень и очень, и между нами слишкомъ много близкаго, незабываемаго — Николенька, да и кромѣ того. За-

ѣзжайте познакомиться со мной. Цѣлую руку Марьи Петровны. Прощайте, милый другъ. Обнимаю васъ отъ всей души.

Л. Толстой.

1863 г.

№ 54.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1863 г., Апр.).

...Ваши оба письма одинаково были мнѣ важны, значительны и пріятны, дорогой Афанасій Афанасьевичъ... Я живу въ мірѣ столь далекомъ отъ литературы и критики, что, получая такое письмо, какъ ваше, первое чувство мое—удивленіе. Да кто же такой написалъ „Казаковъ“ и „Поликушку“? Да и что разсуждать о нихъ? Бумага все терпитъ, а редакторъ за все платитъ и печатаетъ. Но это только первое впечатлѣніе, а потомъ вникнешь въ смыслъ рѣчей, покопаешься въ головѣ и найдешь тамъ гдѣ-нибудь въ углу, между старымъ, забытымъ хламомъ, найдешь что-то такое неопредѣленное, подъ названіемъ художественное. И, сличая съ тѣмъ, что вы говорите, согласишься, что вы правы, и даже удовольствіе найдешь покопаться въ этомъ старомъ хламѣ и въ этомъ когда-то любимомъ запахѣ. И даже писать захочется. Вы правы, разумѣется. Да вѣдь такихъ читателей, какъ вы, мало. „Поликушка“—болтовня на первую попавшуюся тему человѣку, который „и владѣетъ перомъ“, а „Казаки“ „съ сукровицей“, хотя и плохо. Теперь я пишу исторію пѣгаго мерина *), къ осени, я думаю, напечатаю. Впрочемъ, теперь какъ писать? Теперь незримыя усилія даже зримыя, и притомъ я въ „юхванствѣ“ **) опять по уши.

*) Повѣсть „Холстомѣръ“.

**) „Юхванствомъ“ или „юфанствомъ“ въ шутку называли увлеченіе Л. Н-ча земледѣльческими работами. Слово „юфанство“ отъ имени рабочаго Юфана, пріемамъ котораго подражалъ Л. Н.

И Соня *) со мной, управляющаго у насъ нѣтъ. Есть помощникъ по полевому хозяйству и постройкамъ, а она одна ведетъ контору и кассу. У меня пчелы, и овцы, и новый садъ, и винокурня. И все идетъ понемножку, хотя, разумѣется, плохо сравнительно съ идеаломъ. Что вы думаете о польскихъ дѣлахъ? Вѣдь дѣло-то плохо, не придется ли намъ съ вами и съ Борисовымъ снимать опять мечъ съ заржавленнаго гвоздя?..

Что ежели мы пріѣдемъ въ Никольское, — увидимъ мы васъ? Когда вы будете у Борисовыхъ? Не пригонимъ ли мы такъ, чтобы вмѣстѣ съѣхаться? Прощайте. Марьѣ Петровнѣ мой душевный поклонъ. Соня и тетенька кланяются.

Л. Толстой.

1864 г.

№ 55.

Графинѣ С. А. Толстой **).

(Село Никольское, 1864 г., Ав.)

...Ты говоришь, я забуду. Ни минуты, особенно съ людьми. На охотѣ, я забываю, помню объ одномъ дупелѣ, но съ людьми, при всякомъ столкновеніи, словѣ, я вспоминаю о тебѣ, и все мнѣ хочется сказать тебѣ то, что я никому, кромѣ тебя, не могу сказать.

Страшный тамъ случай, поразившій меня ужасно. Баба скотница упустила бадью въ колодецъ на конномъ дворѣ. Колодецъ всего 12 аршинъ. Сѣла на палку и велѣла себя спустить мужику. Мужикъ, староста-пчеловодъ, единственный мнѣ знакомый и милый въ Никольскомъ; баба слѣзла

---

*) Жена Л. Н.

**) Жена Л. Н-ча.

внизъ и упала съ палки. Мужикъ староста велѣлъ себя спустить, долѣзъ до половины, упалъ съ палки внизъ. Побѣжали за народомъ, вытащили черезъ полчаса—оба мертвые. Въ колодцѣ было всего три четверти воды, вчера хоронили.

№ 56.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1864 г., Конецъ ноября).

Все собираюсь, собираюсь писать вамъ, любезный другъ Афанасій Афанасьевичъ и откладываю, оттого, что хочется много написать. А кромѣ многаго надо написать малое нужное. Вотъ что: получивъ ваше письмо, мы ахнули.

Вотъ какъ онъ хорошо про собачій воротникъ, проѣденный молью, говоритъ, а ѣдетъ-таки въ Москву.

Я, какъ болѣе опытный человѣкъ, не удивился и не ахнулъ. Одно, что насъ обоихъ занимаетъ, это то, когда вы ѣдете въ Москву? И главное, когда вы будете у насъ? Надѣемся, что поѣздка въ Москву не измѣнитъ плана погостить у насъ. Мы васъ обоихъ еще разъ оба очень объ этомъ просимъ. Мы сами ѣдемъ въ Москву послѣ праздниковъ, т.-е. въ половинѣ января и пробудемъ до февраля. Когда же вы будете у насъ: до или послѣ? Пожалуйста напишите. Что вы подѣлываете? Какъ хозяйство? Не пишете ли что? У насъ все хорошо. Дѣти и жена здоровы. Хозяйствомъ я передъ вами похвастаюсь, когда вы пріѣдете. И я довольно много написалъ нынѣшнюю осень своего романа „Ars longa, vita brevis“, — думаю я всякій день. Коли можно бы было успѣть $\frac{1}{100}$ долю исполнить того, что понимаешь, но выходитъ только $\frac{1}{10000}$ часть. Все-таки это сознаніе, что могу,— составляетъ счастіе нашего брата. Вы знаете это чувство. Я нынѣшній годъ съ особенной силой его испытываю. Ну и прощайте. Обнимаю васъ, кланяюсь вашей женѣ. Напишите же, пожалуйста, когда навѣрное вы будете у насъ.

Мы хотимъ васъ помѣстить получше, чтобы вы подольше у насъ гостили. Не говорите: „ничего не нужно“ и т. п. — вы лишите насъ огромнаго удовольствія, на которое мы съ осени разсчитывали, — подольше побыть съ вами. У насъ теперь гости: сестра съ дочерьми, на праздникъ пріѣдутъ Д-ы и Феты, и всѣмъ будетъ хорошо, ежели вы напишете навѣрное.

Л. Толстой.

1865 г.

№ 57.

Т. А. Берсъ *).

(Ясная Поляна, 1865 г., Февр.).

...Да, вотъ я разсуждаю уже 2-й день, что очень грустно, оттого что на свѣтѣ всѣ эгоисты, изъ которыхъ первый я самъ. Я не упрекаю никого, но думаю, что это очень скверно и что нѣтъ эгоизма только между мужемъ и женой, когда они любятъ другъ друга. Мы живемъ теперь два мѣсяца одни одинешеньки съ дѣтьми, которыя первые эгоисты, и никому до насъ дѣла нѣтъ. Въ Пироговѣ насъ забыли и въ Москвѣ, думаемъ, тоже. И самъ понемножку забываешь. Я не могу разсказать, что я хочу, но ты очень молода и потому, можетъ быть, поймешь, а мнѣ два дня все это одно въ головѣ. И особенно Феты навели меня на эту мысль. Какъ хорошо тому жить и съ тѣмъ жить, который умѣетъ любить. Ты, пожалуйста, напиши (все равно, правда или неправда ли), что ты насъ любишь — для насъ. Я Дорку (собачку) полюбилъ за то, что она не эгоистка. Какъ бы это выучиться такъ жить, чтобы всегда радоваться счастью другого. Ты никому не читай, что я пишу, а то подумаютъ, что я съ ума сошелъ. Я только проснулся и въ головѣ сум-

*) Свояченица Л. Н.

буръ и раздраженіе, какъ будто бы мнѣ 15 лѣтъ и все хочется понять, чего нельзя понять, и ко всѣмъ чувствуешь нѣжность и раздраженіе. Мы тебя скоро увидимъ. Это очень хорошо. Прощай, напиши намъ подробнѣе о себѣ. Хотя это моя дичь и не стоитъ того...

№ 58.

Т. А. Ергольской.

(по-французски).

(Москва, 1865 г., Мартъ 8).

Chère tante!

Мы живемъ по старому. Соня и дѣти, слава Богу, здоровы. У Берсовъ тоже все хорошо. Мы видаемся съ ними каждый день и каждый день кто-нибудь у насъ или мы у кого-нибудь бываемъ — Перфильевы, Горчаковы, Оболенскій маленькій съ женою. Нынче у меня будетъ Чичеринъ, котораго вы такъ любите и который все такой же. Я думаю, Соня вамъ припишетъ еще, я же признаюсь, тороплюсь и пишу съ тѣмъ, чтобы попросить о милости. Я послалъ вчера на ваше имя сѣмянъ. Будьте такъ добры, отдайте ихъ садовнику и скажите, чтобы сѣмена оранжерейныхъ растеній, какъ-то: азалій, камелій, акацій и т. п., не сѣялъ до моего пріѣзда, ежели онъ не знаетъ вѣрно, въ какой землѣ и какъ ихъ надо сѣять. Мы еще не получили отъ васъ ничего; пожалуйста, напишите намъ два слова, чтобы только мы знали, что вы здоровы.

Л. Толстой.

№ 59.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1865 г., Май 16).

Простите меня, любезный другъ Афанасій Афанасьевичъ, за то, что долго не отвѣчалъ вамъ. Не знаю, какъ это случилось. Правда, въ это время было больно одно изъ дѣтей,

и я самъ едва удержался отъ сильной горячки и лежалъ три дня въ постели. Теперь у насъ все хорошо и даже очень весело. У насъ Таня, потомъ сестра съ своими дѣтьми, и наши дѣти здоровы и цѣлый день на воздухѣ. Я все пишу понемножку и доволенъ своей работой. Вальдшнепы все еще тянутъ, и я каждый вечеръ стрѣляю *по нимъ*, т.-е. преимущественно мимо. Хозяйство мое идетъ хорошо, т.-е. мало тревожитъ меня,—все, что я отъ него требую. Вотъ все про меня. На вашъ вопросъ упомянуть о Ясной Полянѣ-школѣ, я отвѣчаю отрицательно. Хотя ваши доводы и справедливы, но про нее (Я. П.) журналы забыли, и мнѣ не хочется напоминать, не потому, чтобы я отрекался отъ выраженнаго тамъ, но напротивъ потому, что не перестаю думать объ этомъ и ежели Богъ дастъ жизни, надѣюсь еще изъ всего этого составить книгу, съ тѣмъ заключеніемъ, которое вышло для меня изъ моего 3-хлѣтняго страстнаго увлеченія этимъ дѣломъ. Я не понялъ вполнѣ то, что вы хотите сказать въ статьѣ, которую вы пишете; тѣмъ интереснѣе будетъ услышать отъ васъ, когда свидимся. Наше дѣло землевладѣльческое теперь подобно дѣламъ акціонера, который бы имѣлъ акціи, потерявшія цѣну и не имѣющія хода на биржѣ. Дѣло очень плохо. Я для себя рѣшаю его только такъ, чтобы оно не требовало отъ меня столько вниманія и участія, чтобы это участіе лишало меня моего спокойствія. Послѣднее время я своими дѣлами доволенъ, но общій ходъ дѣлъ, т.-е. предстоящее народное бѣдствіе голода съ каждымъ днемъ мучаетъ меня больше и больше. Такъ странно и даже хорошо и страшно. У насъ за столомъ редиска розовая, желтое масло, подрумяненный мягкій хлѣбъ на чистой скатерти, въ саду зелень, молодыя наши дамы въ кисейныхъ платьяхъ, рады, что жарко и тѣнь, а тамъ этотъ злой чертъ голодъ дѣлаетъ уже свое дѣло, покрываетъ поля лебедой, разводитъ трещины по высохнувшей землѣ и обдираетъ мозольныя пятки мужиковъ и бабъ и

трескаетъ копыта у скотины. Право страшная у насъ погода, хлѣба и луга. Какъ у васъ? Напишите повѣрнѣе и подробнѣе. Боткинъ у васъ. Пожмите ему отъ меня руку. Зачѣмъ онъ ко мнѣ не заѣхалъ? Я на-дняхъ ѣду въ Никольское еще одинъ безъ семьи и потому не надолго и къ вамъ не пріѣду. Но то-то хорошо было бы, коли бы въ это же время судьба принесла васъ къ Борису. Кланяюсь отъ себя и жены Марьѣ Петровнѣ. Мы въ іюнѣ намѣрены со всею семьей переѣхать въ Никольское; тогда увидимся, и уже навѣрное буду у васъ.

Что за злая судьба на васъ? Изъ вашихъ разговоровъ я всегда видѣлъ, что одна только въ хозяйствѣ была сторона, которую вы сильно любили, и которая радовала васъ,— это коннозаводство, и на нее то и обрушилась бѣда. Приходится вамъ опять перепрягать свою колесницу, а „юхванство“ перепрячь изъ оглобель на пристяжку; а мысль и художество ужъ давно у васъ переѣзжены въ корень. Я ужъ перепрегъ и гораздо покойнѣе поѣхалъ.

„Довольно“ мнѣ не нравится. Личное, субъективное хорошо только тогда, когда оно полно жизни и страсти, а тутъ субъективность полная безжизненнаго страданія.

Л. Толстой.

1866 г.

№ 60.

Т. А. Ергольской.

(Москва, 1866 г., Янв.).

Мы вчера переѣхали на квартиру, гдѣ намѣрены прожить до 23-го. До сихъ поръ нашъ переѣздъ и наше пребываніе въ Москвѣ совершенно удачны и пріятны. Мы и дѣти здоровы, наши родные тоже. Квартиру мы нашли на Дмитровкѣ, въ домѣ Хлудова, бельэтажъ, въ шесть комнатъ,

прекрасно меблированныхъ, съ дровами, съ самоваромъ, водой, всей посудой, серебромъ и бѣльемъ столовымъ, за 155 руб. въ мѣсяцъ, наняли повара за 10 руб. въ мѣсяцъ, такъ что мы проживемъ это время, какъ дома, со всѣми удобствами. Мы отъ васъ не получили еще ни одного письма. Напишите намъ пожалуйста. Мы разберемъ, какъ бы вы не написали. Соня вамъ, вѣрно напишетъ въ этомъ письмѣ и опишетъ все о Сереженькѣ, что васъ, мы знаемъ, больше всего интересуетъ. Онъ дня три тому назадъ было закашлялся и надо было видѣть испугъ дѣдушки и бабушки. Они не меньше насъ любятъ нашихъ дѣтей. Для больной Тани призывали спеціалиста доктора, и онъ утѣшилъ насъ, увѣряя, что у ней нѣтъ еще грудной болѣзни. Но онъ сказалъ, что ее надо беречь. Она было очень ослабѣла отъ лихорадки, которая у нея продолжалась и здѣсь, но теперь уже третій день, какъ ея нѣтъ.

№ 61.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1866 г., Ноябрь 7).

Милый другъ Афанасій Афанасьевичъ, я не отвѣчалъ на ваше послѣднее письмо сто лѣтъ тому назадъ, и виноватъ за это тѣмъ болѣе, что, помню, въ этомъ письмѣ вы мнѣ пишете очень мнѣ интересныя вещи о моемъ романѣ, и еще пишете irritabilis poetarum gens. Ну ужъ не я. Я помню, что порадовался, напротивъ, вашему сужденію объ одномъ изъ моихъ героевъ—князѣ Андреѣ,—и вывелъ для себя поучительное изъ вашего сужденія. Онъ однообразенъ, скученъ и только un homme comme il faut во всей первой части. Это правда, но виноватъ въ этомъ не онъ, а я. Кромѣ замысла характеровъ и движенія ихъ, кромѣ замысла столкновеній характеровъ, есть у меня еще замыселъ историческій, который чрезвычайно усложняетъ мою работу, и съ

которой я не справляюсь, какъ кажется. И отъ этого въ 1-й части я занялся исторической стороной, а характеръ стоитъ и не движется. И это недостатокъ, который я ясно понялъ вслѣдствіе вашего письма и, надѣюсь, что исправилъ. Пожалуйста, пишите мнѣ, милый другъ, все, что вы думаете обо мнѣ, т.-е. о моемъ писаніи, дурного. Мнѣ всегда это въ великую пользу, а кромѣ васъ у меня никого нѣтъ. Я вамъ не пишу по четыре мѣсяца и рискую, что вы проѣдете въ Москву, не заѣхавъ ко мнѣ, а все-таки вы человѣкъ, котораго, не говоря о другомъ, по уму я цѣню выше всѣхъ моихъ знакомыхъ, и который въ личномъ общеніи даетъ одинъ мнѣ тотъ другой хлѣбъ, которымъ кромѣ е д и н а г о будетъ сытъ человѣкъ. Пишу вамъ главное затѣмъ, чтобы умолять васъ заѣхать къ намъ, когда вы поѣдете „обнимать“. На что это похоже, что мы такъ подолгу не видимся! Жена и я слезно просимъ Марью Петровну заѣхать къ намъ. Я на дняхъ, одинъ, т.-е. съ сестрой Таней ѣду на короткое время въ Москву. Ее я отвожу къ родителямъ, а самъ ѣду для того, чтобы печатать 2-ю часть своего романа. Что вы дѣлаете? Не по земству, не по хозяйству,—это все дѣла несвободныя человѣка. Это вы и мы дѣлаемъ такъ же стихійно и несвободно, какъ муравьи копаютъ кочку, и въ этомъ родѣ дѣлъ нѣтъ ни хорошаго, ни дурного;—а что вы дѣлаете мыслью, самой пружиной своей Фетовой, которая только одна и была, и есть, и будетъ на свѣтѣ. Жива ли эта пружина? Просится ли наружу? Какъ выражается? И не разучилась ли выражаться? Это главное. Прощайте, милый другъ, обнимаю васъ; и отъ себя, и отъ жены прошу передать душевный поклонъ Марьѣ Петровнѣ, которую мы надѣемся у себя видѣть и очень о томъ просимъ.

Л. Толстой.

1867 г.

№ 62.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1867 г., Іюнь 27).

Ежели бы я вамъ писалъ, милый другъ Афан. Афан., всякій разъ, какъ я о васъ думаю, то вы бы получали отъ меня по два письма въ день. А всего не выскажешь и кромѣ того то лѣнь, а то слишкомъ занятъ, какъ теперь. На-дняхъ я пріѣхалъ изъ Москвы и предпринялъ строгое лѣченіе, подъ руководствомъ Захарьина *), и главное, печатаю романъ, въ типографіи Риса, готовлю и посылаю рукопись и корректуры, и долженъ такъ день за день подъ страхомъ штрафа и несвоевременнаго выхода. Это и пріятно, и тяжело, какъ вы знаете.

О „Дымѣ“ я вамъ писать хотѣлъ давно и, разумѣется, то самое, что вы мнѣ пишете. Отъ этого то мы и любимъ другъ друга, что одинаково думаемъ умомъ сердца, какъ вы называете. (Еще за это письмо вамъ спасибо большое. Умъ ума и умъ сердца—это мнѣ многое объяснило). Я про „Дымъ“ думаю то, что сила поэзіи лежитъ и въ любви; направленіе этой силы зависитъ отъ характера. Безъ силы любви нѣтъ поэзіи; ложно направленная сила,—непріятный, слабый характеръ поэта претитъ. Въ „Дымѣ“ нѣтъ ни къ чему почти любви и нѣтъ почти поэзіи. Есть любовь только къ прелюбодѣянію легкому и игривому, и потому поэзія этой повѣсти противна. Вы видите,—это то же, что вы пишете. Я боюсь только высказать это мнѣніе, потому что я не могу трезво смотрѣть на автора, личность котораго не люблю; но, кажется, мое впечатлѣніе общее всѣмъ. Еще одинъ кончилъ. Желаю и надѣюсь, что никогда не придетъ мой чередъ. И о васъ тоже думаю. Я отъ васъ

*) Московскій профессоръ

все жду, какъ отъ 20-лѣтняго поэта, и не вѣрю, чтобы вы кончили. Я свѣжѣе и сильнѣе васъ не знаю человѣка. Потокъ вашъ все течетъ, давая то же извѣстное количество ведеръ воды—силы.—Колесо, на которое онъ падалъ, сломалось, разстроилось, принято прочь, но потокъ все течетъ, и ежели онъ ушелъ въ землю, онъ гдѣ-нибудь опять выйдетъ и завертитъ другія колеса. Ради Бога не думайте, чтобы я это вамъ говорилъ потому, что долгъ платежемъ красенъ, и что вы мнѣ всегда говорите подбадривающія вещи, нѣтъ, я всегда и объ одномъ васъ такъ думаю.—Хотѣлъ еще писать, но пріѣхали гости и помѣшали. Прощайте, обнимаю васъ, милый другъ, и цѣлую руку Марьи Петровны и прошу за меня пожать руку Борисову, у котораго надѣюсь быть осенью. Я адресую во Мценскъ, потому что вы тамъ на выборахъ.

Мнѣ такъ хочется васъ видѣть, что я бы пріѣхалъ къ вамъ, ежели бы было возможно. Благодѣтель, голубчикъ, пріѣзжайте ко мнѣ на денекъ.

Л. Толстой.

1869 г.

№ 63.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1869 г., Авг. 30).

Получилъ ваше письмо и отвѣчаю не столько на него, сколько на свои мысли о васъ. Ужъ вѣрно я не менѣе вашего тужу о томъ, что мы такъ мало видимся. Я дѣлалъ планы пріѣхать къ вамъ и дѣлаю еще. Но до сихъ поръ вотъ не готовъ шестой томъ, который я думалъ кончить мѣсяцъ тому назадъ,—до сихъ поръ, хотя весь давно набранъ,—не конченъ.

Знаете ли, что было для меня нынѣшнее лѣто?—Непереставшій восторгъ передъ Шопенгауэромъ и рядъ духовныхъ наслажденій, которыхъ я никогда не испытывалъ. Я

выписалъ всѣ его сочиненія и читалъ и читаю (прочелъ и Канта). И вѣрно ни одинъ студентъ въ свой курсъ не учился такъ много и столь многаго не узналъ, какъ я въ нынѣшнее лѣто. Не знаю, перемѣню ли я когда мнѣніе, но теперь я увѣренъ, что Шопенгауэръ геніальнѣйшій изъ людей. Вы говорили, что онъ такъ себѣ кое что писалъ о философскихъ предметахъ. Какъ кое что? Это весь міръ въ невѣроятно ясномъ и красивомъ отраженіи. Я началъ переводить его. Не возьметесь ли и вы за переводъ его? Мы бы издали вмѣстѣ. Читая его, мнѣ непостижимо, какимъ образомъ можетъ оставаться имя его неизвѣстнымъ? Объясненіе только одно, то самое, которое онъ такъ часто повторяетъ, что кромѣ идіотовъ на свѣтѣ почти никого нѣтъ. Жду васъ съ нетерпѣніемъ къ себѣ. Иногда душитъ неудовлетворенная потребность въ родственной натурѣ, какъ ваша, чтобы высказать все накопившееся.

Вашъ *Л. Толстой.*

Уже написавъ это письмо,—рѣшилъ окончательно свою поѣздку въ Пензенскую губернію для осмотра имѣнія, которое я намѣреваюсь купить въ тамошней глуши. Я ѣду завтра 31-го и вернусь около 14-го. Васъ же жду къ себѣ и прошу вмѣстѣ съ женой къ ея именинамъ, т.-е. пріѣхать 15-го и пробыть у насъ по крайней мѣрѣ дня три.

Л. Толстой.

№ 64.

Графинѣ С. А. Толстой.

(Изъ Пензенской губ., 1869 г., Сент.).

Что съ тобой и дѣтьми? Не случилось ли что? Я второй день мучаюсь безпокойствомъ. Третьяго дня въ ночь я ночевалъ въ Арзамасѣ*) и со мной было что-то необыкновенное. Было два часа ночи, я усталъ страшно, хотѣлось спать и ничего не болѣло. Но вдругъ на меня напала тоска, страхъ, ужасъ, такіе, какихъ я никогда не испытывалъ. По-

*) Л. Н. расчитывалъ купить имѣніе, но покупка, не состоялась.

дробности этого чувства я тебѣ разскажу впослѣдствіи, но подобнаго мучительнаго чувства я никогда не испытывалъ и никому не дай Богъ испытать. Я вскочилъ, велѣлъ закладывать. Пока закладывали, я заснулъ и проснулся здоровымъ. Вчера это чувство въ гораздо меньшей степени возвратилось во время ѣзды, но я былъ приготовленъ и не поддавался ему, тѣмъ болѣе, что оно было слабѣе. Нынче чувствую себя здоровымъ и веселымъ, насколько могу быть безъ семьи. Въ эту поѣздку я въ первый разъ почувствовалъ, до какой степени я сросся съ тобой и съ дѣтьми. Я могу оставаться одинъ и въ постоянныхъ занятіяхъ, какъ я бываю въ Москвѣ, но какъ теперь, безъ дѣла, я рѣшительно чувствую, что не могу быть одинъ.

1870 г.

№ 65.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1870 г., Февр. 4).

Письмо ваше, любезный Афанасій Афанасьевичъ, получилъ я 1-го февраля. Но даже если бы получилъ и нѣсколько прежде, я не могъ бы ѣхать. Вы мнѣ пишете: „я одинъ, одинъ...“ А я читаю и думаю: вотъ счастливецъ—одинъ. А у меня жена, трое дѣтей, четвертый грудной, двѣ старухи тетки, нянька и двѣ горничныя. И все это вмѣстѣ больно: лихорадка и жаръ, слабость, головная боль, кашель. Въ такомъ положеніи застало меня ваше письмо. Теперь начинаютъ поправляться; но за столомъ еще обѣдаю я со старухой теткой изъ десяти человѣкъ. Да и я второй день боленъ грудью и бокомъ. Какъ только поправимся, то пріѣду къ вамъ. Многое, очень многое хочется вамъ сообщить. Я очень много читалъ Шекспира, Гёте, Пушкина, Гоголя, Мольера,—и обо всемъ этомъ многое хочется вамъ сказать. Я нынѣшній годъ не получаю ни одного журнала

и ни одной газеты и нахожу, что это очень полезно. Пожалуйста пишите мнѣ изрѣдка, чтобы мнѣ знать, можно ли застать васъ дома.

Вашъ *Л. Толстой.*

№ 66.

А. А. Фету.

(1870 г., Дек.).

Получилъ ваше письмо уже съ недѣлю, но не отвѣчалъ, потому что съ утра до ночи учусь по-гречески. Я ничего не пишу, а только учусь. И судя по свѣдѣніямъ, дошедшимъ до меня отъ Борисова, ваша кожа, отдаваемая за пергаментъ для моего диплома греческаго, находится въ опасности. Невѣроятно и ни на что не похоже. Но я прочелъ Ксенофонта и теперь à livre ouvert читаю его. Для Гомера же нуженъ лексиконъ и немного напряженія.

Жду съ нетерпѣніемъ случая показать кому-нибудь этотъ фокусъ. Но какъ я счастливъ, что на меня Богъ наслалъ эту дурь. Во-первыхъ, я наслаждаюсь, во-вторыхъ, — убѣдился, что изо всего истинно прекраснаго и простого прекраснаго, что произвело слово человѣческое, я до сихъ поръ ничего не зналъ, какъ и всѣ—и знаютъ, но не понимаютъ; въ-третьихъ,—тому, что я не пишу и писать дребедени многословной никогда не стану. И виноватъ, и ей-Богу никогда не буду. Ради Бога объясните мнѣ, почему никто не знаетъ басенъ Эзопа, ни даже прелестнаго Ксенофонта, не говорю уже о Платонѣ, Гомерѣ, которые мнѣ предстоятъ. Сколько я теперь ужъ могу судить, Гомеръ только изгаженъ нашими взятыми съ нѣмецкаго образца переводами. Пошлое, но невольное сравненіе: отварная и дестиллированная вода и вода изъ ключа, ломящая зубы, съ блескомъ и солнцемъ и даже соринками, отъ которыхъ она еще чище и свѣжѣе. Всѣ эти Фоссы и Жуковскіе поютъ какимъ-то медово-паточнымъ, горловымъ и подлизывающимъ голосомъ. А тотъ чортъ и поетъ, и оретъ во всю грудь, и никогда ему въ голову

не приходило, что кто-нибудь его можетъ слушать. Можете торжествовать: безъ знанія греческаго — нѣтъ образованія. Но какое знаніе? Какъ его пріобрѣтать? Для чего оно нужно? На это у меня есть ясные, какъ день, доводы.

Вы не пишете ничего о Марьѣ Петровнѣ, изъ чего съ радостью заключаемъ, что ея выздоровленіе хорошо подвигается. Мои всѣ здоровы и вамъ кланяются.

Вашъ *Л. Толстой.*

1871 г.

№ 67.

Графинѣ С. А. Толстой.

(По дорогѣ между Москвой и Н.-Новгородомъ, 1871 г., Іюнь).

Объѣзжалъ выставку*) и немного опоздалъ. Я подъѣзжалъ къ дебаркадеру, былъ второй звонокъ, и билетовъ не выдаютъ. Первое лицо я встрѣчаю растрепаннаго барина съ барыней, который мнѣ кричитъ: хотите взять билетъ? Я взялъ, но вещи мои не пріѣхали и билетъ пропадаетъ. Я говорю: мнѣ до Нижняго, онъ говоритъ: и я до Нижняго. Я говорю: мнѣ нельзя одинъ билетъ, мнѣ два. Онъ говоритъ: у меня два. Я заплатилъ барину двадцать рублей, вскочилъ въ вагонъ, третій звонокъ и поѣхалъ.

Къ чему это не знаю. Но необыкновенно.

№ 68.

Графинѣ С. А. Толстой.

(Изъ Самарской губ., 1871 г., Іюнь 18).

Съ тѣхъ поръ какъ пріѣхалъ сюда**), каждый день въ шесть часовъ вечера начинается тоска, какъ лихорадка, тоска физическая, ощущеніе которой я не могу лучше передать, какъ то, что душа съ тѣломъ разстается. Душевной

*) Въ Москвѣ.
**) На кумысъ.

тоски о тебѣ я не позволяю подниматься. И никогда не думаю о тебѣ и дѣтяхъ, и оттого не позволяю себѣ думать, что всякую минуту готовъ думать, а стоитъ раздуматься, то сейчасъ уѣду. Состоянія я своего не понимаю: или я простудился въ кибиткѣ въ первыя холодныя ночи, или кумысъ мнѣ вреденъ, но въ три дня, которые я здѣсь, мнѣ хуже. Главное слабость, тоска, хочется играть въ милашку и плакать, а ни съ башкирами, ни со Степой*) это неудобно.

Больнѣе мнѣ всего за себя то, что я отъ нездоровья своего чувствую себя одной десятой того, что есть. Нѣтъ умственныхъ и, главное, поэтическихъ наслажденій. На все смотрю, какъ мертвый, то самое, за что я не любилъ многихъ людей. А теперь самъ только вижу, что есть, понимаю, соображаю, но не вижу насквозь съ любовью, какъ прежде. Если и бываетъ поэтическое расположеніе, то самое кислое, плаксивое, хочется плакать.

Ново и интересно многое: и башкиры, отъ которыхъ Геродотомъ пахнетъ, и русскіе мужики, и деревни, особенно прелестныя по простотѣ и добротѣ народа.

№ 69.

Графинѣ С. А. Толстой.

(Изъ Самарск. губ., 1871 г., Іюнь).

Поѣздка наша продолжалась 4**) дня и удалась прекрасно. Дичи пропасть, дѣвать некуда, утокъ пропасть и ѣсть некому. И башкиры, и мѣста, гдѣ мы были, и товарищи наши прекрасны. Принимали насъ вездѣ съ гостепріимствомъ, которое трудно описать. Куда пріѣзжаешь, хозяинъ закалываетъ жирнаго курдюкскаго барана, становитъ огромную кадку кумыса, стелетъ ковры и подушки на полу, сажаетъ на нихъ гостей и не выпускаетъ, пока не съѣдятъ его барана и не выпьютъ его кумыса. Изъ рукъ поитъ гостей и

*) Шуринъ Л. Н-ча.

**) На Каралыкъ, въ Самарск. степяхъ.

руками (безъ вилки въ ротъ) кладетъ гостямъ баранину и жиръ, и нельзя его обидѣть. Много было смѣшного. Мы съ Костенькой пили и ѣли съ удовольствіемъ, и это намъ, очевидно, было въ пользу, но Степа и баронъ были смѣшны и жалки, особенно баронъ. Ему хотѣлось не отставать и онъ пилъ, но подъ конецъ его вырвало на ковры, и потомъ когда мы на обратномъ пути намекнули не заѣхать ли опять къ гостепріимному башкирцу, то онъ чуть не со слезами сталъ просить, чтобы не ѣздили.

№ 70.

А. А. Фету.

(Изъ Уфимской губ., 1871 г., Іюль 18).

Благодарю васъ за Ваше письмо, любезный другъ. Кажется, что жена сдѣлала фальшивую тревогу, отославъ меня на кумысъ и убѣдивъ меня, что я боленъ. Какъ бы то ни было, теперь, послѣ 4-хъ недѣль, я, кажется, совсѣмъ оправился. И какъ слѣдуетъ при кумысномъ лѣченіи,—съ утра до вечера пьянъ, потѣю и нахожу въ этомъ удовольствіе. Здѣсь очень хорошо, и если бы не тоска по семьѣ, я былъ бы совершенно счастливъ здѣсь. Если бы начать описывать, то я исписалъ бы сто листовъ, описывая здѣшній край и мои занятія. Читаю и Геродота, который съ подробностью и большою вѣрностью описываетъ тѣхъ самыхъ галакто-фаговъ-скифовъ, среди которыхъ я живу.

Вчера началъ писать это письмо, и писалъ, что я здоровъ. Нынче опять болитъ бокъ. Самъ не знаю, насколько я нездоровъ, но нехорошо уже то, что принужденъ и не могу не думать о моемъ бокѣ и груди. Жара третій день стоитъ страшная. Въ кибиткѣ накалено, какъ на полкѣ, но мнѣ это пріятно. Край здѣсь прекрасный, по своему возрасту только что выходящій изъ дѣвственности, по богатству, здоровью и въ особенности по простотѣ и неиспорченности народа. Я, какъ и вездѣ, примѣриваюсь, не купить ли имѣніе. Это мнѣ

занятіе и лучшій предлогъ для узнанія настоящаго положенія края. Теперь остается 10 дней до шести недѣль, тогда напишу Вамъ и устроимся, чтобы увидѣться. Помогай Вамъ Богъ съ Вашими трудами. Хомутовъ на васъ много: и труднѣе, и интереснѣе всѣхъ Петя. Поцѣлуйте его за меня. Душевный поклонъ Марьѣ Петровнѣ.

Л. Толстой.

1872 г.

№ 71.

Н. Н. Страхову.

(Ясная Поляна, 1872 г.).

Знаете ли, что меня въ васъ поразило всего болѣе? Это выраженіе вашего лица, когда вы разъ, не зная, что я въ кабинетѣ, вошли изъ сада въ балконную дверь. Это выраженіе чуждое, сосредоточенное и строгое, объяснило мнѣ васъ разумѣется съ помощью того, что вы писали и говорили. Я увѣренъ, что вы предназначены къ чисто философской дѣятельности. Я говорю „чисто“, въ смыслѣ отрѣшенія отъ поэтическаго, религіознаго объясненія вещей. Ибо философія чисто умственная есть уродливое западное произведеніе, и ни грекъ Платонъ, ни Шопенгауэръ, ни русскіе мыслители не понимали ее такъ. У васъ есть одно качество, которое я не встрѣчалъ ни у кого изъ русскихъ: это—при ясности и краткости изложенія мягкость, соединенная съ силой: вы не зубами рвете, а мягкими сильными лапами. Я не знаю содержанія вашего предполагаемаго труда, но заглавіе мнѣ очень нравится, если оно опредѣляетъ содержаніе въ общемъ смыслѣ. Но да не будетъ это статья, но пожалуйста сочиненіе. Но бросьте развратную журнальную дѣятельность. Я вамъ про себя скажу: вы, вѣрно, испытываете то, что я испытывалъ тогда, когда жилъ, какъ вы въ суетѣ, что изрѣдка выпадаютъ въ мѣсяцы часы досуга и

тишины, во время которыхъ вокругъ тебя устанавливается понемногу ничѣмъ не нарушимая своя собственная атмосфера и въ этой атмосферѣ всѣ жизненныя явленія начинаютъ размѣщаться такъ, какъ они должны быть и суть для тебя, и чувствуешь себя и свои силы: какъ измученный человѣкъ послѣ бани. И въ эти то минуты для себя (не для другихъ) истинно хочется работать и бываешь счастливъ однимъ сознаніемъ себя и своихъ силъ, иногда и работы. Это то чувство вы, я думаю, испытываете, и нерѣдко и я прежде, теперь же это мое нормальное положеніе, и только изрѣдка я испытываю ту суету, въ которой и вы меня застали и которая только изрѣдка прерываетъ это состояніе. Вотъ этого то я бы желалъ вамъ.

Левъ Толстой.

№ 72.

Н. Н. Страхову.

1872 г.

Огромныхъ денегъ я не жду за книгу *) и даже увѣренъ, что хотя и слѣдовало бы, ихъ не будетъ; первое изданіе разойдется сейчасъ же, а потомъ особенности книги разсердятъ педагоговъ, всю книгу растащатъ по хрестоматіямъ, и книга не пойдетъ. Имѣютъ свои судьбы книги, и авторы чувствуютъ эти судьбы. Такъ и вы знаете, что ваша книга хороша, и я это знаю, но вы чувствуете, что она не пойдетъ. Издавая „Войну и миръ“, я знаю, что она исполнена недостатковъ, но знаю, что она будетъ имѣть тотъ самый успѣхъ, какой она имѣла, а теперь вижу очень мало недостатковъ въ Азбукѣ, знаю ея огромное преимущество надъ всѣми книгами и не жду успѣха, именно того, который должна имѣть учебная книга.

Л. Толстой.

*) Азбуку.

№ 73.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1872 г., Февр. 20).

Какъ мнѣ грустно было узнать, что вы были въ Москвѣ и еще хуже, что, когда я на дняхъ въ другой разъ пріѣхалъ въ Москву, я узналъ, что вы наканунѣ уѣхали. Какъ же было не написать мнѣ словечко о своемъ положеніи? Я могу не переписываться по годамъ со своими друзьями, но когда другъ въ бѣдѣ, то ужасно совѣстно и больно не знать. Напишите, какъ вы теперь? Не зарабатывайтесь своимъ судействомъ. Вы мнѣ это проповѣдываете, а вамъ едва ли не нужнѣе, я ужъ лѣтъ 9 не помню васъ хоть на денекъ спокойнымъ и свободнымъ. Въ Москвѣ теперь хотѣлъ съѣздить къ Боткину, чтобы разузнать про васъ, но самъ заболѣлъ, пролежалъ и больной насилу добрался домой. Теперь лучше. Дома все хорошо; и домъ вы нашъ не узнаете: мы всю зиму ужъ пользуемся новой пристройкой. Еще новость, это — что я опять завелъ школу, и жена и дѣти, мы всѣ учимъ и всѣ довольны. Я кончилъ свои азбуки, печатаю и принимаюсь за душевное сочиненіе, котораго не только въ письмѣ, но и на словахъ едва ли разскажу, несмотря на то, что вы тотъ, кому можно разсказать. Теперь пишу и вспоминаю, какъ давно мы потерялись изъ виду. Напишите пожалуйста поподробнѣе. Жена и я просимъ передать душевный привѣтъ Марьѣ Петровнѣ. Какъ ея здоровье? Прощайте.

Вашъ искренній другъ *Л. Толстой*.

№ 74.

А. Ф. Писемскому.

(1872 г., Мартъ 3).

Милостивой Государь Алексѣй Феофилактовичъ.

Отъ всей души благодарю васъ за ваше письмо и присылку книги. Кромѣ удовольствія вашего письма, это сдѣ-

лало то, что я второй разъ прочелъ вашъ романъ*) и второе чтеніе только усилило то впечатлѣніе, о которомъ я говорилъ вамъ. Третья часть, которую я еще не читалъ тогда—такъ же прекрасна—какъ первыя главы, которыя меня при первомъ чтеніи привели въ восторгъ. Одно только непріятное впечатлѣніе произвели на меня ваши письма, это то, что мнѣ стало совѣстно, что я не былъ у васъ.

Въ первый разъ, какъ буду, устроюсь, чтобы провести у васъ вечеръ. Перфильевъ, впрочемъ, знаетъ, какой я всегда шальной въ Москвѣ.

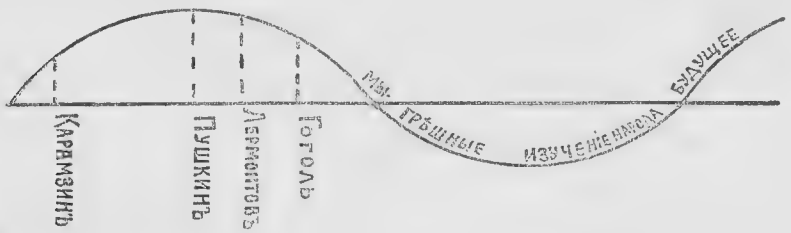
Искренно уважающій и преданный гр. *Л. Толстой.*

№ 75.

Н. Н. Страхову.

(Ясная Поляна, 1372 г., Мартъ).

Замѣтили ли вы въ наше время въ мірѣ русской поэзіи связь между двумя явленіями, находящимися между собой въ обратномъ отношеніи: упадокъ поэтическаго творчества всякаго рода—музыки, живописи, поэзіи и стремленіе къ изученію русской народной поэзіи всякаго рода,—музыки, живописи и украшенія, и поэзіи. Мнѣ кажется, что это даже не упадокъ, смерть съ залогомъ возрожденія въ народности. Послѣдняя волна, поэтическая парабола, была



при Пушкинѣ на высшей точкѣ, потомъ Лермонтовъ, Гоголь, мы грѣшные, и ушла подъ землю, другая линія пошла въ

*) Дѣло, вѣроятно, идетъ о романѣ Писемскаго „Въ водоворотѣ“, изданномъ въ 1872 г. и ранѣе напечатанномъ въ „Бесѣдѣ“ С. В. Юрьева 1871 г.

изученіе народа и выплыветъ, Богъ дастъ, а Пушкина періодъ умеръ, совсѣмъ сошелъ на нѣтъ.

Вы понимаете, вѣроятно, что я хочу сказать. Счастливы тѣ, кто будетъ участвовать въ выплываніи. Я надѣюсь.

Л. Толстой.

№ 76.

Н. Н. Страхову.

(Ясная Поляна, 1872 г., Авг. 7).

Я до одурѣнія занимаюсь эти дни окончаніемъ ариѳметики. Умноженіе и дѣленіе кончены и кончаю дроби. Вы будете смѣяться надо мной, что я взялся не за свое дѣло, но мнѣ кажется, что ариѳметика будетъ лучшее въ книгѣ.

Л. Толстой.

№ 77.

Графинѣ А. А. Толстой.

(Ясная Поляна, 1872 г., Авг.).

Любезный другъ Alexandrine,—вы одна изъ тѣхъ людей, которые всѣмъ существомъ своимъ говорятъ: „Я хочу раздѣлить съ тобою твои горести, а ты со мною—раздѣли свои радости". И я вотъ, всегда, разсказывающій вамъ о своемъ счастьѣ, теперь ищу вашего сочувствія въ моемъ горѣ. Нежданно, негаданно на меня обрушилось событіе *), измѣнившее всю мою жизнь.

Страшно подумать, страшно вспомнить о всѣхъ мерзостяхъ которыя мнѣ дѣлали, дѣлаютъ и будутъ дѣлать. Съ сѣдой бородой, съ шестью дѣтьми и съ сознаніемъ полезной и трудовой жизни, съ твердой увѣренностью,

*) Событіе заключалось въ томъ, что молодой быкъ изъ графскаго стада забодалъ пастуха. Молодой судебный слѣдователь привлекъ Л. Н. къ отвѣтственности и всячески изводилъ его своимъ слѣдовательскимъ усердіемъ.

что я не могу быть виновнымъ, съ презрѣніемъ, котораго я не могу не имѣть къ новымъ судамъ, сколько я ихъ видѣлъ, съ однимъ желаніемъ, чтобы меня оставили въ покоѣ, какъ я всѣхъ оставляю въ покоѣ. Невыносимо жить въ Россіи—со страхомъ, что каждый мальчикъ, которому лицо мое не понравилось, можетъ заставить меня сидѣть на лавкѣ передъ судомъ, а потомъ въ острогѣ...

№ 78.

Н. Н. Страхову.

(Ясная Поляна, 1872 г., Сент. 15).

Вы вѣрно сердитесь и досадуете на меня, дорогой Николай Николаевичъ, и имѣете полное право, за то, что я не отвѣтилъ, не посылалъ денегъ, и не посылаю ариѳметики 4-й книги. Я виноватъ, но вы не можете себѣ представить, до чего я разстроенъ и взволнованъ всѣ эти дни. Случилось во время моего отсутствія въ Самарѣ, что молодой быкъ убилъ на смерть пастуха. И я узналъ, что такое наши суды и подъ какимъ дамокловымъ мечомъ мы всѣ живемъ. Я подъ слѣдствіемъ, обязанъ подпиской не выѣзжать изъ дома. Тутъ же мнѣ привелось быть присяжнымъ, и вы не можете себѣ представить всѣхъ мелкихъ мерзостей, которыя мнѣ дѣлаетъ судъ, и признаюсь, какъ это ни стыдно, что я еще не дошелъ до положенія Аксенова. Можетъ быть дойду, когда меня посадятъ въ острогъ, что очень возможно, но теперь я раздраженъ такъ, что боленъ физически и нравственно, и не могу ни о чемъ думать, кромѣ того, какъ о томъ, за что мучаютъ человѣка, который всѣхъ оставляетъ въ покоѣ и только объ одномъ проситъ, чтобы его оставили въ покоѣ. Теперь я такъ раздраженъ, что рѣшилъ уѣхать въ Англію и продать все, что имѣю въ Россіи. Не буду описывать вамъ всего. Это скучно и меня раздражаетъ.

Левъ Толстой.

№ 79.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1872 г., Ноябрь 12).

Какъ стыдно луку передъ розой,
Хотя стыда причины нѣтъ;
Такъ стыдно мнѣ отвѣтить прозой
На вызовъ вашъ, любезный Фетъ.
Итакъ, пишу впервой стихами,
Но не безъ робости, отвѣтъ.—
Когда? Куда? Рѣшайте сами,
Но заѣзжайте къ намъ, о Фетъ.
Сухимъ доволенъ буду лѣтомъ,
Пусть погибаютъ рожь, ячмень,
Коль побесѣдовать мнѣ съ Фетомъ
Удастся вволю цѣлый день.
Заботливы мы слишкомъ оба,
Пускай въ грядущемъ много бѣдъ,
Своя довлѣетъ дневи злоба,—
Такъ лучше жить, любезный Фетъ.

Безъ шутокъ, пишите поскорѣе, чтобы знать, когда выслать за вами лошадей. Ужасно хочется васъ видѣть.

Вашъ *Л. Толстой.*

№ 80.

Издателю „Моск. Вѣд."

(1872 г., Ноябрь (?).

Я прочелъ и слышалъ съ разныхъ сторонъ упреки моей Азбукѣ за то, что я, будто бы не зная или не хотя знать вводимаго нынче повсемѣстно звукового способа, предлагаю въ своей книгѣ старый и трудный способъ азовъ и складовъ.

Въ этомъ упрекѣ есть очевидное недоразумѣніе. Звуковой способъ мнѣ не только хорошо извѣстенъ, но едва ли не я первый привезъ его и испыталъ въ Россіи 12 лѣтъ тому назадъ, послѣ своей поѣздки по Европѣ съ цѣлью педагогическаго изученія. Испытывая тогда и нѣсколько разъ потомъ обученіе грамотѣ по звуковому методу, который, кромѣ того, что противенъ духу русскаго языка и привычкамъ народа, и кромѣ того, что требуетъ особо составленныхъ для него книгъ, и кромѣ огромной трудности его примѣненія и многихъ другихъ неудобствъ, о которыхъ говорить здѣсь не мѣсто, неудобенъ для русскихъ школъ, это обученіе по немъ трудно и продолжительно, и что методъ этотъ легко можетъ быть замѣненъ другимъ. Этотъ то другой методъ, состоящій въ томъ, чтобы называть всѣ согласныя съ гласной буквой и складывать на слухъ безъ книги, и былъ мною придуманъ еще 12 лѣтъ тому назадъ, употребляемъ мной лично во всѣхъ моихъ школахъ и, по собственному ихъ выбору, всѣми учителями школъ, находившимися подъ моимъ руководствомъ, и всегда съ одинаковымъ успѣхомъ. Этотъ то пріемъ я и предлагаю въ своей Азбукѣ. Онъ имѣетъ только внѣшнее сходство со способомъ азовъ и складовъ, въ чемъ легко убѣдится всякій, кто дастъ себѣ трудъ прочесть руководство для учителя въ моей Азбукѣ. Способъ этотъ отличается отъ всѣхъ другихъ неизвѣстныхъ мнѣ пріемовъ обученія грамотѣ особенно тѣмъ, что по немъ ученики выучиваются грамотѣ гораздо скорѣе, чѣмъ по всякому другому: способный ученикъ выучивается въ 3—4 урока хотя медленно, но правильно читать, а неспособный не болѣе, какъ въ 10 уроковъ. Поэтому всѣхъ тѣхъ, которые утверждаютъ, что звуковой способъ есть самый лучшій, быстрый и разумный, я прошу сдѣлать только то, что я сдѣлалъ неоднократно, что я также предложилъ Московскому Комитету Грамотности сдѣлать публично, т.-е. сдѣлать опытъ обученія нѣсколькихъ учениковъ по тому и другому способу.

Дѣло обученія грамотѣ есть дѣло практическое, и показать лучшій и удобнѣйшій пріемъ обученія грамотѣ можетъ только опытъ, а не разсужденія, а потому всѣхъ тѣхъ, кого должно интересовать и интересуетъ дѣло грамотности, я прошу, до произнесенія рѣшенія сдѣлать опытъ.

Самый процессъ обученія грамотѣ есть одно изъ ничтожнѣйшихъ дѣлъ во всей области народнаго образованія, какъ я это уже высказалъ и въ издаваемомъ мною журналѣ 12 лѣтъ тому назадъ и въ наставленіи для учителя въ изданной недавно Азбукѣ, но и въ этомъ ничтожномъ относительно дѣлѣ для чего итти хитрымъ и труднымъ путемъ звукового способа, когда можно того же самаго достигнуть проще и скорѣе.

Л. Толстой.

1873 г.

№ 81.

Н. Н. Страхову.

(Ясная Поляна, 1873 г., Янв.).

Объ исканіи вѣры... Вы пишете, что всякія сдѣлки съ мыслью вамъ противны, мнѣ тоже. И еще пишете, что для вѣрующихъ всякая безсмыслица хороша, лишь бы пахло благочестіемъ (я бы замѣтилъ: лишь бы проникнуто было вѣрою, надеждою и любовью). Они въ безсмыслицахъ, какъ рыба въ водѣ, имъ противно ясное и опредѣленное. И я тоже. Я объ этомъ началъ писать и написалъ довольно много, но теперь оставилъ, увлекшись другими занятіями, но разсчитывая на вашу способность (необычайную) понимать другихъ, попытаюсь въ этомъ письмѣ сказать, почему я думаю, что то, что вамъ кажется страннымъ, вовсе не странно. Разумъ мнѣ ничего не говоритъ и не можетъ сказать на три вопроса, которые легко выразить однимъ: что я такое? Отвѣты на эти вопросы даетъ мнѣ въ глубинѣ сознанія какое то чувство. Тѣ отвѣты, которые мнѣ

даетъ это чувство, смутны, неясны, невыразимы словами (орудіемъ мысли); но я не одинъ искалъ и ищу отвѣта на эти вопросы. Все жившее человѣчество въ каждой душѣ мучимо было тѣми же вопросами и получало тѣ же смутные отвѣты въ своей душѣ. Милліарды смутныхъ отвѣтовъ однозначащихъ дали опредѣленность отвѣтамъ. Отвѣты эти—религія. На взглядъ разума отвѣты безсмысленны. Безсмысленны даже по одному тому, что они выражены словами, но они все таки одни отвѣчаютъ на вопросы сердца. Какъ выраженіе, какъ форма, они безсмысленны, но, какъ содержаніе, они одни истинны. Смотрю всѣми глазами на форму—содержаніе ускользаетъ; смотрю всѣми глазами на содержаніе—мнѣ дѣла нѣтъ до формы.

Я ищу отвѣта на вопросы по существу своему во имя разума и требую, чтобы они выражены были словомъ, орудіемъ разума, и потому удивляюсь, что форма отвѣтовъ не удовлетворяетъ разума. Но вы скажете: поэтому и отвѣтовъ не можетъ быть. Нѣтъ, вы не скажете этого, потому что вы знаете, что отвѣты есть, что этими отвѣтами только живутъ, жили всѣ люди и вы сами живете. Сказать, что этихъ отвѣтовъ не можетъ быть,—все равно, что сказать, ѣхавши по льду, что рѣки не могутъ замерзать потому, что отъ холода тѣла сжимаются, а не расширяются. Сказать, что эти отвѣты безсмысленны,—то же, что сказать, что я чего то въ нихъ не умѣю понимать. И не умѣете вы понимать, какъ мнѣ кажется, вотъ отчего: отвѣты спрашиваются не на вопросы разума, а на вопросы другіе. Я называю ихъ вопросами сердца.

На эти вопросы съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ родъ человѣческій, отвѣчаютъ люди не словами, орудіемъ разума, частью проявленія жизни, а всей жизнью, дѣйствіями, изъ которыхъ слово есть одна только часть.

Всѣ тѣ вѣрованія, которыя я имѣю, и вы, и весь народъ, основаны не на словахъ и разсужденіяхъ, а на рядѣ дѣй-

ствій, жизни людей, непосредственно (какъ зѣвота) вліявшихъ одни на другихъ, начиная съ жизней Авраамовъ, Моисеевъ, Христовъ, святыхъ отцовъ, ихъ жизнями и внѣшними даже дѣйствіями—колѣнопреклоненіями, постомъ, соблюденіями дней и т. д. Во всей массѣ безчисленныхъ дѣйствій этихъ людей почему-то извѣстныя дѣйствія выдѣлялись и составляли одно цѣлое преданіе, служащее единственнымъ отвѣтомъ на вопросы сердца. И потому для меня въ этомъ преданіи не только нѣтъ ничего безсмысленнаго, но я даже и не понимаю, какъ къ этимъ явленіямъ прилагать провѣрку смысленнаго и безсмысленнаго. Одна провѣрка, которой я подвергаю и всегда буду подвергать эти преданія, это то, согласны ли даваемые отвѣты съ смутнымъ одиночнымъ отвѣтомъ, начертаннымъ у меня въ глубинѣ сознанія (о которомъ я говорилъ раньше). И потому, когда мнѣ это преданіе говоритъ, что я долженъ хоть разъ въ годъ пить вино, которое называется кровью Бога, я, понимая по-своему или вовсе не понимая этого акта, исполняю его. Въ немъ нѣтъ ничего такого, что бы противорѣчило смутному сознанію. Также я въ извѣстные дни ѣмъ капусту, а въ другіе—мясо; но когда мнѣ преданіе (изуродованное борьбой разумѣній съ различными толкованіями) говоритъ: „будемте всѣ молиться, чтобы побить побольше турокъ“, или даже говоритъ, что тотъ, кто не вѣритъ, что это настоящая кровь и т. п., тогда, справляясь не съ разумѣніемъ, но хоть съ смутнымъ, но несомнѣннымъ голосомъ сердца я говорю, это преданіе—ложное. Такъ что я вполнѣ плаваю какъ рыба въ водѣ въ безсмыслицахъ и только не покоряюсь тогда, когда преданіе мнѣ передаетъ осмысленныя имъ дѣйствія, не совпадающія съ основной безсмыслицей смутнаго сознанія, лежавшаго въ моемъ сердцѣ. Если вы поймете, несмотря на неточность моихъ выраженій, мою мысль, напишите, пожалуйста, согласны ли вы съ ней или нѣтъ, и тогда, почему. Совѣстно мнѣ говорить, но говорю, что чув-

ствую. Я такъ убѣжденъ въ томъ, что я говорю, и убѣжденіе это такъ для меня отрадно, что я не для себя желаю вашего сужденія, но для васъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы испытывали то же спокойствіе и ту же свободу духовную, которую испытываю я. Знаю, что пути постигновенія даже формальныхъ математическихъ истинъ для каждаго ума—свои, тѣмъ болѣе они должны быть свои собственныя для постигновенія метафизическихъ истинъ, но мнѣ такъ ясно (какъ фокусъ, который вамъ показанъ), что не могу понять, въ чемъ для другихъ можетъ быть еще непонятенъ этотъ фокусъ. Знаю тоже, что если мнѣ въ Москву надо ѣхать на сѣверъ и сѣсть на машину въ Тулѣ, то это никакъ не можетъ служить общимъ правиломъ для всѣхъ людей, находящихся на разныхъ концахъ свѣта и желающихъ пріѣхать въ Москву, тѣмъ болѣе для васъ, потому что знаю, что у васъ съ собой много поклажи (ваше знаніе и прошедшіе труды), а я налегкѣ, но я могу васъ увѣрить, что я въ Москвѣ, больше никуда не могу желать ѣхать и что въ Москвѣ очень хорошо.

Левъ Толстой.

№ 82.

Г-жѣ Пейкеръ.

(Ясная Поляна, 1873 г.).

Я потому только мало сочувствую народному журналу, что я слишкомъ ему сочувствую: я убѣжденъ, что тѣ, которые возьмутся, будутъ à cent lieues отъ того, что нужно для народа. Мои требованія, льщу себя надеждой, одинаковыя съ требованіемъ народа, это—чтобы журналъ былъ понятенъ. А этого-то и не будетъ. Понятливость, доступность есть не только необходимое условіе для того, чтобы народъ читалъ охотно, но есть, по моему убѣжденію, узда для того, чтобы не было въ журналѣ глупаго, неумѣстнаго, бездарнаго. Если бы я былъ издатель народнаго журнала, я бы сказалъ своимъ сотрудникамъ: пишите, что хотите. Проповѣдуйте ком-

мунизмъ, хлыстовскую вѣру, протестантизмъ,—что хотите, но только такъ, чтобы каждое слово было понятно тому ломовому извозчику, который будетъ везти экземпляры изъ типографіи, и я увѣренъ, что кромѣ честнаго, здраваго и хорошаго ничего не будетъ въ журналѣ. Я не шучу и не желаю говорить парадоксовъ, а твердо знаю это изъ опыта. Совершенно понятнымъ и простымъ языкомъ ничего дурного нельзя будетъ написать. Все безнравственное представится столь безобразнымъ, что сейчасъ же будетъ отброшено, все сектаторское-протестантское ли, хлыстовское ли — явится столь ложнымъ, если будетъ высказано безъ непонятныхъ фразъ, все сколько-нибудь поучительное, популярно-научное, но не серьезное и, большей частью, ложное, чѣмъ всегда переполняются народные журналы, тоже безъ фразъ, а выраженное понятнымъ языкомъ, покажется столь глупо и бѣдно, что тоже откинется. Если народный журналъ серьезно хочетъ быть народнымъ журналомъ, то ему надо только стараться быть понятнымъ, и достигнуть этого не трудно. Съ одной стороны стоитъ только пропускать всѣ эти статьи черезъ цензуру дворниковъ, извозчиковъ, черныхъ кухарокъ. Если ни на одномъ словѣ чтецъ не остановится, не понявъ, то статья прекрасна. Если же прочтя статью, никто изъ нихъ не можетъ разсказать про что прочелъ, статья никуда не годится.

Я истинно сочувствую народному журналу и надѣюсь, что вы отчасти согласитесь со мной, и потому говорю все это. Но знаю тоже, что 0,999 сочтутъ мои слова или просто глупостью, или желаніемъ оригинальничать, тогда какъ я, напротивъ, въ изданіи дамами журнала для народа—дамами, и думающими и говорящими не по-русски и безъ желанія справиться съ тѣмъ, понимаетъ ли ихъ народъ—вижу самую странную и забавную шутку.

Я сказалъ: понятности достигнуть очень легко, съ одной стороны—стоитъ только въ рукописяхъ читать и давать чи-

тать народу, но, съ другой стороны, издавать журналъ понятный—очень трудно. Трудно, потому что окажется очень мало матеріала. Будетъ безпрестанно оказываться то, что статья, признанная charmant въ кругу редакціи, какъ скоро прочтется въ кухнѣ, будетъ признана никуда негодной, или что изъ 10-ти листовъ словъ окажется дѣла на 10 строкъ.

Л. Толстой.

№ 83.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1873 г., Май 11).

Стихотвореніе ваше прекрасно. Это новое, никогда не уловленное прежде чувство боли отъ красоты выражено прелестно. У васъ весною поднимаются поэтическія дрожжи, а у меня воспріимчивость къ поэзіи.

Я былъ въ Москвѣ, купилъ 43 номера покупокъ на 450 рублей, и ужъ не ѣхать послѣ этого въ Самару нельзя. Какъ уживается въ новомъ гнѣздѣ ваша пташка? Не забывайте насъ. До 20-го мы не уѣдемъ, а послѣ 20-го адресъ—Самара.

Вашъ *Л. Толстой.*

№ 84.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1873 г., Ноябрь 18).

У насъ горе: Петя меньшой заболѣлъ крупомъ и въ два дня умеръ. Эта первая смерть за 11 лѣтъ въ нашей семьѣ, и для жены очень тяжелая. Утѣшаться можно, что если бы выбирать одного изъ насъ восьмерыхъ, эта смерть легче всѣхъ и для всѣхъ; но сердце и особенно материнское—это удивительное высшее проявленіе Божества на землѣ,—не разсуждаетъ, и жена очень горюетъ. Благодарю васъ, что не забываете меня письмами. Какъ бы хорошо было, если бы не забыли и проѣзжая въ Москву.

Порадовался я успѣхамъ вашихъ занятій съ Оленькой; я такъ и ждалъ. У меня одно изъ лучшихъ, радостнѣйшихъ

занятій — это уроки съ дѣтьми математики и греческаго. Передайте нашъ душевный привѣтъ Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой*.

1874 г.

№ 85.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1874 г., Мартъ).

У насъ горе за горемъ: вы съ Марьей Петровной вѣрно пожалѣете насъ, главное Соню *). Меньшой сынъ 10-ти мѣсяцевъ заболѣлъ недѣли три тому назадъ той страшной болѣзнью, которую называютъ головною водянкою, и послѣ страшныхъ 3-хнедѣльныхъ мученій третьяго дня умеръ, а нынче мы его схоронили. Мнѣ это тяжело черезъ жену но ей, кормившей самой, было очень трудно.

Вы хвалите Каренину**), мнѣ это очень пріятно, да и какъ я слышу, ее хвалятъ; но навѣрное никогда не было писателя, столь равнодушнаго къ своему успѣху, какъ я. Съ одной стороны школьныя дѣла, съ другой — странное дѣло—сюжетъ новаго писанья, овладѣвшій мною именно въ самое тяжелое время болѣзни ребенка, и самая эта болѣзнь и смерть.

Ваше стихотвореніе мнѣ кажется эмбріономъ прекраснаго стихотворенія; оно, какъ поэтическая мысль, мнѣ совершенно ясно, но совершенно неясно, какъ произведеніе слова. Отъ Тургенева получилъ переводъ, напечатанный въ Temps Двухъ гусаровъ и письмо въ третьемъ лицѣ, просящее извѣстить, что я получилъ и что Г-жой Віардо и Тургеневымъ переводятся другія повѣсти, — что ни то, ни другое совсѣмъ не нужно было.

---

*) Жена Л-а Н-ча.

**) „Анна Каренина“.

Очень благодарю Петра Афан. за генеалогію лошадей. Я боюсь только, не слишкомъ ли тяжелъ и рысистъ молодой жеребецъ; старый жеребецъ мнѣ больше бы нравился. Очень рады будемъ съ женою, если вы съ Марьей Петровной заѣдете къ намъ и подарите намъ денекъ.

№ 86.

І. Н. Шатилову.

(1874 г. Май (?).

Милостивый государь, Іосифъ Николаевичъ!

Постараюсь исполнить ваше желаніе, т.-е. написать то, или приблизительно то, что было высказано мною въ послѣднемъ засѣданіи комитета *). Исполняю это съ особеннымъ удовольствіемъ еще и потому, что въ прежнемъ протоколѣ засѣданія, въ которомъ напечатаны мои слова (я только что прочелъ его), я нашелъ много не имѣющихъ яснаго смысла фразъ, которыхъ я, помнится, не говорилъ. Если то, что было говорено мною въ послѣднемъ засѣданіи, должно быть напечатано, то настоящее письмо или можетъ быть напечатано вмѣсто стенографическаго отчета, или можетъ служить ему повѣркой.

Опытъ испытанія преимущества того или другого метода посредствомъ учрежденія двухъ школъ и экзамена былъ столь неудаченъ, что послѣ испытанія оказались возможными самыя противоположныя сужденія. Были сдѣланы ошибки въ самомъ устройствѣ школъ. Первая ошибка состояла въ томъ, что взяты въ школы дѣти слишкомъ малыя, ниже того возраста и зрѣлости, при которомъ дѣти бываютъ способны къ ученію. Очевидно, что на дѣтяхъ, неспособныхъ еще учиться, нельзя дѣлать опыта, какимъ образомъ легче и труднѣе учиться. Трехлѣтній ребенокъ одинаково не выучится; ни по какому способу пяти, шестилѣтній почти ни

*) Московскій Комитетъ Грамотности.

чему не выучится; только на дѣтяхъ 10, 11 лѣтъ можно видѣть, по какому способу они выучатся скорѣе. Большинство же учениковъ обѣихъ школъ были дѣти 6, 7 и 8 лѣтъ, не достигшія еще возраста школьной зрѣлости, и поэтому только на старшихъ ученикахъ могло выказаться преимущество того или другого способа. Въ обѣихъ школахъ было только по трое такихъ, и потому, сравнивая успѣхи той и другой школы, я буду говорить преимущественно о трехъ старшихъ ученикахъ.

Вторая ошибка состояла въ томъ, что допущены были въ школу посѣтители. Въ напечатанномъ въ моей „Азбукѣ“ краткомъ руководствѣ для учителя сказано, что одно изъ главныхъ условій для успѣха ученія состоитъ въ томъ, чтобы тамъ, гдѣ учатся, не было предметовъ и лицъ, развлекающихъ вниманіе учениковъ. Казалось бы, что условіе это должно быть одинаково невыгодно какъ для той, такъ и для другой школы, но оно было невыгодно только для моей школы, потому что главное основаніе обученія по моему способу состоитъ въ отсутствіи принужденія и въ свободномъ интересѣ ученика къ тому, что ему предлагаютъ учителя, тогда какъ обученіе въ звуковой школѣ основано на принужденіи и весьма строгой дисциплинѣ. Понятно, что учителю легче заинтересовать ученика тамъ, гдѣ нѣтъ ничего развлекающаго вниманіе учениковъ, а тамъ, гдѣ постоянно входятъ и выходятъ новыя лица, привлечь [вниманіе ученика будетъ очень трудно, и что, напротивъ, въ принудительной школѣ вліяніе развлеченія будетъ менѣе ощутительно.

Третья ошибка состоитъ въ томъ, что г. Протопоповъ отступилъ при обученіи въ своей школѣ отъ пріемовъ, которые я считаю вредными, но которые считаются необходимымъ условіемъ обученія при звуковомъ методѣ. Отступленіе это, безъ сомнѣнія, было очень выгодно для обучавшихся дѣтей, и если бы сторонники звукового метода признали, что это отступленіе не случайно, то одной изъ главныхъ

сторонъ моего разногласія съ ними не существовало бы. Отступленіе г. Протопопова отъ своего метода состояло, во-первыхъ, въ томъ, что онъ не исполнилъ требованія такъ называемаго наглядnаго обученія, которое, по мнѣнію педагоговъ, должно быть нераздѣльно связано съ обученіемъ грамотѣ и предшествовать ему. Бунаковъ и всѣ столпы новой педагогики совѣтуютъ большую часть времени употреблять на наглядное обученіе.

На извѣстныхъ педагогическихъ курсахъ прошлаго года, какъ я слышалъ, всѣ ученые педагоги, учителя учителей, показывали на ученикахъ, что надо три четверти времени проводить въ описаніи комнаты, стола и т. д. Это не было дѣлаемо г. Протопоповымъ въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ предписывается педагогами. Правда, я видѣлъ одинъ разъ, что, прочтя слово дроздъ, г. Протопоповъ хотѣлъ показать ученикамъ въ лицахъ дрозда, но въ картинахъ дрозда не оказалось и г. Протопоповъ, попросивъ ихъ повѣрить на слово, что дроздъ птица (что они очень хорошо знали), поспѣшилъ перейти къ занятію чтеніемъ. Я повторяю, что отступленіе это очень выгодно для учениковъ и для дѣла, но надо признать его. И тогда, я повторяю, я почти не спорю.

Другое отступленіе, сдѣланное г. Протопоповымъ отъ своего метода, состояло въ томъ, что противно общему правилу педагоговъ, что книги надо читать только въ школѣ съ объясненіемъ каждаго слова, г. Протопоповъ давалъ своимъ ученикамъ книги читать и на домъ. Я считаю главной цѣлью школы, доводить учениковъ до того, чтобы они, интересуясь книгой, брали ее читать на домъ и понимали бы ее, какъ они хотятъ, и потому г. Морозовъ давалъ ученикамъ книги на домъ; но сколько мнѣ извѣстно по руководствамъ педагоговъ звукового метода, такъ какъ при немъ дѣти считаются дикарями, которыхъ надо мѣсяца два учить правой и лѣвой сторонѣ и тому, что верхъ, что низъ, то книгъ имъ давать не надо, и всякое слово должно быть

объяснено. Опять, если мы и въ этомъ согласны, убавляется еще одна важная часть спора.

Третье отступленіе состоитъ въ томъ, что г. Протопоповъ давалъ читать своимъ ученикамъ не исключительно руководства педагоговъ звуковой школы, которыя я считаю дурными. Для самаго важнаго отдѣла чтенія, того, которое производилось учениками дома для личнаго интереса, онъ употреблялъ именно мои книги—„Азбуку“ и „Ясную Поляну“. Эти двѣ книги были имъ постоянно даваемы ученикамъ на домъ. Опять повторяю, что и на это я совершенно согласенъ, но надо признать это.

Четвертая и самая главная ошибка въ устройствѣ школы было ихъ сосѣдство изъ двери въ дверь и то, что дѣти вмѣстѣ ходили въ школу и уходили изъ нея. Многіе ученики даже жили вмѣстѣ на однѣхъ квартирахъ. Невыгодное вліяніе сосѣдства и сближенія учениковъ состояло въ томъ, что ученики г. Протопопова научились отъ учениковъ г. Морозова моему способу складыванія и, по моему убѣжденію, благодаря этому знанію, выучились читать у г. Протопопова. Всѣ мальчики школы г. Протопопова умѣютъ складывать на слухъ и умѣли дѣлать это съ первыхъ же дней, научившись этому отъ учениковъ Морозова. На экзаменѣ мы видѣли, какъ они называли буквы — бе, ре и т. д. Способъ складыванія на слухъ такъ легокъ, что въ моихъ прежнихъ школахъ меньшой братъ ученика всегда приходилъ въ школу уже съ знаніемъ складовъ, которому онъ научился на слухъ отъ брата. Въ нынѣшнемъ году въ Яснополянской школѣ хозяйскій мальчикъ 6-ти лѣтъ, считавшійся слишкомъ молодымъ для ученія, лежалъ на полатяхъ во время ученія и послѣ нѣсколькихъ уроковъ слѣзъ и сталъ хвастаться, что онъ все знаетъ,—и дѣйствительно зналъ. Такъ и ученики г. Протопопова, перебѣгая черезъ школу, возвращались вмѣстѣ домой, научились складывать, и въ классѣ г. Протопопова складывали собственно по моему способу, и только,

удовлетворяя требованіямъ г. Протопопова, называли *бе—бъ*, въ сущности же читали по буквослагательному способу. Долженъ сказать, что г. Протопоповъ съ чрезвычайной добросовѣстностью требовалъ отъ учениковъ, чтобы они забывали *бе* и называли *бъ*, и ученики старались дѣлать то, что велитъ учитель. Я самъ видѣлъ въ классѣ г. Протопопова, какъ мальчикъ, давно прочтя слово „груша“ и зная, что оно состоитъ изъ ге-ре-у-ше-а, бился и не могъ выговорить *гъ*, *ръ*, чего требовалъ учитель. Итакъ, вслѣдствіе сосѣдства школъ, по моему мнѣнію, ученики г. Протопопова выучились не благодаря звуковому методу, но скорѣе несмотря на него. Этотъ взаимный невольный обманъ, состоящій въ томъ, что ученики выучиваются, въ сущности по буквослагательному болѣе естественному и легкому способу, а въ угоду учителя притворяются, что они учатся по звуковому, былъ замѣченъ мною не разъ во многихъ школахъ, въ которыхъ предписывается звуковой способъ. Всѣ опытные люди, наблюдавшія самый ходъ дѣла обученія грамотѣ въ народныхъ школахъ, какъ-то: инспектора, члены училищныхъ совѣтовъ, подтверждаютъ, что въ большинствѣ школъ, гдѣ введенъ звуковой способъ, онъ ведется только номинально, въ сущности же дѣти обучаются по буквослагательному, называя согласныя бы, вы, гы и т. д. Только этому взаимному обману можно приписать и то, что въ обществахъ городскихъ, гдѣ грамотность распространена, звуковой способъ даетъ лучшіе результаты, чѣмъ въ деревняхъ.

Въ городахъ, гдѣ знаютъ дѣти буквы и склады, переучиваясь по звуковому, они учатся, собственно, по буквослагательному, но пріучаются откидывать ненужное при складахъ уки, ѣди, или е.

Въ послѣднемъ засѣданіи комитета, на которомъ я былъ, у меня спрашивали, что я разумѣю подъ словами, что мой способъ народенъ? Вотъ это самое. Я и разумѣю то, что учитель съ добросовѣстнымъ усиліемъ старается выучить

дѣтей русской грамотѣ по нѣмецкому способу и противъ своей воли учитъ по народному способу, и что ученики выучиваются ему безсознательно.

Таковы были ошибки въ учрежденіи школъ для испытанія. Но, несмотря на самыя противорѣчивыя сужденія, выраженныя членами экзаменаціонной комиссіи о результататахъ испытанія, мнѣ кажется, что результатъ испытанія совершенно ясенъ, если разсматривать только тѣхъ учениковъ, которые могли учиться, т.-е. 3-хъ старшихъ въ той и другой школѣ. Опредѣляя по занятію, я вижу, что старшіе ученики г. Протопопова умѣютъ читать и писать по-русски и больше ничего. Ученики школы Морозова умѣютъ также читать по-русски (по моему лучше), но кромѣ того знаютъ нумерацію, сложеніе, вычитаніе и отчасти умноженіе и дѣленіе и еще читаютъ по-славянски. Слѣдовательно, знаютъ гораздо больше. Опредѣляя же по времени, я вижу, что ученики г. Морозова знали то, что знаютъ теперь ученики г. Протопопова (я говорю про трехъ) черезъ двѣ недѣли послѣ начатія ученія, и справедливость этого могутъ подтвердить всѣ посѣщавшіе школу и видѣвшіе, что 3 старшіе ученика Морозова уже послѣ двухъ недѣль читали такъ же, какъ теперь читаютъ ученики г. Протопопова. Остальное время было употреблено г. Морозовымъ на славянскій языкъ, ариѳметику и на тѣ медленные шаги въ улучшеніи чтенія и письма, которые не могли быть замѣтны на экзаменѣ.

Итакъ, ученики г. Морозова знаютъ гораздо болѣе того, что знаютъ ученики г. Протопопова, и менѣе чѣмъ въ половину того времени, которое было употреблено г. Протопоповымъ. Вотъ, по моему мнѣнію, ясный и очевидный результатъ испытанія, доказывающій, что способъ, по которому училъ г. Морозовъ, несмотря на тѣ ошибки, которыя я указалъ,—что способъ этотъ вдвое легче и быстрѣе, чѣмъ звуковой способъ.

Если же разсматривать и меньшихъ учениковъ, то и относительно ихъ общій результатъ испытанія будетъ тотъ,

что всѣ безъ исключенія ученики г. Морозова умѣютъ читать по складамъ, писать и знаютъ цифры и нумерацію, ученики же г. Протопопова знаютъ читать и писать, и больше ничего. И то изъ меньшихъ учениковъ г. Протопопова надо исключить двоихъ, которые не знаютъ даже и читать.

Но мы слышали въ прошломъ засѣданіи и услышимъ отъ всякаго педагога звукового метода и прочтемъ во всякомъ руководствѣ педагоговъ этой школы, что обученіе грамотѣ ничего не значитъ, что главное дѣло развитіе.

Левъ Толстой.

№ 87.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1874 г., Окт. 22).

Дорогой Афанасій Афанасьевичъ, у меня затѣялась необходимая покупка земли въ Никольскомъ, для которой мнѣ нужно на годъ занять 10 тысячъ подъ залогъ земли. Можетъ, случится, что у васъ есть деньги, которыя вамъ нужно помѣстить. Если такъ, то напишите Ивану Ивановичу Орлову въ Чернь, село Никольское, и онъ пріѣдетъ къ вамъ для переговоровъ о подробностяхъ и будетъ вести это дѣло съ вами независимо отъ нашихъ отношеній *). Я еще не отвѣчалъ вамъ на ваше послѣднее письмо, хотя очень благодаренъ вамъ за него. Какъ бы я охотно пріѣхалъ къ вамъ, но заваленъ такъ дѣлами школьными, семейными и хозяйственными, что даже на охоту не успѣваю ходить. Надѣюсь быть свободнѣе, какъ зима настанетъ. Нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ.

Л. Толстой.

*) При справкѣ о томъ, какъ отнесся А. А. Фетъ къ просьбѣ о займѣ, Л. Н. сказалъ: —„Конечно, отказалъ“.

1875 г.

№ 88.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1875 г., Авг. 26).

Вотъ третій день, что мы пріѣхали благополучно, и я только что опомнился и спѣшу писать вамъ, дорогой Афан. Афанасьевичъ, и благодарить васъ за ваши два письма, которыя больше чѣмъ всегда были цѣнны въ нашей глуши. Надѣюсь, что здоровье ваше лучше. Это было замѣтно по второму вашему письму, и надѣюсь, что вы преувеличивались. Дайте мнѣ еще опомниться, тогда подумаю, какъ бы побывать у васъ. Вы же по старой, хорошей привычкѣ пожалуйста, какъ это вамъ ни трудно, — не проѣзжайте въ Москву, не заѣхавъ. Урожай у насъ былъ средній, но цѣны на работу огромныя, такъ что въ концѣ только сойдутся концы. Я два мѣсяца не пачкалъ рукъ чернилами и сердца мыслями. Теперь же берусь за скучную, пошлую А. Каренину съ однимъ желаніемъ: поскорѣе опростать себѣ мѣсто—досугъ для другихъ занятій, но только не педагогическихъ, которыя люблю, но хочу бросить. Они слишкомъ много берутъ времени. Какъ о многомъ и многомъ хочется съ вами переговорить, но писать не умѣю. Надо пожить, какъ мы жили въ Самарской здоровой глуши, видѣть эту совершавшуюся на глазахъ борьбу кочевого быта (милліонъ на громадныхъ пространствахъ) съ земледѣльческимъ первобытнымъ, чувствовать всю значительность этой борьбы, чтобы убѣдиться въ томъ, что разрушителей общественнаго порядка, если не 1, то не болѣе 3 скоро бѣгающихъ и громко кричащихъ, что это болѣзнь паразита живого дуба, и что дубу до нихъ дѣла нѣтъ. Что это не дымъ, а тѣнь, бѣгающая отъ дыма.

Къ чему занесла меня судьба туда (въ Самару)—не знаю, но знаю, что я слушалъ рѣчи въ англійскомъ парламентѣ (вѣдь это считается очень важнымъ), и мнѣ скучно и ничтожно было:—но что тамъ мухи, нечистота, мужики башкирцы, а я съ напряженнымъ уваженіемъ, страхомъ поглядѣвъ, вслушиваюсь, вглядываюсь и чувствую, что все это очень важно. Нашъ усердный поклонъ Марьѣ Петровнѣ.

1876 г.

№ 89.

Н. Н. Страхову.

(Ясная Поляна, 1876 г., Апр. 26).

У насъ съ вами раздвоилась переписка, дорогой Николай Николаевичъ, я только что отвѣтилъ на ваше философское письмо, какъ получилъ радостный отвѣтъ на мое.—Вы пишете: Такъ ли вы понимаете мой романъ и что я думаю о вашихъ сужденіяхъ; разумѣется такъ. Разумѣется, мнѣ невыразимо радостно ваше пониманіе, но не всѣ обязаны понимать такъ, какъ вы. Можетъ быть вы только охотникъ до этихъ дѣловъ, какъ и я, какъ и наши тульскіе голубятники. Онъ турмана цѣнитъ очень дорого, но есть ли настоящія достоинства въ этомъ турманѣ—вопросъ. Кромѣ того, вы знаете—нашъ братъ безпрестанно безъ переходовъ прыгаетъ отъ уныніи и самоуниженія къ непомѣрной гордости. Это я къ тому говорю, что ваше сужденіе о моемъ романѣ вѣрно, но не все, т. е. все вѣрно, но то, что вы сказали, выражаетъ не все, что я хотѣлъ сказать. Напримѣръ, вы говорите о двухъ сортахъ людей. Это я чувствую—знаю, но этого я не имѣлъ въ виду; но когда вы говорите, я знаю, что это одна изъ правдъ, которую можно сказать. Если же бы я хотѣлъ сказать словами все то, что имѣлъ въ виду выразить романомъ, то я долженъ былъ написать романъ тотъ самый, который я написалъ сначала. И если критики теперь уже понимаютъ и въ фельетонѣ могутъ выразить то, что я хочу

сказать, то я ихъ поздравляю и смѣло могу увѣрить qu'ils en savent plus long que moi. Очень, очень благодарю васъ. Когда я прочелъ свое унылое и смиренное письмо, я понялъ, что я, въ сущности, прошу похвалы, и вы мнѣ ее прислали. Хотя ваша похвала, я знаю, искренняя, хотя признаюсь—охотницкая—мнѣ очень дорога. То, что я сдѣлалъ ошибки въ вѣнчаніи, мнѣ очень обидно, тѣмъ болѣе, что я люблю эту главу. Боюсь не будетъ ли ошибокъ по спеціальности, которой я касаюсь въ томъ, что выйдетъ теперь въ апрѣлѣ. Вы правы, что „Война и миръ“ растетъ въ моихъ глазахъ. Мнѣ странно и радостно, когда мнѣ кто-нибудь напомнитъ изъ нея, какъ это сдѣлалъ Истоминъ (онъ будетъ у васъ); но странно, я помню изъ нея очень немного мѣстъ, остальное забываю.

И если близорукіе критики думаютъ, что я хотѣлъ описывать только то, что мнѣ нравится, какъ обѣдаетъ Облонскій и какія плечи у Карениной, то они ошибаются. Во всемъ, почти во всемъ, что я писалъ, мною руководила потребность собранія мыслей, сцѣпленныхъ между собой для выраженія себя; но каждая мысль, выраженная словами особо, теряетъ свой смыслъ, страшно понижается, когда берется одна и безъ того сцѣпленія, въ которомъ она находится. Само же сцѣпленіе составлено не мыслію (я думаю), а чѣмъ то другимъ и выразить основу этого сцѣпленія непосредственно словами нельзя, а можно только посредственно словами, описывая образы, дѣйствія, положенія. Вы все это знаете лучше меня, но меня занимало это послѣднее время. Одно изъ очевиднѣйшихъ доказательствъ это было для меня самоубійство Вронскаго, которое вамъ понравилось. Этого никогда со мной такъ ясно не бывало. Глава о томъ, какъ Вронскій принялъ свою роль послѣ свиданія съ мужемъ, была у меня давно написана. Я сталъ поправлять и совершенно неожиданно, но несомнѣнно, Вронскій сталъ стрѣляться. Теперь же для дальнѣйшаго оказы-

вается, что это было органически необходимо. — Такъ вотъ почему такая милая умница, какъ Григорьевъ *) для меня мало интересенъ; правда, что если бы не было совсѣмъ критики, то тогда бы Григорьевъ и вы, понимающіе искусство, были бы излишни. Теперь же, правда, когда $^9/_{10}$ всего печатнаго есть критика искусства, нужны люди, которые бы показывали безсмыслицу отыскиванія отдѣльныхъ мыслей въ художественномъ произведеніи и постоянно руководили бы читателей въ томъ безконечномъ лабиринтѣ сцѣпленій, въ которомъ и состоитъ сущность искусства, и по тѣмъ законамъ, которые служатъ основаніемъ этихъ сцѣпленій. Написалъ вамъ это письмо уже нѣсколько дней тому назадъ и хотѣлъ не посылать—такъ въ немъ и выпираетъ польщенное авторское тщеславіе. Но написалъ 7 писемъ сейчасъ и надо писать вамъ новое, рѣшился послать это. Шила въ мѣшкѣ не утаишь и вы меня знаете насквозь.

Л. Толстой.

№ 90.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1876 г., Май 18).

На ваше длинное и задушевное письмо я давно не отвѣчалъ оттого, что все былъ нездоровъ и не въ духѣ и теперь также, но пишу хотя нѣсколько строкъ. У насъ полонъ домъ народа: племянница Нагорная съ 2-мя дѣтьми, Кузминскіе съ 4-мя дѣтьми, и Соня все хвораетъ, и я въ унынiи и тупости. Одна надежда на хорошую погоду, а ея то и нѣтъ. Такъ какъ мы съ вами похожи, то вы должны знать это состояніе: то чувствуешь себя богомъ, что нѣтъ для тебя ничего скрытаго, а то глупѣе лошади, и теперь я такой. Такъ не взыщите. До другого письма.

Вашъ *Л. Толстой.*

---

*) Аполлонъ Григорьевъ—русскій критикъ.

№ 91.

Графинѣ С. А. Толстой.

(Изъ Самарск. губ., 1876 г., Сент.).

...Я знаю, что тебѣ тяжело и страшно, но я видѣлъ то усиліе, которое ты сдѣлала надъ собой, чтобы не помѣшать мнѣ, и если можно, то еще больше люблю тебя за это. Если бы только Богъ далъ тебѣ хорошо, здорово и энергично, дѣятельно провести это время. Господь помилуй тебя и меня...

№ 92.

Н. Н. Страхову.

(Ясная Поляна, 1876 г., Ноябрь 13).

Вы истинный другъ, дорогой Николай Николаевичъ. Несмотря на мое молчаніе и молчаніе на важное письмо ваше, вы все таки радуете меня своими письмами. Не могу выразить, какъ я благодаренъ вамъ за послѣднее, незаслуженное мною, письмо ваше, чтобы объяснить и оправдать мое молчаніе, долженъ говорить о себѣ. Пріѣхавъ изъ Самары и Оренбурга вотъ скоро два мѣсяца (я сдѣлалъ чудесную поѣздку), я думалъ, что возьмусь за работу, окончу давящую меня работу, окончаніе романа, и возьмусь за новое, вдругъ вмѣсто этого всего — ничего не сдѣлалъ. Сплю духовно и не могу проснуться. Нездоровится, унынiе. Отчаяніе въ своихъ силахъ. Что мнѣ суждено судьбою, не знаю, но доживать жизнь безъ уваженія къ ней,—а уваженіе къ ней дается только извѣстнаго рода трудомъ—мучительно. Думать даже—и къ тому нѣтъ энергіи. Или совсѣмъ худо или сонъ передъ хорошимъ періодомъ работы. Думать не могу самъ, но понимать могу, особенно васъ и понялъ и оцѣнилъ ваше первое письмо и всей душой желаю, чтобы вы окончили этотъ трудъ. Я перечелъ его нѣсколько разъ и читалъ Фету и съ нимъ поняли и одобрили ваши мысли, насколько мы ихъ поняли. Одно, вопросъ о томъ, что есть настоящее познаніе, требуетъ невольно отвѣта. Настоящее, по моему—и я увѣ-

ренъ, по вашему будетъ такъ же, но вы лучше меня это выразите—дается сердцемъ, т.-е. любовью. Мы знаемъ то, что любимъ только. Послѣдній вопросъ въ нашей философской перепискѣ былъ: что есть зло? Я могу отвѣтить на него для себя. Разъясненіе на этотъ отвѣтъ я вамъ дамъ въ другой разъ, и надѣюсь, на Рождествѣ. Мы съ женой мечтаемъ, что вы пріѣдете. Пожалуйста, пріѣзжайте. Такъ отвѣтъ слѣдующій: зло есть то, что разумно съ мірской точки зрѣнія. Убійство, грабежъ, наказаніе, все разумно—основано на логическихъ выводахъ. Самопожертвованіе—любовь—безсмыслица. Былъ я на дняхъ въ Москвѣ только за тѣмъ, чтобы узнать новости о войнѣ. Все это очень волнуетъ меня. Теперь вся ерунда сербскаго движенія, ставшая исторіей прошедшаго, получила значеніе. Та сила, которая производитъ войну, выразилась преждевременно и указала направленіе.

Вашъ *Л. Толстой.*

№ 93.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1876 г., Дек. 7).

Письмо Ваше со стихотвореніемъ пришло ко мнѣ съ тою же почтой, съ которой привезли мнѣ и ваше собраніе сочиненій, которое я выписывалъ изъ Москвы. Стихотвореніе это не только достойно васъ, но оно особенно и особенно хорошо съ тѣмъ самымъ философски поэтическимъ характеромъ, котораго я ждалъ отъ васъ. Прекрасно, что это говорятъ звѣзды. И особенно хороша послѣдняя строфа. Хорошо тоже,—что замѣтила жена,—что на томъ же листкѣ, на которомъ написано это стихотвореніе, излиты чувства скорби о томъ, что керосинъ сталъ стоить 12 коп. Это побочный, но вѣрный признакъ поэта. Съ вашими стихотвореніями выписалъ я Тютчева, Баратынскаго и Толстого. Сообществомъ съ Тютчевымъ я знаю, что вы довольны. Баратынскій тоже

не осрамитъ васъ своей компаніей; Баратынскій настоящій, хотя мало красоты, изящества, но есть прекрасныя вещи.

Я понемножку началъ писать и очень доволенъ своею судьбой.

Вашъ *Л. Толстой.*

№ 94.

П. И. Чайковскому.

(1876 г., Дек.).

Посылаю вамъ, дорогой Петръ Ильичъ, пѣсни. И я ихъ еще пересмотрѣлъ. Это удивительное сокровище въ вашихъ рукахъ. Но, ради Бога, обработайте ихъ и пользуйтесь въ моцартовско-гайдновскомъ родѣ, а не въ бетховено-шумано-берліозо-искусственномъ, ищущемъ неожиданнаго, родѣ. Сколько я не договорилъ съ вами! Даже ничего не сказалъ изъ того, что хотѣлъ. И некогда было. Я наслаждался. И это мое послѣднее пребываніе въ Москвѣ останется для меня однимъ изъ лучшихъ воспоминаній.

Я никогда не получалъ такой дорогой для меня награды за мои литературные труды, какъ этотъ чудный вечеръ. И какой милый Рубинштейнъ!

Поблагодарите его еще разъ за меня. Онъ мнѣ очень понравился. Да и всѣ эти жрецы высшаго въ мірѣ искусства, засѣдавшіе за пирогомъ, оставили во мнѣ такое чистое и серьезное впечатлѣніе. А ужъ о томъ, что происходило для меня въ круглой залѣ, я не могу вспомнить безъ содроганія. Кому изъ нихъ можно послать мои сочиненія, т.-е. у кого нѣтъ ихъ и кто ихъ будетъ читать?

Вещи ваши не смотрѣлъ, но, когда примусь, буду, нужно ли вамъ или не нужно ли, писать свои сужденія и смѣло, потому что я полюбилъ вашъ талантъ. Прощайте. Дружески жму вашу руку.

Левъ Толстой.

1877 г.

№ 95.

Н. Н. Страхову.

(Ясная Поляна, 1877 г.).

Мучительно и унизительно жить въ совершенной праздности и противно утѣшать себя тѣмъ, что я берегу себя и жду какого-то вдохновенія. Все это пошло и ничтожно. Если бы я былъ одинъ, я бы не былъ монахомъ, я былъ бы юродивымъ, т.-е. не дорожилъ бы ничѣмъ въ жизни и не дѣлалъ бы никому вреда. Пожалуйста, не утѣшайте меня и въ особенности тѣмъ, что я—писатель. Этимъ я уже давно и лучше васъ себя утѣшаю, но это не беретъ и только внемлетъ моимъ жалобамъ, и это уже меня не утѣшаетъ. На дняхъ слушалъ урокъ священника дѣтямъ изъ Катехизиса. Все это было такъ безобразно. Умныя дѣти такъ очевидно не только не вѣрятъ этимъ словамъ, но и не могутъ не презирать этихъ словъ, что мнѣ захотѣлось попробовать изложить въ катехизической формѣ то, во что я вѣрю, и я попытался. И попытка эта показала мнѣ, какъ это для меня трудно и—боюсь—невозможно. И отъ этого мнѣ грустно и тяжело.

№ 96.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1877 г., Апр. 14).

Послѣднее письмо ваше, писанное въ три пріема, слава Богу, не пропало. Я дорожу всякимъ письмомъ вашимъ и особенно такимъ, какъ это.

Вы не повѣрите, какъ меня радуетъ то, что вы приписываете въ предпослѣднемъ, какъ вы говорите, „о сущности божества“. Я со всѣмъ согласенъ и многое хотѣлъ бы сказать, но въ письмѣ нельзя и некогда. Вы въ первый разъ говорите мнѣ о божествѣ—Богѣ. А я давно уже, не переста-

вая, думаю объ этой главной задачѣ. И не говорите, что нельзя думать;—не только можно, но должно. Во всѣ вѣка лучшіе т. е. настоящіе люди думали объ этомъ. И если мы не можемъ такъ же, какъ они, думать объ этомъ, то мы обязаны найти — какъ. Читали ли вы: Pensées de Pascal? т.-е. недавно на большую голову. Когда, Богъ дастъ, вы пріѣдете ко мнѣ, мы поговоримъ о многомъ, и я вамъ дамъ эту книгу. Если бы я былъ свободенъ отъ своего романа*), котораго конецъ уже набранъ, и я поправляю корректуру, я бы сейчасъ по полученіи вашего письма пріѣхалъ къ вамъ. Такъ, я не знаю, почему ваше послѣднее письмо забрало меня за живое, т.-е. дружбу къ вамъ. Ужасно хочется васъ видѣть.

Поэтъ мой К..., которому я велѣлъ наизусть выучить то, что вы пишете мнѣ о немъ, написалъ тутъ же вамъ посланіе, очень плохое, но проспѣлъ послать. Боюсь, что онъ болѣе стихотворецъ, чѣмъ поэтъ. Но какое милое стихотвореніе Полонскаго, оно напечатано въ Нивѣ.

Прощайте, до свиданія, пожалуйста пишите о себѣ, о своемъ здоровьи, хоть два слова. Жена кланяется вамъ и Марьѣ Петровнѣ.

Л. Толстой.

№ 97.

Н. Н. Страхову.

(Ясная Поляна, 1877 г., Авг.).

И въ дурномъ и въ хорошемъ расположеніи духа мысль о войнѣ застилаетъ для меня все. Не война самая, но вопросъ о нашей несостоятельности, который вотъ-вотъ долженъ рѣшиться, и о причинахъ этой несостоятельности, которыя мнѣ становятся все яснѣе и яснѣе.

Нынче Степа разговаривалъ съ Сергѣемъ о войнѣ, и Сергѣй сказалъ: что на войнѣ хорошо молодымъ солдатамъ

*) „Анна Каренина“.

попользоваться на счетъ турчанокъ, и когда Степа сказалъ, что это нехорошо, онъ сказалъ: да, что, вѣдь ей ничего не будетъ. Чортъ съ ней.—Это говоритъ тотъ Сергѣй, который сочувствовалъ сербамъ и котораго приводятъ въ доказательство народнаго сочувствія. А задушевная мысль о войнѣ только турчанка. Т.-е. разнузданность животныхъ инстинктовъ. Когда Степа разсказалъ, что дѣла идутъ плохо, онъ сказалъ: „что-жъ не возьмутъ Михаила Григорьевича Черняева (онъ знаетъ имя и отчество), онъ бы ихъ размайорилъ". Турчанка и слѣпое довѣріе къ имени новому народному. Мнѣ кажется, что мы находимся на краю большого переворота. Пишите мнѣ, пожалуйста, о томъ, что дѣлается и говорится въ Петербургѣ.

Л. Толстой.

№ 98.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1877 г., Сент. 2).

Какъ мало на свѣтѣ настоящихъ умныхъ людей, дорогой Афанасій Афанасьевичъ! Появился было г-нъ Болговъ, и какъ я обрадовался ему, но и тотъ тотчасъ же обратился въ васъ. Можно не узнать произведеніе ума, къ которому равнодушенъ, но произведеніе ума любимаго, выдающее себя за чужое, такъ же смѣшно и странно видѣть, какъ если бы я пріѣхалъ къ вамъ судиться и, глядя на васъ во всѣ глаза, увѣрялъ бы, что я адвокатъ Петровъ. Не могу хвалить вашей статьи, потому что она хвалитъ меня; но я вполнѣ согласенъ съ нею; и мнѣ очень радостно было читать анализъ своихъ мыслей, при которомъ всѣ мои мысли, взгляды, сочувствія, затаенныя стремленія поняты вѣрно и поставлены всѣ на настоящее мѣсто. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы она была напечатана; хотя я обращалъ къ вамъ то, что вы говорили мнѣ, знаю, что почти никто не поймetъ ея.

Я все это время охочусь и хлопочу объ устройствѣ нашего педагогическаго персонала на зиму. Ѣздили въ Москву въ поискахъ за учителемъ и гувернеромъ. Нынче же чувствую себя совсѣмъ больнымъ. Вы не пишете о себѣ, стало быть, хорошо.

Нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой.*

1878 г.

№ 99.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1878 г., Янв. 27).

Къ моему великому несчастію, предположенія ваши невѣрны, дорогой Афанасій Афанасьевичъ, я не только не за работой, но вамъ не отвѣчалъ потому, что все это время былъ нездоровъ. Послѣднее время я даже лежалъ нѣсколько дней. Простуда въ разныхъ видахъ: зубы, бокъ, — но результатъ тотъ, что время проходитъ, мое лучшее время, и я не работаю.

Спасибо вамъ, что не наказываете меня за молчаніе, а еще награждаете, давъ намъ первымъ прочесть ваше стихотвореніе. Оно прекрасно, на немъ есть тотъ особенный характеръ, который есть въ вашихъ послѣднихъ, столь рѣдкихъ, стихотвореніяхъ. Очень они компактны, и сіяніе отъ нихъ очень далекое. Видно, на нихъ тратится ужасно много поэтическаго запаса. Долго накопляется, пока кристаллизируется. „Звѣзды“ это и еще одно изъ послѣднихъ—одного сорта. Въ подробностяхъ же вотъ что. Прочтя его, я сказалъ женѣ: „стихотвореніе Фета прелестно, но одно слово нехорошо“. Она кормила и суетилась, но за чаемъ, успокоившись, взяла читать и тотчасъ же указала на то слово, которое я считалъ нехорошимъ: „какъ Боги“. Страховъ мнѣ пишетъ, спрашиваетъ о васъ; я далъ ему вашъ адресъ.

Нашъ душевный поклонъ Марьѣ Петровнѣ. Дай вамъ Богъ устраивать получше и подольше не устроить, а то скучно будетъ. До слѣдующаго письма,—нынче некогда.

Вашъ *Л. Толстой.*

P. S. Главное быть здоровымъ и меня любить постарому.

№ 100.

Н. Н. Страхову.

(Ясная Поляна, 1878 г., Апр.).

Другое это то, что я нынче говѣлъ и сталъ читать Евангеліе и Ренана: „Жизнь Іисуса“, всю прочелъ, и все время читалъ и удивлялся на васъ. Могу объяснить ваше пристрастіе къ Ренану только тѣмъ, что вы были очень молоды, когда читали его. Если у Ренана есть какія-нибудь свои мысли, то это двѣ слѣдующія: 1) что Христосъ не зналъ l'évolution et le progrès, и въ этомъ отношеніи Ренанъ старается поправлять его и съ высоты этой мысли критикуетъ его (стр. 314, 315, 316). Это ужасно, для меня по крайней мѣрѣ; прогрессъ, по мнѣ, есть логариѳмъ времени, т.-е. ничего, констатизмъ факта, что мы живемъ по времени, и вдругъ это-то становится судьей высшей степени, которую мы знаемъ. Легкомысленность или недобросовѣстность этого воззрѣнія удивительны. Христіанская истина, т. е. наивысшее выраженіе абсолютнаго добра, есть выраженіе самой сущности внѣ формы, времени и др.

Ренаны же смѣшиваютъ ея выраженіе абсолютно съ выраженіемъ ея въ исторіи и сводятъ ее на временное проявленіе и тогда обсуждаютъ. Если христіанская истина высока и глубока, то только потому, что субъективно абсолютна. Если же разсматривать ея объективное проявленіе, то она наравнѣ съ Code Napoleon и т. п. Другая новая у Ренана мысль—это то, что если ученіе есть ученіе Христа, то былъ какой-нибудь человѣкъ, и этотъ человѣкъ непремѣнно—потѣлъ и ходилъ... Для насъ изъ христіанства всѣ че-

ловѣческія унижающія реалистическія подробности исчезли потому же, почему исчезли всѣ подробности обо всѣхъ, жившихъ когда-нибудь жидахъ и др., потому, почему все исчезаетъ, что не вѣчно, т.-е. песокъ, который не нуженъ, промытъ, осталось золото, по непзмѣняемому закону; кажется, что же дѣлать людямъ, какъ не брать это золото? Нѣтъ. Ренанъ говоритъ, если есть золото, то былъ и песокъ, и онъ старается найти, какой былъ песокъ. И все это съ глубокомысленнымъ видомъ. Но что еще болѣе забавно было бы, если бы не было такъ ужасно глупо, это то, что и песку этого они не находятъ никакого и только утверждаютъ, что онъ долженъ былъ быть. Я прочелъ все и долго искалъ и спрашивалъ у себя: но что же изъ этихъ историческихъ подробностей я узналъ новаго? И вспомните и признайтесь, что ничего, ровно ничего. Я предлагаю дополнить Ренана, сдѣлать соображенія о томъ, какія и какъ были физическія отправленія. Все прогрессъ, все évolution. Можетъ быть, что для того, чтобы узнать растеніе, надо знать среду, и даже, чтобы узнать человѣка, какъ государственное животное, надо узнать среду и движеніе, развитіе, но чтобы понять красоту, истину и добро, никакое изученіе среды не поможетъ, да и не имѣетъ ничего общаго съ разсматриваемымъ. Тамъ идемъ по плоскости, а тутъ совсѣмъ другое направленіе — вглубь и вверхъ. Нравственную истину можно и должно изучать и конца ея изученія нѣтъ, но это изученіе идетъ вглубь, какъ ведутъ его люди религіозные, а это дѣтская, пошлая и подлая шалость.

Л. Толстой.

№ 101.

Графинѣ С. А. Толстой.

(Кіевъ, 1873 г., іюнь.).

13 іюня. Кіевъ очень притягиваетъ меня.

14 іюня. Все утро до 3-хъ ходилъ по соборамъ, пещерамъ, монахамъ и очень недоволенъ поѣздкой. Не стоило того.

Въ 7 часовъ пошелъ въ Лавру, къ схимнику Антонію, и нашелъ мало поучительнаго.

Что дастъ Богъ завтра.

№ 102.

А. А. Фету.

(1878 г., Сент. 5).

Дорогой Афанасій Афанасьевичъ, получилъ на дняхъ ваше послѣднее, краткое, но много-содержательное письмо и вижу по его тону, что вы въ очень хорошемъ душевномъ настроеніи, хотя и были больны. Вы поминаете о вашей статьѣ. Пожалуйста, не приписывайте значенія моему сужденію, во-первыхъ, потому, что я плохой судья при слушаніи, а не чтеніи про себя, а во-вторыхъ, потому, что въ этотъ день я былъ въ самомъ дурномъ физически расположеніи духа. Когда вы будете передѣлывать, не забудьте еще выправить пріемы связей отдѣльныхъ частей статьи. У васъ часто встрѣчаются излишнія вступленія, какъ напр.: „теперь мы обратимся...“ или — „взглянемъ...“ и т. п. Главное, разумѣется, въ расположеніи частей относительно фокуса и когда правильно расположено,—все ненужное, лишнее само собою отпадаетъ, и все выигрываетъ въ огромныхъ степеняхъ.

Тургеневъ на обратномъ пути былъ у насъ и радовался полученію отъ васъ письма. Онъ все такой же, и мы знаемъ ту степень сближенія, которая между нами возможна. Мнѣ ужасно хочется писать, но нахожусь въ тяжеломъ недоумѣніи: фальшивый ли это или настоящій аппетитъ.

Ужасно хочется побывать у васъ и навѣрное побываю, но теперь еще много поѣздокъ необходимѣйшихъ. Нынче ѣду на земское собраніе.

Вашъ *Л. Толстой.*

№ 103.

Графинѣ С. А. Толстой.

(Съ парохода по дорогѣ въ Самарск. г., 1878 г.).

...Но не забывай, однако, что бы ты ни рѣшила, оставаться или ѣхать, что бы ни случилось независящаго отъ насъ, я никогда, ни даже въ мысляхъ, ни себя, ни тебя упрекать не буду. Во всемъ будетъ воля Божья, кромѣ нашихъ дурныхъ или хорошихъ поступковъ.

10 часовъ вечера, и завтра въ 4 часа, Богъ дастъ, будемъ въ Самарѣ, а вечеромъ на хуторѣ...

Интересное было для меня—бесѣда съ раскольниками безпоповцами Вятск. г. мужики, купцы очень простые, умные, приличные и серьезные люди.

Прекрасный былъ разговоръ о вѣрѣ.

№ 104.

Графинѣ А. А. Толстой.

(Ясная Поляна, 1878 г.).

У меня давно бродитъ въ головѣ планъ сочиненія, мѣстами котораго долженъ быть Оренбургскій край, а время—Перовскаго *). Теперь я привезъ изъ Москвы цѣлую кучу матеріаловъ для этого... Очень, очень вамъ благодаренъ за ваше обѣщаніе дать мнѣ свѣдѣнія о Перовскомъ. Ваше обѣщаніе было бы для меня большой заманкой для Петербургской поѣздки, если бы кромѣ этого у меня не было сильнѣйшаго желанія побывать въ Петербургѣ. Желаніе это уже дошло до maximum'а, теперь нуженъ толчокъ. А толчка этого нѣтъ, даже скорѣе толчки обратные, въ видѣ моего нездоровья. Буду ждать Перовскаго; личность вы совершенно вѣрно опредѣляете à grand traits, такимъ и я пред-

*) Графъ В. А. Перовскій,—герой Бородина въ 1812 г. и участникъ турецкаго похода въ 1828 г., въ 1883 г. былъ военн. губерн. Оренбургск. г.

ставлялъ себѣ; и такая фигура — одна наполняющая картину; біографія его—была бы груба, но съ другими противоположными ему тонкими, мягкой работы, нѣжными характерами, какъ Жуковскій даже, котораго вы, кажется, хорошо знали, и съ другими и главное съ декабристами, эта крупная фигура, составляющая тѣнь (оттѣнокъ) къ Ник. Павл. самой крупной à grand traits фигурѣ, выражаетъ вполнѣ то время.—Я теперь весь погруженъ въ чтеніе изъ временъ 20-хъ годовъ и не могу вамъ выразить то наслажденіе, которое я испытываю, воображая себѣ это время. Странно и пріятно думать, что то время, которое я помню, 30-е года уже исторія. Такъ и видишь, что колебаніе фигуръ на этой картинѣ прекращается—и все устанавливается въ торжественномъ покоѣ истины и красоты.

Молюсь Богу, чтобы Онъ мнѣ дозволилъ сдѣлать хоть приблизительно то, что я хочу. Дѣло это для меня такъ важно, что, какъ вы ни способны понимать все, вы не можете представить, до какой степени это важно. Такъ важно, какъ важна для васъ ваша вѣра. И еще важнѣе, мнѣ бы хотѣлось сказать. Но важнѣе ничего не можетъ быть. И оно то самое и есть.

Вашъ *Л. Толстой.*

1879 г.

№ 105.

Н. Н. Страхову.

(Ясная Поляна, 1879 г., Апр. 9).

Благодарю васъ, дорогой Николай Николаевичъ, за присылку статьи Григорьева. Я прочелъ предисловіе Григорьева, но, не сердитесь на меня—чувствую, что посаженный въ темницу, никогда не прочту всего. Не потому, что не цѣню Григорьева, напротивъ, но критика для меня скучнѣе всего, что только есть скучнаго на свѣтѣ. Въ критикѣ искусства

все правда, а искусство потому только и искусство, что оно все. Я со страхомъ чувствую, что перехожу на лѣтнее состояніе: мнѣ противно то, что я писалъ, и теперь у меня лежатъ корректуры на апрѣльскую*) книжку и боюсь, что не въ силахъ ихъ поправить. Все въ нихъ скверно и все надо передѣлать, все, что напечатано, и все перемарать и бросить, и отречься и сказать: виноватъ, впередъ не буду, и постараться написать что-нибудь новое уже не такое нескладное и ни то ни семное. Вотъ, въ какое я прихожу состояніе, и это очень пріятно... И не хвалите мой романъ. Паскаль завелъ себѣ поясъ съ гвоздями, которымъ онъ пожималъ всякій разъ, какъ чувствовалъ, что похвала его радуетъ. Мнѣ надо завести такой поясъ.—Покажите мнѣ искреннюю дружбу—или ничего не пишите про мой романъ, или напишите мнѣ только все, что въ немъ дурно. И если правда то, что я подозрѣваю, что я слабѣе, то, пожалуйста, напишите мнѣ. Мерзкая наша писательская должность—развращающая. У каждаго писателя есть своя атмосфера хвалителей, которую онъ осторожно носитъ вокругъ себя и не можетъ имѣть понятія о своемъ значеніи и о времени упадка. Мнѣ бы хотѣлось не заблуждаться и не развращаться дальше. Пожалуйста помогите мнѣ въ этомъ. И не стѣсняйтесь только, что вы строгимъ осужденіемъ можете помѣшать дѣятельности человѣка, имѣвшаго талантъ. Гораздо лучше будетъ остановиться на „Войнѣ и мирѣ“; чѣмъ писать „Часы“ или т. п.

Левъ Толстой.

№ 106.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1879 г., Апр. 17).

Есть молитва, которая говоритъ: „не по заслугамъ, но по милосердію Твоему“. Такъ и вы. Еще получилъ отъ васъ

*) „Анна Каренина“.

длинное, хорошее письмо. Непремѣнно и скоро поѣду въ Кіевъ и Воробьевку, и все тогда вамъ разскажу, а теперь только отвѣчу на ваши опасенія. Декабристы мои Богъ знаетъ гдѣ теперь, я о нихъ и не думаю, а если бы и думалъ, и писалъ, то льщу себя надеждой, что мой духъ одинъ, которымъ пахло бы, былъ бы невыносимъ для стрѣлявшихъ въ людей для блага человѣчества. Какъ правы мужики и вы, что стрѣляютъ господа, и хоть не за то, что отняли, а потому, что отняли мужиковъ. Но долженъ сказать, я добросовѣстно не читаю газетъ даже теперь и считаю обязанностью всѣхъ отвращать отъ этой пагубной привычки. Сидитъ человѣкъ старый, хорошій въ Воробьевкѣ; переплавилъ въ своемъ мозгу двѣ-три страницы Шопенгауэра и выпустилъ ихъ по русски, съ кія кончилъ партію, убилъ вальдшнепа, полюбовался жеребенками отъ Закраса, сидитъ съ женою, пьетъ славный чай, куритъ, всѣми любимъ и всѣхъ любитъ, и вдругъ привозятъ вонючій листъ сырой, рукамъ больно, глазамъ больно, и въ сердцѣ злоба осужденій, чувство отчужденности, чувство, что я никого не люблю, никто меня не любитъ, и начинаетъ говорить, говоритъ и сердится, и страдаетъ. Это надо бросить. Будетъ много лучше.

Надѣюсь, до свиданія. Наши поклоны Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой.*

1880 г.

№ 107.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1880 г., іюль 8).

Дорогой Афанасій Афанасьевичъ. Страховъ мнѣ пишетъ, что онъ хотѣлъ исполнить мою просьбу: уничтожить въ васъ всякое, какое могло быть, недоброжелательство ко мнѣ или недовольство мною,—но что это оказалось совершенно излишне. Онъ ничего не могъ мнѣ написать пріятнѣе.

И это же я чую въ вашемъ письмѣ. А это для меня главное. И еще будетъ лучше, когда вы по старой привычкѣ заѣдете ко мнѣ. Мы оба съ женою ждемъ этого съ радостью. Теперь лѣто и прелестное лѣто, и я, какъ обыкновенно, ошалѣваю отъ жизни и забываю свою работу. Нынѣшній годъ долго я боролся, но красота міра побѣдила меня. И я радуюсь жизни и больше почти ничего не дѣлаю. У насъ полонъ домъ гостей. Дѣти затѣяли спектакль, и у нихъ шумно и весело. Я съ трудомъ нашелъ уголокъ и выбралъ минутку, чтобы написать вамъ словечко. Пожалуйста же постарому любите насъ, какъ и мы. Передайте нашъ привѣтъ Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой*.

1881 г.

№ 108.

Графинѣ С. А. Толстой.

(1881 г., Іюль 11).

Дошелъ хуже, чѣмъ я ожидалъ. Натеръ мозоли, поспалъ и здоровьемъ чувствую лучше, чѣмъ ожидалъ. Здѣсь купилъ чуни пенечныя, и въ нихъ пойдется легче. Пріятно, полезно и поучительно очень. Только бы далъ Богъ намъ свидѣться здоровыми всей семьей и чтобы не было дурного ни съ тобой, ни со мной, а то я никакъ не буду раскаиваться, что пошелъ.

Нельзя себѣ представить, до какой степени ново, важно и полезно для души (для взгляда на жизнь), увидать, какъ живетъ міръ Божій большой, настоящій, а не тотъ, который мы устроили себѣ и изъ котораго не выходимъ, хотя бы объѣхали вокругъ свѣта. Дмитрій Федоровичъ (яснополянскій учитель) идетъ со мной до Оптиной *). Онъ тихій и услужливый человѣкъ. Ночевали мы въ Селивановѣ у богатаго му-

*) До одной деревни на пути въ „Оптину Пустынь“.

жика, бывшаго старшины, арендатора. Изъ Одоева напишу и изъ Бѣлева напишу. Я очень берегу себя и купилъ нынче винныхъ ягодъ для желудка. Если бы ты видѣла вчера на ночлегѣ дѣвочку Мишиныхъ *) лѣтъ, ты бы влюбилась въ нее: ничего не говоритъ и все понимаетъ, и все улыбается, и никто за ней не смотритъ. Главное, новое чувство—это сознавать себя и передъ собою и передъ другими только тѣмъ, что я есмь, а не тѣмъ, что я—вмѣстѣ со своей обстановкой. Нынче мужикъ въ телѣгѣ обгоняетъ. „Дѣдушка, куда Богъ несетъ?“—„Въ Оптину“.—„Что жъ тамъ и жить останешься?“—И начинается разговоръ.

Только бы тебя не разстраивали и большія, и малыя дѣти. Только бы гости не были непріятны, только бы сама была здорова, только бы ничего не случилось, только бы... я дѣлалъ все хорошее и ты тоже, и тогда все будетъ хорошо.

№ 109.

Графинѣ С. А. Толстой.

(1881 г., Авг. 24).

Ты нынче выѣзжаешь въ Москву. Ты не повѣришь, какъ меня мучаетъ мысль о томъ, что ты черезъ силу работаешь, и раскаяніе въ томъ, что я мало (вовсе) не помогалъ тебѣ.

Вотъ ужъ на это кумысъ былъ хорошъ, чтобы заставить меня спуститься съ той точки зрѣнія, съ которой я невольно, увлеченный своимъ дѣломъ, смотрѣлъ на все. Я теперь иначе смотрю. Я все то же думаю и чувствую, но я излѣчился отъ заблужденія, что другіе люди могутъ и должны смотрѣть на все, какъ я. Я много передъ тобой былъ виноватъ, душенька, безсознательно, невольно виноватъ, ты знаешь это, но виноватъ.

Оправданіе мое въ томъ, что для того, чтобы работать съ такимъ напряженіемъ, съ какимъ я работалъ, и сдѣлать

---

*) Сынъ Л. Н-ча.

что нибудь, нужно забыть все. И я слишкомъ забывалъ о тебѣ и каюсь, ради Бога и любви нашей, какъ можно береги себя. Откладывай больше до моего пріѣзда, я все сдѣлаю, съ радостью, и сдѣлаю недурно, потому что буду стараться.

№ 110.

В. И. Алексѣеву.

(Москва, 1881 г., Окт. (?)).

Спасибо вамъ за хорошее письмо, дорогой В. И., мы какъ будто забываемъ, что любимъ другъ друга. Я не хочу этого забывать--не хочу забывать того, что я вамъ во многомъ обязанъ, въ томъ спокойствіи и ясности моего міросозерцанія, до котораго я дошелъ. Я [васъ узналъ, перваго человѣка (тронутаго образованіемъ) не на словахъ, а въ сердцѣ исповѣдующаго ту вѣру, которая стала яснымъ и непоколебимымъ для меня свѣтомъ. Это заставило меня вѣрить въ возможность того, что смутно всегда шевелилось въ душѣ. И поэтому вы какъ были, такъ и останетесь всегда дороги. Смущаетъ меня неясность, непослѣдовательность вашей жизни, смущаетъ ваше предпослѣднее письмо, полное заботъ мірскихъ, но я самъ такъ недавно былъ переполненъ ими и до сихъ поръ такъ плохъ въ своей жизни, что мнѣ пора знать, какъ сложно переплетается жизнь съ прошедшими соблазнами, и что дѣло не во внѣшнихъ формулахъ, а въ вѣрѣ. И мнѣ радостно думать, что у насъ съ вами вѣра одна.

О моихъ предположеніяхъ, собирать долги и на эти деньги учредить что-нибудь для пользы людей, долженъ сказать, что все это пустяки, даже хуже чѣмъ пустяки, это—дурное тщеславіе. Одно смягчающее мою вину и объясняющее обстоятельство это то, что я дѣлалъ это для своихъ, для своей семьи. Изъ денегъ, разумѣется, кромѣ зла (какъ вы пишете), едва ли что-нибудь выйдетъ, но для

моей семьи—это начало того, къ чему я тяну постоянно,—отдать то, что есть не для того, чтобы сдѣлать добро, а чтобы быть меньше виноватымъ.

То, что мои доводы малоубѣдительны, я очень хорошо знаю. Ошибаюсь ли я или нѣтъ, но я думаю, что я могу сдѣлать ихъ неопровержимыми для всякаго человѣка логическаго, разсуждающаго; но я убѣдился, что убѣждать логически не нужно. Я пережилъ уже эту эпоху. То, что я писалъ и говорилъ, достаточно для того, чтобы указать путь; всякій ищущій самъ найдетъ и найдетъ лучше и больше, и свойственнѣе себѣ доводы, но дѣло въ томъ, чтобы показать путь. Теперь же я убѣдился, что показать путь можетъ только жизнь,—примѣръ жизни. Дѣйствіе этого примѣра очень не быстро, очень неопредѣленно (въ томъ смыслѣ, что, думаю, никакъ не можешь знать, на кого оно подѣйствуетъ), очень трудно. Но оно одно даетъ толчокъ. Примѣръ — доказательство возможности христіанской, т. е. разумной и счастливой, жизни при всѣхъ возможныхъ условіяхъ; это одно двигаетъ людей и это одно нужно и мнѣ, и вамъ, и давайте помогать другъ другу это дѣлать.

Пишите мнѣ, и будемте какъ можно правдивѣе другъ передъ другомъ.

Обнимаю васъ и всѣхъ вашихъ.

Левъ Толстой.

№ 111.

В. И. Алексѣеву.

(Москва, 1881 г., Ноябрь (?)).

Спасибо вамъ, дорогой Василій Ивановичъ, за письмо ваше. Думаю я о васъ безпрестанно и люблю васъ очень. Вы недовольны собой, что же мнѣ-то сказать про себя? Мнѣ очень тяжело въ Москвѣ. Больше двухъ мѣсяцевъ я живу и все такъ же тяжело. Я вижу теперь, что я зналъ

про все то, про всю громаду соблазновъ, въ которыхъ живутъ люди, но не вѣрилъ имъ, не могъ представить ихъ себѣ, какъ вы знали, что есть Кавказъ по географіи, но узнали его только, когда пріѣхали въ него. И громада этого зла подавляетъ меня, приводитъ въ отчаяніе, вселяетъ недовѣріе, удивляетъ меня, — какъ же никто не видитъ этого? Можетъ быть, и мнѣ нужно было это, чтобы яснѣе найти свой честный путь въ жизни. Представляется прежде всего одно изъ двухъ: или опустить руки и страдать бездѣятельно, предаваясь отчаянію, или помириться со зломъ, затуманивать себя виномъ, пустомельемъ, суетой. Но, къ счастью, я послѣдняго не могу, а первое слишкомъ мучительно, и я ищу выхода. Выходъ представляется мнѣ одинъ: проповѣдь печатная и изустная. Но тутъ тщеславіе, гордость, можетъ быть, самообманъ, и боишься его. Другой выходъ—дѣлать добро людямъ, но тутъ огромность числа несчастныхъ подавляетъ. Не такъ, какъ въ деревнѣ, гдѣ складывается кружокъ естественный. Единственный выходъ который я вижу изъ этого—жить хорошо, всегда ко всѣмъ поворачиваться доброй стороной, но этого я все еще не умѣю дѣлать, какъ вы. Вспоминаю я васъ, когда обрываюсь на этомъ. Рѣдко могу быть такимъ—я горячъ, сержусь, негодую и недоволенъ собою. Есть и здѣсь люди. И мнѣ далъ Богъ сойтись съ двумя: Орловъ одинъ, другой, и главный Николай Федоровичъ Федоровъ. Это библіографъ Румянцевской библіотеки. Помните, я вамъ разсказывалъ? Они составили планъ общаго дѣла всего человѣчества, имѣющаго цѣлью воскресенье всѣхъ людей во плоти. Во-первыхъ, это не такъ безумно, какъ кажется. Не бойтесь, я не раздѣляю его взглядовъ, но я такъ понялъ ихъ, что чувствую себя въ силахъ защитить эти взгляды передъ всякимъ другимъ вѣрованіемъ, имѣющимъ внѣшнюю цѣль; во-вторыхъ, и главное, благодаря этому вѣрованію онъ по жизни самый чистый христіанинъ. Когда я ему говорю объ испол-

неніи Христова ученія, онъ говоритъ: „да, это разумѣется“, и я знаю, что онъ исполняетъ его. Ему 60 лѣтъ, онъ нищій, все отдаетъ, всегда веселъ и кротокъ. Орловъ — пострадавшій, 2 года сидѣлъ по дѣлу Нечаева, и болѣзненный, тоже аскетъ по жизни и кормитъ 9 душъ и живетъ хорошо. Онъ учитель въ желѣзнодорожной школѣ. Соловьевъ*) здѣсь, но онъ головной. Еще былъ я у Сютаева**), тоже христіанинъ и на дѣлѣ. Книгу мою — „Краткое изложеніе“—читали и Орловъ, и Федоровъ и мы единомышленники съ Сютаевымъ во всемъ, до малѣйшихъ подробностей. Ну, казалось бы, хорошо. Кромѣ того, пишу разсказы, въ которыхъ хочу выразить мои мысли. Казалось бы хорошо, но нѣтъ спокойствія.

Торжество равнодушія, приличія, привычность зла и обмана—давятъ.

Сижу все дома, утромъ пытаюсь работать, плохо идетъ. Часа въ 2—3 иду за Москву-рѣку пилить дрова. И когда есть сила и охота подняться, это освѣжаетъ меня, придаетъ силы, видишь жизнь настоящую и хотя прыжкомъ въ нее окунешься и освѣжишься. Но когда не хожу (тому назадъ недѣли три я ослабѣлъ и пересталъ ходить, и совсѣмъ было опустился), раздраженіе, тоска. Вечеромъ сижу дома и одолѣваютъ гости. Хоть и интересные, но пустые разговоры, и теперь хочу затвориться отъ нихъ. Перечелъ письмо и вижу, что оно ужасно безтолково, но боюсь, не сумѣю написать лучше и посылаю. Напишу непремѣнно получше въ другой разъ.

Пишите, пожалуйста, почаще.

Левъ Толстой.

---

*) Философъ В. С.

**) Крестьянинъ-сектантъ.

1882 г.

№ 112.

Графинѣ С. А. Толстой.

(Ясная Поляна, 1882 г., Мартъ (?)).

...Я думаю, что лучше, спокойнѣе мнѣ нигдѣ бы не могло быть.

Ты вѣчно въ домѣ и въ заботахъ семьи не можешь чувствовать ту разницу, которая составляетъ для меня городъ и деревня.

Впрочемъ, нечего говорить и писать въ письмѣ; я объ этомъ самомъ пишу теперь, и ты прочтешь яснѣе, если удастся написать. Главное зло города для меня и для всѣхъ людей мысли (о чемъ я не пишу) — это то, что безпрестанно приходится или спорить, опровергать ложныя сужденія или соглашаться съ ними безъ спора, что еще хуже. А спорить и опровергать пустяки и ложь—самое праздное занятіе и ему конца нѣтъ, потому что лжей можетъ быть и есть безчисленное количество. А занимаешься этимъ и начинаешь воображать, что это дѣло, а это самое большое бездѣлье. Если же не спорить, то что-нибудь уяснишь себѣ такъ, что оно исключаетъ возможность спора, а это дѣлается только въ тишинѣ и уединеніи,—я знаю—что нужно и общеніе съ подобными себѣ и очень нужно, и мои три мѣсяца въ Москвѣ, съ одной стороны, мнѣ дали очень много, не говоря уже объ Орловѣ, Николаѣ Федоровичѣ, Сютаевѣ; ближе узнать людей, общество даже, которое холодно осуждалъ издалека,—мнѣ дало очень много. И я разбираюсь со всѣмъ этимъ матеріаломъ. Перепись и Сютаевъ уяснили мнѣ очень многое. Такъ не безпокойся обо мнѣ. Случиться все можетъ и вездѣ, но я здѣсь въ условіяхъ самыхъ хорошихъ и безопасныхъ.

№ 113.

В. И. Алексѣеву.

(Москва, 1882 г., Ноябрь (?)).

Милый другъ. Только что видѣлъ васъ во снѣ и хотѣлъ писать вамъ, какъ получилъ ваше письмо. Я скучаю по васъ часто, но радуюсь, что вамъ хорошо, никогда не думая, что вамъ не хорошо. Вашъ удѣлъ очень счастливый. Разумѣется, счастья все въ себѣ. Но по внѣшнимъ условіямъ — можно жить и въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, въ самой гущѣ соблазновъ, можно въ среднихъ и въ самыхъ легкихъ. Вы почти въ самыхъ легкихъ. Мнѣ Богъ никогда не давалъ такихъ условій, завидую вамъ чисто, любовно завидую, но завидую...

У насъ въ семьѣ были нездоровы, но теперь все хорошо, и болѣе или менѣе по-старому. Сережа много занимается и вѣритъ въ университетъ.

Таня полудобрая, полусерьезная, полуумная, — не дѣлается хуже, скорѣе дѣлается лучше. Ильюша лѣнится, растетъ и еще душа его не задавлена органическими процессами. Лева и Маша мнѣ кажутся лучше, они не захватили моей грубости, которую захватили старшіе, и мнѣ кажется, что они развиваются въ лучшихъ условіяхъ и потому лучше и добрѣе старшихъ. Малыши славные мальчики, здоровые. Я довольно спокоенъ, но грустно часто отъ торжествующаго самоувѣреннаго безумія окружающей жизни. Не понимаешь часто, зачѣмъ мнѣ дано такъ ясно видѣть ихъ безуміе, а они совершенно лишены возможности понять свое безуміе, и свои ошибки, и мы такъ стоимъ другъ противъ друга, не понимая другъ друга и удивляясь, и осуждая другъ друга. Только ихъ легіонъ, а я одинъ; имъ какъ будто весело, а мнѣ какъ будто грустно. Все это время я очень пристально занимался еврейскимъ языкомъ и выучилъ его почти, читаю ужъ и понимаю. Учитъ меня раввинъ

здѣшній, Миноръ, очень хорошій и умный человѣкъ. Я очень занятъ. Здоровье мое слабѣетъ и очень часто хочется умереть, но знаю, что это дурное желаніе—это второе искушеніе. Видно, я не пережилъ еще его.

Прощайте, мой дорогой, дай вамъ Богъ того, что у меня бываетъ въ хорошія минуты, вы это знаете, лучше этого ничего нѣтъ.

Л. Толстой.

№ 114.

М. А. Энгельгарту.

(1882 г., Авг. (?)).

Дорогой мой М. А. Пишу вамъ „дорогой“ не потому, что такъ пишутъ, а потому, что со времени полученія вашего перваго, а особенно второго письма чувствую, что вы мнѣ очень близки, и я васъ очень люблю. Въ чувствѣ, которое я испытываю къ вамъ, есть много эгоистичнаго. Вы, вѣрно, не думаете этого, но вы не можете себѣ представить, до какой степени я одинокъ, до какой степени то, что есть настоящій „я“, презираемо всѣми, окружающими меня, знаю, что потерпѣвшій до конца спасенъ будетъ, знаю, что только въ пустякахъ дано человѣку право воспользоваться плодами своего труда или хоть видѣть этотъ плодъ, а что въ дѣлѣ Божьей истины, которая вѣчна, не можетъ быть дано человѣку видѣть плодъ своего дѣла, особенно же въ короткій періодъ своей коротенькой жизни. Знаю все это и все таки часто унываю, и потому встрѣча съ вами и надежда, почти увѣренность, найти въ васъ человѣка искренно идущаго по одной дорогѣ со мной и къ одной и той же цѣли, для меня очень радостна.

Я отвѣчаю, что я не проповѣдую и не могу проповѣдовать, хотя страстно желаю этого. Проповѣдовать я могу дѣломъ, а дѣла мои скверны. То же, что я говорю, не есть проповѣдь, а только опроверженіе ложнаго пониманія христіанскаго ученія и разъясненіе настоящаго его значенія.

Значеніе его не въ томъ, чтобы во имя его насиліемъ перестраивать общество, значеніе его въ томъ, чтобы найти смыслъ жизни въ этомъ мірѣ. Исполненіе пяти заповѣдей даетъ этотъ смыслъ. Если вы хотите быть христіаниномъ, то надо исполнять эти заповѣди, а не хотите ихъ исполнять, то не толкуйте о христіанствѣ внѣ исполненія этихъ заповѣдей. Но, мнѣ говорятъ, если вы находите, что внѣ исполненія христіанскаго ученія нѣтъ разумной жизни, а вы любите эту разумную жизнь, отчего вы не исполняете заповѣдей? Я отвѣчаю, что виноватъ и гадокъ и достоинъ презрѣнія за то, что я не исполняю. Но при этомъ не столько въ оправданіе, сколько въ объясненіе непослѣдовательности своей говорю: посмотрите на мою жизнь, прежнюю и теперешнюю, и вы увидите, что я пытаюсь исполнять. Я не исполнилъ и $^1/_{10000}$, это правда и я виноватъ въ этомъ, но я не исполнилъ не потому, что не хотѣлъ, а потому, что не умѣлъ. Научите меня, какъ выпутаться изъ сѣти соблазновъ, охватившихъ меня, помогите мнѣ, и я исполню; но и безъ помощи я хочу и надѣюсь исполнить. Обвиняйте меня, я самъ это дѣлаю, но обвиняйте меня, а не тотъ путь, по которому я иду и указываю тѣмъ, кто спрашиваетъ меня, гдѣ, по моему мнѣнію, дорога. Если я знаю дорогу домой и иду по ней пьяный, шатаясь изъ стороны въ сторону, то неужели отъ этого не вѣренъ путь, по которому я иду? Если не вѣренъ, покажите мнѣ другой; если я сбиваюсь и шатаюсь, помогите мнѣ, поддержите меня на настоящемъ пути, какъ я готовъ поддержать васъ, а не сбивайте меня, не радуйтесь тому, что я сбился, не кричите съ восторгомъ: вотъ онъ говоритъ что идетъ домой, а самъ лѣзетъ въ болото. Да не радуйтесь же этому, а помогите мнѣ, поддержите меня.

Вѣдь вы не черти изъ болота, а тоже люди, идущіе домой. Вѣдь я одинъ и вѣдь я не могу желать итти въ болото. Помогите мнѣ: у меня сердце разрывается отъ отчая-

нія, что мы всѣ заблудились, и когда я бьюсь всѣми силами, вы при каждомъ отклоненіи, вмѣсто того, чтобы пожалѣть, себя и меня, суете меня и съ восторгомъ кричите: смотрите, съ нами вмѣстѣ въ болотѣ.

Такъ вотъ мое отношеніе къ ученію и къ исполненію. Всѣми силами стараюсь исполнить и въ каждомъ неисполненіи не то, что только каюсь, но прошу помощи, чтобы быть въ состояніи исполнить, и съ радостью встрѣчаю всякаго, ищущаго путь, какъ и я, и слушаюсь его.

Л. Толстой.

1883 г.

№ 115.

Графинѣ А. А. Толстой.

(Ясная Поляна, 1883 г., Мартъ (?)).

Я не отвѣчалъ вамъ долго, дорогой другъ, оттого, что былъ эти дни въ Москвѣ и измучился, какъ всегда, отъ городской ужасной для меня суеты.

Я не такъ понимаю, какъ вы, слово крестъ, который мы несемъ. Если Богу угодно будетъ то, что я задумываю, вы прочтете, на словахъ тоже, къ слову сказать можно, но писать нельзя. Скажу только, что „Возьми крестъ свой и иди за Мной“ — это одно нераздѣльное слово. „Возьми крестъ свой“ — отдѣльно не имѣетъ, по моему, смысла, потому что крестъ брать и не брать не въ нашей волѣ; онъ лежитъ на насъ, только не надо нести ничего лишняго—все то, что не крестъ. И нести крестъ надо не куда-нибудь, а за Христомъ, то-есть исполняя его законъ любви къ Богу и ближнему. Вашъ крестъ — Дворъ, мой — работа мысли — скверная, горделивая, полная соблазновъ... Но будетъ...

У меня двѣ просьбы къ вамъ, то-есть, черезъ васъ къ Государю и Императрицѣ. Не бойтесь. Надѣюсь, что просьбы такъ легки, что вамъ не придется мнѣ отказать. Просьба къ Императрицѣ даже такова, что я увѣренъ, что она будетъ

благодарна вамъ. Просьба черезъ нее къ Государю — за трехъ стариковъ, раскольничьихъ архіереевъ (одному 90 лѣтъ, двумъ около 60, четвертый — умеръ въ заточеніи), которые 22 года сидятъ въ заточеніи въ Суздальскомъ монастырѣ. Имена ихъ: Кононъ, Геннадій, Аркадій.

Когда я узналъ про нихъ, я не хотѣлъ вѣрить, какъ и вы, вѣрно, не повѣрите, что четыре старика сидятъ за свои религіозныя убѣжденія въ тяжеломъ заключеніи 23 года... Вы знаете лучше меня—можно или нѣтъ просить за нихъ и освободить ихъ. А какъ бы хорошо было освободить ихъ въ эти дни*)... Мнѣ кажется, что нашей доброй Императрицѣ такъ идетъ ходатайство за такихъ людей.

Другая моя просьба къ вамъ, чтобы мнѣ были открыты архивы секретныхъ дѣлъ временъ Петра I., Анны Іоанновны и Елизаветы. Я былъ въ Москвѣ преимущественно для работъ по архивамъ (теперь уже не декабристы, а 18-й вѣкъ, начало его—интересуетъ меня), и мнѣ сказали, что безъ Высочайшаго разрѣшенія мнѣ не откроютъ архивовъ секретныхъ, а въ нихъ все меня интересующее: самозванцы, разбойники, раскольники... Какъ получить разрѣшеніе? Если вамъ не скучно, не трудно, не неудобно, то помогите мнѣ, научите меня; если же хоть немножко почему-нибудь непріятно,—пожалуйста, ничего не дѣлайте и простите меня за мою indiscretion... Какъ вы живете и чувствуете? Ваши письма всегда мнѣ радостны. Чѣмъ старше тѣмъ сильнѣе чувствуешь старую дружбу. Дай Богъ вамъ всего лучшаго! Цѣлую вашу руку. Соня благодаритъ васъ за любовь и платитъ тѣмъ же.

Вашъ *Л. Толстой.*

---

*) На страстной недѣлѣ.

№ 116.

Н. Н. Страхову.

(Москва, 1883 г., Ноябрь (?)).

Дорогой Николай Николаевичъ. Я только начиналъ скучать о томъ, что давно не имѣю отъ васъ извѣстій, какъ получилъ вашу книгу и письмо, и книги. Очень благодаренъ вамъ за все и за еврейскую библію, которую я съ радостью получилъ давно и, мнѣ кажется, я уже благодарилъ васъ за нее. Сколько я вамъ долженъ? Когда увидимся? Не пріѣдете ли вы въ Москву? Книгу вашу прочелъ. Письмо ваше очень грустно подѣйствовало на меня, разочаровало меня. Но я васъ вполнѣ понимаю и, къ сожалѣнію, почти вѣрю вамъ. Мнѣ кажется, вы были жертвою ложнаго, фальшиваго отношенія къ Достоевскому, не вами, но всѣми—преувеличеннаго его значенія и преувеличенія по шаблону, возведенія въ пророки и святого,—человѣка, умершаго въ самомъ горячемъ процессѣ внутренней борьбы, добра и зла. Онъ трогателенъ, интересенъ, но поставить на памятникъ въ поученіе потомству нельзя человѣка, который весь—борьба. Изъ книги вашей я первый разъ узналъ всю мѣру его ума. Книгу Пресансе я тоже прочиталъ, но вся ученость пропадаетъ отъ загвоздки.

Бываютъ лошади — красавицы: рысакъ цѣна 1000 рублей, и вдругъ заминка, и лошади-красавицѣ, и силачу цѣна—грошъ. Чѣмъ я больше живу, тѣмъ больше цѣню людей безъ заминки. Вы говорите, что помирились съ Тургеневымъ, а я очень полюбилъ. И забавно, за то, что онъ былъ безъ заминки и свезетъ, а то рысакъ, да никуда на немъ не уѣдешь. Если еще не завезетъ въ канаву. И Пресансе, и Достоевскій—оба съ заминкой. И у одного вся ученость, у другого умъ и сердце пропали за ничто. Вѣдь Тургеневъ и переживетъ Достоевскаго и не за художественность, а за то, что безъ заминки. Обнимаю васъ отъ всей души. Ахъ,

да, со мной случилась бѣда, задѣвшая и васъ. Я ѣздилъ на недѣльку въ деревню въ половинѣ октября, и, возвращаясь отъ вокзала до дому, выронилъ изъ саней чемоданъ. Въ чемоданѣ были книги и рукописи, и корректуры. И книга одна пропала ваша: первый томъ Гризбаха. Всѣ объявленія ни къ чему не привели. Надѣюсь, еще найти у букинистовъ. Я знаю, что вы простите мнѣ, но мнѣ и совѣстно, и досадно лишиться книги, которая мнѣ всегда нужна.

Левъ Толстой.

№ 117.

Графинѣ С. А. Толстой.

(Ясная Поляна, 1883 г., Сент. 23).

...Сегодня пріѣхалъ изъ Крапивны. Я ѣздилъ туда по вызову въ присяжные. Я пріѣхалъ въ третьемъ часу. Засѣданіе уже началось, и на меня наложили штрафъ въ 100 рублей.

Когда меня вызвали, я сказалъ, что не могу быть присяжнымъ. Спросили: почему? Я сказалъ: по религіознымъ убѣжденіямъ. Потомъ другой разъ спросили: рѣшительно ли я отказываюсь? Я сказалъ, что никакъ не могу, и ушелъ. Все было очень дружелюбно. Нынче, вѣроятно, наложатъ еще двѣсти рублей, и не знаю, кончится ли все этимъ. Я думаю, что да.

Въ томъ, что я именно не могъ поступить иначе, я увѣренъ, что ты не сомнѣваешься, но, пожалуйста, не сердись на меня за то, что я не сказалъ тебѣ, что я былъ назначенъ присяжнымъ. Я бы тебѣ сказалъ, если бы ты спросила или пришлось; но нарочно говорить тебѣ мнѣ не хотѣлось. Ты бы волновалась, меня бы встревожила, а я и такъ тревожился, и всѣми силами себя успокаивалъ. Остаться или вернуться въ Ясную я и такъ хотѣлъ, а тутъ и эта причина была, такъ ты, пожалуйста, не сердись. Мнѣ можно было совсѣмъ не ѣхать. Тогда были бы тѣ же штрафы, а въ слѣдующій разъ опять бы меня потребовали. Но теперь я от-

казалъ разъ навсегда, что не могу быть. Сказалъ я самымъ мягкимъ образомъ, и даже такими выраженіями, что никто, мужики, не поняли. Изъ судейскихъ я никого не видалъ.

1884 г.

№ 118.

Графинѣ С. А. Толстой.

(Ясная Поляна, 1884 г., Дек. 8).

Вчера, когда я вышелъ и сѣлъ въ сани и поѣхалъ по глубокому, рыхлому въ полъ-аршина (выпалъ вновь) снѣгу, въ этой тишинѣ и мягкости съ прелестнымъ, зимнимъ звѣзднымъ небомъ надъ головой, симпатичнымъ Мишей, я испыталъ чувство, похожее на восторгъ, особенно послѣ вагона съ курящей помѣщицей въ браслетахъ, съ докторомъ, перорирующимъ о томъ, что нужно казнить, съ какой-то пьяной, ужасной бабой въ разорванномъ салопѣ, безчувственно лежавшей на лавкѣ и опустившейся тутъ же, и съ господиномъ съ бутылкой въ чемоданѣ, и со студентомъ въ пенснэ, и съ кондукторомъ, толкавшимъ меня въ спину, потому что я въ полушубкѣ.

Послѣ всего этого Оріонъ, Сиріусъ надъ Засѣкой, пухлый, беззвучный снѣгъ, добрая лошадь и добрый воздухъ, и добрый Миша, и добрый Богъ.

1886 г.

№ 119.

М. А. Новоселову.

(1886 г.).

Не знаю, успѣю ли отвѣтить вамъ по всѣмъ пунктамъ, дорогой М. А., но хоть по нѣкоторымъ. Самый важный и занимающій меня,—это преподаваніе исторіи. Мы только о томъ и думаемъ, чтобы открыть въ „Посредникѣ“ отдѣлъ научный, для народа, т.-е. для большой серьезной публики.

О другихъ отдѣлахъ не буду говорить, но исторія... Это то самое, что вы говорите. Только излагайте хорошимъ языкомъ, понятнымъ, русскимъ и точно такъ, какъ вы говорите. Вы убьете двухъ зайцевъ. Составьте записки для преподаванія и книжки въ „Посредникѣ“. Вы говорите про средніе вѣка, а мнѣ ясно, какъ Римская и особенно Греческая исторія могутъ составить иллюстрацію зарожденія... зла и борьбы его съ истиной. Попытайтесь. Напишите какую-нибудь одну эпоху. Не хорошо будетъ, другой разъ сдѣлаете лучше. Мнѣніе ваше о томъ, что добро въ народѣ независимо отъ наградъ и наказаній, не только справедливо, но удивительно, какъ могутъ люди не видѣть того, что понятіе о наградахъ и наказаніяхъ есть не что иное, какъ, образная форма выраженія того, что добро не можетъ имѣть реальной дѣйствительной награды. Правда, что дѣти и грубые сердечно люди понимаютъ это прямо, и тогда невѣроятно, но какъ только человѣкъ позналъ добро, онъ дѣлаетъ его для добра и не имѣя никакого разсудочнаго объясненія для чего онъ дѣлаетъ, охотно беретъ то, которое ему представляется. Дѣятельность, избранная вами и та, которая должна выйти изъ быта вашей вѣры и другихъ силъ, дѣйствующихъ на нее, дѣятельность хорошая, т.-е. такая, какъ и всякая не прямо злая, въ которой можно служить Богу, т.-е. истинѣ.

Рукописей у меня нѣтъ, ни Бондарева, ни другихъ... И—нь это замѣтки, набросанныя и не имѣющія никакого значенія, кромѣ раздражающаго. Лучшимъ сомнѣніемъ по критикѣ текстовъ Свящ. Писанія я считаю переводъ съ комментаріями Reusi'a. По исторіи церкви Пресансе. Впрочемъ не совѣтую вамъ углубляться въ эти занятія. Тотъ, кто въ Евангеліи не сумѣетъ отдѣлить сердцемъ, особенно тѣ, которыя сдѣлаетъ Н., могутъ только улучшить вещь.

Левъ Толстой.

№ 120.
Н. Н. Златовратскому.

(1886 г., Весна.).

Дорогой Николай Николаевичъ.

Простите, что не отвѣчалъ на то письмо ваше—не могъ тогда. Я душевно радуюсь тому сочувствію, которое вы выражаете и испытываете къ Бондареву *).

Я еще больше полюбилъ васъ за это. Я написалъ кое что въ видѣ предисловія. Пожалуйста, простите и напишите мнѣ свое мнѣніе. Я очень недоволенъ написаннымъ. Вспоминаю о васъ, знаете, по какому случаю. Много встрѣчаю людей, напоминающихъ мнѣ того пьяницу портного, к. вы мнѣ читали. Это вѣрный признакъ, что образъ художественный настоящій. Кончили ли вы. Дайте это въ Посредникъ. Вамъ и Богъ велѣлъ быть однимъ изъ лучшихъ сотрудниковъ. Постараюсь написать для сборника **).

Дружески цѣлую васъ и желаю спокойствія душевнаго для работы. Передайте мой привѣтъ вашей женѣ.

Л. Толстой.

№ 121.
Н. Н Ге***).

(1886 г., Май 21).

Радуюсь, что у васъ все хорошо и что вы за с в о е й работой. Хорошо и косить и пахать, но нѣтъ лучше, какъ въ своемъ ремеслѣ привычномъ удастся работать на пользу людямъ... Мы четыре дня, какъ переѣхали. Работы у меня по горло, и я этимъ счастливъ. Льщусь мыслію, что работа не безполезная: продолженіе статьи „Ч. н. д.“ (Что же намъ

*) Ссыльно-заключенный крестьянинъ Бондаревъ прислалъ изъ Сибири рукопись статьи „Трудолюбіе или торжество земледѣльца“. Оригинальная форма статьи въ видѣ катехизическихъ положеній и ея содержаніе, затрогивающее соціально-религіозныя проблемы, привлекла горячее вниманіе тогдашнихъ народниковъ Гл. И. Успенскаго, Н. Н. Златовратскаго и др. Захватила статья Бондарева и Л. Н. Толстого и была напечатана съ его предисловіемъ въ „Русскомъ Дѣлѣ“. (1886 г., № 12).

**) Въ 1886 г. затѣвался общедоступный сборникъ къ XXV-лѣтію освобожденія крестьянъ. Увы, этому сборнику не суждено было увидѣть свѣтъ, по такъ называемымъ „независящимъ обстоятельствамъ“.

***) Художникъ.

дѣлать), и пишу для лубочныхъ изданій. А начатыхъ еще работъ, до которыхъ руки не доходятъ — пропасть. Посмотришь на нашу жизнь, на мою, на вашу (я думаю о вашей со всей нашей семьей и различными настроеніями въ ней)— и голова кругомъ пойдетъ, если думать о томъ, какъ это все будетъ, какъ это все лучше устроить. Но стоитъ только посмотрѣть на то же, но только съ той мыслію, какъ мнѣ сейчасъ сдѣлать наилучшее для А, для Б, для В., съ которыми я прихожу въ соприкосновеніе, и всѣ представлявшіяся трудности разрываются, какъ паутина, и все слагается такъ, какъ бы и не придумали. Ищите Царствія Божія и правды его, а остальное все приложится вамъ; а мы начинаемъ искать того, что должно приложиться. И того не найдешь ни за что (потому что оно дается только, какъ послѣдствіе исканія Царствія), и Царствіе потеряемъ. Вы то знаете это, но какъ хорошо было бы, если бы всѣ знали, что это не красивыя слова, а самое практическое изъ практическихъ правилъ. Я уже опытомъ знаю. Дѣлаешь au jour le jour, только бы худого не дѣлать. Хлопъ! Такое вырастетъ, большущее хорошее, доброе, пріятное дѣло.

Л. Толстой.

№ 122.

И. Б. Фейнерману.

(1886 г., Дек.).

Какъ это вы не пишете мнѣ своего адреса, милый другъ И. Б. — Дойдетъ ли это письмо? Спасибо, что написали мнѣ. Жду чѣмъ кончатся ваши мытарства *). Пожалуйста, извѣстите. Могу только повторить то же. Поступайте тогда только, когда не можете не поступить извѣстнымъ образомъ **). Это кажется очень условно, но не для васъ. Не можетъ человѣкъ не поступить извѣстнымъ образомъ только

*) По отбыванію воинской повинности.

**) Рѣчь идетъ объ отказѣ отъ воинской повинности.

тогда, когда онъ чувствуетъ, что иначе онъ убиваетъ себя, свое разумное божеское существо. Во всемъ же остальномъ нельзя быть достаточно уступчивымъ, чтобы „не соблазнить ихъ“. Помогай вамъ Богъ. У насъ все хорошо. Всѣ васъ помнятъ и любятъ. Петръ и Никита отправляются съ коробомъ.

Я кончилъ драму *) и затѣялъ календарь съ пословицами и текстомъ Евангелія. Цѣлую васъ. Передайте поклонъ вашимъ.

Л. Толстой.

№ 123.

Н. Н. Ге.

(1886 г., Дек. 9).

... Все идетъ прекрасно, но стараюсь не разрушать въ себѣ сознанія близости смерти среди жизни. Не сплю, какъ надо, и потому нервы слабы и голова, и не могу работать—писать. Происходитъ другая внутренняя и отчасти внѣшняя работа общенія съ Богомъ и людьми, которую сознаю и радъ. Радуюсь на васъ и жуткостью ожидаю того, что выйдетъ у васъ. У меня есть странное чувство жуткости къ самымъ мнѣ важнымъ явленіямъ жизни... и къ вашей новой работѣ. Должно быть отъ того, что все то новое—новые ходы настоящей жизни. Не пишу больше, потому что усталъ... Какой чудный человѣкъ Z. Весь свѣтится и горитъ. Тоже за него жутко.

Л. Толстой.

№ 124.

И. Б. Фейнерману.

(Москва, 1886 г., Дек.).

Дорогой Исаакъ Борисовичъ!

Сейчасъ получилъ ваше письмо, милый другъ. Правда, что вамъ предстоитъ большая и хорошая работа,—работа внесенія добра и свѣта туда, гдѣ его мало, и въ ту тьму,

*) „Власть тьмы“.

съ которой вы связаны плотски. Помогай вамъ Богъ забывать себя, чтобы не бояться и не чувствовать униженій, оскорбленій, клеветы. Въ этомъ все. Если освобожденъ отъ желанія заявить себя, свою личность, то все сдѣлается такъ, какъ того хочетъ божеская часть нашей души, т.-е. Богъ.

Я ничего не знаю про ваши похожденія съ отбываніемъ воинской повинности.

Напишите мнѣ.

А работа вамъ слѣдующая: кончайте скорѣе начатый вами разсказъ и посылайте сюда. Но не увлекайтесь тѣмъ, чтобы сказать въ одномъ разсказѣ все. Это всегдашній камень преткновенія не имѣющихъ привычки писать.

Вы уже начали затрудняться, желая выразить все ученіе,—всѣ заповѣди Христа.

Не ломайте, не гните по-своему событія разсказа, а сами идите за нимъ, куда онъ ни поведетъ васъ.

Куда бы ни повела жизнь, она вездѣ, во всемъ можетъ быть освѣщена однимъ свѣтомъ. Не симметричность, случайность (кажущаяся) событій жизни — есть главный признакъ ея.

Не отвлекайтесь далеко отъ сюжета главнаго и кончайте и присылайте. Сытинъ платитъ всѣмъ по 30 и 50 руб. за листъ.

Вотъ вамъ и работа, чтобы кормиться пока въ тѣхъ условіяхъ, въ которыя Богъ поставилъ васъ.

Кланяйтесь вашей женѣ; скажите ей, что я прошу ее любя, не спѣшить сердиться ни на кого,— не обвинять, а главное ничего не рѣшать впередъ.

Не для васъ прошу, а для нея.

Я живу и хорошо, и дурно. Хорошо тѣмъ, что мирно и любовно; дурно тѣмъ, что физически лѣниво и нечестно.

Л. Толстой.

№ 125.

Н. Н. Ге.

(Москва, 1886 г., Дек. 18).

Все хорошо у васъ. Я и не думалъ, чтобъ могло быть иначе. А робость за себя всегда у меня есть, а потому и за другихъ. Могъ бы я разсудить, что какъ у меня идетъ жизнь, такъ и у другихъ. Я въ Москвѣ; и такъ, несмотря на это, счастливъ и спокоенъ большею частью; ничего не желаю. Работы столько (вѣрится, что нужной людямъ), что знаешь впередъ, что не кончишь. Также у васъ, я знаю. А какъ знаешь, что не кончишь работы, отпадаетъ желаніе личной награды за нее, а остается сознаніе служенія. Я иногда испытываю это, и тогда особенно хорошо; но какъ только начнутъ другіе хвалить (какъ у меня теперь съ драмой), такъ сейчасъ является желаніе личное награды за свой трудъ и глупое самодовольство: каковъ я! что сдѣлалъ! Правда спасаетъ отъ этого — вы тоже знаете — навѣрное-то, что некогда, а надо за другое приниматься... „Избіеніе младенцевъ“ прекрасно. Вообще не думаю о вашихъ работахъ ничего, а какъ подумаю, такъ ужасно хочется ихъ видѣть. Ну, живы будемъ — увидимъ!..

Л. Толстой.

1887 г.

№ 126.

И. Б. Фейнерману.

(Москва, 1887 г., Янв.).

Дорогой Исаакъ Борисовичъ!

Получилъ только нынче два письма ваши изъ Ясной и узналъ, наконецъ, объ исходѣ отбыванія солдатства. Получилъ тоже ваши два письма изъ Кременчуга. Всѣ письма радостны. Вы правы о книжничествѣ. Я то же чувствую, живя въ городѣ. Фарисеи, иродіане, книжники и законники все тѣ же, но сознаніе ими своей правоты уже не то. Со-

знаніе это расшатывается и будетъ расшатываться пока не уничтожится. Не при насъ, но мы служимъ и будемъ служить истинѣ, чтобы она пробилась до другихъ людей черезъ эти покровы. Для меня теперь важно ваше душевное состояніе и работа, предстоящая вамъ. Успѣхъ въ работѣ зависитъ не отъ насъ, но: 1) самоотверженіе, забвеніе себя; 2) разумность въ послѣдовательности дѣйствій и 3) совершенство орудій для работы (въ настоящемъ случаѣ совершенство орудія есть нѣжность, осторожность, кротость),— все это зависитъ отъ насъ. Успѣетъ или нѣтъ тронуть сердце. Это какъ Богъ дастъ, но не лишайте ее всего того, что можетъ помочь ей, т.-е. вашей самоотреченной кроткой разумности.

Если эта сила проявляется вполнѣ, трудно кому-нибудь устоять.

Я живу хорошо, радостно. Писалъ все драму („Власть тьмы"). Еще не вышла. Въ цензурѣ. Потомъ пишу общее разсужденіе о смерти и жизни, которое мнѣ кажется нужнымъ. Я кое что читалъ вамъ.

Чертковъ въ деревнѣ задержался за нездоровьемъ жены. Въ очень хорошемъ духѣ. Вообще не видалъ еще людей, ставшихъ на путь Христовъ и не идущихъ по немъ.

Вы спрашиваете объ И.— Онъ бѣдный, страдаетъ несоотвѣтственностью своихъ привычекъ, поддерживаемыхъ средой его и большой слабостью,—съ признаваемой его разумомъ истиной. Несоотвѣтствіе это такъ велико, что онъ можетъ представляться людямъ прямо обманщикомъ, болтуномъ.

Жизнь — дѣло важное и сложное. И я смотрю на него, выжидая, какъ и куда его выпретъ.

Цѣльныхъ людей послѣднее время встрѣчалъ мало, но разбросаннаго свѣта среди тьмы, теплящихся искръ, — поразительно много въ сравненіи съ тѣмъ, что было хоть три года тому назадъ. Здѣсь, напр., новый профессоръ философіи Гротъ, — живой, свѣжій человѣкъ, очень близокъ къ на-

нимъ взглядамъ, даже совпадаетъ съ ними, но, какъ книжникъ, хочетъ все выразить на своемъ жаргонѣ. Когда же откинетъ все лишнее, остается Евангеліе, то самое, которое и дало ему то, что онъ исповѣдуетъ. Это пріятно видѣть и такого вижу много.

Напишите свой разсказъ только какъ можно избѣгайте нецензурнаго.

Л. Толстой.

№ 127.

Е. И. Попову*).

(Москва, 1887 г., Зима).

Ваше письмо доставило мнѣ большую радость. Вы говорите: „защитить истину передъ людьми, нападающими на нее". Да если она истина, что ей могутъ сдѣлать нападки лжи? А то, что на нее нападаютъ, — есть одинъ изъ признаковъ того, что она истина. И если гонятъ васъ, радуйтесь и веселитесь, такъ гнали и всегда будутъ гнать исповѣдники лжи исповѣдниковъ истины.

Есть періодъ (степень вѣры — разумѣнія), при которомъ гоненіе истины многихъ заставляетъ сомнѣваться въ истинѣ, потомъ наступаетъ такая увѣренность, что является равнодушіе къ гоненію, а потомъ уже гоненія радуютъ, показывая до очевидности слабость лжи, сознаваемую ею самою. „Іисусъ, сынъ Давидовъ, кричатъ они ей (несмотря на то, что онъ не трогаетъ ихъ), уйди отъ насъ, зачѣмъ ты пришелъ мучить насъ". И, покричавъ, убѣгаютъ,—не такъ быстро, какъ намъ хочется, но убѣгаютъ. Если дастъ намъ Богъ прожить въ своей вѣрѣ годъ, два, вы увидите, какъ перейдутъ эти стадіи, и какъ, пока вы ихъ будете переходить, вы вокругъ себя увидите со всѣхъ сторонъ все больше

*) Е. И. Поповъ, предоставившій въ распоряженіе редактора Альманаха толстовскія письма, просилъ сдѣлать примѣчаніе, что онъ не считаетъ этихъ писемъ чьей-либо исключительной собственностью.

и больше подтвержденія истины и паденія лжи и отреченія отъ нея. Если вы говорите только о непротивленіи злу, то подтвержденіе жизненности, какъ вы пишете, этого принципа, вы найдете хоть бы во всѣхъ болѣе истинныхъ, чѣмъ католическая, православная, протестантская, исповѣданіяхъ христіанства (называемыхъ сектами), начиная съ павликіанъ и кончая теперь существующими квакерами, отъ которыхъ я имѣю радость часто получать письма и сочиненія. Посылаю вамъ, между прочимъ, одно изъ послѣднихъ. Если вы не знаете по-англійски, вамъ кто-нибудь переведетъ.

Вы говорите о поддержкѣ. Поддержка — въ себѣ, и въ томъ, чего мы постигнуть не можемъ. „И никто не придетъ ко Мнѣ, если Отецъ не привлечетъ его“, сказалъ Христосъ, и я опытомъ убѣдился, что это такъ. При самыхъ выгодныхъ для того условіяхъ, человѣкъ не пробуждается къ жизни, и наоборотъ. Но вы скажете — общеніе съ единовѣрными людьми. О, да. Это великое благо, и я его ищу и радуюсь, и желаю его вамъ.

Вопросъ о деньгахъ — дѣйствительно является труднымъ для рѣшенія, но таковымъ онъ особенно кажется, когда мы хотимъ рѣшить его внѣшнимъ образомъ. Рѣшеніе его въ себѣ: въ своемъ отношеніи къ нимъ. Если это рѣшено, то внѣшнее рѣшеніе найдется само собой. Бѣда, и вы остерегайтесь, рѣшать внѣшнимъ образомъ, когда есть колебанія внутреннія.

Прощайте пока, дорогой братъ. Помогай вамъ Богъ.

Левъ Толстой.

№ 128.

Н. Н. Ге.

(1887 г., Февр. 25).

Я стосковался по васъ. Брюхомъ хочется общенія съ вашей душой. Отчего не работается? Что въ душѣ дѣлается?

Хорошо ли вамъ? Мнѣ очень хорошо, и этому хорошему состоянію содѣйствуетъ и украшаетъ его нашъ дорогой Z. какъ солнце и свѣтитъ и грѣетъ вокругъ себя и живетъ всей силой своего духа. У меня то то, то се болитъ, и жизнь брезжится во мнѣ, но ищу и понемногу достигаю того, чтобы она шла въ свѣтѣ, и тогда нѣтъ ни меньшаго, ни большаго. Да, для того, чтобы производить то, что называется произведеніями искусства, надо, чтобы человѣкъ ясно, несомнѣнно зналъ, что добро, что зло, только видѣлъ раздѣльную черту, и потому писалъ бы не то, что есть, а то, что должно быть. И думалъ бы то, что должно быть такъ, какъ будто оно есть. Что для него то, что должно быть, было бы. Не правда ли и у васъ оба термина очень сильны и равны, и потому вы должны писать, когда вамъ хочется и никто не мѣшаетъ.

Л. Толстой.

№ 129.

И. Б. Фейнерману.

(Ясная Поляна, 1887 г., Іюль).

Давно не писалъ вамъ, милый другъ, но не переставая, помню и люблю васъ. Послѣднее письмо ваше, кажется отъ 8-го іюня, мѣсяцъ! Что съ вами съ тѣхъ поръ видоизмѣнилось во внѣшнемъ? Гдѣ, что работаете, съ кѣмъ общаетесь? Чертковъ, кажется, пишетъ вамъ, а Ге старый спрашиваетъ о васъ.

Да, правда, что надо расти самому, какъ дерево, не огорчаясь тѣмъ, что при другихъ условіяхъ могъ бы быть полезнѣе людямъ. Не дано намъ знать этого.

Павла Николаевна Шарапова живетъ здѣсь съ маленькой дѣвочкой, воспитанницей у Макаровыхъ. Работаетъ и помогаетъ людямъ. Хорошая дѣвушка.

Мы убирали покосъ со Степаномъ Рѣзуновымъ и Осипомъ Макаровымъ, — очень хорошо было.

Я слабѣю физически, но мнѣ лучше на душѣ. Много работалъ и продолжаю работать надъ писаніемъ „О жизни и

смерти". Только бы дѣлать не для славы людской, а для Бога, — всѣ дѣла равны. Если бы въ тюрьмѣ сидѣлъ или въ параличѣ былъ, дѣлалъ бы еще меньше. Лепта вдовицы. Только бы отдавать, что имѣешь.

Пишите мнѣ, милый другъ. Колечка Ге, правда, пишетъ. Жалко иногда, что мы врознь живемъ, но мы не врознь, если мы всегда вмѣстѣ идемъ въ настоящей жизни, для которой нѣтъ пространства и времени. Мало того, и послѣ смерти будемъ все точно такъ же, нѣтъ, не такъ же, а гораздо больше вмѣстѣ.

Отъ Буткевича получилъ письмо. Посылаю вамъ его. Какой хорошій!

P. S. Блохинъ*) все ходитъ. *Л. Толстой.*

№ 130.

Л. Е. Оболенскому.

(1887 г.).

Сейчасъ получилъ ваше письмо, Л. Е. Вы прекрасно поставили вопросъ и даете очень важныя и вѣрныя, по-моему, указанія. Поддержаніе и размноженіе жизни не можетъ быть цѣлью жизни — это несомнѣнно. Но тутъ-то являются двѣ разныя точки зрѣнія: одна та, что знаніе въ человѣкѣ, человѣчествѣ — наука руководитъ жизнью, и что потому цѣль жизни, руководимой знаніемъ, должна быть извѣстна этому знанію и другая: что человѣкъ есть орудіе разума, для совершенія его (разума) неизвѣстнаго вполнѣ человѣку дѣла и цѣль его разума не можетъ быть извѣстна, и извѣстенъ человѣку частью путь направленія, по которому ведетъ его живущій въ человѣкѣ разумъ (Христосъ это сказалъ и я не перестаю удивляться строгости Его философ-

*) Тотъ самый, помѣшавшійся на высшихъ чинахъ крестьянинъ, котораго Л. Н. описываетъ въ сочиненіи „Такъ что жъ намъ дѣлать?" Онъ бродилъ по Крапивенскому уѣзду и все ждалъ „доставленія полученія" и „полученія доставленія" большихъ суммъ и орденовъ.

скихъ опредѣленій). И въ самомъ дѣлѣ развѣ можетъ быть цѣль для жизни міра и жизни людей, когда они сливаютъ свою жизнь съ жизнью міра? Понятіе цѣли есть понятіе ограниченности человѣческаго разума, въ родѣ понятія награды и наказанія, и потому понятіе неприложимо къ жизни міра. Если есть цѣль, то она должна быть достигнута, и тогда конецъ. Для міра вообще есть только жизнь, для участниковъ жизни міра есть и можетъ быть только направленіе, путь. Кромѣ того: при первой точкѣ зрѣнія предполагаютъ, что вся дѣятельность человѣка состоитъ или по крайней мѣрѣ руководима знаніемъ и что для достиженія цѣли необходимо преимущественно (исключительно, думаю часто) дѣятельность умственная. При второй же точкѣ зрѣнія человѣкъ, зная только направленіе, идетъ за то по своему направленію весь, съ своими нервами и мускулами, и ногтями, т.-е. весь подчиняется тому направленію, которое одно онъ знаетъ и видитъ новыя вѣхи на пути, но никогда не видитъ и не можетъ видѣть цѣли. И только при этомъ условіи человѣкъ можетъ вѣрить вполнѣ тому направленію, по которому онъ идетъ и исполняетъ то, что требуетъ отъ него разумъ. Только ставъ въ условія — поддержанія и размноженія жизни, согласныя съ разумомъ, только съ начала пути всѣмъ существомъ, избравъ единственное истинное направленіе — путь, онъ можетъ съ полной увѣренностью итти дальше и сознавать себя въ согласіи и единеніи съ разумомъ. Чѣмъ ближе эти условія, тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ дальше, тѣмъ сомнительнѣе. Все это я говорю, однако, не съ тѣмъ, чтобы ослабить важность вашего положенія о томъ, что жизнь не можетъ состоять въ поддержаніи и размноженіи ея, чтобы уклониться отъ глубокаго и важнаго вашего вопроса. По слабости своей, по неполнотѣ подчиненія своей всей жизни разуму, я ставилъ и ставлю себѣ этотъ вопросъ и старался отвѣтить на него. Если бы я вполнѣ слился съ жизнью разума, вполнѣ жилъ въ согласіи съ закономъ

міра, я бы и не подумалъ объ этомъ. Но долженъ сказать, что не приписывалъ имъ важности. Это мечтаніе, которое волей неволей приходитъ въ голову. Мнѣ представлялось такъ: законъ жизни органической есть борьба, законъ жизни разумной, сознательной есть единеніе и любовь. На жизни органической — жизни борьбы рождается жизнь разумная и связана съ нею. Цѣль очевидная: уничтожить борьбу и внести единеніе, гдѣ былъ раздоръ. Сначала между людьми, потомъ между людьми и животными, потомъ между животными и (?) растеніями. Цѣль давно уже такая поставлена. Еврейскій Мессія есть не что иное, чтобъ перековать копья на орала и чтобъ ягненокъ сближался съ львомъ. Вотъ цѣль, подобная этой, мерещится мнѣ, но я не дорожу ею, зная, что она далеко не исчерпываетъ всего. Мнѣ дорога только вѣрность направленія пути. А для вѣрности пути я знаю, что первое условіе то, чтобы итти по немъ всѣмъ существомъ. Какъ чудесно вы поставили вопросъ. И какъ ясно изъ самаго вопроса различіе поверхностнаго частнаго знанія (науки) и ея метода и предмета съ знаніемъ основнымъ, общимъ (религіей) и ея метода. Вы хотите методомъ научнымъ разрѣшить вопросъ, предметъ, подлежащій только религіозному *) знанію. Цѣль жизни? Такой цѣли нѣтъ и не можетъ быть и никакія знанія не могутъ найти ее. Законъ, направленіе, путь жизни? Да! На это отвѣчаетъ религія, мудрость, если хотите. Отвѣчаетъ тѣмъ, что показываетъ ложность всѣхъ тѣхъ путей, которые не совпадаютъ съ однимъ истиннымъ. Отрицаніемъ ложныхъ направленій она указываетъ и освѣщаетъ единой истиной. На этомъ пути, кое что видно, есть ближайшія цѣли, которыя укажетъ наука

*) На полѣ выноска: „Подъ словомъ религіозное не слѣдуетъ разумѣть неясное, неточное, какъ мы привыкли думать, слѣдуетъ разумѣть самое ясное и несомнѣнное знаніе, вытекающее не изъ одного разсужденія, но изъ разсужденія и всего сознанія человѣка“.

но никакъ не она покажетъ этотъ путь. Она не можетъ по своимъ задачамъ.

Левъ Толстой.

Очень вамъ благодаренъ за это письмо. Я все больше и больше люблю васъ и уважаю. Мое письмо писалъ какъ попало для васъ и вы вѣрно поймете, что я хотѣлъ сказать, какъ ни нескладно.

Письма вашего, кромѣ того, котораго вы получаете копію, не получалъ. И очень жалѣю.

№ 131.

И. Б. Фейнерману.

(Ясная Поляна, 1887 г., Сент.).

Два раза начиналъ вамъ писать, другъ Исаакъ, и два раза разорвалъ письма, не написавъ. Я не перемѣнился. Про васъ я-то знаю, что вы перемѣниться не можете, и люблю васъ, какъ всегда, но потерялъ какъ будто связь. Пишите мнѣ, пожалуйста, про себя, про семью, про то, какъ вы живете въ Кіевѣ. Я всегда боюсь за васъ, — боюсь увлеченія гордостью подвига, люблю вашъ подвигъ и самъ горжусь имъ.

Я живу по старому. Работаю письменную работу. Все кончалъ „О жизни“. Печатается. Вѣрно, не пропустятъ. Еще многое хочется сказать. Не знаю, велитъ ли Богъ.

Связь моя съ деревенскими слабѣе безъ васъ, но все таки живѣе, человѣчнѣе, чѣмъ прежде, и благодаря вамъ. Въ семьѣ, дѣтяхъ, во всѣхъ, вижу гдѣ болѣе быстрое, гдѣ болѣе медленное, не безостановочное движеніе. Друзей много и всѣ друзья тѣ, которыхъ любишь больше души своей, всѣ на томъ же пути. Прислали мнѣ штундисты свой катехизисъ. Оченъ хорошо, только языкъ не простъ. Я вамъ бы хотѣлъ переслать.

На дняхъ былъ Сибиряковъ. У него въ Самарѣ живутъ пять человѣкъ, а на Кавказѣ все не устроились, но Орловъ тамъ хорошо живетъ и ладитъ. Озмидовъ написалъ славную

книгу объ уничтоженіи язычества и замѣнѣ его христіанствомъ. Буткевичи такіе же твердые и кроткіе. Винеръ замужемъ. О нихъ мало знаю. Новоселовъ бросаетъ учительство (въ гимназіи) и ѣдетъ въ деревню. Тотъ, въ очкахъ (забылъ фамилію), прожилъ лѣто въ деревнѣ, въ работѣ, и пишетъ, что счастливъ, какъ никогда не былъ прежде.

Мои семейные скоро уѣзжаютъ въ Москву; я поживу одинъ, сколько возможно будетъ. Здѣшніе всѣ васъ помнятъ и любятъ. Урожай у насъ плохой, особенно у нѣкоторыхъ, у бѣдняковъ, у Осипа въ томъ числѣ.

Про Ге знаю, что они оба живутъ хорошо, но не видалъ съ весны. Бирюковъ на дняхъ былъ. Насилу держится въ Петербургѣ, такъ его тянетъ въ деревню, гдѣ онъ началъ работать озимь. Три десятины приготовилъ. Должно быть послѣдній годъ.

Живется мнѣ все лучше и лучше. Много бы поговорилъ съ вами, да кое какъ и затѣвать не охота, да и слишкомъ многое сказать хочется, — не знаю съ чего начать. Пишите же мнѣ, милый другъ.

Л. Толстой.

1888 г.

№ 132.

Л. Ѳ. Анненковой.

(Москва, 1888 г., Мартъ 11).

Ваше хорошее письмо къ Дунаеву, дорогая Леонила Ѳоминична, порадовало меня за васъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заставило опять себя спросить: нѣтъ ли равнодушія, холодности къ людямъ въ моемъ молчаніи на письмо Л. Я вновь прочелъ его письмо и оно еще больше меня оттолкнуло. Не только писать, но всячески работать, униженно работать на человѣка, когда это ему нужно,—радостно и не можетъ въ этомъ отказать тотъ человѣкъ, радость котораго

только въ томъ и состоитъ, чтобъ быть нужнымъ другимъ, но резоперство съ людьми, набравшимися словъ, и въ этомъ облакѣ словъ*) ничего не видящими, кромѣ опять своихъ же словъ, это не возможно, потому что это никому не нужно. Помочь ему? Да я очень радъ словомъ и совѣтомъ, и всѣми силами старался, когда онъ былъ у меня, и теперь вѣроятно можно, избравъ счастливую минуту, когда у него раскроется душа, но ужъ никакъ не по случаю его письма и въ отвѣтъ на его письмо, потому что ему нужна не помощь, не отвѣтъ, а нужно подтвержденіе своихъ догматовъ, въ которые онъ, бѣдный, вѣритъ и не можетъ перестать вѣрить. Какъ излѣчиваются такія духовныя страданія? Не знаю, не знаю навѣрно, что не разсужденіями. Вотъ отчего мнѣ непріятно (праздно) писать въ этихъ случаяхъ. Вамъ же можетъ быть непонятно, но мнѣ, занятому всю жизнь наблюденіемъ такихъ и подобныхъ явленій, это, т.-е. то, что измѣненіе его душевнаго состоянія не можетъ произойти отъ моихъ разсужденій, ясно такъ же, какъ вамъ то, что пятку нельзя вязать такъ же, какъ носокъ. Ему нужна доброта, а для того, чтобы возможна была доброта, нужно смиреніе, а чтобы было смиреніе, нужно усумниться въ несомнѣнности того, что онъ начиталъ себѣ въ гимназіи. А усумниться въ этомъ онъ не можетъ, потому что онъ и повѣрилъ-то такъ сильно отъ того, что самъ лишенъ критической способности или имѣетъ ее въ самой слабой степени и вѣритъ всегда болѣе громкому большинству, а большинство, кричащее громче, литературно-научное, поддерживая его. Я все-таки написалъ ему, тѣмъ болѣе, что онъ писалъ еще мнѣ. И мнѣ было очень непріятно писать и боюсь и ему будетъ непріятно читать но я помнилъ о немъ, написавши, и писалъ для него. Да это типъ очень несчастныхъ

*) Въ родѣ N. Разсуждать съ такимъ человѣкомъ есть одно изъ ужаснѣйшихъ умственныхъ страданій. Л. Т.

людей и помочь имъ нельзя намъ. Помогетъ имъ Богъ. мы же можемъ дѣлать одно: по отношенію ихъ, какъ всѣхъ другихъ, стараться исполнять волю Отца въ чистотѣ, смиреніи и любви, чего если я не сдѣлалъ, особенно въ послѣднемъ по отношенію его, то прошу его простить меня. Не знаю, что вамъ неясно въ этой прекрасной шуткѣ Брюлова, что лучше ничего не дѣлать, чѣмъ дѣлать ничего. Смыслъ этого для меня тотъ, что когда человѣкъ дѣлаетъ ничего, т.-е. пустяки, визиты, туалеты, обѣдни и т. п., то это гораздо хуже, чѣмъ когда онъ сидитъ просто, сложа руки, потому что въ первомъ случаѣ онъ собой бываетъ очень доволенъ, а во второмъ напротивъ.

Любящій васъ *Л. Толстой*.

Медвѣдевъ еще былъ у меня. И я еще больше полюбилъ его.

№ 133.

Н. Н. Ге.

(1888 г.).

Такія хорошія вѣсти, что нашелъ на васъ періодъ работы. Помогай вамъ Богъ. Давно пора! Я это говорю больше себѣ, чѣмъ вамъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ знаю, что никакъ нельзя заставить себя работать, когда привыкъ работать на извѣстной глубинѣ сознанія и никакъ не можешь спуститься на нее. За-то какая радость, когда достигнешь. Я теперь въ такомъ положеніи. Работъ пропасть начатыхъ, и все любимыхъ мною, а не могу нырнуть туда — все выноситъ опять наверхъ... Все послѣднее время читалъ и читаю Герцена и о васъ часто поминаю... Что за удивительный писатель! Наша жизнь русская за послѣднія двадцать лѣтъ была бы не та, если бы этотъ писатель не былъ скрытъ отъ молодого поколѣнія. А то изъ организма русскаго общества вынутъ насильственно очень важный органъ... Не нарисуете ли

картинку о пьянствѣ? Нужно двѣ, одну большую, да еще виньетку для всѣхъ изданій по этому предмету подъ заглавіемъ: „Пора опомниться“.

Л. Толстой.

№ 134.

Л. Е. Оболенскому.

(1888 г. Осень).

Сейчасъ получилъ ваше письмо, Леонидъ Егоровичъ. Оно очень обрадовало меня вашей добротой ко мнѣ. А я передъ вами виноватъ — не отвѣтилъ вамъ на одно письмо о вашемъ горѣ. Я не могъ отвѣтить, несмотря на душевное сочувствіе вамъ. На другія письма не отвѣчалъ, потому что все лѣто жилъ до такой степени занято, внѣ умственныхъ, внѣшнихъ интересовъ, не вникалъ въ смыслъ писемъ и не успѣвалъ отвѣчать. Ваши статьи я долго не читалъ, но слышалъ о нихъ самыя сочувственныя мнѣнія всѣхъ близкихъ мнѣ людей — особенно о первой. Прочелъ я статьи во время болѣзни. Домашніе мои, жена, сынъ — не раздѣляютъ моихъ взглядовъ — прочли вторую статью и были очень ею довольны. Про себя свое мнѣніе скажу, что мнѣ пріятно будетъ читать эту вторую статью, но пріятность эту, состоящую въ томъ, что меня оправдывали, я самъ въ себѣ осуждалъ, но пріятно было и то, что я чувствовалъ еще одного человѣка-работника въ томъ общемъ дѣлѣ, которымъ я живу, и работника хорошаго, и эту пріятность я не осуждалъ въ себѣ.

Жизнь коротка, а дѣло жизни велико, считаться некогда. Жатва великая и жатва поспѣла; нельзя говорить: вотъ придетъ время. Жатва поспѣла и гибнетъ. Нужно жнецовъ-работниковъ сейчасъ и усердныхъ, безъ разговоровъ. И вы такой жнецъ и работаете впередъ и впередъ, тѣмъ болѣе, что вы уже въѣхали въ работу. Вы пишете уныло, а я за васъ, за вашъ журналъ и вашу работу всегда радуюсь. Не знаю, много ли у васъ подписчиковъ (много ли?), но я не

встрѣчалъ за послѣднее время ни одного живого молодого человѣка, который бы не питался, хотя отчасти умственно „Р. Б.“ *). Мнѣ кажется, что „Р. Б.“ теперь единственный журналъ, воздѣйствующій на общество. Его статьи вызываютъ работу мысли, статьи эти ждутъ, онѣ говорятъ и онѣ составляютъ событіе въ нѣкоторомъ кругу людей. Какъ ни много читателей другихъ журналовъ, читатели эти люди готовые, кладутъ на столъ книжку свою о направленіи журнала и потомъ отыскиваютъ въ ней, нѣтъ ли чего почитать. Но только одни читатели „Р. Б.“, учители, фельдшерицы, студенты, курсистки, читаютъ для того, чтобы найти направленіе и разрѣзаютъ листы въ надеждѣ найти отвѣты на волнующіе ихъ вопросы. Ихъ мало, это люди все молодые незамѣтные, но они то тѣ люди, въ которыхъ брезжится или свѣтится настоящій свѣтъ, и ихъ будетъ много, и они будутъ . . . . . .

Меня такъ на вашемъ мѣстѣ ужасала бы отвѣтственность, которая лежитъ на васъ, чтобы не брать отвѣта на словахъ праздно. Это я говорю совсѣмъ не за тѣмъ, чтобы укорять васъ, напротивъ, если вы сумѣли пріобрѣсти этотъ самый дорогой кругъ читателей, это доказываетъ, что ваши слова с. не праздно. Но для того, чтобы поощрить васъ къ дальнѣйшей этой дѣятельности, я же, если мой даймонъ, руководящій моей умственной работой захочетъ этого, буду всегда помогать вамъ по мѣрѣ силъ. Бирюковъ мнѣ говорилъ, что вы хотите издавать народный журналъ; не совѣтую вамъ этого, не разбрасывайтесь. Дѣло ваше такъ важно, что если вы продержитесь на той же высотѣ или еще поднимитесь нѣсколько лѣтъ, то вы сдѣлаете самое лучшее дѣло въ жизни, поможете очнуться и найти дорогу, если бы даже не тысячи, и не сотни, а десятки искренно ищущихъ

*) Философско-общественный журналъ „Русское Богатство“, издававшійся Л. Е. Оболенскимъ.

пути молодымъ людямъ, разбросаннымъ среди милліона слѣпыхъ... О вашихъ разногласіяхъ со мной я ничего не буду говорить, потому что эти разногласія, по правдѣ сказать, меня не занимаютъ теперь. Мы идемъ по пути и для указанія пути видимъ впереди одно и то же. Вы кромѣ этого общаго намъ указателя видите еще вѣху, к. направляетъ васъ, что же въ этомъ можетъ быть непріятнаго. Мнѣ кажется, что это не нужно, но это кажется мнѣ, а не вамъ. Мнѣ бы было не досадно, а жалко васъ, если бы я подозрѣвалъ васъ въ неискренности того, что вы видите общаго со мной и всѣмъ міромъ указателя и идете къ нему; но такъ какъ этого нѣтъ, то что же мнѣ въ томъ, что вамъ нуженъ еще указатель, а мнѣ нѣтъ. Это только различіе свойствъ нашихъ умственныхъ. Если вы мнѣ говорили: брось главнаго указателя и смотри на моего побочнаго, я бы не согласился. Но если вы говорите, что нуженъ еще другой указатель, я говорю: мнѣ не нуженъ, но если вамъ нуженъ для достиженія главной цѣли, то держитесь его непремѣнно. И я говорю это тѣмъ болѣе охотно, что вы въ этомъ случаѣ служите представителемъ очень многихъ. Я же въ васъ не могу видѣть ничего дурного, какъ товарища въ этой работѣ, а по смыслу работы — брата, котораго люблю. По этой причинѣ вы не можете разойтись съ людьми „Посредника“.

Черткову я поручилъ передать вамъ кое-что изъ того, что пишу, вы вѣрно увидите его. Здоровье мое поправляется.

Левъ Толстой.

№ 135.

Г-ну М. А. Новоселову.

(1883 г.).

Получилъ ваше письмо, милый другъ М. А., и очень порадовался тому, что вы провѣряете переводъ Евангелія. Я впередъ согласенъ уже былъ вообще съ тѣми поправками, слишкомъ отдаленно отъ прежнихъ переводовъ и хитро пере-

веденныхъ, и согласенъ съ частными случаями — „О субботѣ и бесѣдѣ съ Самарянкой“. Объ изгнаніи изъ храма не согласенъ. Почему, долго писать, — увидимся поговоримъ. Вообще въ переводѣ моемъ грубыхъ ошибокъ не думаю, чтобы было (я совѣтовался съ филологомъ знатокомъ и тонкимъ критикомъ), но много должно быть такихъ мѣстъ, какъ тѣ, которыя вы указали, гдѣ натянутъ смыслъ и переводъ искусственъ. Это произошло отъ того, что мнѣ хотѣлось, какъ можно болѣе деполяризировать, какъ магнитъ, слова церковнаго толкованія, получившія несвойственную имъ полярность. Исправить это — будетъ полезнымъ дѣломъ.

Я все лѣто много работалъ надъ сочиненіемъ о жизни — началъ печатать. Здоровье слабѣетъ, но жизнь крѣпнетъ и какъ будто свѣтлѣетъ. Какъ вы живете? Передайте мой братскій поцѣлуй вашему почтенному дѣлу. Что А.?

Любящій васъ *Левъ Толстой.*

№ 136.

Е. П. Попову.

(Москва, 1888 г., Мартъ (?)).

Получивъ ваше письмо, дорогой Евгеній Ивановичъ, я тотчасъ же отвѣчаю, потому что мнѣ было радостно получить ваше; пускай же и вы тоже будете имѣть то же.

Вы очень ужъ много захватываете — глубоко слишкомъ сразу запускаете соху. Отвѣта на вопросы, которые возникаютъ въ васъ не бываетъ такого, чтобы взялъ, да и отвѣтилъ, а бываетъ такое состояніе, при которомъ отвѣты эти не высказанные словами, живутъ въ душѣ и даютъ ей спокойствіе. Это состояніе души, при которомъ ничто не страшно и все ясно. И состояніе это пріобрѣтается жизнью. И вы, какъ я васъ понимаю, имѣете это состояніе большей частью, но бываютъ минуты требованія, большаго требованія, разсудочнаго уясненія, и тогда пишешь, работаешь и, получивъ извѣстное рѣшеніе, опять успокаиваешься. Такъ я думаю и

у васъ. Главный вопросъ—это вопросъ о безсмертіи. Вы говорите, что бываютъ минуты, когда вы не вѣрите въ жизнь духа. Но — это не невѣріе, это періоды вѣры въ жизнь плоти.—Это со мной бываетъ. Вдругъ я начинаю бояться смерти, это всегда бываетъ, когда я отуманенъ чѣмъ-нибудь и опять повѣрилъ въ то, что эта жизнь плотская есть жизнь: точно, какъ въ театрѣ можно забыться и повѣрить, что то, что видишь, точно есть. И можно испугаться за то, что случается тамъ на сценѣ: то же случается и въ жизни. Послѣ того, какъ понялъ, что жизнь моя не на сценѣ, а въ партерѣ, т.-е. не въ личности, а внѣ ея, случается, что по старой привычкѣ опять подпадешь соблазну иллюзій, и дѣлается жутко. Но это не можетъ меня все-таки убѣдить, что то, что происходитъ предо мной (въ моей плотской жизни), происходитъ взаправду.

Вамъ лучше бы поселиться въ деревнѣ. Гораздо лучше.— Табакъ тоже бросилъ, двѣ недѣли совсѣмъ не курилъ, разъ только.

Опредѣленіе Бога Арнольдомъ вѣрно; онъ говоритъ: внѣ насъ. Это внѣ насъ не исключаетъ внутри насъ, напротивъ, оно признаетъ, что внутри насъ есть то, что достигаетъ праведностью. Внѣ насъ употреблено затѣмъ, чтобы не было понято то, что Богъ есть только то, что въ насъ: нѣтъ, онъ говоритъ, что Онъ есть и внѣ насъ.

NN уѣхала и видѣлась съ вашей женой передъ отъѣздомъ. Все хорошо. Если буду живъ, схожу къ вашей женѣ.

У насъ сына женили 3-го дня и онъ уѣхалъ. Я не пишу ничего пристальнаго, но дѣла много и радостнаго, и сапоги безъ табаку принялся шить. Согласіе*) растетъ и серьезнѣетъ. А вы пишете мнѣ въ упадкѣ духа? Вѣрно, теперь уже прошло. А если не прошло, то помните, что въ періодъ

---

*) Согласіе противъ пьянства.

упадка духа надо обращаться съ собой, какъ съ больнымъ, не шевелиться. NN пишетъ хорошія письма, онъ устроилъ мастерскія въ Петербургѣ.

Ну, до свиданія милый другъ.

Любящій васъ *Левъ Толстой.*

№ 137.

И. Б. Фейнерману.

(Ясная Поляна, 1888 г., Іюль).

Очень обрадовался вашему письму, милый другъ, и тому, что вы о себѣ пишете. Радъ, что вы въ елисаветградской общинѣ *) и не одиноки. Передайте мою любовь вашей женѣ и всѣмъ братьямъ. Хотя вы и много писали мнѣ про нихъ, напишите еще подробнѣе, главное, о томъ, вѣрятъ ли они и исповѣдуютъ ли жизнью то, что по плодамъ узнается дерево, что единственное мѣрило жизни христіанской, т. е. любовной—въ отношеніи между тѣмъ, что человѣкъ беретъ отъ людей и тѣмъ, что отдаетъ имъ. И что для того, чтобы достигнуть такой жизни, нужно: 1) какъ можно ниже оцѣнивать то, что даешь и какъ можно выше то, что берешь, и 2) для того, чтобы не ошибиться,—стараться давать людямъ самыя простыя и потому несомнѣнно полезныя имъ вещи и тѣ, которыя дѣлаются съ небольшимъ напряженіемъ труда и при наннепріятнѣйшихъ внѣшнихъ условіяхъ и потому встрѣчающихъ наименьшее число конкуррентовъ. Впрочемъ, вы все это знаете такъ же, какъ и я. Я только упоминаю объ этомъ потому, что въ послѣднее время все болѣе и болѣе убѣждаюсь въ томъ, что въ этомъ одномъ различіе между истинными, искренними христіанами, или живыми людьми, и фарисеями самыхъ разныхъ сортовъ, или ходячими мертвецами. Чѣмъ проще дѣло и чѣмъ труднѣе и унизительнѣе оно по мірской оцѣнкѣ, тѣмъ съ большей радостью за него хватается христіанинъ, считая это дѣло тѣмъ

*) Духовно-библейскаго братства.

самымъ хлѣбомъ насущнымъ, о которомъ онъ проситъ Отца, и тѣмъ съ большей хитростью и умствованіями отворачивается отъ такого дѣла фарисей, отыскивая самое легонькое высоко-цѣнимое мірскими людьми дѣло, дающее ему оправданіе лжи и праздности.

Посылаю вамъ двѣ прекрасныя книжки: „Посредника“ и „О жизни“. Если перепишете „О жизни“, то пришлите назадъ.

Л. Толстой.

№ 138.

Е. И. Попову.

(1883 г., Авг.).

Спасибо, дорогой другъ, Евгеній Ивановичъ, за хорошее письмо и за хорошія въ немъ вѣсти. Оно очень порадовало меня, да не одного меня.

Когда живешь мірской жизнью, то успѣхъ и не успѣхъ ея интересуетъ только тебя, а когда пытаешься жить по-Божьи, то успѣхъ радостенъ, а неуспѣхъ печаленъ для всѣхъ людей, теперь живущихъ и послѣ имѣющихъ жить. Разумѣется, не изъ-за этого, не для людей, стараешься жить получше, но нельзя закрыть на это глаза.

Не могу, милый другъ, дать вамъ опредѣленнаго отвѣта о постройкѣ, о томъ, какъ отнестись къ вопросу найма рабочихъ и распоряженія деньгами жены. Одно могу сказать, это то, что распоряженіе, положимъ, даже солдатами само въ себѣ не имѣетъ ничего дурного,—дурно пользованіе чужими трудами и такого рода распоряженіе, которое имѣетъ въ виду это пользованіе. Дурно только есть, и было, и всегда будетъ одно: дѣятельность направленная на другихъ и не для ихъ, а для своего личнаго блага.

И потому, если вамъ совершенно все равно (или даже лучше) жить и работать безъ своего дома и устройства хозяйства, то вопросъ о томъ — помочь ли женѣ осуществить ея планы постройки дома, не можетъ быть для васъ вопро-

сомъ, — разумѣется, въ тѣхъ предѣлахъ, гдѣ вамъ не нужно ни на кого сердиться, укорять, обижать. Кромѣ того, постройка дома и устройство хозяйства имѣетъ еще другое значеніе: оно помогаетъ вашей милой женѣ (я искренно говорю) двигаться впередъ по пути упрощенія т. е. улучшенія жизни, и потому ваше содѣйствіе ей имѣетъ еще воспитательное любовное значеніе. Дѣло только въ томъ, чтобы васъ не утѣшали и не соблазняли планы земледѣльческой жизни въ своемъ устроенномъ крестьянскомъ хозяйствѣ. Если вы совершенно отрѣшитесь отъ личнаго желанія, то вамъ легко будетъ рѣшить.

Еще одно совѣтую вамъ и вашей женѣ: при постройкѣ выбирать самое дешевое и плохое и не скорое, а долгое. А то деньги въ банкѣ большой соблазнъ: все можно и сейчасъ можно. Но дѣло то въ томъ, что чѣмъ скорѣе и богаче (т. е. больше чужими трудами) вы построите домъ, тѣмъ меньше вы его будете любить, и наоборотъ.

А вотъ, что я бы посовѣтовалъ вамъ, кромѣ того, что вы очень хорошо рѣшили отдать остальную землю на повинности или на другое дѣло; главное въ томъ, чтобъ безъ грѣха избавиться отъ излишка, такъ, кромѣ того, не сдѣлаете ли вы такъ: вы вѣрно, загадывали, сколько вамъ будетъ стоить домъ и дворъ, такъ уменьшите эту сумму вдвое, отдавъ половину бѣдняку или бѣднякамъ на постройку, или еще лучше обстроивъ ихъ самимъ, а половину стройтесь такъ, чтобы это было съ натугой. И вообще строиться надо такъ, чтобы было только необходимое, а потомъ ужъ прибавлять, а не такъ, чтобъ было мѣсто запасомъ. Кромѣ того хорошо въ постройкѣ ввести какъ можно больше новаго, такого, что могло бы пригодиться сосѣдямъ мужикамъ, имъ не по силамъ рисковать опытомъ нововведенія, а вамъ по силамъ. Я построилъ нынче избы изъ земли съ соломой и крышу ковровую съ глиной. — Вотъ не хотѣлъ давать совѣтовъ, а сколько наговорилъ. Возьмите то, что годится.

Только помогай вамъ Богъ, обоимъ съ женой, итти по тому пути, по которому вы идете, и все будетъ хорошо.

Я живу очень хорошо, никогда такъ много не работалъ, какъ нынѣшнее лѣто, и такъ легко, и радостно. Любить есть кого, и работать есть надъ чѣмъ—надъ своими грѣхами и людей, все любящихъ меня больше и больше, такъ что жить очень хорошо и умирать не хочется.

Левъ Толстой.

№ 139.

Н. Н. Ге и Н. Н. (сыну) Ге.

(Москва, 1888 г., Дек. 1).

Пишете ли, рисуете ли евангельскія картины, старшій Николай Николаевичъ? Пишите и рисуйте, это должно, если только тянетъ къ этой работѣ и голосъ совѣсти велитъ. Младшій Н. Н., какъ устроили матеріальную жизнь? Я замѣчалъ, что когда трудно, тяжело, и все-таки работаешь въ томъ же направленіи, то и награда соотвѣтственна положенному труду. Я съ недѣлю, какъ переѣхалъ въ Москву. Какъ и въ деревнѣ, такъ и здѣсь, продолжаю не работать перомъ, и это воздержаніе представьте себѣ удовлетворяетъ, радуетъ меня. Хочется по привычкѣ, по себялюбію, по желанію отъ-туманиться уйти отъ жизни; по этимъ причинамъ хочется, но нѣтъ той непреодолимой силы, которая привлекла бы меня къ писанію, нѣтъ того снисходительнаго суда къ себѣ, который, какъ прежде, одобрялъ все. И не пишешь, и чувствуешь какую то чистоту, вродѣ какъ отъ не куренія. Продолжаете ли не курить? Я не нарадуюсь, что избавился отъ этого. Такъ то мы отвыкли отъ того естественнаго пониманія жизни... Откликнитесь, милые друзья! Надо чувствовать другъ друга—переписываться...

Л. Толстой.

1889 г.

№ 140.

Л. Ѳ. Анненковой.

(1889 г., Февр. 18).

Очень былъ радъ получить ваше письмо, добрая Леонила Ѳоминична, но къ сожалѣнію, никакъ не могу теперь исполнить ваше желаніе. Книга о жизни все еще находится офиціально на разсмотрѣніи духовной цензуры (скоро три мѣсяца) и экземпляры продолжаютъ быть запечатаны; тѣ же, которые у насъ съ женою есть, всѣ расхватаны и тотчасъ берутся, какъ только возвращаются.—Какъ только будетъ свободный экземпляръ, то пришлю вамъ. — Наше согласіе противъ пьянства, какъ мнѣ кажется, имѣетъ будущность: членовъ все прибываетъ и получаются письма очень хорошія изъ глуши деревенской, отъ простыхъ людей.—Вышли теперь только двѣ книжки Алексѣева, которыя посылаю вамъ, но готовятся еще три лучше этихъ.

Семенова адресъ не знаю, но узнаю и пришлю вамъ. Мнѣ для него этого очень хочется. Въ лѣченіе пьянства, какъ лѣченіе, какъ матеріальное исправленіе, я, разумѣется, не вѣрю, но вѣра въ то, что лѣкарство облегчитъ борьбу съ соблазномъ, вѣра эта можетъ быть полезна, хотя въ сущности это обманъ, да кромѣ того и глупо: зачѣмъ человѣку самому себя обманывать, да еще въ дѣлѣ такомъ простомъ и легкомъ, что и хитрить не за чѣмъ. Все равно, какъ если бы человѣку давали принимать капли какія-нибудь для того, чтобы онъ не ѣлъ бѣлены. Капель не нужно, а нужно только ясно совсѣмъ, безъ всякаго сомнѣнія убѣдиться, что бѣлена ядъ и что отъ нея добра нѣтъ, а зло, и человѣкъ не станетъ есть бѣлену, какъ бы онъ ни воображалъ прежде, что привыкъ къ ней. Людямъ такъ свойственно впадать въ обманъ матеріализма, что они всегда

во всемъ попадаются на это, и имъ кажется, что бросить пить (и вообще дѣлать глупое, дурное) можно отъ какого-нибудь матеріальнаго сильнаго яда или еще чего очевиднаго, но никакъ нельзя отъ мысли, которой не видно. Людямъ понятно, что матеріально вещи бываютъ большія и малыя, и такія же силы, но то, что мысли бываютъ большія и малыя, сильныя и слабыя, имъ кажется неяснымъ—мысли всѣ невидны, невѣсомы и потому всѣ онѣ по-ихнему одинакія, не большія; и большое дѣйствіе, по-ихнему, не можетъ произойти отъ мысли. Но дѣло въ томъ, что какъ сила самая слабая можетъ относиться къ самой большой, какъ 1 къ безконечности, такъ и мысль можетъ быть доведена до безконечнаго могущества, и ей никакой матеріальной помощи не нужно: ее надо утверждать и усиливать. Радуюсь, читая про ваши отношенія съ вашими дѣтьми. Поцѣлуйте ихъ отъ меня.

Любящій васъ *Л. Толстой.*

№ 141.

Л. Е. Оболенскому.

(1889 г., Апр. (?))

Я получилъ ваше письмо, Леонидъ Егоровичъ, и меня очень огорчило то раздраженіе противъ моего разсказа*), которое я нашелъ въ немъ. Мнѣ кажется, что причина та, что тамъ сказано, что неправильность и потому бѣдственность половыхъ отношеній происходитъ отъ того взгляда, общаго всѣмъ людямъ нашего міра, что половыя отношенія есть предметъ наслажденія, удовольствія, и что потому для мужчины женщина, и надо бы прибавить для женщины мужчина, есть орудіе наслажденія, и что освобожденіе отъ неправильности и бѣдственности половыхъ отношеній будетъ тогда, когда люди перестанутъ такъ смотрѣть на это. Такъ думаетъ П. (Позднышевъ), пострадавъ отъ этого раздѣляе-

*) Крейцерова Соната.

маго имъ со всѣми взгляда. При этомъ прибавлено, что внѣшнія умственныя образованія женщинъ, получаемыя на курсахъ, не могутъ достигнуть этой цѣли, какъ многіе склонны думать, потому что никакое самое высокое научное образованіе не можетъ измѣнить взгляда на этотъ предметъ, такъ какъ и не задается этой цѣлью. Мнѣ кажется, что я не ошибаюсь въ этомъ. И потому мнѣ кажется, что вы неправы въ этомъ — неправы изъ тѣхъ раздражительныхъ нападковъ на разсказчика, преувеличивая его недостатки, тогда какъ по самому замыслу разсказа Позднышевъ выдаетъ себя головой не только тѣмъ, что онъ бранитъ самъ себя (бранить себя легко), но тѣмъ, что онъ умышленно скрываетъ всѣ добрыя черты, которыя, какъ въ каждомъ человѣкѣ, должны были быть въ немъ. И въ азартѣ самоосужденія, разоблачая всѣ обычные самообманы, видятъ въ себѣ одну только живую мерзость.

Ну, вотъ, что я имѣю сказать на ваше письмо. Право, это такъ. И если вы спокойно обсудите, вы съ вашимъ критическимъ нравственнымъ чутьемъ, вѣрно согласитесь со мной.

Вѣдь мнѣ достоинство моихъ писаній и одобреніе ихъ мало интересно. Ужъ мнѣ скоро помирать и все чаще и чаще думаю о жизни въ виду смерти. И потому интересно важно для меня одно, это, чтобы не сдѣлать худого своимъ писаніемъ, не соблазнить, не оскорбить. Это я боюсь и надѣюсь, что не сдѣлалъ. Ну, до свиданія!

Любящій васъ *Левъ Толстой.*

№ 142.

М. А. Новоселову.

(1889 г.).

Очень очень радъ былъ получить отъ васъ письмо, дорогой Михаилъ Александровичъ. Д—вой письмо я передалъ Т. А. К., и она обѣщала искусно подойти къ мужу съ этимъ дѣломъ. Какъ-то ужасно оголились мнѣ всѣ... Въ то же

время, какъ ваше письмо, пріѣхалъ Ч. проѣздомъ былъ въ В. у Д. Его мучаютъ страшно, но это удивительной силы человѣкъ. Хотѣлъ бы послать вамъ его записку о себѣ, попрошу М. А. списать и послать вамъ. Вотъ тоже надо стараться помочь ему, хотя онъ и не проситъ. И такое странное отношеніе, проситъ мучителей—по меньше мучить. Чувствуешь, что если можетъ просить и просьба принимается то самъ стоишь на одной доскѣ съ ними и стыдно. Я очень радъ, что вы написали мнѣ. Я бы и самъ написалъ вамъ, если бы было время, какое мое отношеніе къ вамъ? Никакого нѣтъ, кромѣ любви къ вамъ. Намъ, старикамъ, стоящимъ одной ногой въ гробу, некогда затѣвать иныя, кромѣ любовныхъ, отношенія, а къ вамъ, это мнѣ такъ естественно и сердцемъ тянетъ.

Письмо ваше и въ другомъ отношеніи полезно и хорошо.

Я зналъ это, но хорошо живѣе помнить.

Что дѣлаетъ дорогой Алексѣй А.? Передайте ему мою память и любовь. Да еще хотѣлъ сказать о разногласіи нашемъ—разногласія нѣтъ и не можетъ быть, если только мы не будемъ требовать другъ отъ друга вѣры въ томъ, во что другой не вѣритъ. Привѣтъ друзьямъ, которые меня помнятъ.

Любящій васъ *Левъ Толстой.*

Вашей матушкѣ, дѣду...

Гдѣ Ге?

Моя книга переводится за-границей, а я теперь написалъ небольшую статью о рѣчи Зола и „Письмѣ“ Дюма. Можетъ быть, напечатаютъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“.

№ 143.

Е. И. Попову.

(1889 г., Апр.).

Физическій трудъ, разрѣшеніе вопроса жизни,—разумѣется, что это нелѣпость, разумѣется, что не родъ труда,

не самый трудъ даже, а то, во имя чего трудишься, разрѣшаетъ вопросъ. Вы говорите: во имя состраданія, любви. Но и тутъ сами себѣ возражаете и видите возможность такого положенія, при которомъ некого жалѣть, любить, не на кого трудиться, или есть кого жалѣть и любить и нельзя трудиться. Стало быть можетъ быть положеніе, въ которомъ жизнь безсмысленна и есть безцѣльное страданіе, отъ котораго разумно избавиться, какъ и говорили стоики. Все это совершенно справедливо, но только при опредѣленіи смысла жизни въ трудѣ во имя любви. Но это не полное и не Христово опредѣленіе. Христово опредѣленіе есть исполненіе воли Отца; исполненіе этой воли при условіяхъ чистоты, смиренія и любви.

Въ чемъ воля? На этотъ вопросъ иногда, когда человѣкъ ясно сознаетъ ту роль, которую онъ играетъ въ содѣйствіи установленія Царства Божія на землѣ, есть прямой несомнѣнный отвѣтъ въ душѣ; иногда, когда нѣтъ такого отвѣта стоитъ только соблюдать условія чистоты, смиренія и любви (т.-е. не предаваться похотямъ всякаго рода, не искать одобренія людей и не имѣть враждебнаго чувства ни къ кому) и сама жизнь—сама плотская жизнь въ трудѣ или вынужденной праздности будетъ исполненіе воли Бога. И потому то освобожденіе отъ плотской жизни есть поступокъ, несогласный съ ученіемъ истины. Трудовая же жизнь есть не пустяки, а есть одно изъ условій чистоты.

Левъ Толстой.

№ 144.

Н. Н. Ге.

(Ясная Поляна, 1889 г., Іюнь 24).

Напишите о своей работѣ. Я думаю, что она есть. А думаю потому, что желаю этого очень, какъ писалъ вамъ въ послѣднемъ письмѣ. Желаю потому, что знаю, что того, что сидитъ въ васъ (какъ я увидалъ и по картинѣ „Выходъ изъ тайной Вечери“ собственно вспомнилъ только), нѣтъ ни въ комъ, и долго ни отъ кого не дождешься, и потому надо

думать, что вы это сдѣлаете, т.-е. картинами выскажете простое понятное и нужное людямъ христіанство... Z смущаетъ меня, въ минуты моей слабости тѣмъ, что думается онъ не доволенъ своей семейной жизнью, раскаивается въ добромъ законномъ поступкѣ. Помилуй Богъ. Повѣрьте, да вы это знаете милый мой голубчикъ, что хорошихъ самихъ по себѣ внѣшнихъ условій нѣтъ, и не разумный человѣкъ, женатый на ангелѣ, и другой, женатый на діаволѣ, одинаково не довольны, и что многіе, не только многіе, но хоть и всѣ недовольные своимъ супружествомъ люди (а они всѣ недовольны), всѣ считаютъ, что хуже ихъ положенія не можетъ быть. Стало быть всѣмъ ровно. Еще боюсь за него, что или онъ много физически зарабатывается, мало читаетъ, сообщается съ міромъ духовнымъ, или опустился какъ-нибудь... Я живу хорошо, немного работаю, пашу, собираюсь косить, и довольно много пишу или скорѣе прилаживаюсь писать т.-е. пишу и мараю. Пишу и комедію, и повѣсть и объ искусствѣ. На душѣ большею частью хорошо, да и грѣхъ былъ бы, коли бы не было. Рѣдкій день проходитъ безъ радостныхъ доказательствъ того, что тотъ огонь, который Христосъ низвелъ на землю, разгорается все сильнѣе и сильнѣе.

Л. Толстой.

№ 145.

Л. Ѳ. Анненковой.

(Ясная Поляна, 1889 г., Авг. 23).

Большое спасибо вамъ, дорогая Леонила Ѳоминична, за письмо ваше и за письмо Машѣ, и за носки. Это такіе носки лучше, пріятнѣе которыхъ ничего нельзя желать. Ношу и поминаю васъ.

Какъ странно, ваше письмо съ укоромъ меня въ томъ, что я желаю смерти, пришло почти въ одно время съ письмомъ, съ такими же укорами отъ Черткова. Чертковъ прочелъ это у Стэда, но я не помню, когда говорилъ вамъ.

Но страннѣе всего, что письмо ваше пришло въ то время когда я дѣйствительно часто думалъ объ этомъ, желая смерти и упрекая себя за это. Вы совершенно правы и то, что вы мнѣ говорите, я самъ говорю себѣ, и когда говорю, то освобождаюсь отъ этого соблазна.—Васъ какъ будто удивляетъ это; но вы не удивляйтесь, а думайте обо мнѣ, какъ о человѣкѣ слабомъ, исполненномъ пороковъ, тѣхъ долговъ, которые прошу Отца отпустить мнѣ, чтобы они не мѣшали мнѣ служить Ему; и бываютъ минуты, именно тѣ, когда вполнѣ ясно, сознательно отпустишь должникамъ своимъ, т.-е. вступишь въ то состояніе, когда никого не можешь осуждать, когда и самъ освобождаешься. Но часто давитъ все прошедшее, всѣ долги. Вы думайте обо мнѣ, какъ объ очень дурномъ человѣкѣ, желающемъ быть очень хорошимъ, и тогда вы не будете удивляться, и все вамъ будетъ понятно.

Радуюсь на ваши письма и на ваше душевное состояніе, выражающееся въ нихъ. Что милый В. В.? Напишите о немъ подробнѣе, если вы видаете его.

Л. огорчаетъ васъ. Это напрасно. Міръ зажженъ Христомъ и горитъ. Если каждый изъ насъ сознаетъ то, что онъ горитъ, не препятствуетъ, а радуется и содѣйствуетъ своему горѣнію, то это все, что нужно. Нечего огорчаться о томъ, что отъ меня не зажигается та свѣча, или тѣ дрова, которыя рядомъ со мной. Если міръ горитъ и я горю, то они загорятся не отъ меня, но загорятся. Я замѣчалъ даж что только сомнѣніе въ томъ, что я горю, вызываетъ особенную заботу о горѣніи другого. Только дѣлай по отношенію себя то, что тебѣ свойственно, люби Бога т в о е г о всѣмъ сердцемъ, всѣмъ разумѣніемъ... и будешь любить ближняго, и дѣло Божье совершится. Вѣдь Л. имя легіонъ. Они пропитаны какимъ-то особеннымъ составомъ (либерализмъ), препятствующимъ горѣнію. И когда знаешь это, то и не огорчаешься за нихъ, не тревожишь ихъ, а служишь имъ,

какъ служишь дѣтямъ. Такъ я думаю. Я себѣ такъ говорю, нѣсколько измѣняя слова ученія XII апостоловъ: однимъ помогай плотски (въ области животной жизни), другихъ обличай, молясь за нихъ, т.-е. не передъ людьми, не изъ самолюбія, а передъ Богомъ (въ области широкихъ соблазновъ), а третьихъ люби больше души своей (въ области божеской жизни). Разумѣется, что къ Л. и всѣмъ сначала пытаешься отнестись, какъ къ третьимъ, но видишь, что этого нельзя, относишься, какъ ко вторымъ, если видишь, что и этого нельзя, относишься, какъ къ первымъ. Это всегда можно, и всегда готовъ будь перейти ко второму и третьему.

Любящій васъ *Л. Толстой.*

Поклонъ вашему мужу.

№ 146.

М. А. Новоселову.

(1889 г.).

Уже разъ начиналъ писать вамъ дорогой Мих. Ал., но не докончилъ и разорвалъ письмо; а хочется отвѣтить на ваше послѣднее письмо и высказать то чувство, которое оно вызвало во мнѣ, не огорчивъ васъ. Письмо ваше вызвало во мнѣ чувство очень сложное, смѣшанное, пріятное и непріятное. Побужденіе ваше написать мнѣ было доброе, но не любовное. Я дѣлаю это различіе между тѣмъ и другимъ: доброе чувство—это такое, которое влечетъ къ человѣку, оно можетъ быть и эгоистичное и неразумное, а любовное это такое, которое переноситъ сознаніе въ другого человѣка; это чувство всегда самоотверженно и разумно. А непріятное мнѣ было въ вашемъ письмѣ — недостатокъ отреченія отъ себя, вдумчивости въ состояніе другого, въ соединеніи съ самымъ искреннимъ добрымъ и теплымъ чувствомъ. Для всѣхъ людей, ищущихъ истины и добра, къ которымъ причисляю себя, нѣтъ ничего дороже, какъ указаніе другими отклоненій отъ единаго истиннаго пути опи-

бокъ, грѣховъ. И я особенно въ послѣднее время жаденъ къ этого рода указаніямъ. Но указанія эти должны быть освѣщены любовью: не любовью ласки, нѣжныхъ словъ, а любовью проникновенія въ чужую душу, въ положеніе другого.

Пускай будутъ самые грубые, называемые людьми „жестокими“ выраженія, пускай будетъ насмѣшникъ, презрѣніе, но только чтобъ была проницательность любви. А то положеніе въ родѣ того, что человѣкъ завязъ по поясъ въ болото, а ему съ добротой совѣтуютъ разуться и бѣжать скорѣе, или разсказываютъ, какъ другой человѣкъ прошелъ стороной болота, т.-е. нѣчто такое, что даже не имѣетъ никакого отношенія къ его положенію. Хотя, судя по послѣднему письму моему, я и боюсь, что вы опять не поймете меня, а все-таки скажу вамъ, что думаю, чего желаю вамъ, прося васъ взамѣнъ этого сказать мнѣ то, что вы думаете о моихъ грѣхахъ и чего желаете мнѣ. Желаю я вамъ и совѣтую вырабатывать въ себѣ вдумчивость, проницательность любви и не принимать за любовь нѣкоторую мягкость, чувствительность въ отношеніи съ людьми—доброту. Любовь это стремленіе человѣка расширять свое сознаніе, включивъ въ него сознаніе другого, другихъ. Отъ этого-то Іоаннъ и сказалъ, что Богъ есть любовь. Сознаніе всего и есть Богъ. Любимъ мы тогда, когда входимъ въ душу другого и чувствуемъ за него и знаемъ также, какъ и тотъ знаетъ, что ему дорого, что больно, чѣмъ онъ страдаетъ, чему радуется, въ чемъ его сила и его слабость. Вотъ какъ достигнешь этого — что случалось со мной иногда, — какая свобода, сила, спокойствіе.

Пишите. Любящій васъ всей душой

Левъ Толстой.

Передайте мой привѣтъ вашей матери, дѣду и товарищамъ.

№ 147.

Л. Е. Оболенскому.

(1889 г., Осень)

Какъ грустно, дорогой Леонидъ Егоровичъ, знать, что вы въ такихъ запутанныхъ матеріальныхъ условіяхъ, и главное, что поддаетесь и приписываете имъ важность. Разумѣется, что я очень желаю помочь вамъ, но сомнѣваюсь, чтобъ мое писаніе могло это сдѣлать. Сотрудникомъ я не могу быть, а случайно появившаяся у васъ статья едва ли поможетъ дѣлу журнала. Вознагражденіе мои семейные никакого не требуютъ за мои статьи. И даже скажу вамъ, что жена, прочтя ваше письмо, очень огорчилась и въ первый разъ при этомъ опредѣленно выразила, что она впредь и не желаетъ никакого вознагражденія за мои писанія. Это мнѣ было очень пріятно. Но непріятно, что она огорчилась моимъ письмомъ. Это я вамъ говорю между нами. Вы не пишите ей и не говорите ничего. Увидитесь съ нею, если Богъ приведетъ, и все будетъ по-хорошему. На вопросы ваши не могу отвѣтить утвердительно. Обѣщать ничего не обѣщаю. Я, какъ всякому другому, такъ и вамъ, котораго знаю и люблю, желаю сдѣлать пріятное и, вѣроятно, сдѣлаю, если будетъ возможность.

Левъ Толстой.

№ 148.

В. В. Рахманову.

(1889 г., Осень).

Спасибо, что написали В. В. Всегда съ радостной улыбкой въ душѣ думаю про васъ.

Страшно даже сказать, что жизнь въ безконечномъ совершенствованіи. Кажется, какъ широко, а такое опредѣленіе скорѣе суживаетъ.

Скажу вамъ то, что мнѣ думалось послѣднее время; оно отвѣчаетъ отчасти на это.

Говорятъ: вѣра, надежда и любовь. Почему вѣра? И во что вѣра? Почему надежда? Надежда ужъ тутъ ровно ни къ селу ни къ городу. — Надежда есть одно изъ послѣдствій вѣры. Говорятъ: все дѣло въ вѣрѣ: вѣрить надо въ Библію, въ церковь, въ Магомета, въ Будду и всякую чепуху и, наслушавшись всего этого, мы получаемъ отвращеніе къ этому слову и понятію вѣры и отбрасываемъ его. А это не вѣрно. Вѣра есть необходимое условіе религіознаго міровоззрѣнія или—проще—разумнаго взгляда на жизнь. Безъ вѣры нельзя разумно смотрѣть на міръ. Безъ вѣры можно только безумно смотрѣть на міръ, воображая, что онъ какъ то начался по механическимъ законамъ и никогда не кончится. Такой взглядъ нелѣпъ главное тѣмъ, что говорится о томъ, какъ произошелъ міръ и какъ развивался и т. п., а ничего не говорится о томъ единственно, что нужно знать: что мнѣ дѣлать? И при нелѣпомъ взглядѣ вѣры не нужно; но какъ только взглядъ не безумный и составляетъ отвѣтъ на вопросъ: „что мнѣ дѣлать“, такъ безъ вѣры нельзя.

Отвѣтъ на вопросъ, что мнѣ дѣлать?— ясенъ для всякаго искренняго человѣка — любить выше всего истину, благо, Бога и вслѣдствіе того ближняго и дальняго, и курицу, и дерево (все по порядку) и жить, руководясь этой любовью, но изъ за этого отвѣта выступаетъ другой вопросъ, на который нѣтъ, да и не можетъ быть отвѣта: зачѣмъ Богу или той силѣ, которая меня послала сюда, сдѣлала, зачѣмъ ей нужно, чтобы черезъ меня дѣлалось добро? Что ей нужно, чтобы черезъ меня дѣлалось добро, это несомнѣнно, но зачѣмъ это ей нужно? Что выйдетъ изъ того, что черезъ меня дѣлается, что выйдетъ изъ этого для меня? Этого не дано мнѣ знать, и тутъ мѣсто вѣрѣ, но вѣрѣ не въ Троицу, не въ Магомета, не въ Христа, не въ Бога даже, а вѣра Богу, вѣра тому началу, которое меня послало сюда. Я вѣрю ему потому, что онъ разуменъ и благъ, и потому худого мнѣ отъ него не будетъ. Вотъ эта вѣра необходима, нужна; для нея

прямо сдѣлано мѣсто и безъ нея безпокойно жутко. И вѣра эта есть у васъ, и у меня, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше мы исполняемъ волю пославшаго. Чѣмъ больше исполняешь, тѣмъ больше вѣришь — не потому, что разъ попалъ, то ужъ надо вѣрить, а потому что по мѣрѣ исполненія какъ бы уясняется смыслъ не словами, а всей жизнью, — тѣмъ тверже вѣришь въ Него, въ Его разумность и доброту, даже въ то, что то, чего я не знаю, мнѣ и не надо знать, что иначе и быть не могло.

Такъ что не безконечное совершенствованіе жизни, тутъ могутъ быть упадки, отъ того разочарованія, сомнѣнія,—а „возьмите иго мое на себя и научитесь отъ меня, потому что кротокъ и смиренъ, и найдете покой душамъ вашимъ“.

Не могу вамъ передать словами чувства, которое всегда возбуждали и возбуждаютъ во мнѣ эти слова и какъ они отвѣчаютъ для меня на все.

Не совершенствоваться мнѣ, гордому мнѣ, поганому мнѣ, а взять то положеніе, то тѣло, то здоровье, тотъ нравъ, то прошедшее, тѣ грѣхи, даже и съ кротостью и смиреніемъ въ сердцѣ искать всегда всякую минуту случая исполнить нужныя Ему дѣла. Но не гожусь ли я заткнуть дыру какую-нибудь? Подтереть мною что-нибудь? Примѣрами мерзости, порока и грѣховъ не могу ли пригодиться; просто тѣломъ моимъ понавозить? И если удастся чувствовать себя такъ тогда все чудесное легко и твердо.

Скажутъ: „это уничтожаетъ стимулъ совершенствованія“. Не бойтесь: потребность быть лучше та же, что потребность быть счастливѣе; ее поощрять не нужно, надо чтобы это дѣлалось само собой, а не хорошо, когда это становится цѣлью.

Умъ, знаете, какъ бинокль, развертывать надо до извѣстной степени, а дальше вертѣть хуже; такъ и въ вопросахъ о жизни, и зачѣмъ жизнь? Помилуй Богъ. Отвѣты на эти вопросы въ вѣрѣ Ему, — вѣра, подобная той, которая есть у

клѣточки тѣла, работающей для него, — а вѣра дается по мѣрѣ смиренной готовности творить волю Его...

Привѣтъ М. А. и всѣмъ вашимъ. Пишите. Я занимался глупостями, исправлялъ комедію. И теперь пишу ту повѣсть, которую вы мнѣ велѣли.

Левъ Толстой.

№ 149.

В. А. Гольцеву.

(1889 г., Сент.).

Произведеніе искусства хорошо или дурно отъ того, что говоритъ, какъ говоритъ и насколько отъ души говоритъ художникъ. 1) Для того, чтобы художникъ зналъ, о чемъ ему должно говорить, нужно, чтобы онъ зналъ то, что свойственно всему человѣчеству, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, еще неизвѣстно ему, т. е. человѣчеству. Чтобы знать это, художнику нужно быть на уровнѣ высшаго образованія своего вѣка, а, главное жить не эгоистичною жизнью, а быть участникомъ въ общей жизни человѣчества. И потому ни невѣжественный, ни себялюбивый человѣкъ не можетъ быть значительнымъ художникомъ. 2) Для того, чтобы говорить хорошо то, что онъ хочетъ говорить (подъ словомъ „говорить“ я разумѣю всякое художественное выраженіе мысли), художникъ долженъ овладѣть мастерствомъ. А чтобы овладѣть мастерствомъ, художникъ долженъ много и долго работать, подвергая свою работу только своему внутреннему суду. 3) Для того, чтобы отъ всей души говорить то, что онъ говоритъ, художникъ долженъ любить свой предметъ. А для этого нужно не начинать говорить о томъ, къ чему равнодушенъ и о чемъ можешь молчать, а говорить только о томъ, о чемъ не можешь не говорить, о томъ, что страстно любишь. Изъ этихъ трехъ основныхъ условій всякаго произведенія искусства главное послѣднее: безъ него, безъ

любви къ предмету, по крайней мѣрѣ, безъ искренняго, правдиваго отношенія къ нему, нѣтъ произведенія искусства.

Нервъ искусства есть страстная любовь художника къ своему предмету, а если это есть, то произведеніе всегда будетъ удовлетворять и другимъ требованіямъ — содержательности и красотѣ: содержательности будетъ удовлетворять потому, что невозможно страстно любить ничтожный предметъ, а красотѣ потому, что, любя предметъ, художникъ не пожалѣетъ никакихъ трудовъ для того, чтобы облечь любимое содержаніе въ наилучшія формы.

Левъ Толстой.

№ 150.

Л. Ѳ. Анненковой.

(Ясная Поляна, 1889 г., Дек. 26).

Очень радъ былъ получить ваше хорошее письмо, Леонила Ѳоминична. Затерялъ я вашъ конвертъ и не знаю, гдѣ вы, въ Москвѣ или въ деревнѣ, пишу все-таки въ деревню.

Очень-очень радъ за васъ, что болѣзнь не страшна вамъ, а если не страшна, то и не больна: главная боль ея въ страхѣ. То, что вы пишете объ этомъ, не только справедливо, но главное, я чувствую, что это вы опытомъ узнали. Помогай вамъ Богъ. Пожалуйста, пишите намъ. Я васъ очень люблю. Получилъ я огромное количество носокъ, чулокъ и перчатокъ. Все это прекрасно, я всѣмъ пользуюсь и очень благодарю васъ за все. Мнѣ всего вашего добра и полотенецъ и платковъ до смерти не износить.

Брошюры о дѣлѣ Божьемъ прочелъ—т. е. французскую, и мало узналъ изъ нея. Что дѣлать съ брошюрами? Я, впрочемъ, попрошу Машу вамъ отослать. Маша и всѣ мои вамъ кланяются и всѣ васъ любятъ.

Разсказъ мой я рѣшилъ напечатать въ сборникѣ, издающемся въ Москвѣ въ память Юрьева и въ пользу его семейства, но изъ цензуры есть распоряженіе, какъ мнѣ пи-

салъ Гайдебуровъ, чтобъ его не пропускать. Я кое-что пишу и между прочимъ совершенно неожиданно занялся комедіей, которая у меня давно была набросана. Таня дочь затѣяла спектакль и попросила у меня, я согласился и вотъ поправилъ ее кое-какъ, и вотъ они играютъ у насъ на праздникахъ.

Мнѣ жить очень хорошо, настолько хорошо, насколько избавляюсь отъ зла. Передайте мой поклонъ вашему мужу. Маша напишетъ вамъ. Дай вамъ Богъ приближенія все большаго и большаго къ Нему.

Л. Толстой.

1890 г.

№ 151.

Е. И. Попову.

(1890 г., Апр. 30).

Долго не отвѣчалъ вамъ, дорогой Евгеній Ивановичъ. Простите. Отвѣчать, по правдѣ сказать, было нечего.

Мысли ваши о Богѣ я понялъ, но неясно, какъ и выражены. Вы говорите: зачѣмъ писать опредѣленія Бога? Я совершенно согласенъ съ вами. Я написалъ тогда, потому что Чертковъ просилъ меня сказать самымъ хотя бы неопредѣленнымъ образомъ. „Я могу, пойму съ полуслова, что вы думаете, когда произносите слово Богъ“. И такимъ образомъ, именно, не желая опредѣлять Бога, какъ въ Богословіяхъ, а какъ то думаетъ Матью Арнольдъ, объясняя, что онъ подразумѣваетъ подъ словомъ „Богъ“, когда его употребляетъ. Такое опредѣленіе не опасно, но и то лучше не дѣлать этого.

Нынче пріѣхалъ милый Золотаревъ и разсказалъ про васъ все хорошее, именно, что вы находите поддержку духовную въ сознаніи того, что жизнь только въ настоящемъ.

Представьте себѣ, что послѣднее время я это самое вызываю въ себѣ, молюсь такъ кромѣ „Отче Нашъ“, въ кото-

ромъ вѣдь это самое сказано. Говорю я себѣ такъ: „Жизнь твоя и благо твое не въ томъ, чтобы вызывать духовное состояніе въ извѣстномъ человѣкѣ, не въ томъ, чтобы написать хорошо и ясно то-то и то-то, не въ томъ, чтобы вспахать, посѣять, помочь матеріально или духовно тому-то (въ томъ, что жизнь не въ своемъ личномъ наслажденіи — къ этому сознанію уже привыкъ, хотя и страшно далекъ отъ этого на практикѣ); жизнь твоя въ томъ, чтобы сейчасъ, теперь все свое вниманіе употребить на то, чтобы поступить наилучшимъ образомъ, по-божески въ эту минуту, не разсчитывая на то, что изъ этого выйдетъ — главное, не разсчитывать, что выйдетъ, зная впередъ, что, дѣлая, мы не можемъ знать, что выйдетъ, зная то, что никакое совершенство — ни ума, ни силы, ни доброты — не доступны человѣку, а только одно: соотвѣтствіе меня, какой есмь, требованіемъ настоящей минуты, а для соотвѣтствія этого не нужно ничего, ни здоровья, ни ума, ни спокойствія, нѣтъ такого положенія, въ которомъ я не могъ бы достигнуть этого соотвѣтствія: я могу его достигнуть и больной и глупый, и въ самой большей суетѣ. Такъ ли вы думаете? Цѣлую васъ. Что жена пишетъ? Какъ живетъ? Я живу хорошо, жизнь полна и радостна, насколько достигаю этого соотвѣтствія.

Левъ Толстой.

№ 152.

Л. Ѳ. Анненковой.

(Ясная Поляна, 1890 г., іюль).

Получилъ ваше письмо, дорогая Леонила Ѳоминична, и по правдѣ вамъ скажу, многое изъ него не совсѣмъ понялъ, не понялъ я, что вы во мнѣ особенно нашли въ сентябрѣ, что васъ такъ огорчило. Это мнѣ очень интересно, ибо вы, вѣроятно укажете мнѣ невидимые мною мои грѣхи.

Вы спрашиваете о своихъ грѣхахъ и слабостяхъ. И это правда, что въ указаніи слабостей и грѣховъ другъ друга мы больше всего нуждаемся; и въ этомъ прежде всего должна

выражаться наша любовь. Ваша слабость, которую я замѣтилъ, это желаніе отдѣлиться отъ людей грѣшныхъ, мірскихъ своей добродѣтелью и потому осужденіе этихъ людей, которое выражается у васъ сожалѣніемъ къ нимъ. Самое лучшее, самое желательное, идеалъ, это то, чтобы не только не находить человѣка дурнымъ, т. е. хуже себя, не только не находить себя лучше другихъ, не находить даже себя лучше, чѣмъ былъ прежде, не видѣть въ себѣ улучшенія, а до такой степени быть занятымъ улучшеніемъ себя, чтобы не видѣть его. Не пишите мнѣ ничего про это свое свойство, про то, такъ ли, вѣрно ли я сужу или нѣтъ, а въ отвѣтъ на это пишите мнѣ о моихъ недостаткахъ, которые вамъ бросаются въ глаза.

Здоровье мое слишкомъ хорошо. И какъ ни странно это сказать, мнѣ лучше было больному.

Картина Ге лучше, чѣмъ я ожидалъ — прекрасна.

Спасибо вамъ за свѣдѣнія о судѣ штундистовъ. Это очень интересно. Знаете ли вы ихъ записку о крещеніи и причащеніи. Пишите намъ. Поклонъ вашей сестрѣ и мужу.

Любящій васъ *Л. Толстой.*

Вы спрашиваете покоенъ ли я духомъ. Славу Богу, не спокоенъ. Если вы спросите въ томъ смыслѣ, что нѣтъ ли у меня сомнѣній въ пути, по которому хочу итти, нѣтъ ли у меня отчаянія, или хоть недовольства на устройство, порядокъ міра, нѣтъ ли у меня страха передъ смертью или жизнью, то прямо скажу, что нѣтъ, и въ этомъ смыслѣ спокоенъ, но неспокоенъ въ томъ, что вижу ясно отклоненіе моихъ поступковъ отъ того пути, по которому хочу итти, и оттого неспокоенъ.

№ 153.

Н. Н. Ге.

(1890 г., Авг.).

Изъ Америки кое-кто отвѣчалъ. Одинъ Гаррисонъ пишетъ, что едва ли ваша картина будетъ имѣть успѣхъ, такъ

какъ фіаско выставки картинъ Верещагина отбило охоту отъ русскихъ. Вѣдь вездѣ все дѣло рекламы, а тѣмъ болѣе въ Америкѣ; и успѣхъ, и неуспѣхъ ничего не показываютъ, какъ только достоинство и мастерство рекламиста. А вы волнуетесь. Стыдно, дѣдушка голубчикъ. Я говорю: „Стыдно“, а самъ такой же — дорожу славой мірской, но борюсь сильно и упорно, и вамъ совѣтую. Я живу хорошо, заливаетъ волнами моря мірского, но кое-какъ не захлебываюсь... Все они устраиваются, и внѣшняя жизнь идетъ такъ, что похвалиться не чѣмъ, но внутренняя неукоснительно двигается, какъ ростокъ...

Л. Толстой.

№ 154.

Е. И. Попову.

(Ясная Поляна, 1890 г., Авг.).

...Слова же „вѣрую, помоги моему невѣрію“ я никогда не любилъ. Петръ I повторялъ ихъ.

Не надо говорить: не вѣрю, а хочу вѣрить (то же, только переставлено), а если чуть чуть не вѣришь, то сейчасъ же всѣми силами души, т. е. ума, вниманія, энергіи итти по этому открывающемуся пути невѣрія. Если же искать, искать извнѣ помощи, то я искалъ бы ея для невѣрія. И сказалъ бы: не вѣрю, помогите всѣ моему невѣрію.

Надо смѣло итти по неизвѣстному пути, который открывается, его узнаешь только, когда пойдешь по немъ. „Ну, не вѣрю, ну, все это слова, измышленія людскія. Ничего нѣтъ разумнаго, совершеннаго внѣ меня. Назначенія мнѣ нѣтъ никакого. И мои дѣла, и жизнь безразличны и никому не нужны такія или иныя“. — Ну, и прекрасно, и давай жить дальше съ такими взглядами, давай дѣйствовать, а если скучно и совсѣмъ ясно, что все — все равно, давай застрѣлюсь. Гдѣ пистолетъ, и порохъ, и пуля?

Я хочу сказать, что для познанія истины мало ума и желанія, нужна энергія, послѣдовательность, упорная мысль

чтобы узнать истину, нужно пробить перегородки, стѣны лжи. А чтобы пробить ихъ, надо смѣло идти на нихъ въ нихъ.

„Вѣрую, помоги моему невѣрію“, это то разсужденіе, которое поддерживаетъ подобіе вѣры, держитъ на балансѣ палку, которая должна упасть. Это та вѣра, которая дѣлается, а не та настоящая, которою все остальное дѣлается.

Такъ: „Господи, милостивъ буди мнѣ грѣшному“, я теперь не совсѣмъ люблю, потому что это молитва эгоистичная, молитва слабости личной и потому безполезная.

Опять слабость личности никто не поддержитъ. Если личность, то слабость. Чтобы спастись отъ нея, надо найти опору внѣ себя — забыться въ работѣ (какъ мы забываемся въ тачаніи сапоговъ, въ пахотѣ), въ работѣ всей жизни. А успокоить личность нельзя. Какъ скоро личность, то она мечется и страдаетъ. А „Вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію“ я совсѣмъ не люблю, потому что это прямо дурно. Если уже такъ, то лучше сказать себѣ: не вѣрю, какъ прекрасно, что я не вѣрю. Давай разрушу въ себѣ всю эту чепуху, которую я назвалъ вѣрой, и буду жить весело и свободно. Только этимъ путемъ можно прійти и не прійти, а сознать, обнажить свою вѣру. Перестать, какъ тотъ мальчикъ, который упалъ въ колодезь, держаться за край и прыгнуть внизъ — на дно.

...О работѣ. Я думаю и думалъ, что работа, производимая не только для удовлетворенія первыхъ потребностей жизни своихъ и другихъ,— грѣхъ, но что идеалъ Христа, какъ и въ брачномъ вопросѣ, состоитъ въ томъ, чтобы не жать, не сѣять, и что работа, какъ добродѣтель, le travail, какъ то считается въ Европѣ и у насъ трудолюбивыми мужиками, есть величайшій и злѣйшій соблазнъ.

Вопросъ этотъ милый другъ Е. И., большой. Не знаю сумѣю ли отвѣтить нынче, попытаюсь; но это письмо заканчиваю.

...Началъ писать о работѣ, стараясь самому себѣ уяснить это дѣло, кажущееся мнѣ требующимъ разрѣшенія

(мнѣ кажется даже, что у меня есть данныя для разрѣшенія), — но не удалось. Надо еще пожить и подумать.

А вотъ дѣло, какое я вамъ предложилъ бы обоимъ: это написать краткое исповѣданіе вѣры, взявъ за основу церковные разнообразные символы вѣры, и сказать, во что изъ этихъ догматовъ мы вѣримъ со всѣми вмѣстѣ (напр. въ Бога Отца и еще что) и во что не вѣримъ. Это можно указать только, какъ напримѣръ: не вѣримъ въ искупленіе, не вѣримъ въ Анну Ли шекеровъ, въ непогрѣшимость папы и т. п. Это бы лучше всего показало то, что мы со всѣми согласны и не выставляемъ никакого догмата, въ который бы какія бы то ни было христіанскія исповѣданія не вѣровали, но что они хотятъ быть несогласными съ нами, и не потому, почему они несогласны съ другими исповѣданіями, напримѣръ наши съ папистами, что другіе выставляютъ догматы, въ которые они не вѣрятъ, а потому что они каждый со своей стороны требуютъ, чтобы мы вѣрили въ ихъ разные догматы, въ которыхъ они между собой несогласны. — Попытайтесь это сдѣлать.

А вы пишите почаще. Цѣлую васъ.

Мы живы и здоровы. Я пью кумысъ и жду, когда это кончится, а то слишкомъ здоровъ. Суета у насъ ужасная. Гости, гости, гости. Но живемъ не очень дурно, больше кажется любви между всѣми, чѣмъ прежде.

Л. Толстой.

№ 155.

Л. Ѳ. Анненковой.

(1890 г., Окт.).

Получилъ ваше хорошее письмо, дорогая Л. Ѳ., дѣло предстоящее вамъ и смущающее васъ (объ иконѣ) есть то самое, что я считаю дѣломъ истинной жизни. Именно въ этой тѣснотѣ, на этомъ узкомъ пути, гдѣ согрѣшишь, ступивъ и направо, и налѣво, тутъ-то и совершается самое настоящее Божье дѣло. Одно могу посовѣтовать по опыту, это

то, чтобы хорошенько при рѣшеніи дѣла освободить себя отъ заботы о мнѣніи людскомъ. „Какъ бы поступилъ, если бы зналъ, что къ вечеру умру". Такъ и поступить. Это одинъ совѣтъ, другой—тотъ, чтобы сдѣлать такъ, какъ велѣлъ Христосъ, когда поведутъ васъ къ правит. судьямъ, не думайте, что будете говорить, духъ Божій будетъ говорить за васъ. Не дѣлать то, что думаешь, что будетъ хорошо, а то, чего нельзя не дѣлать, всѣмъ существомъ нельзя. Дольнеру написалъ, но онъ, кажется, уѣхалъ на Кавказъ. Помоги вамъ Богъ.

Любящій васъ *Л. Толстой.*

№ 156.

Н. Н. Ге.

(1890 г., Дек. 20).

Извѣстія отъ васъ хороши о томъ, что работается, это большое счастіе, когда работается съ вѣрой въ свою работу, счастіе, которое, когда дается, чувствуешь, что его не стоишь... У насъ все послѣднее время посѣтители... Понимаю ваши слова, что человѣкъ дороже полотна и тѣмъ заглушаю свое сожалѣніе о медленномъ движеніи моей работы, которая разростается и затягиваетъ меня. А за ней стоятъ другія, лучшія—ждутъ очереди, особенно теперь, въ это зимнее, самое рабочее мое время. Вчера получилъ „Review of Reviews, въ которомъ статья Диллона о васъ и вашъ портретъ Ярошенки, „Тайная Вечеря", „Выходъ съ Тайной Вечери", „Милосердіе", „Петръ и Алексѣй" и „Что есть истина?" Диллонъ былъ у насъ и разсказывалъ, что и въ Англіи послѣдняя картина понравилась... Читаю и теперь въ свободное время книгу Ренана „L'avenir de la science". Это онъ писалъ въ 1848 г., когда еще не былъ эстетикомъ, и вѣрилъ въ то, что единое на потребу. Теперь же онъ самъ въ предисловіи съ высоты своего нравственнаго оскопленія, смотритъ на свою молодую книгу. А въ книгѣ много хорошаго. Чертковъ проситъ написать или поправить текстъ къ

картинамъ, и представьте, что, попытавшись это исполнить, я убѣдился больше, чѣмъ когда-нибудь, что эти выбранныя, лучшія по содержанію картины — пустяки. Къ евангельской картинѣ могу пытаться писать текстъ, выразить то, какъ понялъ художникъ извѣстное мѣсто, а тутъ хоть „Осужденный“ или „Повсюду жизнь“ очень хорошія картины, но ненужныя и нечего писать о нихъ. Всякій, взглянувъ на нихъ, получитъ свое какое-либо впечатлѣніе, но одного чего-нибудь яснаго, опредѣленнаго она не говоритъ, и объясненіе суживаетъ значеніе ея, а углублять нечего. Вы, можетъ быть, поймете меня, хоть неясно.

Л. Толстой.

1891 г.

№ 157.

И. Б. Фейнерману.

(1891 г., Мартъ).

Очень радъ былъ получить извѣстіе о васъ, дорогой Исаакъ. Я еще прежде вашего письма зналъ о васъ отъ Аркадія Алехина, который заходилъ ко мнѣ, проходя въ Курскъ и Харьковъ.

Вы слишкомъ строги къ своему прошедшему опыту*), или не совсѣмъ точно опредѣляете то, что оказалось ошибкой. Принципы, разумѣя подъ этимъ словомъ то, что должно руководить всею жизнью, не виноваты ни въ чемъ, и безъ принциповъ жить дурно. Ошибка только въ томъ, что въ принципъ возводится то, что не можетъ быть принципомъ,— какъ крѣпко париться въ банѣ и т. п. Принципомъ даже не можетъ быть то, чтобы работать хлѣбную работу, какъ говоритъ Бондаревъ.

Принципъ нашъ одинъ, общій, основной — любовь не словомъ только и языкомъ, а дѣломъ и истиною, т. е. тратою, жертвою своей жизни для Бога и ближняго.

*) Устройство интеллигентныхъ общинъ.

Изъ этого общаго принципа вытекаетъ частный принципъ смиренія, кротости, непротивленія злу.

Послѣдствіемъ этого частнаго принципа, по всѣмъ вѣроятіямъ (я говорю, по всѣмъ вѣроятіямъ, а не всегда, потому что можетъ же быть человѣкъ посаженъ въ тюрьму или подобное этому), будетъ земельный, ремесленный или фабричный даже, но только во всякомъ случаѣ тотъ трудъ, на который менѣе всего конкуррентовъ и вознагражденіе за который самое малое.

Изъ всѣхъ сферъ, гдѣ конкурренція велика, человѣкъ, не на словахъ, а на дѣлѣ держащій ученіе Христа, будетъ всегда выжатъ и невольно очутится среди рабочихъ. Такъ что рабочее положеніе христіанина есть послѣдствіе приложенія принципа, а не принципъ, и если люди возьмутъ за основной принципъ то, чтобы быть рабочимъ, не исполнивъ того, что приводитъ къ этому, то очевидно, что выйдетъ путаница.

Вотъ что я думалъ по случаю вашего письма, хотя вполнѣ понимаю то, что вы въ немъ говорите и вполнѣ ему сочувствую.

У меня были Буткевичи на дняхъ, Анатолій съ женой и Андрей, и я имъ прочелъ ваше письмо, — оно очень понравилось. Они, Анатолій съ женой, жалѣли, что не знали вашего адреса въ Полтавѣ, чтобы повидать васъ проѣздомъ. Они теперь въ Русановѣ.

Гриссбаха я вамъ не посылаю, — но Тишендорфа, въ которомъ есть всѣ варіанты Гриссбаха. Посылаю же Тишендорфа, а не Гриссбаха потому, что Тишендорфъ — мой, а тотъ чужой. Не увлекайтесь вы этими варіантами. Я это испыталъ,—это скользкій путь.

Смыслъ каждаго мѣста во всемъ Евангеліи, и кто не можетъ понять смысла отдѣльнаго мѣста сообразно всему духу его, — то ничѣмъ не убѣдишь.

Помогай вамъ Богъ. Пишите мнѣ.

Л. Толстой.

№ 158.

Л. Ѳ. Анненковой.

(1891 г., Мартъ).

Очень радъ былъ получить ваше письмо, дорогая Леонила Ѳоминична. — Это вамъ показалось, что я избѣгаю васъ или отдаляюсь: мнѣ напротивъ съ вами всегда спокойно и радостно, — то, что вы говорите о моемъ неудовольствіи за то, что переписываете дневникъ, справедливо. Я себя бранилъ за это и успокоился. Это ваша дурная, слабая минута, которыхъ бываетъ все-таки больше, чѣмъ твердыхъ. А у меня, слава Богу, напротивъ все радостнѣе и радостнѣе въ семьѣ.

Д—у я тогда же написалъ, но не получилъ отвѣта. Вчера былъ у насъ Н. (вы вѣрно слышали о немъ—очень хорошій человѣкъ, женатъ на Засуличъ, сестрѣ знаменитой, и съ 8 человѣкъ дѣтьми живущій трудовой, суровой жизнью).

Нарочно подъ конецъ оставилъ самое важное, о вашемъ братѣ. Я думаю, что и для жены брата, и для васъ, и для вашего брата, было бы очень хорошо, если бы вы могли ходить за нимъ. Не думаю, чтобы вашъ мужъ воспротивился, если положеніе брата серьезно опасно, какимъ оно кажется. Впрочемъ, вамъ виднѣе. И когда отречешься совсѣмъ отъ своей воли, что вы вѣроятно и сдѣлаете, прежде чѣмъ предпринять что-либо, то рѣшеніе будетъ принято то, которое должно. У насъ вчера пріѣхалъ американскій издатель газеты большой и я ужасно усталъ отъ него; надо говорить на языкѣ, на которомъ говоришь съ трудомъ, а человѣкъ по взглядамъ своимъ вполнѣ мірской, мало интересенъ для меня. А между тѣмъ оставить его одного, уйти, когда онъ ни съ кѣмъ говорить не можетъ и пріѣхалъ для этого — совѣстно. Соня и Таня помогаютъ мнѣ. Писанье мое было стало подвигаться, и это для меня большая—не радость, а сознаніе жизни; но теперь два дня я не принимался, а былъ у Сергѣя — положеніе его ужасно, но мнѣ кажется, и Маша

вчера была у него и подтверждаетъ мое мнѣніе, что онъ можетъ поправиться. Онъ очень жалокъ.

Поклонъ вашему мужу. Любящій васъ

Л. Толстой.

№ 159.

В. В. Рахманову.

(1891 г., Мартъ).

Давно не испытывалъ такой радости, дорогой В. В., какъ ту, которую мнѣ доставило ваше письмо. Мысли, чувства, которыя волнуютъ васъ, тѣ новые горизонты, которые открываются вамъ, это то самое, что меня волнуетъ, чѣмъ я живу, чѣмъ жилъ и живетъ послѣднее время Ге (младшій) — (онъ недавно былъ у насъ), чѣмъ живетъ Хилковъ, съ которымъ мы послѣднее время усердно переписываемся, что вырастаетъ передъ Бирюковымъ, который на дняхъ писалъ мнѣ.

Единство это не происходитъ отъ внѣшняго общенія, а отъ внутренняго.

Единственное истинное единеніе есть то, которое получается не вслѣдствіе исканія единенія, а вслѣдствіе того, что истина одна (кто въ истинѣ или близокъ къ ней, тѣ вмѣстѣ), и потому это единеніе наше особенно радуетъ меня.

У меня теперь И. И. Горбуновъ и мы съ нимъ вмѣстѣ читали ваше письмо. Когда мы прочли то мѣсто, гдѣ вы говорите о томъ, что у Христа нѣтъ заповѣди (вѣрнѣе бы сказать, что ученіе его не въ заповѣдяхъ) и что Христосъ научилъ достиженію царства Божія, которое сдѣлаетъ невозможнымъ нарушеніе заповѣдей, когда я прочелъ это, я напомнилъ ему то, что я говорилъ ему то же вчера.

Именно, что ученіе Христа состоитъ въ постановкѣ идеала царства Божія, для достиженія котораго нужно быть совершеннымъ, какъ Отецъ, т. е. идеалъ совершенства внѣшняго и внутренняго, а что заповѣди, 5 заповѣдей, суть только зарубки на этомъ безконечномъ пути того мѣста, ниже ко-

тораго въ настоящій періодъ жизни человѣчества не слѣдуетъ, желательно, можно не спускаться.

Совершенство 1) въ томъ, что всѣхъ — Зулу, идіота, злодѣя, звѣря, — считать равными, братомъ и любить, какъ любишь любимыхъ. Зарубка заповѣдь, что не можно и не должно гнѣваться на брата; 2) въ томъ, чтобы быть вполнѣ чистымъ, зарубка — не прелюбодѣйствуй; 3) въ томъ, чтобы быть вполнѣ свободнымъ, не связаннымъ ничѣмъ, зарубка — не клясться; 4) въ томъ, чтобы никогда не приложить насилія ни для защиты другого и себя, ни противъ животнаго, зарубка — не уничтожать зло силою; 5) не имѣть враговъ, зарубка — творить добро врагамъ.

Не думайте, что я защищаю прежнюю точку зрѣнія, „въ чемъ моя вѣра“.

Я не только не защищаю, но радуюсь тому, что мы пережили ее. — Вступивъ на новый путь, нельзя не обрадоваться тому, что первое увидалъ впереди себя и просительно принять то, что на началѣ дороги, на цѣль пути.

Но подойдя ближе и только благодаря тому, что видѣлъ сначала, нельзя не радоваться тому, что увидалъ впереди безконечную свѣтлую даль. — Ваше объясненіе слабаго мѣста общины совершенно справедливое.

Теперь о государствѣ и отношеніи къ нему. Опять вы совершенно правы или скорѣе думаете то самое, что я, но тутъ нужно ограниченіе. Не отрицать государства т. е. насилія, мы не можемъ, какъ не можемъ не отрицать блуда независимо отъ того, пользуемся ли мы тѣмъ и другимъ.

И, разумѣется, что вполнѣ свободнымъ отъ государства, какъ вполнѣ свободнымъ отъ блуда, можетъ считать себя только святой и что отвращеніе къ тому и другому есть стимулъ истинной жизни — стремленія къ святости. Но опасно впасть въ обратную ошибку, въ которую впадаетъ Сютаевъ, — сколько я понялъ изъ вашего письма и помню его взгляды, — сказать себѣ, что я не могу быть чистъ отъ насилія

(потому что пользуюсь имъ) и потому могу въ извѣстныхъ предѣлахъ участвовать въ немъ, могу подать становому (заявленіе объ украденной лошади) и т. п., — это, все равно, что сказать себѣ:. . . . . .

. . . . . .

Это тотъ самый страшный путь, который называется: компромиссъ, сдѣлка.

Христово ученіе тѣмъ отличается отъ всѣхъ другихъ, что оно не въ заповѣдяхъ, а въ указаніи идеала полнаго совершенства и пути къ нему и это стремленіе замѣняетъ для ученика Христова всѣ заповѣди и оно же указываетъ ему всѣ соблазны. Отступаетъ ученикъ Христа отъ пути, указаннаго Христомъ не по обдуманному разсужденію, а по безсилію, или скорѣе по отношенію силъ, — стремящейся къ идеалу и противодѣйствующей. И потому равнодѣйствующую этихъ двухъ силъ нельзя никогда опредѣлить — какъ это пытаются дѣлать любители компромиссовъ — она всегда перемѣщающаяся, особенная для каждаго человѣка и даже для одного и того же человѣка въ разное время.

Всегда, всякую минуту, всякій путь стремится ко всей истинѣ, къ полному освобожденію отъ похоти, къ полному освобожденію отъ насилія, участья въ немъ и пользованія имъ; а что выйдетъ никто не знаетъ. Но никогда пусть не содѣйствуетъ ни разврату, ни насилію и въ свѣтлую минуту (не въ увлеченіи) не пользуется ими.

Въ прежней вѣрѣ и вообще въ нехристіанскихъ вѣрахъ заповѣди стоятъ впереди (они такъ стояли для насъ, но „въ чемъ моя вѣра“—отчасти), въ христіанствѣ заповѣди стоятъ назади, т. е. въ извѣстный періодъ развитія человѣчества сознаніе его говоритъ ему: стремись къ полному совершенству, но, стремясь впередъ, не спускайся ниже извѣстныхъ ступеней. Христосъ сказалъ: не сердись, не блуди, не клянись, не борись силой, не воюй, 1800 лѣтъ тому назадъ, какъ я думаю, 6000 лѣтъ тому назадъ сказано было: не убивай, не ѣшь людей и т. п.

Христіанство тѣмъ и велико, что оно не выдумано Христомъ, а что оно есть законъ вѣчный, которому слѣдовало человѣчество гораздо прежде, чѣмъ законъ этотъ былъ выраженъ и которому оно всегда будетъ слѣдовать и слѣдуетъ теперь въ лицѣ тѣхъ, которые не знаютъ или не хотятъ знать христіанства. Разница только въ томъ, что для знающихъ смыслъ христіанства жизнь полна смысла и радости.

Христіанская жизнь не въ слѣдованіи заповѣдямъ, не въ слѣдованіи ученію даже, а въ движеніи къ совершенству и выясненіи все большемъ и большемъ этого совершенства и все большемъ и большемъ приближеніи къ нему. И сила жизни христіанской не въ различной степени совершенства (всѣ степени равны, потому что путь безконеченъ), а въ ускореніи движенія, чѣмъ быстрѣе движеніе, тѣмъ сильнѣе жизнь. И это жизнепониманіе даетъ особую радость, соединяя со всѣми людьми, стоящими на самыхъ различныхъ степеняхъ, а не разъединяя, какъ это дѣлаетъ заповѣдь. Разбойникъ на крестѣ и Закхей живутъ болѣе христіанской жизнью, чѣмъ апостолы и т. п.

То, что вы говорите объ отношеніи къ государству, когда отрицаешь его, а самъ пользуешься имъ, совершенно справедливо, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы можно было признавать его и мириться съ нимъ, а слѣдуетъ только сознаніе своей слабости, негодности (какъ вы вѣрно говорите), слѣдуетъ смиреніе, смиреніе, приближающее къ любви.

Цѣлую васъ и люблю всей душой. Привѣтъ вашимъ сожителямъ. Напишите еще. *Л. Толстой.*

№ 160.

И. Б. Фейнерману.

(1891 г., Апр.).

Очень радъ былъ получить отъ васъ вѣсть, дорогой Исаакъ Борисовичъ. То письмо ваше я получилъ, — письмо о принципахъ. Я не отвѣчалъ, потому что нечего было. Отчасти я согласенъ съ вами, хотя нахожу, что тутъ есть

слишкомъ тонкое дѣленіе, а все слишкомъ тонкое опасно, не потому, чтобы оно было несправедливо, а потому что можетъ выродится въ словопреніе.

Вѣрно то, что есть различіе между поступками, вызываемыми разсудкомъ, и поступками, вызываемыми вѣрою, но и тѣ и другіе свойственны человѣку, и человѣкъ движется впередъ, дѣлая и тѣ и другіе.

Впрочемъ, въ этомъ мы согласны, въ существенномъ и не будемъ письменно разсуждать. Надѣюсь объ этомъ поговорить при свиданіи съ вами, если Богъ приведетъ; а въ письмѣ есть болѣе для обоихъ насъ интересныя сообщенія.

Письмо ваше очень поразило меня тѣмъ, что вы пишете въ концѣ о томъ шатаніи безпрестанномъ, которое происходитъ между нашими друзьями.

Вы пишете: „Считаю это наказаніемъ Божіимъ и вѣрю, что оно кончится къ радости и возвышенію духа“... Меня поразило это, потому что въ этотъ самый день я писалъ Попову, который живетъ съ Чертковымъ въ Воронежской губерніи, что, мнѣ кажется, въ нашей жизни,— нашей я разумѣю людей, идущихъ по одному съ нами пути, — наступило тяжелое или, скорѣе, кажущееся тяжелымъ время, требующее напряженія, твердости и лишенное той прежней радости, восторга, даже просвѣтлѣнія. Наступило время разочарованій въ попыткахъ быстраго и полнаго осуществленія плановъ, время отпаденія, равнодушія и презрѣнія и даже не гоненій (которыя напротивъ ободряютъ).

Я чувствую эту перемѣну и къ радости своей вижу, что это положеніе вещей не только не колеблетъ того жизнепониманія, которое стало моимъ, напротивъ, очищаетъ его отъ наноснаго, чуждаго ему и утверждаетъ меня въ немъ. Вы, вѣрно, поймете меня, какъ я ни плохо выражаюсь, потому что смыслъ вашей замѣтки въ концѣ письма этотъ самый.

Анатолій (Бутк.) живетъ съ братомъ въ Русановѣ. Онъ столярничаетъ и все также кротокъ и уменъ. Клобскаго

нѣтъ у него. Онъ проходилъ здѣсь, идя въ Москву, и мнѣ очень радостно было найти въ немъ перемѣну поразительную къ лучшему.

Ругинъ въ Петербургѣ, — ушелъ туда пѣшкомъ. Рахмановъ ушелъ отъ Новоселова къ Таирову. Ге старшій—въ Петербургѣ съ картиной Іуды, а младшій — дома, и чай уже пашетъ.

Пускай шатанье. Только бы каждый дѣлалъ, что ему велитъ Богъ, безъ заботы о людяхъ (о мнѣніи людскомъ) выйдетъ то, что должно быть и чего мы, навѣрно, угадать и представить себѣ не можемъ.

Л. Толстой.

№ 161.

Г-пу N. N.

(1891 г., Май 23).

Очень радъ былъ войти съ вами въ прямыя сношенія, дорогой М. С., хотя и по случаю, не скажу тяжелыхъ, но требующихъ напряженія условій, въ которыхъ вы находитесь, т. е. вы и ваша жена. Тяжелыми нельзя принять никакія условія, потому что тяжесть проистекаетъ не изъ внѣшнихъ условій, а изъ своего отношенія къ нимъ. Тяжело бываетъ только оттого, что поступаемъ не вполнѣ сообразно со своей совѣстью, а выше или ниже ея требованій. И это мы дѣлаемъ безпрестанно — этого нельзя не дѣлать. И наступаетъ потомъ испытаніе или искушеніе, во время котораго приходится сообразовать свои поступки съ совѣстью: если они были ниже ея требованій, приподнять ихъ до требованій, или спустить. Въ такомъ положеніи находитесь и вы теперь, какъ мнѣ кажется. Вы подвергаетесь искушенію, и любящему ваше тѣло можетъ быть жалко и страшно за васъ, и я не могу удержаться отъ этого чувства и мнѣ и жалко, и страшно за васъ, и еще болѣе за вашу жену, которую я знаю, хотя и не лично — но болѣе за васъ, по любящему вашу душу, какъ я преимущественно люблю васъ обоихъ, то,

что вы подвергаетесь искушенію, можетъ быть только радостно. Радостно то, что волей неволей отдѣлится въ огнѣ чистое золото отъ примѣсей.

Какой бы ни былъ результатъ этого отдѣленія, какой бы малый % ни получился, это все таки будетъ чистое золото, и это хорошо. Допустимъ, что вы для избавленія себя и жены — главное отъ непосильныхъ ей страданій — рѣшились бы обвѣнчаться и потомъ, сознавая, что сдѣлавъ это, вы сдѣлали дурно, отдались слабости, вы продолжали бы жить, какъ живете, я думаю, что ваша жизнь была бы лучше и чище, чѣмъ если бы вы жили въ ложной увѣренности, что вы побѣдили врага и что ничто не можетъ заставлять васъ уступить. Даже и въ этомъ худшемъ случаѣ было бы лучше, правдивѣе и смиреннѣе, въ лучшемъ же случаѣ, т. е. что вы выдержите испытаніе, не поддавшись слабости, ваша жизнь несомнѣнно будетъ радостнѣе, каковы бы ни были внѣшнія условія. Мнѣ, сидящему спокойно, старому, не подвергающемуся испытаніямъ, жутко давать совѣтъ, но скажу то, что я всей душой и передъ Богомъ думаю, дамъ все таки совѣтъ. Совѣтъ мой въ томъ, чтобы вы, разрѣшая тѣ вопросы, которые предстоятъ и будутъ предстоять вамъ, остерегались руководиться мнѣніемъ людей, хотя бы самыхъ лучшихъ и самыхъ дорогихъ вамъ людей. При каждомъ разрѣшеніи вопроса, поступить такъ ли этакъ, спросите себя, какъ бы вы поступили, если бы знали, что вы къ вечеру умрете и никто никогда не узнаетъ, какъ вы поступили.

Поступокъ самаго низшаго порядка, но совершенный вполнѣ правдиво, только для Бога, безъ сравненія дороже, т. е. принесетъ больше блага себѣ и другимъ, чѣмъ поступокъ самый возвышенный, самоотверженный, совершенный для людей, который не сдѣланъ бы былъ, если бы люди не знали про него. Мнѣ совѣстно писать про это, пч. вы все это знаете, но говоря это напоминаю, по моему только опыту,

это передъ однимъ Богомъ разрѣшаетъ тѣ диллемы, изъ которыхъ и слагаются испытанія.

Помогай вамъ Богъ. Пишите мнѣ пожалуйста о томъ, что будетъ дальше.

Любящій васъ

Л. Толстой.

№ 162.

Баронессѣ Фонъ Сутнеръ.

(1891 г., Окт. 9).

Милостивая государыня. Я прочелъ вашъ романъ „Долой оружіе“, присланный мнѣ переводчикомъ г-мъ Булгаковымъ. Я очень цѣню ваше произведеніе и думаю, что появленіе вашего романа составляетъ счастливое предзнаменованіе. Отмѣнѣ невольничества предшествовала знаменитая книга женщины — Бичеръ-Стоу; дай Богъ, чтобы ваша книга предшествовала отмѣнѣ войны. Я не думаю, чтобы третейскій судъ былъ дѣйствительнымъ средствомъ къ отмѣнѣ войны. Я теперь какъ разъ оканчиваю объ этомъ предметѣ, трудъ, въ которомъ говорю о единственномъ средствѣ, которое, по моему мнѣнію, могло бы сдѣлать войны невозможными. Тѣмъ не менѣе, всѣ усилія, диктуемыя искреннею любовью къ человѣчеству, принесутъ плоды, и я убѣжденъ, что римскій международный конгрессъ парламентскихъ сторонниковъ мира, равно какъ и прошлогодній лондонскій, очень много посодѣйствуетъ популяризаціи идеи о рѣзкомъ противорѣчіи между военнымъ стояніемъ народа и исповѣдуемыми этими же народами основами христіанства и гуманности. Примите, милостивая государыня, увѣреніе въ моемъ глубокомъ уваженіи и симпатіи.

Л. Толстой.

№ 163.

Н. Н. Ге.

(1891 г., Нояб. 6).

Писать некогда и неудобно. Пишу только, чтобы откликнуться. Тутъ много не то, что тутъ должно быть, тутъ

деньги отъ С. А. и жертвованныя, тутъ отношенія кормящихъ къ кормимымъ, тутъ грѣха конца нѣтъ, но не могу жить дома, писать. Чувствую потребность участвовать, что-то дѣлать. И знаю, что дѣлаю не то, но не могу дѣлать то, и не могу ничего дѣлать. Славы людской боюсь и каждый часъ спрашиваю себя, не грѣшу ли этимъ и стараюсь строго судить себя, и дѣлать передъ Богомъ и для Бога. Написалъ одну статью о голодѣ, въ „Вопросахъ философіи“ не знаю, пропустятъ-ли; другую въ „Русскій Вѣстникъ“. Это, вѣроятно, прочтете. Теперь еще пишу. А не хочется писать объ этомъ, хочется кончить большую статью, которая близка уже къ концу. Мнѣ кажется, что съ этимъ голодомъ что-то важное совершается, кончается или начинается.

Л. Толстой.

№ 164.

Гр. С. А. Толстой.

(Бѣгичевка, Рязанск. губ. 1891 г., Нояб. 19).

Положеніе становится все напряженнѣе и напряженнѣе: проѣдаютъ послѣднія средства и количество совсѣмъ неимущихъ все увеличивается: главное — топливо и праздность мужчинъ и женщинъ. Нынче пишу В. о высылкѣ намъ лыкъ для работы лаптей. Ленъ на дняхъ получится. Знаменательный признакъ нужды, что по тремъ небольшимъ деревнямъ въ одинъ день набралось охотниковъ отдать на прокормъ лошадей 80 и приходятъ еще и еще просятъ взять лошадей. Отдаютъ незнакомому человѣку, неизвѣстно куда своихъ лошадей и все хорошихъ, молодыхъ. Очевидно считаютъ этотъ рискъ выгоднѣе, вѣрнѣе погибели, если оставить у себя лошадь...

Тобой полученныя пожертвованія очень хороши. Поразительны 1,500 арш. матеріи и количество вермишели. Ее надо будетъ раздавать въ большіе праздники. Матеріи же тоже поразительно нужны. Нынче я видѣлъ вдову съ дѣтьми

положительно голыхъ. Только одинъ мальчикъ можетъ выходить. Я еще не видалъ такой бѣдности.

Л. Толстой.

№ 165.

Гр. С. А. Толстой.

(Бѣгичевка, Рязанск. губ., 1891 г., Нояб. 25).

...Столовыя расползаются, какъ сыпь. Теперь уже болѣе 30 и идутъ хорошо. Я вчера вечеромъ посѣтилъ двѣ. Трогательно видѣть, какъ ребята съ ложками бѣгутъ толпой. Попался нищенка-мальчикъ изъ чужой деревни. Его пригласили и накормили, и спать положили въ столовой.

Л. Толстой.

№ 166.

И. Б. Фейнерману.

(Воронежск. губ., 1891 г., Дек.).

Дорогой Исаакъ Борисовичъ!

Спасибо вамъ, что извѣстили о себѣ. Я очень, очень былъ радъ узнать о всѣхъ васъ, и о томъ, какъ вы живете.

Я живу скверно. Самъ не знаю, какъ меня затянуло въ эту тягостную для меня работу по кормленію голодныхъ. Не мнѣ, кормящемуся ими, кормить ихъ. Но затянуло такъ, что я оказался распредѣлителемъ той блевотины, которой рветъ богачей.

Чувствую, что это скверно и противно, но не могу устраниться; не то, что не считаю это нужнымъ, — считаю, что должно мнѣ устраниться, но недостаетъ силъ.

Я началъ съ того, что написалъ статью по случаю голода, въ которой высказывалъ главную мысль ту,—что все произошло отъ нашего грѣха — отдѣленія себя отъ братьевъ, и что спасеніе и поправка дѣлу одна: покаяніе, т. е. измѣненіе жизни, разрушеніе стѣны между нами и народомъ и сближеніе, сліяніе съ нимъ, невольное, вслѣдствіе отреченія отъ преимуществъ. Съ статьей этой, которую я отдалъ въ „Вопросы Психологіи“, Гротъ возился мѣсяцъ и теперь во-

зится. Ее и смягчали, и пропускали, и не пропускали, — и кончилось тѣмъ, что ея до сихъ поръ нѣтъ. Мысли же, вызванныя статьей, заставили меня поселиться среди голодающихъ; а тутъ жена напечатала письмо, вызвавшее пожертвованія, и я самъ не замѣтилъ, какъ я очутился въ положеніи распредѣлителя чужой блевотины и вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ въ извѣстныя обязательныя отношенія къ здѣшнему народу. Бѣдствіе здѣсь большое и все растетъ, а помощь увеличивается въ меньшей прогрессіи, чѣмъ бѣдствіе. И потому, разъ попавши въ это положеніе, уже невозможно, прямо не могу отстраниться.

Дѣлаемъ мы вотъ что: покупаемъ хлѣбъ и другую пищу и по деревнямъ у самыхъ бѣдныхъ хозяевъ устраиваемъ,— не устраиваемъ, потому что все дѣлаютъ сами хозяева, а только даемъ средства, т. е. продовольствіе на столовыя и кормятся слабые, старые, малые, иногда и средніе голодные. Много тутъ и дурного, много и хорошаго, т. е. не въ смыслѣ нашего дѣла, а въ смыслѣ проявленія добрыхъ чувствъ.

На дняхъ калужскій разбогатѣвшій крестьянинъ предложилъ изъ голодной мѣстности послать на зиму въ Масальскій уѣздъ 80 лошадей. Ихъ тамъ прокормятъ зиму и пришлютъ весной. Калужскіе крестьяне предложили, а здѣшніе (воронежскіе) въ одинъ день набрали всѣ 80 лошадей и готовы отправить, довѣряясь чужимъ невиданнымъ братьямъ.

Ну, пока прощайте, передайте мой братскій привѣтъ всѣмъ вашимъ знакомымъ, женѣ и незнакомымъ сотрудникамъ. Пишите подробнѣе о себѣ.

Л. Толстой.

P. S. Собираемый вами хлѣбъ направьте въ болѣе близкія къ вамъ мѣста. Равно и деньги. У насъ избытокъ ихъ соотвѣтственно не нуждѣ, а силамъ распредѣленія.

1892 г.

№ 167.

В. В. Рахманову.

(1892 г., Янв. 21).

Дорогой Владимиръ Васильевичъ. Читалъ я ваше письмо къ сестрѣ и очень пожалѣлъ, что вы отступили отъ мысли столовыхъ. Я думаю, что это ошибка, ошибка очень обыкновенная и многіе ее дѣлаютъ. Мужики тѣ самые, которые больше говорятъ и которые больше замѣтны, всегда противъ столовыхъ и за выдачу муки. Пойти въ столовую или послать дѣтей не то, что богатому, а такому, который обходится самъ, и совѣстно и не такъ выгодно, какъ получать муку, и потому большинство всегда за выдачу. Столовыя эти, кромѣ того, что онѣ самое лучшее средство распредѣленія — безъ нихъ очень трудно разобраться—главное здоровѣе и дешевле.

Не забывайте, что изъ всѣхъ предметовъ питанія ржаной хлѣбъ теперь самый дорогой. Хлѣбъ стоитъ 2 к. и больше фунтъ, а капусты, картофеля, гороха, чего хотите, фунтъ стоитъ 1 к. и меньше. Напримѣръ пшено, которое вездѣ есть, разваривaясь въ четверо, стоитъ 1 к. ф. каши, и потому, если кормить однимъ хлѣбомъ или хлѣбомъ пополамъ съ кашей, то второй способъ выйдетъ и дешевле, и сытнѣе. Эрисманъ пишетъ и читаетъ лекціи о томъ, какъ ошибочно кормить хлѣбомъ, преимущественно въ гигіеническомъ отношеніи. То же и въ экономическомъ.

Если вы можете поправить свою ошибку и замѣнить выдачу хлѣбомъ столовыми — сдѣлайте это.

Не говоря о всѣхъ другихъ выгодахъ, при столовыхъ устанавливаются самыя хорошія отношенія, какихъ нѣтъ при выдачѣ. Больше хлопотъ только, но за то и больше удовлетворенія нравственнаго.

Я далъ вашъ адресъ въ редакціи „Рус. Вѣд.“ съ тѣмъ, чтобы они на ваше имя высылали денегъ. Я надѣюсь, что они сдѣлаютъ это.

Мы пробыли 20 дней въ Москвѣ. Ѣдемъ завтра назадъ. Пишите. Алехинъ Арк. былъ здѣсь, и я просилъ его поѣхать намъ закупать хлѣбъ. Онъ поѣхалъ. У насъ дѣло такъ затянуло насъ, что нельзя отъ него уйти, и до сихъ поръ есть средства, такъ что все распространяется. Теперь около 100 столовыхъ.

Прощайте. Цѣлую васъ. Любящій васъ

Левъ Толстой.

№ 168.

Л. Ѳ. Анненковой.

(Ясная Поляна, 1893 г., Февр.).

Благодарствуйте, дорогая Леонила Ѳоминична, за чудесныя рукавицы и перчатки, а больше всего за ваше хорошее письмо и за вашу любовь ко мнѣ. И если любите любящихъ васъ, что дѣлаете особаго. То же дѣлаютъ и язычники, т. е. мнѣ думается, что на эту любовь не стоитъ и обращать вниманія, подчеркивать ее, а напротивъ, не то, что бороться съ нею, а скорѣе пренебрегать ею для того, чтобы всѣ силы направить на одну нужнѣйшую и сладчайшую любовь къ ненавидящимъ насъ и, главное, противнымъ намъ; не могу сказать, чтобы я дѣлалъ это, но имѣю крошечный опытъ (вѣрно и вы) и когда удастся полюбить того, кто васъ не любитъ и если противенъ,—какъ бываетъ радостно. Я маленькій опытъ этого имѣлъ въ школѣ съ ребятами.—На дняхъ получилъ извѣстіе, что О. А. Баршева, подруга М. А. Шмитъ, умерла у ней на рукахъ отъ воспаленія легкихъ. М. А. очень горюетъ и себя упрекаетъ въ эгоизмѣ. Мы послѣ завтра ѣдемъ въ Москву. Дай вамъ Богъ всего хорошаго. Кон. Ник. мой привѣтъ.

№ 169.
Письмо въ редакцію.

(1892 г., Февр. 22).

Милостивый государь, господинъ редакторъ!

Въ отвѣтъ на получаемыя мною отъ разныхъ лицъ письма съ вопросомъ о томъ, дѣйствительно-ли написаны и посланы мною въ англійскія газеты письма, изъ которыхъ сдѣланы выписки въ № 22 „Московскихъ Вѣдомостей“, покорно прошу помѣстить слѣдующее мое заявленіе.

Писемъ никакихъ я въ англійскія газеты не писалъ. Выписка же, напечатанная мелкимъ шрифтомъ и приписываемая мнѣ, есть очень измѣненное (вслѣдствіе двукратнаго — сначала на англійскій, потомъ на русскій — слишкомъ вольнаго перевода) мѣсто изъ моей статьи, еще въ октябрѣ отданной въ Московскій журналъ и напечатанной, и послѣ того отданной, по моему обыкновенію, въ полное распоряженіе иностранныхъ переводчиковъ.

Мѣсто же въ статьѣ „Моск. Вѣдом.“, напечатанное вслѣдъ за выпиской изъ перевода моей статьи, крупнымъ шрифтомъ и выдаваемое за выраженную мною, будто бы, во второмъ письмѣ мысль о томъ, какъ долженъ поступить народъ для избавленія себя отъ голода — есть сплошной вымыселъ.

Въ этомъ мѣстѣ составитель статьи пользуется моими словами, употребленными въ совершенно другомъ смыслѣ, для выраженія совершенно чуждой и противной моимъ убѣжденіямъ мысли.

Съ совершеннымъ уваженіемъ

Левъ Толстой.

№ 170.
Е. И. Попову.

(Москва, 1892 г., Мартъ 23).

Письмо ваше, милые друзья, И. И. и Е. И, посланное вмѣстѣ, и отвѣчать позвольте мнѣ вмѣстѣ. Я получилъ его только вчера. Оно проѣхало изъ Чернавы въ Москву.

1) О книгахъ для воспитанія. Книгъ такихъ много, и надо подумать. „Эмиль“ Руссо непремѣнно долженъ стоять въ главныхъ. Эскироса не знаю. Еще не могу вспомнить и многаго не знаю. Но если узнаю и вспомню, напишу. Да, В. Гюго: „Бѣдные люди“.

Спасибо, что написали о полякѣ. Буду помнить. Сближеніе съ поляками особенно радостно. Они дальше отъ насъ, чѣмъ африканцы, а должны бы быть близки. Въ столовыхъ въ Моршанскомъ уѣздѣ съ Кисеромъ, другомъ Шаховского Д. И., жилъ и работалъ одинъ полякъ. Я нынче это узналъ и такъ было пріятно.

Слышалъ я про статью Щеглова, вспомнилъ про ваше любовное отношеніе къ нему и порадовался за васъ. Нѣтъ, Е. И. это хорошо, хорошо и это хорошо. Самому не надо быть причиной поруганія, а поруганіе безъ причины въ себѣ — баня.

Поша*) пишетъ изъ Самары. И по письмамъ ихъ, Левы**) и Поши, радуюсь на обоихъ.

Знаете вы разсказъ изъ Прологовъ о томъ, какъ монахъ взялъ къ себѣ въ домъ съ улицы нищаго въ ранахъ и сталъ ходить за нимъ, обмывать и перевязывать раны. Нищій сначала былъ радъ; но прошло нѣсколько недѣль, во время которыхъ нищій становился все мрачнѣе и мрачнѣе, раздраженнѣе и раздраженнѣе, и наконецъ, когда въ одинъ день монахъ подошелъ къ нему, чтобы перевязать его раны, нищій съ злостью закричалъ на него: не могу видѣть лица твоего, уйди ты отъ меня, ненавижу тебя, потому что вижу, что то, что ты дѣлаешь, ты дѣлаешь не для меня, ты не любишь меня, а только мной спастись хочешь. Отнеси меня назадъ на уголъ улицы. Мнѣ легче было тамъ, чѣмъ здѣсь принимать твои услуги.

---

*) П. И. Бирюковъ.
**) Сынъ Л-а Н-ча.

Вотъ такое же и я чувствую къ намъ отношеніе народа и чувствую, что такъ и должно быть, что и мы имъ спастись хотимъ, а не его просто любимъ или мало любимъ.

То, что вы думаете о сельской жизни, пишите. Только не программу, а что есть, то выкладывайте. Сейчасъ увидите, есть ли что выкладывать. Я думаю — да.

Цѣлую васъ всѣхъ и люблю.

Левъ Толстой.

№ 171.

И. Б. Фейнерману.

(1892 г., Май 15).

Дорогой Исаакъ Борисовичъ!

Мы собирались одно время за-границу, но совершенно произвольно и независимо отъ гоненій и возможности ихъ. Я — грѣшный человѣкъ — желаю ихъ и дѣлаю усилія, чтобы не вызывать ихъ. Но, видно, я не достоинъ этого, и такъ мнѣ и придется умереть, не поживъ приблизительно и хотя короткое время такъ, какъ я считаю это должнымъ, и не придется хоть какими-нибудь страданіями тѣла свидѣтельствовать истину.

Не думаю, чтобы слѣдовало уходить отъ гоненій, скорѣе думаю, что надо помнить слова и слѣдовать имъ: „претерпѣвый до конца спасенъ будетъ“. Побуждало насъ къ поѣздкѣ за-границу нездоровье жены и ея страшно напряженное душевное состояніе послѣ смерти меньшаго сына Ванички. Я же больше чѣмъ когда-нибудь, теперь, когда она такъ страдаетъ, чувствую всѣмъ существомъ истину словъ, что мужъ и жена не отдѣльныя существа, а одно. Сначала она боялась воспоминаній въ Ясной Полянѣ, но теперь рѣшилась ѣхать туда и поѣздка за-границу уже не предвидится. Ужасно хотѣлось бы передать ей хоть часть того религіознаго сознанія, которое имѣю (хотя и въ слабой степени но все таки въ такой, что даетъ мнѣ возможность подни-

маться иногда надъ горестями жизни), потому что знаю, что только оно, это сознаніе Бога и своей сыновности ему, даетъ жизнь и надѣюсь, что оно передастся ей, — разумѣется, не отъ меня, но отъ Бога. Хотя очень трудно дается это сознаніе женщинамъ. Какъ вы живете? Какъ Анна Львовна, дѣти? Прощайте пока. *Л. Толстой.*

№ 172.

М. В. А—ну.

(1892 г., Іюнь).

Сегодня получилъ ваше письмо, дорогой М. В., а третьяго дня о томъ же письмо Фейнермана. Я ему пишу мой взглядъ на ваше предложеніе съ одной стороны, вамъ напишу еще другое, что я вижу въ этомъ.

Если мы не поддерживаемъ другъ друга ни матеріально, ни духовно, если мы блуждаемъ, если уходимъ другъ отъ друга и, главное, нѣтъ у насъ единой общей цѣли, то намъ не поправить этого искусственнымъ соединеніемъ и словами, сказанными другъ другу. Единеніе возможно только въ истинѣ, а чтобы достигнуть истины, надо одно: искать ее постояннымъ, неперестающимъ духовнымъ усиліемъ, и другое: быть смиреннымъ, откинуть гордость, самолюбіе отдѣльнаго своего мнѣнія, а, главное всякія соображенія, какъ напр., о томъ что, вѣруя такъ, я буду съ народомъ, или что, вѣруя такъ, я могу быть оправданнымъ передъ людьми и собой, или такъ пріятно вѣрить. Надо все это откинуть и впередъ быть готовымъ къ тому, что познаніе истины будетъ невыгодно мнѣ, — унизитъ меня.

Собраться же вмѣстѣ не поможетъ познанію истины.

Потомъ, кому да кому собраться для исканія единенія? И кому да кому помогать матеріально и духовно? Гдѣ та печать, по которой мы узнаемъ нашихъ?

Не грѣхъ ли выдѣлять себя отъ остальныхъ и не есть ли это единеніе съ десятками — разъединеніе съ тысячами и милліонами?

И потомъ, единеніе то, которое вы ищете, единеніе въ Богѣ, совершается на такой глубинѣ, въ которую часто и не проникаетъ нашъ взглядъ. Я увѣренъ, что если спросить на смертномъ одрѣ старика, меня, напр., съ кѣмъ у меня было истинное самое тѣсное единеніе, то едва ли бы я назвалъ тѣхъ, которыхъ я бы назвалъ теперь. Единеніе съ умершими часто больше, чѣмъ съ живыми.

Будемъ дѣлать то, что ведетъ къ единенію, — приближаться къ Богу, а о самомъ единеніи не будемъ заботиться. Оно будетъ по мѣрѣ нашего совершенства, нашей любви. Вы говорите сообща легче. Что легче? Пахать, косить, сваи бить, — да, но приближаться къ Богу можно только по одиночкѣ. Только черезъ Бога, какъ черезъ сердце, есть сообщеніе всѣхъ частей тѣла. А прямое, не черезъ Бога общеніе, только кажущееся. Вы, вѣрно, испытывали это. И я испытывалъ и испытываю. И, что можетъ показаться страннымъ, съ людьми, съ которыми есть настоящее общеніе черезъ Бога, и говорить нечего, и не за чѣмъ, и не хочется; а хочется говорить и что-то доказывать и опредѣлять только съ тѣми, съ кѣмъ еще нѣтъ этого божественнаго общенія, — съ этими стараемся установить какое то общеніе помимо сердца, но этого нельзя, и праздное занятіе.

Надо дѣлать, что велитъ Богъ. Сведетъ вмѣстѣ — прекрасно, разбросаетъ по разнымъ угламъ — тоже хорошо. Надо дѣлать обратное тому, что вы хотите, — не выдѣляться и оплачиваться, а надо находить наибольшія средства общенія со всѣмъ большимъ міромъ всѣхъ людей, найти такое общеніе, при которомъ можно не дѣлать уступокъ любить и быть любимымъ.

Л. Толстой.

№ 173.

Н. Н. Ге.

(Ясная Поляна, 1892 г., Іюнь 18).

... Никогда я не былъ такъ занятъ, какъ теперь. Все работаю свою VIII главу („Царствіе Божіе внутри насъ“).

5 часовъ сижу надъ нею, выпущу весь духъ, и ничего ужъ не остается. А тутъ текущія дѣла и отношенія. Кажется кончилъ, но кажется. Не осуждайте за это, милый другъ. Николай Николаевичъ — отецъ. Вы знаете, какъ для зрителей и читателей кажущееся неважнымъ — важно для насъ. И важно потому, что читатель говоритъ о себѣ одномъ, а я долженъ приготовить такое, что годилось бы, подѣйствовало — если я вѣрю въ себя — на милліоны разнообразныхъ людей. Мысли не кончили своего страннаго, неожиданнаго для меня и нужнаго дѣла...

Л. Толстой.

№ 174.

И. Б. Фейнерману.

(Ясная Поляна, 1892 г., Іюнь).

Дорогой Исаакъ Борисовичъ!

Нынче получилъ письмо отъ Митрофана Алехина, который пишетъ о томъ же, о чемъ и вы. Пишу вамъ кратко, потому что не знаю точнаго адреса и боюсь, что „Полтава“ недостаточно. Письмо Митрофана А. передалъ мнѣ Бодянскій, который нынче съ Скороходовымъ былъ здѣсь и уѣхалъ.

Бесѣда съ ними, особенно съ милымъ Бодянскимъ, котораго я узналъ только теперь, еще болѣе подтвердила меня, если бы нужно было подтверждать въ моемъ взглядѣ на ваше предложеніе *).

Я уже много разъ высказывалъ ту мысль, что единеніе между людьми можно найти только ища единенія съ истиной, съ Богомъ. Попытки же исканія единенія съ людьми, съ извѣстными, избранными людьми, или показываютъ, что люди не умѣютъ, не хотятъ или устали искать единенія съ Богомъ, или не вѣрятъ, что единеніе съ Бо-

*) Пріѣхать въ Полтаву на предполагавшійся съѣздъ послѣдователей Л. Н.

гомъ дастъ и единеніе съ людьми. — Попытки эти ослабляютъ и самое стремленіе къ единенію съ Богомъ, и потому нежелательны. Кромѣ того, какъ я могу знать, съ кѣмъ именно мнѣ предстоитъ тѣснѣйшее единеніе? По какимъ признакамъ я узнаю, что мнѣ предстоитъ единеніе съ Иваномъ, а не съ Петромъ, съ монахомъ Антоніемъ, а не съ крапивенскимъ конокрадомъ или черниговскимъ губернаторомъ.

Самая мысль, проектъ такого единенія внѣшняго, какъ то, которое вы предлагаете, есть въ сущности проектъ разъединенія: мы должны признать, что на пространствѣ между Харьковомъ и Тулой есть только два, три человѣка, которые могутъ насъ понять, а это грѣхъ, да и не вѣрно и не нужно.

Простите, милый другъ, что такъ осуждаю вашъ проектъ но я старъ, и мнѣ нѣкоторыя вещи виднѣе.

Соединяетъ насъ и можетъ соединить еще больше все большее и большее приближеніе наше къ совершенству Отца, которое намъ указано искать, и я увѣренъ, что вы такъ же, какъ и я, какъ и всѣ мы, испытывали тѣ періоды настроенія любви, которыхъ близки всѣ люди, и единеніе совершается легкое, радостное, извнутри. А такое внѣшнее единеніе, которое вы предлагаете, по всѣмъ вѣроятіямъ, только разъединитъ тѣхъ, которые этимъ способомъ затѣятъ единяться. Какое же единеніе можетъ установиться между людьми, которые какъ Б. нынче, какъ А. А. или Н. держатся за объясненіе догматовъ, да еще не такъ ихъ понимаютъ обычно, а каждый какъ-то по-своему.

Единеніе можетъ быть только тогда, когда мы все, что разъединяетъ, что можетъ подать поводъ къ искушенію, все отбросимъ, какъ, защищая крѣпость, сжигаютъ предмѣстья, — и оставимъ только то, что вѣчно, всеобще всѣмъ и прежде всего намъ самимъ нужно. А это мы всѣ знаемъ. И чѣмъ искреннѣе мы будемъ жить для исполненія этого,

тѣмъ тѣснѣе мы будемъ не только съ извѣстнымъ десяткомъ людей, но всѣми людьми міра.

Буду продолжать о томъ же Митрофану.

P. S. Свиданію съ вами и всѣми людьми, признавшими для себя обязательность закона Христа, надѣвшими эту узду, каковы вы, Алехинъ и другіе, я всегда радъ и очень радъ видѣться и всегда воспользуюсь случаемъ повидаться и буду радъ видѣть у себя, но нарочно собираться на съѣзды считаю не только лишнимъ, но и вреднымъ.

Л. Толстой.

№ 175.

Н. Н. Ге.

(Ясная Поляна, 1892 г., Іюль 21).

Вы все еще заняты копіями и вѣрно до осени не приступите къ новой картинѣ. Надо, надо до смерти дѣлать все, что можешь. Я работаю медленно, но не безуспѣшно. Портреты ваши отличны, — спасибо. Сюжеты ваши мнѣ нравятся. Не нравится одно, что такъ много нужно для картинъ. Жизни не много намъ осталось. Холсты расписывать много есть мастеровъ, а выразить тѣ моменты евангельскихъ истинъ, которыя вамъ ясны, я не знаю никого, кромѣ васъ,— это одно... Другое объ ищущихъ людяхъ. Они тяжелы. Я знаю, что они тяжелы, не говоря, какой и что, но мнѣ скажутъ: вотъ человѣкъ хочетъ измѣнить жизнь, жить по-Божьи, и хочетъ для этого съ вами видѣться, говорить. Первое чувство непріятное. Думается иногда, что это дѣло открыто всякому и я тутъ ничего помочь не могу, но потомъ говоришь себѣ: тебѣ непріятно, такъ тѣмъ болѣе ты долженъ сдѣлать то, что можетъ быть ему нужно. Но что дѣлать не знаешь. И большею частью при этомъ совѣстно... Я нынѣшній годъ очень слабъ физически, занятъ своимъ писаніемъ, которое не кончено, но подвигается и, сверхъ того, одолѣваемъ гостями всякихъ сортовъ. И вы не можете себѣ представить, какъ теперь, во время уборки, мнѣ сквер-

но, совѣстно, грустно жить въ тѣхъ подлыхъ мерзкихъ условіяхъ, въ которыхъ я живу. Особенно вспоминая прежніе годы...

Л. Толстой.

№ 176.

Н. Н. Ге.

(Ясная Поляна, 1892 г., Авг. 21).

Вы меня не такъ поняли. Я не о студіи и передѣлкахъ въ ней говорю, а о томъ, что мнѣ страшно и жалко, что нынѣ — завтра вы помрете, и все то, что вы передумали и перечувствовали въ художественнымъ образахъ объ евангельской исторіи, останется не высказаннымъ. И даже не то, что страшно и жалко — это не бѣда — я такъ-то и о себѣ думаю — что будетъ невысказанно. Если это нужно, то Богъ вложитъ это другому въ душу и выскажетъ; но то, что мнѣ кажется, что высказывая это — радостно будете жить, т. е. будете имѣть болѣе твердое сознаніе того, что вы дѣлаете дѣло Божіе. Я разумѣю тѣ картины, которыя вы начали рисовать тогда. Я это хотѣлъ сказать, но сейчасъ же и отказываюсь, прибавляя, что все таки вы лучше всякаго другого знаете, что вамъ дѣлать. Меня только пугаетъ продолжительность большихъ картинъ и заставляетъ желать маленькихъ, то что многое уже почти сдѣлано и сочинено, и задумано. Ну, да вы это знаете лучше... У насъ много посѣтителей, и я относительно ихъ всегда стараюсь держаться вашего правила, что „человѣкъ дороже полотна“. И бываютъ за это тяжесть, скука, но бываютъ и награды. Избавиться отъ этого одно средство — работа, когда ею живешь и другихъ кормишь, но намъ не только нельзя отказываться, но надо радоваться, что мы на это пригодились. Но еще лучше, если и отъ работы можно оторвать время для человѣка, для болтовни съ нимъ. Крайности всегда сходятся: болтовня — самое пустое и самое великое дѣло.

Л. Толстой.

№ 177.

В. В. Рахманову.

(1892 г., Окт.).

Большое спасибо вамъ, дорогой Владимиръ Васильевичъ, что написали. Ваше письмо облегчило то чувство раскаянія, которое осталось во мнѣ послѣ нашего послѣдняго свиданія.

Я слышалъ про васъ, что вы поступили въ Крапивну на холеру и все хотѣлъ узнать вѣрнѣе. Хотя и жалѣю, что вы далеко отъ насъ и не удастся скоро личнымъ свиданіемъ сгладить то нелюбовное мое отношеніе къ вамъ изъ за самаго постыднаго раздраженія, вызваннаго тщеславіемъ или гордостью, я радъ за васъ, что вы на мѣстѣ. Но гдѣ вы, въ городѣ или деревнѣ? Гдѣ строптесь? Желалъ бы, чтобы было второе.—Не помню, говорилъ ли я вамъ о письмѣ, которое я написалъ Прокопенко въ отвѣтъ на его письмо, въ которомъ рѣчь шла въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ о живомъ и воскресшемъ Христѣ. Въ отвѣтъ на мое письмо я получилъ отъ него самое радостное, доброе письмо, въ которомъ онъ пишетъ, что или я не такъ понялъ его, или онъ не точно выразился, но что онъ согласенъ со мной и хотѣлъ сначала возражать, но потомъ во имя любви рѣшилъ, что лучше не отвѣчать. Такъ что искренній обмѣнъ мыслей здѣсь былъ очень радостенъ и привелъ къ большому сближенію. Надѣюсь, что то же будетъ и съ Новос. и Алех.

Вы правы, что до тѣхъ поръ, пока отношеніе къ вопросамъ жизни не измѣняется, до тѣхъ поръ исканіе и пареніе мистическое безвредно, а до сихъ поръ я въ этихъ друзьяхъ нашихъ вижу самое строгое отношеніе къ себѣ.

Недавно Митр. Ал. и Бодянскій были арестованы и этапомъ пересланы одинъ въ Полтаву, другой въ Харьковъ. Бод. ссылается на 5 лѣтъ въ Закавказье.

Я все продолжаю свою работу и не окончилъ еще. Какъ здоровье О. А.? Передайте ей мой привѣтъ. Нынче получили извѣстіе, что одна молодая женщина, поѣхавшая въ голод-

ныя тифозныя мѣста ходить за больными, безнадежна. Такъ телеграфируетъ Бирюковъ: „Безнадежна, ждемъ конца“. Ну пока прощайте.

Искренно любящій васъ

Л. Толстой.

№ 178.

Л. Е. Оболенскому.

(Москва, 1892 г., Дек.).

Давно уже лежитъ у меня ваше послѣднее письмо, Леонидъ Егоровичъ, въ числѣ тѣхъ, на которыя намѣренъ отвѣтить. Но вотъ прошло больше мѣсяца и я не удосужился, и теперь едва ли выскажу, что хотѣлъ. Есть три ступени жизни: 1) для своего животнаго, 2) для славы людской, 3) для Бога. И они всегда стоятъ на всѣхъ трехъ. И трудно разобрать часто, что дѣлаешь для своего животнаго, что для людей... И еще труднѣе разобраться на двухъ высшихъ ступеняхъ, что дѣлать для людей, что для Бога. Часто оба сливаются и можно только разобрать, который преобладаетъ. Важно главное то, чтобы знать, какая ступень ниже, какая выше, и желать всегда стоять на высшей или скорѣе стремиться къ ней. Хороши для этого такія положенія — большей частью они считаются самыми страшными несчастьями —какъ напримѣръ: носъ провалится, присудятъ къ каторгѣ, — всѣ признаки мерзавцевъ. Ничто такъ, какъ эти положенія, не помогаютъ освобожденію отъ заботы о славѣ людской.

Л. Толстой.

1893 г.

№ 179.

Н. Н. Гe.

(Ясная Поляна, 1893 г., Іюнь 22).

Радуюсь, что вы довольны картиной своей. Я ее видѣлъ во снѣ. Объ искусствѣ я все думаю и начинаю писать. Главное то, что его нѣтъ. Когда я съумѣю это высказать, то будетъ очень ясно. Теперь же не имѣю права этого говорить.

Мысль ваша написать воспоминанія о Герценѣ прекрасная. Только не торопитесь, а постарайтесь поподробнѣе, т. е. ничего не забыть и посжатѣе написать. Я кончилъ свое, теперь бросаюсь то на то, то на другое: статью объ искусствѣ не кончилъ и еще написалъ статью о письмахъ Зола и Дюма о современномъ настроеніи умовъ. Мнѣ показалось очень интересно: глупость Зола и пророческій художественный поэтическій голосъ Дюма. Пошлю въ „Сѣверный Вѣстникъ“ и въ парижскій журналъ Жюля Симона „Revue de famille“.

Л. Толстой.

№ 180.

Д. В. Григоровичу.

(1893 г., Окт. 27).

Отъ всей души поздравляю васъ *), дорогой Дмитрій Васильевичъ, — вы мнѣ дороги и по воспоминаніямъ почти сорокалѣтнихъ дружескихъ сношеній, на которыя за все это время ничто не бросило ни малѣйшей тѣни, и въ особенности по тѣмъ незабвеннымъ впечатлѣніямъ, которыя произвели на меня вмѣстѣ съ „Записками Охотника“ Тургенева. ваши первыя повѣсти.

Помню умиленіе и восторгъ, произведенные на меня, шестнадцатилѣтняго мальчика, не смѣвшаго вѣрить себѣ, „Антономъ-Горемыкой“, бывшимъ для меня радостнымъ открытіемъ того, что русскаго мужика, нашего кормильца и — хочется сказать—учителя, можно и должно описывать, не глумясь и не для оживленія пейзажа, а можно и должно писать во весь ростъ, не только съ любовью, но съ уваженіемъ и даже трепетомъ.

Вотъ за это-то благотворное на меня вліяніе вашихъ сочиненій вы особенно дороги мнѣ, и — черезъ сорокъ лѣтъ — отъ всего сердца благодарю васъ за него.

Отъ всей души желаю вамъ того, что всегда нужно всѣмъ, но что намъ, старикамъ, нужнѣе всего въ мірѣ: побольше любви отъ людей и къ людямъ, безъ которой еще

*) 50-лѣтіемъ литературной дѣятельности.

кое-какъ можно обойтись въ молодости, но безъ которой жизнь въ старости — одно мученье.

Надѣюсь, что празднованіе вашего юбилея будетъ содѣйствовать исполненію моего желанія. Искренно любящій васъ.

Л. Толстой.

№ 181.

И. Б. Фейнерману.

(1893 г., Окт.).

Радостны очень все болѣе и болѣе завязывавшіяся отношенія мои съ шекерами. Сегодня буду отвѣчать 82-лѣтнему старцу Ивенсу, который на дняхъ прислалъ мнѣ свою автобіографію и другія сочиненія. Если бы не спиритизмъ и духовенство, это было бы наивысшее до сихъ поръ проявившееся осуществленіе ученія Христа. 1) Непротивленіе насиліемъ. 2) Отсутствіе частной собственности. 3) Отрицаніе священства. 4) Равенство половъ. 5) Стремленіе къ чистотѣ въ половомъ отношеніи.

На вопросъ мой, какъ они удерживаютъ отъ внѣшнихъ свою общую собственность, онъ отвѣчалъ, что они въ этомъ отношеніи далеки отъ идеала; но стараются какъ можно ближе быть къ нему. Я непремѣнно переведу нѣкоторые изъ его писаній. Они смѣшаны съ суевѣріемъ спиритизма, но самаго высокаго духа.

Я очень занятъ работой*), которая идетъ очень медленно, напряженно, но которая засѣла такъ, что поглощаетъ тѣ слабыя силы, которыя есть во мнѣ. Что ваша жена? Что дѣти? Напишите мнѣ все, что вамъ не тяжело. Мнѣ все, что вамъ близко, важно. Ну, пока прощайте, цѣлую васъ.

Л. Толстой.

№ 182.

И. Б. Фейнерману.

(Москва, 1893 г., Апр. 16).

Я получилъ ваше первое письмо, дорогой Исаакъ Борисовичъ, получилъ и послѣднее. Я не отвѣчалъ вамъ, пото-

*) „Царство Божіе внутри насъ“.

му что очень занятъ своей работой и не имѣю силъ вечеромъ на письма. А ваше письмо — отвѣтъ не трудный. Вы знаете, что у меня нѣтъ денегъ и никакого имущества, просить же денегъ у людей, для которыхъ цѣль ваша совершенно чужда*), значитъ только раздражать людей. А между тѣмъ мнѣ ужасно больно, какъ будто отказывать вамъ. Я говорю: какъ будто, потому что я не отказываю, а заявляю невозможность. Особенно больно, потому что между нами произошло охлажденіе**), а это всегда и особенно теперь, когда я чувствую близость смерти, больно, и я не хочу этого и смѣло пишу, что люблю васъ и увѣренъ, что вы мнѣ отвѣтите тѣмъ же.

Л. Толстой.

№ 183.

Л. Ѳ. Анненковой.

(1893 г., Окт.).

„Дорогая Леонила Ѳоминична, все думаю о васъ и хочу вамъ писать и по лѣни своей откладываю...“ ***). Застаю, Маша пишетъ вамъ, а я непремѣнно хотѣлъ писать вамъ нынче, потому что видѣлъ васъ во снѣ нынче и часто о васъ вспоминаю и думаю съ большой любовью. Какъ вы живете? Легко ли вамъ, радостно ли, хоть иногда? Эти радости выкупаютъ многое. В — въ — первое впечатлѣніе, начавъ горячо и самоувѣренно спорить съ Никифоровымъ, доказывая соціалистическія теоріи, произвелъ нехорошее, но потомъ, чѣмъ больше я его видѣлъ, тѣмъ больше полюбилъ его. Совершенно согласно съ вами повторяю: милый мальчикъ. И жалко его, и страшно за него. Наши также полюбили его. Моя жизнь идетъ лучше и радостнѣе, чѣмъ я того стою. Я

*) Предполагалось переселеніе въ Палестину группы христіанъ изъ евреевъ.

**) Изъ-за спора объ общинахъ и необходимости объединенія всѣхъ послѣдователей Л. Н.

***) Эта первая фраза написана рукой Маріи Льв. Толстой, дальше пишетъ Л. Н.

послѣдовалъ вашему примѣру и отказался отъ молока, кофе и чаю уже съ мѣсяцъ, но замѣнилъ это овсянкой. Сдѣлайте это: утромъ и вечеромъ, когда пьютъ чай. И прекрасно: меньше сплю и голова свѣжѣй. Привѣтъ Кон. Ник.

Очень любящій васъ *Л. Толстой*.

№ 184.

Е. И. Попову.

(Ясная Поляна, 1893 г., Май 13).

Евгеній Ивановичъ!

Я заболѣлъ небольшимъ жаромъ и окончательно рѣшилъ не переправлять больше рукописи. Посылаю вамъ ее, какая есть. Разумѣется мы опоздали для отправки съ Карсаковымъ, но надѣюсь, что найдется другой случай (спросите у Алсуфьева, про Лугинина, который хотѣлъ ѣхать). Во всякомъ случаѣ, пожалуйста, перепишите и пошлите, если будетъ случай, то съ случаемъ, а нѣтъ, то просто почтой. Пожалуйста не стѣсняйтесь. Если ужъ вы боитесь, то зайдите въ ред. Русскихъ Вѣдомостей. Соболевскій обѣщалъ переслать корреспонденту, которому онъ безпрестанно и безпрепятственно пересылаетъ. Можно переслать и въ Америку, по адресу Янжула, но лучше подождать пока получится отвѣтъ. Hapgood или Янжула съ болѣе точнымъ адресомъ. Рукопись эту пожалуйста перечтите съ И. И., если Страховъ уѣхалъ, и если найдете явную ошибку, пропускъ, поправьте, а если сомнительную пришлите, хотя я этого бы не желалъ. Когда управитесь, пришлите мнѣ переписанный этотъ конецъ, у меня его нѣтъ.

Передастъ вамъ это Лидія Ивановна Веселитская, авторъ „Мимочки“, очень умная и серьезная женщина. Я пишу — не посылать въ Америку, пока не получится отвѣтъ, но если бы не получился, и вы все покончите, то не задерживая посылайте по адресу Янжула. Есть ли у васъ деньги на отсылку и всѣ дѣла? Если нѣтъ, возьмите у Дунаева и на-

пишите мнѣ. Очень, очень благодарю васъ за ваше любовное содѣйствіе нашему общему дѣлу.

Пишите о себѣ дорогой другъ. Цѣлую васъ.

Л. Толстой.

№ 185.

Н. Н. Гѣ.

(1893 г., Нояб. 7).

Радъ извѣстію, что вы довольны послѣднимъ замысломъ картины. Я увѣренъ, что это будетъ хорошо. Мнѣ нравится дрожащій въ лихорадкѣ разбойникъ (я его давно знаю и жду), нравится и моментъ. Только бы Христосъ не былъ исключителенъ, и даже исключительно непривлекателенъ, какимъ онъ былъ на послѣдней картинѣ. И только бы вы по техникѣ удовлетворили требованіямъ художнической толпы. Если уже выставка, и большая картина, то надо считаться съ этимъ. Вы меня простите, если то, что я скажу не то, но я не могу не сказать все, что думаю. Мнѣ кажется въ вашихъ картинахъ, въ работѣ вашихъ картинъ, происходитъ страшная трата самаго драгоцѣннаго матеріала въ родѣ — простите за сравненіе — печенья бѣлаго хлѣба изъ перваго сорта муки, который любятъ господа, и бросанія отрубей, въ которыхъ самое вкусное и питательное. Вы мнѣ разсказывали первую мысль картины, и вѣрно она была написана, состоящую въ томъ, что смерть на крестѣ Христа побѣждаетъ разбойника. И мнѣ это понравилось по своей ясности, живописности и по выраженію величія Христа на впечатлѣніи, произведенномъ имъ на разбойника, какъ Гомеръ, чтобы описать красоту Елены, говоритъ, что, когда она вошла, старики изумились и встали. Потомъ вы еще иначе изображали. Прежде еще иначе. И все это были картины важныя по содержанію. То же у васъ было, сколько я знаю съ Іудой. Всѣ эти эскизы самыя капитальныя отруби, и всѣ они пропадаютъ, чтобы дѣлать господскій бѣлый хлѣбъ. Я первый буду радоваться на вашу теперешнюю кар-

тину и умиляться ею, но все таки жалѣю про всѣ тѣ, которыя остались по дорогѣ и которыхъ теперь по крайней мѣрѣ никто, кромѣ васъ, написать не можетъ. Я непрестанно жалѣю о томъ, что вы оставили тотъ планъ ряда картинъ евангельскихъ. Можетъ быть трудно ихъ кончать, довести до извѣстной нужной степени техническаго совершенства — этого я не знаю, но знаю, что это все то, что вы передумали и перевидѣли своимъ художествомъ, христіанскимъ зрѣніемъ — все это вы должны сдѣлать. Въ этомъ ваша прямая обязанность, ваша служба Богу. Dixi. Если ошибаюсь, простите.

Л. Толстой.

1894 г.

№ 186.

Е. И. Попову.

(Ясная Поляна 1894 г., Мая 14).

Сейчасъ получилъ ваше письмо, переполненное интересными и важными свѣдѣніями.

Разумѣется надо описывать Дрожжина именно такъ, какъ вы понимаете его — простымъ, горячимъ, рѣшительнымъ и добрымъ человѣкомъ, который сдѣлалъ гораздо больше того, что онъ хотѣлъ. Если бы ему сказали: согласенъ ли онъ умереть за дѣло Божіе? Едва ли бы онъ согласился, но онъ, не соглашаясь впередъ, дѣлалъ просто и добро все то, что должно было привести его къ этому. Чѣмъ больше будетъ подробностей его интимной жизни, подробностей такихъ, какія должна была разсказывать про него мать, такихъ, которыя показываютъ любовь къ нему описывающаго, чѣмъ меньше будетъ подчеркнуто значеніе того, что онъ сдѣлалъ, предоставляя это сдѣлать самому читателю, тѣмъ сильнѣе будетъ дѣйствовать на людей его біографія. Мнѣ кажется, по вашему письму, что вы въ самомъ хорошемъ для этого настроеніи. И куйте желѣзо, пока горячо, пока впечатлѣнія

свѣжи. Описывайте, какъ вы описывали въ письмѣ, коротко и то, что нужно. Вы это умѣете дѣлать и не бойтесь высказывать всѣ ваши поднятыя въ васъ задушевныя чувства тѣмъ, что вы узнали и что описываете. Вы въ прошломъ письмѣ говорили, что не довѣряете ему, что вамъ кажется, что онъ дѣлалъ то, что дѣлалъ, для людей — пишите это. Гораздо выгоднѣе для произведенія хорошаго впечатлѣнія на читателя явное осужденіе писателя (особенно, если оно не совсѣмъ справедливо) описываемаго лица, читатель начинаетъ спорить и ухватывается за свою мысль, чѣмъ не искренное восхваленіе. Кромѣ того часто осуждаешь въ душѣ и кажется, что правъ, начнешь осуждать на бумагѣ и перемѣнишь мнѣніе. Два совѣта даю вамъ: 1) главное быть вполнѣ, вполнѣ искреннимъ. 2) Избѣгать всякихъ отступленій, всего того, что не рисуетъ его. Чѣмъ больше подробностей, сценъ,—тѣмъ лучше. Психологическая черта, напримѣръ, восторга, воздѣйствія письма революціонера, унынія, потомъ письмо Изюмченка и вновь утвержденіе и до конца въ своемъ рѣшеніи—эта черта безцѣнна. Это показываетъ, какъ не только не важно и не доказываетъ не вѣрности дѣла унынія при извѣстномъ фазисѣ исполненія его, — то, что у Колечки, — но какъ напротивъ такой періодъ унынія, легко вызываемый всякимъ ничтожнымъ обстоятельствомъ, есть неизбѣжное условіе совершенія всякаго настоящаго дѣла жизни. Помогай вамъ Богъ. Дѣло радостное, хорошее, вамъ по силамъ. Я всей душою радъ чѣмъ могу помогать вамъ.

Если я не пишу условнаго эпитета „дорогой“, то это не потому, что я на сколько нибудь измѣнился къ вамъ. Я такъ же люблю и цѣню васъ, а я рѣшилъ бросить эти условные эпитеты всегда непріятные. Вчера цѣлый день поминалъ васъ, потому что былъ нездоровъ и взялся за Лао-дзе. Поправилъ двѣ главы по новымъ переводамъ. Пишите чаще.

Левъ Толстой.

№ 187.

И. Б. Фейнерману.

(Ясная Поляна, 1894 г., Іюнь).

Хорошія извѣстія о васъ, дорогой Исаакъ Борисовичъ. Какъ неожиданно по своему складывается жизнь и гораздо лучше, чѣмъ какъ мы хотимъ устроить ее.

Радуюсь на вашу дѣятельность въ школѣ и на то, что это вызываетъ подражаніе. Только бы не испортилось кѣмъ или чѣмъ нибудь дѣло.

Мнѣ очень больно, что я огорчилъ М. В. Я сказалъ ему, что я думаю о той странной перемѣнѣ убѣжденій, которая произошла въ немъ. Но, разумѣется, по недостатку именно того драгоцѣннаго качества смиренія, о которомъ вы говорите, и отъ недостатка котораго происходитъ неуваженіе къ чужимъ мнѣніямъ,—не умѣлъ сказать этого такъ, чтобы не оскорбить его.

Передайте Борису Николаевичу письмо, которое мнѣ передалъ, кажется, Волькенштейнъ и забылъ у меня. Что онъ не принимаетъ участія въ мастерскихъ, устраиваемыхъ вами? *).

Я теперь въ деревнѣ, куда уѣхалъ отдохнуть отъ мучительной суеты Москвы.

Прощайте пока. Привѣтъ вашей женѣ.

Л. Толстой.

№ 188.

Г-ну NN.

(Ясная Поляна, 1894 г., Іюль).

Я получилъ ваше письмо и очень радъ, что могу отвѣтить на вашъ вопросъ. Я пришелъ къ заключенію — не путемъ размышленій, а опытомъ долгой жизни, что человѣче-

---

*) Столярныя мастерскія съ общежитіями, устроенныя въ Полтавѣ для русскихъ и еврейскихъ мальчиковъ.

ская жизнь духовна... Человѣкъ есть духъ, частица Божества, заключенная въ извѣстныхъ границахъ, которыя мы познаемъ, какъ мать; но жизнь духа не подлежитъ никакому искаженію, еще меньше страданію. Она растетъ всегда равномѣрно, расширяя границы, въ которыхъ заключена. Однако людямъ свойственно впадать въ заблужденіе и думать, что сущность жизни лежитъ именно въ предѣлахъ, ограничивающихъ ее, т. е. въ матеріи. Подъ вліяніемъ этого заблужденія мы смотримъ на матеріальныя страданія и въ особенности на болѣзни и смерть, какъ на несчастье, тогда какъ страданія (всегда непзбѣжныя, какъ сама смерть) только разрушаютъ границы, стѣсняющія нашъ духъ, и возвращаютъ насъ, уничтожая обольщеніе матеріальности, къ свойственному человѣку пониманію своей жизни, какъ существа духовнаго, а не матеріальнаго. Чѣмъ сильнѣе матеріальное страданіе, чѣмъ ближе страданіе, кажущееся намъ величайшимъ — смерть, тѣмъ легче, тѣмъ непзбѣжнѣе освобождается отъ обольщенія матеріальной жизни и тѣмъ вѣрнѣе познаетъ онъ себя въ духѣ. Правда, познавая себя въ духѣ, человѣкъ не получаетъ тѣхъ острыхъ наслажденій, которыя даетъ животная, матеріальная жизнь, но за то онъ ощущаетъ полную свободу, неуязвимость, неразрушимость, онъ чувствуетъ свое единеніе съ Богомъ — основаніемъ и сущностью всего. Тогда смерть уже не существуетъ или представляется освобожденіемъ и возрожденіемъ; испытавшій такое состояніе не промѣняетъ его ни на какое матеріальное наслажденіе. Я говорю такъ потому, что самъ испыталъ это съ необычной силой во время моей болѣзни.

Выздоравливая, я испытывалъ два противоположныя чувства: одно—радость животнаго, возвращающагося къ жизни, другое — сожалѣніе духовнаго существа и потерю ясности духовнаго сознанія, присущаго мнѣ во время болѣзни. Но, несмотря на всѣ искушенія временной жизни, пробудившіяся съ новой силой при выздоровленіи, я вѣрю, знаю, что

болѣзнь была для меня высшимъ благомъ. Она дала мнѣ то, чего не могли дать мнѣ ни мои размышленія, ни размышленія другихъ людей, и того, что она мнѣ дала, я ужъ никогда не утрачу, а возьму это съ собой. Но и помимо болѣзни, вспоминая мою жизнь, я вижу ясно, что многое, причинявшее мученіе, было для меня истиннымъ благомъ потому, что удаляло меня отъ погони за матеріальнымъ благомъ и направляло меня къ пріобрѣтенію истиннаго блага—духовнаго. Недаромъ народная мудрость говоритъ по поводу болѣзней, пожаровъ и всего, что не зависитъ отъ человѣческой воли: „Господь посѣтилъ“.

Ничего нѣтъ хуже, въ смыслѣ пріобрѣтенія истиннаго блага, какъ то, что люди желаютъ себѣ и другимъ, а именно: здоровья, богатства, славы.

Дай Богъ, чтобы вы почувствовали всю благодѣтельность страданій и приближенія неизбѣжной матеріальной смерти.

Правда, что для этого необходимо вѣрить въ свою духовную сущность — въ частицу Бога, которая не подлежитъ ни измѣненію, ни умаленію, еще меньше страданіямъ или уничтоженію. Но, судя по вашему письму, я имѣю основаніе думать, что вы въ это вѣрите, а если еще не вѣрите, то все же придете къ этому.

„Да поможетъ вамъ Господь, и прежде всего Тотъ, Который въ васъ самихъ“.

Левъ Толстой.

№ 189.

Л. Ѳ. Анненковой.

(Ясная Поляна, 1894 г., Сен. 4).

Получилъ ваше письмо съ Великановымъ, Леонила Ѳоминична, и очень радъ былъ письму и живымъ свѣдѣніямъ о васъ. Я его тоже очень цѣню. И правда, что онъ совсѣмъ особенный отъ другихъ друзей нашихъ. Радуюсь, тому, что ду-

шевное ваше состояніе, какъ это я вижу и по письму вашему къ Машѣ, — хорошо. Положимъ, что я много старше васъ, но мнѣ все-таки хочется сказать вамъ, что пора намъ, старикамъ, утихать—не волноваться, не негодовать, не отчаиваться (я, къ счастью, этого отчаянія никогда не зналъ съ тѣхъ поръ, какъ родился вновь, я думаю, и вы тоже), не восторгаться, не рваться, а мягко влечь въ хомутъ и не спускать постромки. — Не знаю, удастся ли мнѣ когда-нибудь,—ужъ мало осталось времени, описать тѣ различныя фазы, возрасты духовные, которые мы всѣ проходили и проходимъ, и которые я очень живо, всегда вижу на васъ. Описать это хорошо бы потому, что если это описать вѣрно, то каждый, проходя эти возрасты, эти кризисы, не будетъ пугаться, а будетъ ждать слѣдующаго состоянія, будетъ знать, что то же было и съ другими. Надѣюсь, что мучительная болѣзнь ваша прошла и что она, какъ и все для того, кто умѣетъ жить, принесла вамъ благо и что мы скоро увидимъ васъ. Положеніе наше вотъ какое: Лева и Андр. и Миша*) въ Москвѣ, а съ ними поперемѣнно живетъ одна изъ нашихъ женщинъ, т. е, жена или одна изъ дочерей. Теперь тамъ Маша. Завтра или послѣ завтра ѣдетъ туда Соня, а Маша возвращается. Тамъ мы пробудемъ сколько удастся—сентябрь вѣроятно, такъ что вы заѣдете въ деревню. Передайте мой привѣтъ К. Н. Прощайте пока.

Любящій васъ *Л. Толстой.*

№ 190.

Е. И. Попову.

(Москва, 1894 г., Окт.).

Сейчасъ получилъ вашу посылку, дорогой Е. И., прежде прочелъ ваше письмо ко мнѣ и испугался, прочтя оговорку о томъ, что мнѣ можетъ быть непріятно. Читалъ и все искалъ непріятное, и кромѣ самаго пріятнаго ничего не нашелъ.

---

*) Сыновья Л-ва Н-ча.

Студенты въ Харьковѣ: Филатовъ и Дидрихсонъ. Я думаю, можно написать имъ въ университетъ. Одному Дидрихсону или обоимъ вмѣстѣ.

Въ статьѣ все хорошо. Жаль, что вы не помѣстили сейчасъ страдающаго. Я на дняхъ былъ у него и былъ тронутъ и пораженъ его простотой, спокойствіемъ и благодушіемъ. У него настоящій внутренній переворотъ, ему хорошо вездѣ. Все, что вы пишите въ письмѣ ко мнѣ и въ письмѣ Хилкову, мнѣ было очень по душѣ. И письмо Хилкова. Мнѣ это особенно было близко потому, что я теперь уже недѣли двѣ опять всѣми силами души занятъ тѣмъ же: выразить, какъ можно проще и безспорнѣе, наше міросамопониманіе. Ваше дѣленіе на три вопроса я не оспариваю, но я не люблю дѣленія. Если приходится дѣлать дѣленіе, то значитъ, что еще не вполнѣ овладѣлъ предметомъ. Будемъ стараться сказать то, что мы знаемъ нужное, радостное намъ и несомнѣнное, и Богъ (тотъ самый, котораго вы думаете, что надо обходить) намъ поможетъ. Называя Его, я признаю свою недостаточность, стараюсь, я, слабый, частное вмѣстилище Его раскрыть себя, ту часть себя, которая принимаетъ Его, чтобы онъ вошелъ въ меня, насколько я могу и годенъ принять Его. Главное же Онъ мнѣ нуженъ для того, чтобы выразить то, куда я иду и къ кому приду. Въ этой однообразной жизни здѣшней я могу не чувствовать Его, обходиться безъ этой формы мысли и выраженія, но при переходѣ изъ прежней жизни въ эту и изъ этой въ иную, я не могу не называть Имъ того, откуда я пришелъ и куда иду, потому что это есть самый близкій къ истинному смыслу дѣла способъ выраженія:— отъ Бога къ Богу: изъ внѣвременнаго и внѣ пространственнаго и въ такое же. Я не спорю съ вами и вполнѣ понимаю васъ и одобряю, и увѣренъ даже, что это ваша осторожность не принять своего произведенія за существующее, только придаетъ вамъ твердости и что вы только копаете до материка, на который можно опереться и который не поддастся.

Письмо политическаго очень сильно дѣйствуетъ, но какъ жалко его, что у него нѣтъ точки опоры. Вотъ гдѣ ужасъ, не въ карцерѣ, а въ выхолощенной душѣ.

Цѣлую васъ. Вл. Григ. не пишу, потому что не успѣваю. Москва отнимаетъ ужасно много времени. Письмо его получилъ и жду ихъ. Квартира прекрасная—братнина—дѣвочки вѣрно писали.

Вегетаріанская народная книга очень нужна. Если бы вы не писали, я хотѣлъ писать. Заглавіе: перестань ѣсть мясо или живое.

Какъ хорошо и вѣрно вы говорите, что надо не обличать, а просвѣщать.

Въ мысляхъ о снѣ и безсознательной жизни много хорошаго, но опасно отрицательное возводить въ положительное и мѣрять положительное отрицательнымъ. То, что думаю объ этомъ, скажу въ другой разъ и другомъ мѣстѣ.

Л. Толстой.

1895 г.

№ 191.

Е. И. Попову.

(1895 г., Октября 5).

Сажусь отвѣчать письма и начинаю съ вашего по пунктамъ. 1) мѣста*), оспариваемыя В. Г.**), пожалуй лучше выкинуть въ виду удержанія безпристрастности, непредвзятости автора. Впрочемъ то или другое рѣшеніе такъ не важно, что не стоитъ спорить объ этомъ. Не забыть сказать: въ Temps появился отчетъ Wizeva. о книгѣ Дрожжина въ двухъ №№, у меня обѣ вырѣзки, посылаю ихъ. Вторая очень глупая или хитрая или то и другое вмѣстѣ. 2) Гауфа сводить съ Шми-

*) Въ книгѣ, составленной, Е. И. Поповымъ. „Жизнь и смерть Е. Н. Дрожжина".

**) В. Г. Чертковъ.

томъ не надо. Я написалъ Шмиту, чтобы онъ напечаталъ, если хочетъ, мое предисловіе и попросилъ М. прислать его ему. Грунскій и Шмитъ всю книгу не напечатаютъ, а Гауфъ, я думаю, что найдетъ издателя. 3) Письмо ваше къ обществу очень мнѣ понравилось. Непремѣнно впишите случаи гоненія (у васъ забытъ кажется Б.) и пришлите. Пошлемъ Кенворти, Шмиту и во Францію. 4) Вегетаріанскую книгу хорошо дѣлаете, что пишите. Только бы, какъ можно короче, яснѣе, доступнѣе Аѳанасію и ему подобнымъ. Очень меня тяготитъ писаніе для господъ и хочется хоть половину (а то и все) оставшееся время и силы отдавать на писаніе книгъ Аѳанасьямъ. 5) Петра Хлѣбника добавляйте, исправляйте, я передѣлывать теперь не буду. 6) Въ томъ, что вы пишите о диллемахъ, важно то, чтобы себя не оправдывать и въ себѣ не отчаиваться. 7) Письмо С. сейчасъ пошлю. Цѣлую васъ.

Л. Толстой.

№ 192.

Е. И. Попову.

(Ясная Поляна, 1895 г., Окт. 14).

Давно уже получилъ ваши письма, дорогой Е. И., и все не отвѣчалъ, потому что вотъ двѣ недѣли ослабѣлъ чрезвычайно и физически, и умственно: ничего не дѣлаю и не хочется дѣлать. Можетъ быть, это какое-нибудь скрытое нездоровье, а можетъ быть старость и я стараюсь прилаживаться къ этому новому для меня состоянію. Статью можно послать и къ Гижицкому, хотя его „Ethische Kultur“ очень чуждый намъ по духу журналъ, но для этого надо закончить: вписать о гоненіяхъ. Б. дѣло вы можете описать съ моихъ словъ. Отъ него потребовали вести лошадей, онъ не повелъ, его присудили въ тюрьму на двѣ недѣли. Другое дѣло: отъ него требовали указанія своего мѣста жительства, онъ его не далъ, зная, что это указаніе включаетъ въ себѣ

согласіе на то, что онъ, какъ запасный, пойдетъ, когда его потребуютъ. Послѣ вторичнаго требованія онъ написалъ, что не пойдетъ, если его потребуютъ, такъ какъ по закону, незнаніемъ котораго никто не имѣетъ права отказываться, онъ не можетъ служить.

Скажите В. Г., что его письма и 7 № всѣ получены, что буду писать. Знаемъ, что у васъ дифтеритъ. Жду ихъ. Мы живемъ еще въ Ясной. П. и Д. съ нами, но послѣ завтра намѣрены ѣхать въ Москву. То что вы пишите о моей повѣсти, и справедливо и нѣтъ. Справедливо по отношенію той, которая была написана: она прескверная, но не справедлива по отношенію той формы, въ которой мнѣ теперь представляется та же повѣсть и въ которой едва ли напишу.

Прощайте пока, дай Богъ вамъ того, чтобы дѣлать Его волю, какъ свою. Нынче написалъ письмо Шкарвану. Какъ бы я его узналъ, если бы у насъ не было центра общенія — Бога.

Если, что забылъ отвѣтить, простите. Поправки сдѣлалъ бы въ вашей статьѣ, но ея нѣтъ. Я ее отдалъ харьковскимъ двумъ студентамъ, пріѣзжавшимъ ко мнѣ. Ничего, что я далъ имъ?

Распечатываю письмо, чтобы приписать о Дрожжинѣ. М. А. сдѣлала отмѣтки того, что по ея мнѣнію слѣдуетъ выпустить. Я просмотрѣлъ ея отмѣтки и тѣ, съ которыми согласенъ, отчеркнулъ краснымъ. Пожалуйста не вѣрьте мнѣ на слово, а провѣрьте сами. Посылаю рукопись. — Да, еще о вашихъ писаніяхъ. Повторяю, что совѣтую вамъ писать. Въ нихъ есть искренность и потому убѣдительность. И потомъ просто, хорошо написано, многосторонне обдумано. Ну, до слѣдующаго письма. Какое славное письмо Петра Веригина, поблагодарите за него И. М. Очень хочется написать ему и Вер. и И. М.

Л. Толстой.

№ 193.

Е. И. Попову.

(Москва, 1895 г., Ноября 5).

Сейчасъ получилъ ваше письмо, дорогой Е. И., покажу П. и больше никому. Совѣта я не могу дать, но не могу не сказать, что я бы обрадовался очень такому предложенію. Это та работа, которая предстанетъ предъ каждымъ изъ насъ, если мы будемъ терпѣливо, покорно и смиренно ждать*).

Иногда можно сказать, какъ это бываетъ съ атлетами, что не готовъ и пропустить эту очередь до другого раза. Это другое дѣло и вопросъ внутренній и личный: готовъ или не готовъ. И не думайте, чтобы я ожидалъ успѣха внѣшняго отъ вашей поѣздки. Я скорѣе жду неуспѣха и разочарованія, — жду того, что, войдя въ близкое общеніе съ ними, вы, а черезъ васъ, мы увидимъ, что мы совсѣмъ не такъ близки, какъ мы думали, — найдемъ, увидимъ много слабыхъ (много будетъ и сильныхъ) сторонъ, какъ это должно быть, когда обращается цѣлая масса подъ вліяніемъ увлеченія и довѣрія къ руководителямъ, и масса малообразованная, неумѣющая критически относиться къ своимъ внушеннымъ съ дѣтства вѣрованіямъ; но узнать истину, если бы она и была для насъ разочарованіемъ, нужно. Нужно и общеніе болѣе тѣсное, черезъ которое мы позаимствуемъ многое отъ нихъ, глядя на нихъ, увидимъ свои слабости, а они кое-чѣмъ позаимствуются отъ насъ. Для такого же общенія я изъ нашихъ друзей никого не знаю болѣе способнаго, чѣмъ вы. У васъ есть потребность анализа, скептицизма и серьезность, которые такъ необходимы для этого дѣла. Главное, критика, въ которой вы чувствуете такую по-

---

*) П. В. Веригинъ предлагалъ мнѣ ѣхать на Кавказъ и замѣстить его, такъ сказать, среди духоборовъ. Я спрашивалъ совѣта Л. Н. Т. На Кавказъ я не поѣхалъ.

Примѣч. Е. И. Попова.

требность, тамъ будетъ не только у мѣста, но драгоцѣнна. Я чувствую, между нами и ими есть различіе, причины раздѣленія, которыя мы взаимно скрываемъ, дорожа любовью другъ друга и боясь разрыва. Но въ этомъ скрываніи есть неправда. И эту неправду, если она есть, надо уничтожить, и никто лучше васъ не можетъ этого сдѣлать. А если нѣтъ ничего раздѣляющаго насъ или то, что есть, можетъ быть легко сглажено, разъяснено, то это будетъ тѣмъ большая радость. Вопросъ въ томъ, какъ вы въ глубинѣ души — хорошенько спросите себя объ этомъ, дорогой другъ, — чувствуете ли полную готовность, радость идти туда, и если да, то идите, если есть сомнѣніе, колебаніе — воздержитесь. Очень мнѣ было васъ жаль за то, что вы перечувствовали о Х., узнавъ о ея болѣзни. Не сходить ли мнѣ къ ней? То, что пишетъ Петръ Вас. о картинѣ, я пытаюсь исполнить словесной картиной, если Богъ велитъ. Дорогой Ив. Ив. простите, что не отвѣчалъ вамъ на послѣднія письма. Спасибо, что прощаете. Цѣлую васъ обоихъ.

Любящій васъ точно такъ же

Л. Толстой.

1896 г.

№ 194.

М. А. Сопоцько*).

(1896 г., Марта 16).

Получилъ и продолжаю получать ваши безчисленныя письма, дорогой М. А. и хотѣлось бы обстоятельно отвѣтить на самое для меня главное въ нихъ.

Возражать вамъ на несправедливыя ваши предположенія о томъ, что 1-ое я сержусь на васъ, 2-ое, что я считаю, что жизнь наша кончается здѣсь, 3-е, что я могу и долженъ

*) Горячій послѣдователь Л. Н. Толстого въ началѣ 90-хъ годовъ, г. Сопоцько, сосланный въ Вологодск. губ., въ серединѣ 90-хъ годовъ радикально измѣнилъ свое міровоззрѣніе и выступалъ ярымъ противникомъ Л. Н. Толстого.

озабочиваться денежною помощью нѣкоторымъ (избраннымъ вами изъ милліоновъ такихъ же людей, окружающихъ меня),— полагаю излишнимъ, потому что всѣ эти возраженія сдѣланы мною впередъ въ моихъ писаніяхъ съ тою обстоятельностью, на которую я только способенъ (Собраніе сочиненій посылаю вамъ). Въ моихъ писаніяхъ не разрѣшенныхъ, какъ вы знаете, находятся эти возраженія.

Сердиться же я на васъ не могу, потому, главное, что я васъ люблю. И поэтому самому мнѣ очень бы хотѣлось помочь вамъ въ томъ тяжеломъ и опасномъ положеніи, въ которомъ вы находитесь. Я говорю про ваше желаніе загипнотизировать себя въ церковную вѣру. Это очень опасно, потому что при такой гипнотизаціи утрачивается самое драгоцѣнное, что есть въ человѣкѣ — его разумъ.

Начну съ начала. Письмо это началъ до полученія вашего письма объ Исаакѣ Сиринѣ съ копіей заявленія губернатору и это ваше письмо и заявленіе еще болѣе возбудили во мнѣ желаніе, вызвали во мнѣ сознаніе обязанности попытаться помочь вамъ и не вамъ одному, а многимъ людямъ, находящимся или вступающимъ въ то же положеніе, какъ и вы. Я говорю про людей искреннихъ, чистыхъ, принимающихъ тѣ или другія убѣжденія не для того, чтобы оправдать свое выгодное положеніе, а только потому, что они въ нихъ видятъ истину.

Какъ-то разъ очень богатая важная придворная дама, говоря о вѣрѣ, сказала мнѣ, что вѣритъ „какъ баба Акулина“, и она очевидно,*) что она сказала нѣчто очень тонкое и даже глубокое: такая утонченная особа и удостаиваетъ вѣрить, какъ баба Акулина. Но вѣдь сказала она не только глупость, но совершенную неправду.

Дама эта знаетъ грамотѣ на разныхъ языкахъ, училась космографіи, исторіи, знаетъ про существованіе Вольтера,

*) Пропущено, вѣроятно, слово: „думала“.

Ренана, браминизма, буддизма, конфуціанства, и потому она не можетъ вѣрить, какъ баба Акулина. Баба Акулина въ своей вѣрѣ въ матушку Царицу Небесную и въ Миколу Угодника, въ Батюшку Царя Небеснаго, живущаго на небѣ, и прочее, — вѣритъ въ то самое высшее, до чего достигло ея познаніе, и вѣра эта не только не представляетъ никакого противорѣчія съ ея пониманіемъ жизни, но освѣщаетъ для нея явленіе міра. Для дамы же это невозможно. Она знаетъ, что міръ былъ сотворенъ не 6000 лѣтъ тому назадъ; что человѣчество вышло не изъ Адама съ Евой, а изъ развитія животнаго; знаетъ, что, кромѣ христіанъ ея исповѣданія, живутъ въ 5 разъ больше, чѣмъ христіанъ, людей другихъ вѣръ; знаетъ, что христіанство извращалось и извращается и породило сотни, тысячи враждебныхъ между собою сектъ, и вырождалось въ инквизицію и дикій фанатизмъ; знаетъ, какъ происходили соборы, на которыхъ установлены догматы; знаетъ, что то же происходило въ буддизмѣ съ своимъ царемъ Асокой и въ другихъ вѣрахъ; знаетъ, что религіи подлежатъ такому же закону развитія, какъ организмы и государства: зарождаются, развиваются, доходятъ до высшей степени и потомъ старѣются и исчезаютъ, какъ религіи египетская и персидская; знаетъ, что такъ называемое наше священное писаніе не сошло съ неба, а писалось людьми, очищалось, извращалось и потому не можетъ имѣть непререкаемаго авторитета... знаетъ, что всѣ чудеса, которыми хотятъ доказать истинность церковной вѣры, повторяются во всѣхъ разныхъ вѣрахъ... Все это должна знать дама, потому что всему этому ее учили, и все это она могла прочесть въ книжкахъ, которыя ей доступны, и все это знаютъ тѣ господа, которые бываютъ въ ея гостиной.

И потому она не то, что не имѣетъ права вѣрить, какъ баба Акулина, но она *не можетъ* такъ вѣрить. Она можетъ говорить, что она такъ вѣритъ, но вѣрить такъ не можетъ. Для того, чтобы ей вѣрить, ей надо такую вѣру, въ кото-

рую такъ же, какъ и для бабы, она вѣрила бы въ то самое высшее, до чего достигло ея сознаніе, и такую вѣру, которая не только не противорѣчила бы ея пониманію явленій міра, но освѣщала бы, уясняла, приводила къ единству всѣ ея знанія.

Дама эта не поймет меня, потому что ей нужна вѣра бабы Акулины для того, чтобы продолжать жить, какъ она живетъ, т. е. безбожно поглощать ежедневно на свои прихоти и роскошь трудъ сотенъ рабочихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, говорить о Богѣ и Христѣ и своей религіозности. Только при усвоеніи и при исповѣданіи вѣры бабы Акулины, другими словами—вѣры людей, жившихъ тысячи двѣ лѣтъ тому назадъ, для нея возможна такая безбожная жизнь съ самодовольствомъ религіозности. И потому для дамы я понимаю, но вамъ то, сосланному на край свѣта и ходящему по острогамъ съ мѣста на мѣсто за то, что вы хотите проводить въ жизнь христіанскія истины, вамъ-то зачѣмъ этотъ ужасный обманъ и это неразрѣшимое противорѣчіе вашихъ вѣрованій съ вашими знаніями и пониманіемъ явленій міра.

Вѣдь вы только подумайте о томъ, что вы исповѣдуете, и о томъ положеніи, въ которомъ вы находитесь. Я понимаю, что это очень хорошо и пріятно чувствовать себя въ единеніи вѣры съ окружающими, и когда постомъ уныло звонятъ къ часамъ, и идутъ говѣльщики, и просятъ другъ у друга прощенія, и красиво молятся въ красивыхъ церквахъ, вызывая представленіе о древней тихой, торжественной жизни,—очень пріятно бы соединиться съ ними и пожить этой жизнью. Но вѣдь это самообманъ, это только играніе роли. Вѣдь положеніе не въ томъ, что вы находитесь теперь, великимъ постомъ, въ Пудожѣ, а положеніе ваше въ томъ, что вы живете въ мірѣ Божіемъ, на планетѣ Земля, обитаемой 1500 милліонами жителей разныхъ расъ, исповѣдующихъ разныя религіи, въ какомъ то 100-тысячномъ году послѣ появленія первыхъ людей,—въ одномъ изъ уголковъ сѣвернаго полу-

шарія, среди народа, называемаго русскимъ, и живете вы въ этомъ мѣстѣ и въ это время по волѣ Бога, того самаго, по волѣ Котораго существуетъ не только планета Земля съ ея обитателями, но и весь кажущійся мнѣ безконечнымъ міръ. Это положеніе свое вы знаете и, соотвѣтственно этому положенію, вы и должны установить свое отношеніе къ Богу, т. е. установить такое отношеніе, которое точно такъ же годилось бы для каждаго человѣка, находящагося въ томъ же положеніи, какъ и вы, — такое отношеніе, которое было бы ясно, понятно и обязательно для каждаго мыслящаго человѣка: японца, малайца, зулуса.

И какое же вы, съ вашимъ знаніемъ, устанавливаете отношеніе къ Богу? Вы говорите: Богъ открылъ себя и свою истину 5000 лѣтъ тому назадъ только одному маленькому азіатскому народцу, и то не совсѣмъ; а 1900 лѣтъ тому назадъ открылъ ее совсѣмъ тѣмъ, что въ этотъ же народецъ послалъ своего сына, тоже Бога. И то, что этого сына Бога убили тогда люди, это сдѣлало то, что грѣхъ первыхъ людей и всѣхъ послѣдующихъ искупленъ. Но кромѣ этого искупленія Богъ установилъ черезъ этого Сына своего церковь, которая блюдетъ всю истину и помогаетъ спасенію людей.. И эта церковь существуетъ только въ Пудожѣ или въ Россіи. Всѣ же люди, жившіе до этой церкви и живущіе внѣ ея, не принимаются въ расчетъ.

Вѣдь скажите это, да еще многое другое про крещеніе, иконы, поминаніе и, главное, про Бога, казнящаго и искупляющаго, какому нибудь свѣжему умному человѣку, никогда не слыхавшему про это, — вѣдь онъ вытаращитъ глаза на васъ или убѣжитъ отъ васъ, боясь, что вы, бѣснуясь, начнете бить его, или свяжетъ васъ, какъ опасно безумнаго.

Вѣдь только оттого, что ядъ этотъ привитъ намъ съ дѣтства, мы такъ, какъ будто незамѣтно, переносимъ его. И,— что ужаснѣе всего,—этотъ страшный, понемногу привитый намъ ядъ сдѣлалъ для насъ безполезнымъ и недѣйствитель-

нымъ данное намъ Христомъ вѣрованіе, которое отвѣчаетъ высшимъ требованіямъ людей нашего времени.

Мы прожили послѣ Христа 1900 лѣтъ; но ученіе его во всей его чистотѣ до сихъ поръ отвѣчаетъ вполнѣ нашимъ требованіямъ установленія нашего отношенія къ Богу,—не къ Богу израильскому и православной или католической или протестантской церкви, а къ тому Богу, по волѣ Котораго существуетъ этотъ безконечный міръ и среди него планета Земля, и на землѣ я, живущій послѣ сотенъ тысячъ лѣтъ развитія животной жизни въ Пудожѣ, или въ Нью-Іоркѣ, или въ пустыняхъ Африки.

Главная разница между тѣмъ отношеніемъ частнымъ, исключительнымъ, которое называютъ своей вѣрой церковники, буддисты, брамины, магометане и другіе, и истинной христіанской вѣрой—то, что всѣ тѣ вѣры, не говоря объ ихъ несоотвѣтствіи знанію и здравому смыслу, имѣютъ свойство исключать, отрицать одна другую, тогда какъ вѣра Христова такова, что не только понятна, доступна всякому, но что и отрицать ее, не соглашаться съ ней невозможно. Вѣра эта не только не исключительна, но она, напротивъ, сливается и совпадаетъ со всѣмъ истиннымъ и высокимъ, что есть во всѣхъ другихъ вѣрахъ.

Она говоритъ, что начало всего — духовное, разумное и любовное. И начало это называется Богомъ и Отцомъ. Отцомъ она называетъ это начало потому, что это же начало человѣкъ сознаетъ въ себѣ. Вступая въ жизнь, человѣку кажется, что онъ живетъ своимъ животнымъ, — что его животное и есть его „я“, но, по мѣрѣ развитія своего разума, онъ видитъ, что это животное не свободное, страдаетъ и гибнетъ, а въ сознаніи своемъ онъ чувствуетъ, что есть что то, не подлежащее ни стѣсненію, ни страданію, ни гибели; и человѣкъ вступаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой и въ отчаяніе.

Вотъ на это внутреннее противорѣчіе, развивая его, и

отвѣчаетъ ученіе Христа. Оно говоритъ человѣку: тебѣ только кажется, что ты живешь животнымъ, но это только кажется, какъ кажется, что бѣжитъ берегъ, когда ѣдешь на лодкѣ,—что ходитъ солнце. Живетъ въ человѣкѣ только его духовное, разумное и благое начало, — Сынъ Бога. Человѣкъ долженъ перенести свое „я“ изъ животнаго въ духовное и удовлетворять требованіямъ не животнаго, а духовнаго существа. И стоитъ человѣку понять это, какъ противорѣчіе его жизни исчезаетъ; уничтожается всякое стѣсненіе, страданіе, онъ становится вполнѣ свободнымъ. Уничтожается смерть, потому что то, что духовно, — что есть самъ Богъ, — не можетъ уничтожиться: оно всегда было, есть и будетъ.

Въ этомъ перенесеніи своего „я“ изъ животнаго въ духовное — сущность ученія Христа, подробности же этого ученія, начатыя Христомъ и продолженныя всѣмъ человѣчествомъ, состоятъ въ уничтоженіи, разоблаченіи тѣхъ соблазновъ, которыми люди животной жизни, по инерціи преданія, стараются скрыть отъ человѣка его погибель въ животной жизни и поддержать его на этомъ ложномъ пути. Разоблаченіе этихъ соблазновъ есть работа жизни людей, — есть то, чего хочетъ Богъ отъ людей.

Таково, въ самыхъ крупныхъ очертаніяхъ, ученіе Христа,—то ученіе, которымъ устанавливается отношеніе человѣка къ міру. И это ученіе не исключительное, а общее, высшее, доступное всѣмъ и не только не противорѣчащее другимъ ученіямъ и современному знанію, но освѣщающее, уясняющее ихъ. И тутъ-то, на мѣсто этого, мы будемъ возвращаться къ пониманію жизни, — съ жертвами, искупленіями, таинствами, злымъ, карающимъ и награждающимъ личнымъ Богомъ, — за 5000 лѣтъ тому назадъ. Зачѣмъ? Избавн насъ Богъ отъ этого, милый другъ.

То, что вы дѣлаете и дѣлаютъ многіе, мнѣ представляется подобнымъ вотъ чему: человѣкъ ѣдетъ на паровомъ

самокатѣ. Онъ не знаетъ дороги или просто усталъ ѣхать скоро и онъ хочетъ остановить ходъ и пускаетъ въ колеса прутики. Онъ впустилъ одинъ прутъ, колеса прихватили его, и машина еще идетъ, но медленнѣе. Онъ впускаетъ другой съ тонкаго конца. Кажется не бѣда, машина еще идетъ. Но скоро дойдетъ до котла и машину запретъ и она испортится. Нельзя безнаказанно допускать въ свою вѣру что-либо неразумное, что либо, не оправдываемое разумомъ. Разумъ данъ свыше, чтобы руководить насъ. Если же мы заглушимъ его, это не пройдетъ безнаказанно. И гибель разума самая ужасная гибель.

Вотъ, кое что сказалъ вамъ изъ того, что думалъ,— сказалъ любя. Пожалуйста, не отвѣчайте мнѣ по пунктамъ, споря противъ какого нибудь изъ нихъ. Если же несогласны, то объясните мнѣ, какъ вы связываете свою вѣру съ вашимъ пониманіемъ жизни, и кратко и ясно выразите свое міропониманіе.

Прощайте пока. Цѣлую васъ.

Левъ Толстой.

№ 195.

Министру Юстиціи*).

(Москва, 1896 г., Апр. 20).

Милостивый Государь.

Обращаюсь къ вамъ, какъ человѣкъ къ человѣку, съ чувствомъ уваженія и доброжелательства, съ которыми прошу и васъ отнестись къ моему письму. Только при искренности этихъ чувствъ возможно пониманіе и соглашеніе.

Дѣло касается тѣхъ преслѣдованій, которымъ подвергаются со стороны чиновъ вашего министерства, лица, имѣющія мои запрещенныя въ Россіи сочиненія и дающія ихъ читать тѣмъ, которые ихъ объ этомъ просятъ. Такимъ преслѣдованіямъ, сколько мнѣ извѣстно, подвергалось много раз-

*) Н. В. Муравьеву.

личныхъ лицъ. Одинъ же изъ послѣднихъ случаевъ былъ съ женщиной—врачомъ N. въ Тулѣ, обысканной, посаженной въ острогъ и теперь допрашиваемой слѣдователемъ по обвиненію въ распространеніи моихъ сочиненій.

Этотъ случай съ г-жой N., женщиной уже не молодой, слабой здоровьемъ, чрезвычайно нервной и въ высшей степени почтенной по своимъ душевнымъ качествамъ, заслужившимъ ей всеобщую любовь всѣхъ знающихъ ее, особенно поразителенъ.

Поводомъ къ этому, сколько мнѣ извѣстно, послужило слѣдующее: г-жа N. близко знакома и дружна съ моими дочерьми. Одинъ тульскій рабочій нѣсколько разъ писалъ мнѣ, прося дать ему для прочтенія мое сочиненіе „Въ чемъ моя вѣра“. Не имѣя подъ рукою свободнаго экземпляра и не зная этого человѣка, я нѣсколько писемъ его оставилъ безъ отвѣта. Нынѣшней же зимой, получивъ вновь письмо съ той же просьбою, я передалъ его дочери моей, прося ее, если у насъ есть та книга, о которой онъ просилъ, послать ее ему. Дочь моя, не имѣя свободнаго экземпляра, но помня, что въ томъ же городѣ Тулѣ, откуда писалъ проситель, живетъ г-жа N., имѣющая нѣкоторыя изъ моихъ запрещенныхъ сочиненій, послала просителю свою карточку съ просьбой дать подателю ея то, что у нея найдется. Это обращеніе моей дочери къ г-жѣ N. и послужило поводомъ къ ея аресту и всѣмъ тѣмъ истязаніямъ, которымъ ее подвергли.

Я думаю, что такого рода мѣры неразумны, безполезны, жестоки и, главнымъ образомъ, несправедливы. Неразумны онѣ потому, что нѣтъ и не можетъ быть никакого объясненія, почему изъ тѣхъ тысячъ людей, которые имѣютъ мои сочиненія и даютъ ихъ читать своимъ знакомымъ, выбрана для преслѣдованія одна г-жа N.

Безполезны эти мѣры потому, что онѣ не достигаютъ никакой цѣли: пресѣченія эти мѣры не достигаютъ потому, что то зло, которое предполагается прекратить, продолжаетъ

существовать среди тысячъ людей, которыхъ нѣтъ возможности всѣхъ арестовать и держать въ тюрьмахъ. Жестоки же эти мѣры потому, что многихъ людей, слабыхъ и нервныхъ, какова г-жа N., обыски, допросы и въ особенности заключеніе въ тюрьму могутъ быть причинами тяжелыхъ нервныхъ болѣзней, какъ это и было съ г-жей N., и даже смерти. Главное же — мѣры эти въ высшей степени несправедливы потому, что онѣ не направляются на то лицо, отъ котораго исходитъ то, что считается правительственнымъ зломъ.

Такое лицо въ данномъ случаѣ я: я пишу тѣ книги и письма и словеснымъ общеніемъ распространяю тѣ мысли, которыя правительство считаетъ зломъ, и потому, если правительство хочетъ противодѣйствовать распространенію этого зла, то оно должно обратить на меня всѣ употребляемыя имъ теперь мѣры противъ случайно попадающихся подъ его дѣйствіе лицъ, виновныхъ только въ томъ, что они имѣютъ интересующія ихъ запрещенныя книги и даютъ ихъ для прочтенія своимъ знакомымъ. Правительство должно поступить такъ еще и потому, что я не только не скрываю этой своей дѣятельности, но, напротивъ, прямо этимъ самымъ письмомъ заявляю, что я писалъ и распространялъ тѣ книги, которыя считаются правительствомъ вредными, и теперь продолжаю писать и распространять и въ книгахъ, и въ письмахъ, и въ бесѣдахъ такія же мысли, какъ и тѣ, которыя выражены въ книгахъ.

Сущность этихъ мыслей та, что людямъ открытъ несомнѣнный законъ Бога, стоящій выше всѣхъ человѣческихъ законовъ, по которымъ мы всѣ должны не враждовать, не насиловать другъ друга, а, напротивъ, помогать, — должны поступать съ людьми такъ, какъ бы хотѣли, чтобы другіе поступали съ нами.

Эти-то мысли, съ вытекающими изъ нихъ практическими выводами, я и выражалъ, какъ умѣлъ, въ своихъ книгахъ и стараясь еще яснѣе и доступнѣе выразить въ книгѣ, кото-

рую пишу теперь. Эти же мысли я высказываю въ бесѣдахъ и въ письмахъ, которыя я пишу знакомымъ и незнакомымъ людямъ. Эти самыя мысли я выражаю теперь и Вамъ, указывая на тѣ, противныя закону Бога, жестокости и насилія, которыя совершаются чинами вашего министерства.

Сказанныя Гамаліиломъ слова о распространеніи христіанскаго ученія, что „если дѣло это человѣковъ, то оно разрушится, а если оно отъ Бога, то не можете разрушить его; берегитесь поэтому, чтобы вамъ не оказаться богопротивниками“, — остаются всегда урокомъ истинной правительственной мудрости въ ея отношеніяхъ проявленія духовной дѣятельности людей. Если дѣятельность эта ложная, она падетъ сама собой. Если же дѣятельность эта имѣетъ съ своимъ содержаніемъ дѣло Божіе, каково то дѣло Божіе нашего времени — замѣны принципа насилія принципомъ разумной любви, то никакія внѣшнія усилія не могутъ ни ускорить, ни задержать совершеніе его. Если правительство допуститъ безпрепятственно распространеніе этихъ мыслей, онѣ будутъ распространяться медленно и равномѣрно; если правительство будетъ подвергать, какъ оно дѣлаетъ теперь, преслѣдованіямъ усвоившихъ эти мысли и передающихъ ихъ другимъ, распространеніе этихъ мыслей равно на столько уменьшится среди людей робкихъ, слабыхъ и неопредѣлившихся, насколько оно усилится среди сильныхъ, энергичныхъ и убѣжденныхъ. И потому процессъ распространенія истины не остановится, и не задержится и не успокоится, какъ бы ни поступало правительство.

Таковъ, по моему мнѣнію, общій и неизмѣнный законъ распространенія истины, и потому самое мудрое, что можетъ дѣлать правительство по отношенію проявленія нежелательныхъ для него идей состоитъ въ томъ, чтобы ничего не предпринимать, а, тѣмъ болѣе, не употреблять такихъ недостойныхъ, жестокихъ и явно несправедливыхъ мѣръ, какъ истязаніе невинныхъ людей только за то, что они дѣлаютъ

то самое, что дѣлаютъ и дѣлали десятки тысячъ другихъ людей, никѣмъ за это не преслѣдуемыхъ.

Если же правительство хочетъ непремѣнно не бездѣйствовать, а наказывать, угрожать и пресѣкать то, что оно считаетъ зломъ, то наименѣе неразумное и наименѣе несправедливое, что оно можетъ сдѣлать, состоитъ въ томъ, чтобы всѣ мѣры наказанія, устрашенія или пресѣченія зла, направить противъ того, что считается правительственнымъ источникомъ его, т. е. противъ меня, тѣмъ болѣе, что я заявляю впередъ, что я буду, не переставая, до самой смерти, дѣлать то, что правительство считаетъ зломъ, а что я считаю своей священной передъ Богомъ обязанностью.

И не думайте, пожалуйста, чтобы я, прося обратить противъ себя мѣры насилія, употребляемыя противъ нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ, предполагалъ, что употребленіе такихъ мѣръ противъ меня представляетъ какое-либо затрудненіе для правительства, — что моя популярность и мое общественное положеніе ограждаютъ меня отъ обысковъ, допросовъ, высылокъ, заключенія и другихъ худшихъ насилій. Я не только не думаю этого, но убѣжденъ, что если правительство поступитъ рѣшительно противъ меня, сошлетъ, посадитъ въ тюрьму или приложитъ еще болѣе сильныя мѣры, то это не представитъ никакихъ особенныхъ затрудненій, и общественное мнѣніе не только не возмутится этимъ, но и большинство людей вполнѣ одобритъ такой образъ дѣйствія и скажетъ, что давно пора было это сдѣлать.

Богъ видитъ, что, пиша это письмо, я не подчиняюсь желанію бравировать нравственной потребностью, состоящею въ томъ, чтобы снять съ невинныхъ людей отвѣтственность за поступки, совершаемые мною, а, главное, указать правительственнымъ лицамъ и Вамъ въ томъ числѣ на жестокость, неразумность и несправедливость употребляемыхъ мѣръ, и просить васъ, по мѣрѣ возможности, прекратить ихъ и освободить себя отъ нравственной за нихъ отвѣтственности.

Очень буду благодаренъ, если вы отвѣтите простымъ неофиціальнымъ письмомъ о томъ, что вы думаете о высказанномъ мною и о томъ, исполните ли мою просьбу перенести на будущее время всѣ преслѣдованія, если они уже считаются необходимыми, на меня — главное лицо, съ точки зрѣнія правительства, — заслуживающаго ихъ.

Съ чувствомъ истиннаго доброжелательства остаюсь уважающимъ васъ

Л. Толстой.

№ 196.

Е. И. Попову.

(Ясная Поляна, 1896, іюня 28).

Дорогой другъ Евгеній Ивановичъ, уже больше двухъ недѣль каждый день собираюсь писать вамъ и, какъ видите, только теперь выбралъ время. Писать же мнѣ хочется затѣмъ, чтобы сказать вамъ, что теперь, когда та маленькая тѣнь, которая легла на наши отношенія съ вами, съ которой я боролся всѣми силами (но которая всетаки была)— уничтожилась, я чувствую, что очень люблю васъ и дорожу вами. Я особенно живо почувствовалъ это, когда Г. сказала мнѣ про васъ и про то, что вы болѣете.

Разумѣется, болѣзнь и смерть не важны для того, кого они посѣщаютъ, и то не важны въ тѣ минуты, которыя не непрерывно длятся, когда сознаешь всю свою жизнь; но для другихъ, для любви другихъ людей и болѣзнь, и смерть близкихъ людей важны, какъ важно всякое великое дѣло, совершаемое близкимъ человѣкомъ, и важно свое участіе въ немъ.

А участіе въ немъ наше въ томъ, чтобы бороться съ болѣзнью нашихъ близкихъ и отдалять ихъ смерть, сколько можемъ. Смыслъ нашей жизни — дѣло Божіе, и продлить жизнь и дать здоровье — возможность наибольшаго труда не себѣ, а работникамъ, есть тоже дѣло Божіе.

И потому мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы поѣхали въ Са-

мару на кумысъ. Въ васъ ужасно много силы внутренней жизни и могутъ быть сильные приливы и отливы (и были), и потому, если вы ослабли теперь, то всѣ вѣроятія за то, что вы поправитесь. Поѣзжайте къ Бибикову. Я вамъ дамъ письмо ему, и вамъ тамъ навѣрное будетъ хорошо. А кромѣ моей братской любви къ вамъ, вы (мнѣ думается) очень хорошій и нужный въ наше время работникъ Божій, и сдѣлали много и сдѣлаете. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать вамъ.

Я все занятъ изложеніемъ вѣры. Нехорошо, но всетаки знаю, что нужно это дѣлать, и ничего не позволяю себѣ дѣлать другого и дѣлаю. Стараюсь, главное, не выдумывать, не распредѣлять и, кажется, подвигаюсь въ этомъ смыслѣ.

Чѣмъ дальше живу, тѣмъ яснѣе вижу ту страшную нужду въ свѣтѣ и ту власть тьмы, обуявшую міръ, и все больше чувствую, какъ велика жатва и какъ мало дѣятелей и какой я лѣнивый дѣлатель, и молю Господина жатвы, чтобы выслать больше.

На душѣ у меня довольно хорошо. Все яснѣе чувствую приближеніе смерти и хорошо.

Цѣлую Васъ.

Л. Толстой.

№ 197.

В. В. Рахманову.

(1896 г., Окт. 18).

Получилъ ваше письмо, дорогой Влад. Вас., и, прочтя его, сначала инстинктивно огорчился, а потомъ сознательно обрадовался, какъ я всегда радуюсь, встрѣчая осужденіе, потому что въ осужденіи, особенно исходящемъ отъ близкаго по духу человѣка, всегда польза. Въ вашемъ же осужденіи я нашелъ мало пользы. То, что я пишу, холодно, я знаю и не могу писать того, что я пишу, писать иначе. Не писать же этого, какъ вы мнѣ совѣтуете, никакъ не могу. У меня много начатыхъ и задуманныхъ художественныхъ вещей, которыя манятъ къ себѣ, но я не позволяю себѣ

оставить имъ то короткое время жизни, которое осталось, до тѣхъ поръ, пока не кончу этой работы, которая, не скажу, мнѣ кажется, но я увѣренъ, нужна и полезна будетъ многимъ людямъ. Увѣренъ я въ этомъ потому, что тѣ выводы, къ которымъ я пришелъ, достались мнѣ съ большимъ трудомъ и дали и даютъ мнѣ много радости духовной и спокойствія, съ которымъ живу и надѣюсь умереть. Вы мнѣ совѣтуете не учительствовать и не измѣнять жизнь; а я какъ разъ не могу не писать то, что пишу.—Только это писаніе даетъ мнѣ сознаніе нужнаго и должнаго труда.—И не могу не желать измѣнить жизнь, и все мучаюсь и пытаюсь измѣнить ее, потому что страдаю отъ своей дурной жизни. Такъ что письмо ваше не дало мнѣ той пользы, которую я ожидалъ, но дало мнѣ хорошее чувство къ вамъ. Я увидалъ по этому письму, что вы, осудивъ меня въ душѣ своей и съ другими по своей правдивости и истинной любовности, хотѣли сказать мнѣ все, что вы думали обо мнѣ. И за это я васъ еще больше полюбилъ. То же, что вы пишете о любви, немножко неясно и, вѣроятно, вызвано неточностью моихъ выраженій и быстротой вашего чтенія, такъ какъ вы возражаете мнѣ тѣми самыми неясными и недѣйствительными разсужденіями о томъ, какъ желательно бы увеличить любовь, разсужденія, которыя я, по крайней мѣрѣ, полагалъ, что совершенно устранилъ, показавъ ихъ тщету тѣмъ, что призналъ не на словахъ только, а со всѣми вытекающими изъ того послѣдствіями, что Богъ есть любовь и потому и человѣкъ есть любовь, и потому увеличивать любовь никакъ не можетъ человѣкъ своимъ желаніемъ, а можетъ только устранить то, что препятствуетъ ея проявленію.

Ну, пока прощайте.

Цѣлую васъ. *Л. Толстой.*

№ 198.

Начальнику дисциплинарнаго батальона.

(Ясная Поляна, 1896 г., Ноябрь 1).

Милостивый государь.

Не зная вашего имени и отчества, не зная даже вашей фамиліи, не могу обратиться къ вамъ иначе, какъ этой холодной и нѣсколько непріятной, отдаляющей людей другъ отъ друга, формулой: милостивый государь; а между тѣмъ я обращаюсь къ вамъ по дѣлу, самому задушевному и желалъ бы обойти всѣ тѣ внѣшнія формы, которыя раздѣляютъ людей и, напротивъ, вызвать въ васъ къ себѣ,—если не братское отношеніе, которое свойственно людямъ имѣть другъ къ другу, то, по крайней мѣрѣ, уничтожить все предвзятое, что можетъ быть вызвано къ вамъ моимъ письмомъ и именемъ. Я желалъ бы, чтобы вы отнеслись ко мнѣ и къ моей просьбѣ, какъ къ человѣку, о которомъ вы ничего не знаете ни хорошаго, ни дурного и обращеніе котораго къ вамъ вы готовы выслушать съ доброжелательнымъ вниманіемъ.

Дѣло, о которомъ я хочу просить васъ—въ слѣдующемъ: въ вашъ дисциплинарный батальонъ поступили, или должны въ скоромъ времени поступить два человѣка, присужденные бригаднымъ владивостокскимъ судомъ къ тремъ годамъ заключенія. Одинъ изъ нихъ—крестьянинъ Петръ Ольховикъ, отказавшійся исполнять военную службу, потому что онъ считаетъ ее противною закону Бога, другой—Кириллъ Середа, рядовой, сблизившійся съ Ольховикомъ на пароходѣ и, узнавъ отъ него причину ссылки, пришедшій къ тѣмъ же убѣжденіямъ, какъ и Ольховикъ и отказавшійся отъ продолженія службы.

Я очень хорошо понимаю, что правительство, не выработавъ еще соотвѣтственнаго особенностямъ такихъ случаевъ закона, не можетъ поступать иначе, какъ такъ, какъ оно поступило, хотя я и знаю, что въ послѣднее время высшее правительство, вниманіе котораго было обращено на жесто-

кость и несправедливость наказанія такихъ людей наравнѣ съ порочными военными чинами, озабочено тѣмъ, чтобы найти болѣе справедливыя и легкія средства противодѣйствія такимъ отказамъ. Я знаю также очень хорошо, что вы, занимая вашъ постъ и не раздѣляя убѣжденія Ольховика и Середы, не можете поступать иначе, какъ строго исполняя то, что вамъ предписываетъ законъ; но все таки я прошу васъ, какъ христіанина и добраго человѣка, пожалѣть этихъ людей, виновныхъ только въ томъ, что они исполняютъ то, что они считаютъ закономъ Божьимъ предпочтительно передъ закономъ человѣческимъ.

Не скрою отъ васъ того, что я лично вѣрю не только въ то, что люди эти дѣлаютъ то, что должно, но — что и очень скоро всѣ люди поймутъ, что эти люди дѣлали великое и святое дѣло.

Но очень можетъ быть, что такое мнѣніе вамъ кажется безумiемъ и вы твердо увѣрены въ противномъ. Я не позволю себѣ убѣждать васъ, зная, что люди серьезные, вашего возраста, приходятъ къ извѣстнымъ убѣжденіямъ не съ чужихъ словъ, а своей внутренней работой мысли. Одно, о чемъ я умоляю васъ, какъ христіанина, добраго человѣка и брата, и моего, и Ольховика, и Середы,— какъ человѣка, ходящаго подъ однимъ съ нами Богомъ и имѣющаго прійти послѣ смерти туда же, куда пойдемъ и всѣ мы, — умоляю васъ не скрывать отъ себя того, чѣмъ отличаются эти люди (Ольховикъ и Середа) отъ другихъ преступниковъ, не требовать отъ нихъ исполненія того, отъ чего они отказались разъ навсегда; не искушать ихъ, вводя ихъ этимъ въ новыя и новыя наказанія, какъ поступали съ несчастнымъ, возбудившимъ всеобщее сочувствіе и въ высшихъ сферахъ,—Дрожжинымъ, до смерти замученнымъ въ Воронежскомъ дисциплинарномъ батальонѣ. Не отступая отъ закона и отъ добросовѣстнаго исполненія своихъ обязанностей, вы можете сдѣлать заключеніе этихъ людей адомъ и погубить ихъ, мо-

жете и смягчить въ значительной степени ихъ страданія. Объ этомъ я умоляю васъ, надѣясь, что вы найдете эту просьбу излишней, и что ваше внутреннее чувство, прежде меня, ужъ склонить васъ къ тому же.

Судя по тому мѣсту, которое вы занимаете, я полагаю, что ваши взгляды на жизнь и на обязанности человѣка совершенно противоположны моимъ. Не могу скрыть отъ васъ, что я считаю вашу обязанность несовмѣстимой съ христіанствомъ и желаю вамъ, какъ я желаю всякому человѣку, освобожденія отъ участія въ такихъ дѣлахъ. Но, зная всѣ свои грѣхи и прежніе, и теперешніе, и всѣ свои слабости, и дѣла, сдѣланныя мною, я не только не позволяю себѣ осуждать васъ за вашу должность, но питаю къ вамъ, какъ ко всякому брату по Христу, совершенное уваженіе и любовь.

Очень буду благодаренъ вамъ, если отвѣтите мнѣ.

Левъ Толстой.

1897 г.

№ 199.

Англо-Русскому Литературному Обществу.

(1897 г., Окт. 17).

М. Г. Очень благодарю васъ за выраженное вами желаніе избрать меня членомъ вашего общества. Я всей душой сочувствую всякому способу единенія людей, независимо отъ политическихъ партій, и въ особенности сознательному единенію, духовному, людей разныхъ національностей и государствъ, которое съ такой быстротой и энергіей теперь совершается во всемъ мірѣ. Ваше общество имѣетъ такую идею, и потому желаю ему наибольшаго успѣха. Очень радъ буду получить болѣе подробныя свѣдѣнія объ его дѣятельности.

Съ совершеннымъ уваженіемъ

Левъ Толстой.

1898 г.

№ 200.

И. Б. Фейнерману.

(1898 г., Янв. 1).

Я получилъ ваше письмецо и рукопись, дорогой И. Б. и очень сожалѣю, что не могу ничего пріятнаго сказать вашему знакомому. И по содержанію, и по формѣ этотъ разсказъ не имѣетъ никакого достоинства. Такихъ пишутся и печатаются тысячи ежемѣсячно совершенно непонятно для чего. И я не могу сочувствовать этому роду писаній. Я получилъ и ваше прежнее письмо — о почеркѣ — и мнѣ было очень радостно ваше доброе чувство ко мнѣ, которое прошу васъ не утрачивать и которое взаимно.

Л. Толстой.

№ 201.

А. Ф. Мооду.

(1898 г., Дек. 12).

Дорогой другъ Моодъ!

Сейчасъ получилъ ваше второе письмо, съ парохода, въ которомъ вы пишете мнѣ про Houells'a и др. Houells мнѣ особенно симпатиченъ по всему, что я знаю о немъ. Что вы знаете и думаете про Christian communal wealth? Меня очень интересуетъ это общество. Чѣмъ больше я живу, тѣмъ больше убѣждаюсь, что наше чрезмѣрное умственное развитіе много мѣшаетъ намъ въ дѣлѣ жизни. Сынъ мой спросилъ разъ мужика отчего онъ не сталъ жить у сосѣда помѣщика? Мужикъ отвѣчалъ: у него нельзя жить. Отчего? Дюже уменъ. И я думаю, что большинство нашихъ неудачъ происходитъ отъ того, что мы дюже умны. Какъ просто и легко достигаютъ духоборы того, что кажется намъ недосягаемо съ нашимъ умомъ и ученостью. Боюсь, что въ этомъ будетъ состоять и въ communal wealth препятствіе къ достиженію цѣли ихъ. Въ послѣднемъ № я прочелъ разсужденіе о томъ,

что патріотизмъ можетъ быть хорошимъ. Это грустно. Ч. пишетъ что онъ не хочетъ и не можетъ больше заниматься дѣлами духоборовъ, часть которой составляютъ изданіе и продажа переводовъ моей повѣсти. А сколько я помню уѣзжаетъ въ Канаду и потому невольно мы всѣ возлагаемъ надежду на васъ. Какъ ни совѣстно просить васъ, послѣ того, какъ вы только что окончили свой трудъ для общаго дѣла, взять на себя новый трудъ, мы не можемъ не дѣлать этого. Если вы согласитесь, то я буду стараться избавить васъ насколько могу отъ лишняго труда въ той мѣрѣ, въ которой это мнѣ здѣсь возможно. Кажется, что теперь самое трудное перейдено и пойдетъ подъ гору.

Такъ вотъ, любезный другъ, пожалуйста не откажите помочь намъ и поскорѣе отвѣтьте, чтобы успокоить насъ.

Передайте мой братскій привѣтъ вашей женѣ.

Любящій васъ

Л. Толстой.

1899 г.

№ 202.

А. Ф. Мооду.

(1899 г., Янв. 12).

Любезный другъ!

Получилъ три письма ваши. О вашемъ отказѣ участвовать въ дѣлѣ печатанія перевода „Воскресенье“ очень жалѣю, хотя и понимаю мотивы вашего отказа. Во всемъ этомъ дѣлѣ есть что то неопредѣленное, неясное и какъ будто несогласное съ исповѣдываемыми нами принципами. Иногда — въ дурныя минуты — это на меня такъ же дѣйствуетъ и мнѣ хочется какъ можно скорѣй get rid of it, но когда я въ хорошемъ серьезномъ настроеніи, я даже радуюсь всей этой непріятности, к. связана съ этимъ дѣломъ. Я знаю, что мотивы мои были если не добрые, то самые невинные, и потому если въ глазахъ людей я покажусь за это непо-

слѣдовательнымъ или еще чѣмъ нибудь хуже, то это только полезно мнѣ, пріучая меня дѣйствовать независимо отъ людскихъ сужденій, только соотвѣтственно требованіямъ совѣсти. Случаемъ этимъ надо дорожить. Они рѣдки и очень полезны.

Любящій Васъ *Л. Толстой.*

№ 203.

А. В. Власову.

(1899 г.)

Уважаемый братъ Андрей Васильевичъ!

Получилъ ваше письмо и радъ былъ узнать изъ него про васъ и про вашу вѣру. То, что вы пострадали отъ начальства мірского, доказываетъ то, что вы идете по пути Христа. Всякій человѣкъ, идущій по этому пути, не минуетъ столкнуться съ княземъ міра сего. И не ставятъ свѣтъ подъ спудъ, а такъ, чтобы видно было его другимъ. Князь же міра не можетъ допустить этого, потому что свѣтъ Христовъ обличаетъ злыя дѣла его. Только тѣ люди служатъ дѣлу Божьему, устанавливая Его царства на землѣ, которые — обличаютъ обманы князя міра, и несутъ за это гоненія. — Помогай вамъ въ этомъ Богъ.

Съ тѣмъ, что вы высказываете въ письмѣ вашемъ, я вполнѣ согласенъ, и духомъ радовался, читая его. Одно могу посовѣтовать, то, чтобы въ обличеніи не терять любви къ заблудшему брату; и еще то, чтобы въ обличеніяхъ лжи больше упирать и полагаться на разумъ и любовь, а не на стихи изъ писанія. Писанія дѣло рукъ человѣческихъ, въ нихъ могутъ быть ошибки, и толковать, особенно апокалипсисъ, каждый можетъ по своему; разумъ же данъ отъ Бога и всѣмъ: и татарамъ, и китайцамъ, и всѣмъ народамъ одинъ и тотъ же, и въ то, что говоритъ разумъ, нельзя не вѣрить. Не вѣрятъ только тѣ, кто не хочетъ знать истины. Прилагаю при семъ нѣсколько статеекъ о вѣрѣ, какъ я по-

нимаю. Двѣ статьи: „Заповѣди Христа“ и „Какъ читать Евангеліе“, составленныя мною; остальныя не мои, но я согласенъ съ ними.

Любящій васъ братъ *Л. Толстой.*

№ 204.

И. Б. Фейнерману.

Получилъ ваше письмо, дорогой другъ Исаакъ Борисовичъ, и оно произвело на меня грустное впечатлѣніе.

Ну развѣ можетъ это быть, чтобы Божье дѣло остановилось и даже вовсе не вышло отъ недостатка денегъ?

Много я думалъ и не только думалъ, но выживалъ этотъ вопросъ и пришелъ къ тому несомнѣнному положенію, что потребность въ деньгахъ показываетъ неправильность положенія, и, чѣмъ больше потребность, тѣмъ больше неправильность, и что когда испытываешь эту потребность, то дѣло не въ томъ, чтобы добыть деньги, а въ томъ, чтобы уничтожить эту потребность.

Все равно какъ при чесоткѣ, надо не чесать, а прекратить болѣзнь.

И въ самомъ дѣлѣ, развѣ возможно, чтобы люди, не признающіе ничего своимъ, хотѣли бы посредствомъ денегъ сдѣлать своей... собственность земельную? Эту ошибку дѣлаютъ очень многіе: такъ противна жизнь городская, такъ радостна деревенская, такъ хочется поставить себя въ такія условія, чтобы можно было учесть себя, установить свой балансъ съ людьми, сказать себѣ: — я живу своимъ трудомъ и имъ же служу другимъ, — какъ будто это возможно, какъ будто вездѣ и всегда мы не будемъ въ неоплатномъ долгу?

Дѣло только въ томъ, чтобъ мы его чувствовали, этотъ долгъ, всегда и вездѣ. Ахъ, милый другъ, какъ все это просто и какъ все, казавшееся мнѣ столь трудно разрѣшимымъ, теперь кажется яснымъ!

Въ денежномъ вопросѣ все сводится къ тому, что деньги есть та злая, антихристіанская сила, которая замѣнила владѣніе рабовъ.

Что же надо дѣлать?

Никогда не пользоваться рабами, т. е. деньгами.

Что дѣлать, чтобъ не было нужды въ пользованіи деньгами.

Уменьшить свои потребности.

Какія потребности самыя денежныя, т. е. для удовлетворенія которыхъ нужно больше всего денегъ?

Потребность... не свободы (познаете истину, и истина освободитъ васъ), а того, что называется свободой, возможностью измѣнять свое положеніе.—Эта самая большая роскошь.

И эту-то роскошь дьяволъ представляетъ въ видѣ обратномъ, въ видѣ опрощенія.—Надо не попадаться на это.

Что жъ плохого въ томъ что христіанинъ живетъ въ городѣ.

Онъ принимаетъ участіе въ городской эксплоатаціи? Да вѣдь онъ знаетъ, радуютъ его или нѣтъ выгоды городской жизни.

Онъ поглощаетъ больше, чѣмъ даетъ? Да кто это счелъ?

Развѣ христіанинъ даетъ что нибудь матеріальное?

Онъ даетъ то, что велѣно, чтобы свѣтъ нашъ свѣтилъ передъ людьми и они прославляли бы...

Дѣло это для искренняго человѣка всегда будетъ выражаться въ формѣ матеріальныхъ дѣлъ, но само оно не матеріально.

Да вы все знаете, какъ и я.

Нужно одно, что я послѣднее время постоянно повторяю себѣ: радостно исполнять волю Отца въ чистотѣ, смиреніи и любви, т.-е. 1) жить, избѣгать нечистоты душевной (похоти, тщеславія и другого грѣха противъ людей); 2) въ смиреніи, т. е. какъ бы впередъ готовясь на то, что люди

будутъ презирать, или хоть не понимать и ставить въ неловкое положеніе тебя, и 3) въ любви, т. е. затпшая въ себѣ все то, что можетъ вызвать нерасположеніе, и возбуждая все, что можетъ вызвать любовь.

И когда удается такъ жить, то въ какихъ бы ты ни былъ условіяхъ,—радость всегда будетъ непрестанная, вѣчная.

Л. Толстой.

1900 г.

№ 205.

А. Ф. Мооду.

(Москва, 1900 г., Янв. 27).

Дорогой Алексѣй Францевичъ!

Я, разумѣется, не могъ сказать, и не сказалъ того, что мнѣ приписываютъ. Произошло это оттого, что пришедшему ко мнѣ подъ видомъ автора, принесшаго свою книгу, корреспонденту газеты, я сказалъ, на его вопросъ о моемъ отношеніи къ войнѣ, что я ужаснулся на себя, поймавъ себя, во время болѣзни на томъ, что желалъ найти въ газетѣ извѣстій о побѣдѣ Буровъ, и былъ радъ случаю выразить въ письмѣ В. мое истинное отношеніе къ этому дѣлу, которое состоитъ въ томъ, что я не могу сочувствовать никакимъ военнымъ подвигамъ, хотя бы это было — Давидъ противъ десятка Голіафовъ, а сочувствую только тѣмъ людямъ, которые уничтожаютъ причины, престижъ золота, богатства, престижъ военной славы и главную причину всего зла— престижъ патріотизма и ложной религіи, оправдывающихъ братоубійства.

Я думаю, что не стоитъ того печатать въ газетахъ опроверженіе ложно-приписываемаго мнѣ мнѣнія. На всякое чиханіе не наздравствуешься. Я н. п. получаю въ послѣднее время письма изъ Америки, въ которыхъ одни упрекаютъ, а другіе одобряютъ меня за то, что я отрекся отъ всѣхъ своихъ убѣжденій. Стоитъ ли опровергать, когда завтра

могутъ быть выдуманы 20 новыхъ извѣстій, к. будутъ содѣйствовать наполненію столбцовъ газеты и кармановъ издателей.

Впрочемъ дѣлайте, какъ найдете нужнымъ.

Здоровье мое все нехорошо, но т. к. для того, чтобы умереть есть только одно средство—быть больнымъ, такъ же, какъ и для того, чтобы перепестись съ мѣста на мѣсто одно средство сѣсть въ экипажъ или въ вагонъ, то я ничего не имѣю противъ болѣзни тѣмъ болѣе, что она не мучительна и даетъ мнѣ возможность и думать и даже работать. Занятъ я теперь преимущественно статьей о рабочемъ вопросѣ. Я уже писалъ объ этомъ, но мнѣ кажется, что имѣю сказать нѣчто новое, и надѣюсь просто и ясно. Пришлите мнѣ пожалуйста книжку The effectsof the factory system, Allen Claeke, и если можно поскорѣе и еще новѣйшія книги или статьи объ этомъ предметѣ т. е. о положеніи рабочихъ теперь. Очень обяжете меня. Я уже вышлю вамъ, что будетъ стоить. Привѣтъ вашей женѣ. Дружески жму вамъ руки.

Л. Толстой.

№ 206.

А. Ф. Кони.

(1900 г., Апр. 12).

Благодарю васъ, дорогой Анатолій Федоровичъ, за присылку интересныхъ дѣлъ. Возвращаю ихъ съ В. А. Маклаковымъ, котораго вы знаете и котораго рекомендую вамъ, какъ очень даровитаго и хорошаго молодого человѣка.

Очень сожалѣю о томъ, что ваша рѣчь вызвала неосновательныя возраженія. То, что вы сказали, было очень естественно и цѣлесообразно. Надо выучиться не обращать на это вниманія, что вы знаете лучше меня.

Очень радъ буду увидѣть васъ и обо всемъ побесѣдовать.

Неудача по дѣлу Еросова меня очень огорчила, а ему будетъ очень тяжела.

Онъ прекрасный человѣкъ. Такое-же дѣло Зиновьева кассировано и вновь судъ обвинилъ. Будемъ толкать, авось и отверзется.

Любящій васъ *Л. Толстой.*

1901 г.

№ 207.

Французскому Пастору.

(1901 г.).

М. Г. Я получилъ ваше письмо и благодарю васъ за чувства, которыя вы мнѣ выражаете. Очень благодаренъ вамъ также за выдержки изъ Огюста Сабатье. Я очень жалѣю, что только по имени и по отзывамъ знакомъ съ этимъ выдающимся человѣкомъ. Выдержки, приводимыя вами о его способѣ пониманія христіанства, доказываютъ мнѣ, что я могъ бы быть съ нимъ въ полномъ общеніи мыслей и чувствъ, какъ и съ вами и всѣми тѣми, которые раздѣляютъ его пониманія.

Есть тѣмъ не менѣе одинъ пунктъ, въ которомъ я не схожусь съ вами: это съ вашимъ представленіемъ о необходимости церкви и—потому пасторовъ (священниковъ), т. е. лицъ, облеченныхъ извѣстною властью (авторитетомъ). Я не могу забыть 8-го и 9-го стиховъ изъ 23-й главы Матфея, — не потому, что эти стихи изъ Евангелія, но потому что для меня совершенная очевидная истина, что не можетъ быть пасторовъ, учителей, руководителей между христіанами и что именно это нарушеніе евангельскаго закона до настоящаго времени свело почти къ нулю проповѣдь истиннаго, христіанскаго ученія.

По моему, главнѣйшій смыслъ христіанскаго ученія, есть возстановленіе прямого общенія между Богомъ и человѣкомъ. Всякій человѣкъ, который беретъ на себя роль посредника въ этомъ общеніи, мѣшаетъ тому, кѣмъ онъ хочетъ руководить, войти въ прямое общеніе съ Богомъ и, — что

еще хуже, — самъ совершенно удаляется отъ возможности жить по христіански.

По моему, — верхъ гордости, грѣхъ, болѣе всего отдаляющій отъ Бога, это—сказать себѣ что я въ состояніи помогать другимъ жить хорошо и спасать ихъ души. Все, что можетъ сдѣлать человѣкъ, старавшійся слѣдовать христіанскому ученію, это стараться совершенствоваться столько, сколько возможно. (Мф. V. 48. „Итакъ будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный"), употреблять на это самосовершенствованіе всѣ свои силы, всю свою энергію. Это единственный способъ воздѣйствія на своихъ ближнихъ и помощи имъ на пути добра. Если существуетъ церковь — то никому не дано знать ея предѣловъ и никто не можетъ знать принадлежитъ ли онъ къ ней или нѣтъ? Все, что человѣкъ можетъ желать и на что надѣяться, это стремиться стать частью ея, но никто не можетъ быть увѣренъ, что онъ сталъ таковымъ на самомъ дѣлѣ, еще менѣе того предполагать, что онъ имѣетъ право, возможность руководить другими. Прошу васъ, милостивый государь, извинить меня за откровенность, съ которою я излагаю мое мнѣніе противно вашему, и вѣрить чувствамъ симпатіи и уваженія, съ которымъ я остаюсь готовый къ услугамъ.

Л. Толстой.

№ 208.

N. N.

(1901 г.).

Я радъ былъ случаю высказать и уловить и уяснить себѣ, что говорить о „толстовствѣ", искать моего руководительства, спрашивать моего рѣшенія вопросовъ — большая и грубая ошибка.

Никакого м о е г о ученія не было и нѣтъ; есть одно вѣчное, всеобщее, всемірное ученіе истины, для меня, для насъ особенно ясно выраженное въ Евангеліяхъ. Ученіе это призываетъ человѣка къ признанію своей сыновности Богу и

потому — своей свободной или рабства (какъ хотите назовите),—свободы отъ вліянія міра, и рабства Богу, воля Его; и какъ только человѣкъ понялъ это ученіе, онъ свободно вступаетъ въ непосредственное общеніе съ Богомъ и спрашивать ему уже нечего и не у кого.

Это похоже на плаваніе человѣка по рѣкѣ съ огромнымъ разливомъ. Пока человѣкъ не въ серединномъ потокѣ, а въ разливѣ, ему нужно самому плыть, грести, тутъ онъ можетъ руководиться направленіемъ плаванія другихъ людей. Тутъ и я могъ руководить людей, самъ приплывая къ потоку. Но какъ только мы вступили въ потокъ, такъ нѣтъ и не можетъ быть руководителя. Всѣ мы несомые силой теченія, всѣ въ одномъ направленіи и тѣ, кто были назади, могутъ быть впереди.

Если человѣкъ спрашиваетъ, куда ему плыть, то это доказываетъ только то, что онъ не вступилъ еще въ потокъ и что тотъ, у кого онъ спрашиваетъ, плохой руководитель, если онъ не умѣлъ довести его до того потока т. е. до того состоянія, въ которомъ уже нельзя, потому что безполезно спрашивать. Какъ спрашивать, куда плыть, когда потокъ съ неотразимой силой влечетъ меня по радостному для меня направленію?

Люди, которые подчиняются одному руководителю, вѣрятъ ему и слушаютъ его, несомнѣнно бродятъ впотьмахъ вмѣстѣ съ своимъ руководителемъ.

Л. Толстой.

№ 209.

Священнику N.

(1901 г).

Любезный братъ. Сожалѣю, что не знаю отчества. Письмо ваше доставило мнѣ большое удовольствіе. Вы — четвертый священникъ, въ которомъ я встрѣчаю полное согласіе — не съ моими взглядами, а съ сущностью ученія Христа, которое въ настоящемъ его назначеніи доступно младенцамъ и

не можетъ вызвать разногласія. И мнѣ это очень радостно. Одно въ вашемъ письмѣ немного смутило меня. Это ваше упоминаніе о метафизикѣ и церковности. Боюсь, что у васъ составилась своя метафизика, или вы держитесь церковной метафизики, которая даетъ вамъ возможность съ вашими взглядами оставаться священникомъ. По тому, что вы служите десять лѣтъ, я заключаю, что вы еще молодой человѣкъ и годитесь мнѣ въ сыновья, если не въ внуки и потому я позволю себѣ дать вамъ не прошенный совѣтъ о томъ, какъ, по моему мнѣнію, долженъ поступать священникъ, освободившійся отъ суевѣрій и понявшій ученіе Христа въ его настоящемъ значеніи и желающій слѣдовать ему. Часто, находясь въ положеніи, несоединимомъ съ слѣдованіемъ ученія Христа... люди придумываютъ или усваиваютъ себѣ какую-нибудь сложную, запутанную систему метафизики, которая должна оправдать ихъ положеніе. Вотъ отъ этого соблазна я бы хотѣлъ предостеречь васъ. Для христіанина нѣтъ и не можетъ быть никакой сложной метафизики. Все, что можно назвать метафизикой въ христіанскомъ ученіи, состоитъ въ простомъ и понятномъ всѣмъ положеніи, что всѣ люди—дѣти Бога, братья и потому должны любить отца и братьевъ, вслѣдствіе этого, поступать съ другими такъ же, какъ желаешь, чтобы поступали съ тобой. Я думаю, что всякая метафизика сверхъ этого — отъ лукаваго и придумана только затѣмъ, чтобы примирить свое — непримиримое съ христіанскимъ ученіемъ — положеніе. Есть еще священники, — я знаю такихъ — которые, чувствуя несовмѣстимость своего положенія съ чистымъ пониманіемъ христіанства, думаютъ оправдаться тѣмъ, что въ ихъ положеніи они легче могутъ бороться съ суевѣріями и распространять христіанскую истину. Полагаю, что такое положеніе еще болѣе неправильно. Въ религіозномъ дѣлѣ цѣль не можетъ оправдывать средства, что средства, отступающія отъ истины, уничтожаютъ всякую возможность достиженія цѣли, состоящей въ наученіи истины.

Главное же то, что ни одинъ человѣкъ не призванъ къ тому, чтобы поучать другихъ; (Мф. XXIII, 8, 9,) „А вы, не называйтесь учителями, ибо одинъ у васъ Учитель — Христосъ; всѣ же вы братья“, „И отцомъ себѣ не называйте никого на землѣ: ибо одинъ у васъ Отецъ, который на небесахъ“, — а только къ тому, чтобы самому совершенствоваться въ истинѣ и любви. И только черезъ это совершенствованіе (безъ всякой мысли о другихъ) можетъ человѣкъ дѣйствовать на другихъ.

Простите, что возражаю вамъ на то, чего вы не говорили и, можетъ быть, и не думаете. Но, получивъ сильное и радостное впечатлѣніе отъ вашего письма, мнѣ захотѣлось высказать все, что я думалъ о трагическомъ положеніи священника, познавшаго истину, и о наилучшемъ выходѣ изъ такого положенія и объ опасностяхъ этого положенія.

Лучшій выходъ изъ этого положенія, — героическій выходъ—по моему тотъ, чтобы священникъ, собравъ своихъ прихожанъ, вышелъ къ нимъ на амвонъ, и вмѣсто службы и поклоновъ иконамъ, поклонился бы до земли народу, прося прощенія у него за то, что вводилъ его въ заблужденіе. Второй выходъ тотъ, который избралъ 10 лѣтъ тому назадъ, замѣчательный человѣкъ, покойникъ, знакомый мнѣ изъ Вятской семинаріи, священникъ Апполовъ, служившій въ Ставропольской епархіи. Онъ заявилъ архіерею, что не можетъ по измѣнившимся взглядамъ продолжать священствовать.

Его вызвали въ Ставрополь, и начальство, и семейные такъ мучили его, что онъ согласился вернуться на свое мѣсто, но, пробывъ меньше года, не выдержалъ и опять отказался и разстригся. Жена оставила его. Всѣ эти страданія такъ повліяли на него, что онъ умеръ, какъ святой, не измѣнивъ своимъ убѣжденіямъ и, главное,—любви.

Это второй выходъ, но я знаю, какъ онъ страшно труденъ, въ виду семейныхъ отношеній всякаго священника, и окружающей его среды, — и потому я вполнѣ понимаю, и

никакъ не осуждаю священника, который, по слабости остался священникомъ, не смотря на то, что не вѣритъ въ то, что дѣлаетъ. Одно, что я говорю и позволяю себѣ совѣтовать — это то чтобы не употреблять свой разсудокъ на ухищренія, посредствомъ которыхъ представлялось бы, что, поступая дурно, я поступаю хорошо. Только бы человѣкъ держалъ передъ собою истину во всей ея чистотѣ, не кривилъ бы душой и онъ найдетъ средства поступить наилучшимъ, смотря по своимъ силамъ, образомъ. Священникъ, понимающій истинное христіанское ученіе, долженъ, по моему мнѣнію, какъ и всякій христіанинъ, дѣлать первое — стремиться познать истину во всей ея чистотѣ и полнотѣ,—независимо отъ своего положенія, и второе, по мѣрѣ силъ, измѣнить свое положеніе, приближая его къ познанной истинѣ. (Приближеніе это дѣлается само собой, если человѣкъ искренень). Насколько же человѣкъ приблизится насколько и какъ онъ приблизится — это дѣло его съ Богомъ, о которомъ посторонніе судить не могутъ.

Братски привѣтствую васъ. Любящій васъ братъ

Л. Толстой.

№ 210.

Е. И. Попову.

(1901 г., Апр. 8).

Получилъ ваше хорошее письмо, дорогой Ев. Ив., и очень былъ радъ почувствовать душевное общеніе съ вами, гораздо большее, чѣмъ то, какое было въ Москвѣ въ вашъ послѣдній пріѣздъ. Тутъ никто не виноватъ. Духовное общеніе устанавливается или нѣтъ, независимо отъ нашей воли.

Ваше душевное состояніе я вполнѣ понимаю и раздѣляю, но только не пропаганду, какъ сознательную цѣль или форму жизни.

Пропаганда одна, — своя добрая жизнь, дѣйствительна. Хотя я не отрицаю того, что сообщеніе того, что знаешь, и что

нужно другимъ, особенно, если оно совершается съ усиліями и лишеніями, не составляетъ иногда главное условіе доброй жизни. Оно мнѣ близко и я самъ въ этомъ положеніи.

Не смотрите легко на воспитаніе, хотя бы одного человѣка. Это великое дѣло. Я писалъ объ этомъ Бирюковымъ, совѣтуя имъ попытаться устроить наилучшую и свободную, разумную школу. Они въ такихъ для этого выгодныхъ условіяхъ. А важность этого дѣла не выразишь словами. Всѣ наши усилія пропадутъ, если молодыя поколѣнія не будутъ готовы принять истину, будутъ закупорены отъ нея. Всѣ усилія наши должны быть направлены на торжество истины, когда насъ не будетъ. Это и лучшее для работы.

Я написалъ—былъ приведенъ къ этому, отвѣтъ Синоду,—пришлю вамъ на-дняхъ, а теперь еще многое хочется писать. До смерти успѣть, а она, чувствую, близка. Прощайте, братски цѣлую васъ. Передайте мою любовь Вульфамъ.

Л. Толстой.

№ 211.

Представителю Толстовскаго общества въ Манчестерѣ.

(Гастра, 1901 г., Авг. 15).

Дорогой другъ, вы правы, предполагая, что я долженъ быть заинтересованъ „Толстовскимъ обществомъ“. Но я жалѣю, что во мнѣ еще сохранилось достаточно тщеславія для того, чтобы быть заинтересованнымъ имъ. Я всегда былъ того убѣжденія,—и оно не можетъ измѣниться,—что быть членомъ стараго общества, учрежденнаго Богомъ при началѣ сознательной жизни человѣчества, болѣе производительно для себя и для человѣчества, чѣмъ быть членомъ ограниченныхъ обществъ, организуемыхъ нами для достиженія тѣхъ цѣлей, которыя мы въ состояніи сознать. Я думаю, что предпочтеніе, оказываемое нами нашимъ собственнымъ обществамъ, происходитъ отъ того, что роль, которую мы играемъ въ нихъ, представляется намъ гораздо болѣе

важною, чѣмъ та, которую мы исполняемъ въ великомъ Божіемъ обществѣ. Но это только самообманъ: всѣ три вида дѣятельности, упомянутые вами въ вашемъ письмѣ, вѣрнѣе достижимы человѣкомъ, считающимъ себя членомъ великаго Божьяго общества, нежели членомъ „Толстовскаго общества". Такой человѣкъ, если онъ искренен,—какъ я знаю, что вы искренни,— будетъ, во первыхъ, распространять, насколько можетъ, тѣ мысли, которыя доставили ему душевное удовлетвореніе и энергію жизни, не заботясь о томъ, Толстого ли онѣ или кого-либо другого. Во-вторыхъ, онъ будетъ всѣми силами стараться вызывать людей къ высказыванію ихъ мнѣній о самыхъ важныхъ вопросахъ жизни. Въ-третьихъ, онъ будетъ стремиться доставлять каждому, съ кѣмъ онъ приходитъ въ соприкосновеніе, столько радости и счастья, сколько онъ въ состояніи; а также будетъ помогать тѣмъ, которые впадаютъ въ затрудненіе отъ твердаго слѣдованія ученію Христа. Человѣкъ, принадлежащій къ великому Божьему обществу, кромѣ того, исполнитъ и много другихъ христіанскихъ поступковъ, которые не были ни предвидѣны ни опредѣлены ни „Толстовскимъ обществомъ", ни какимъ бы то ни было другимъ. Я допускаю, что существуютъ нѣкоторыя выгоды въ соединеніи людей одинаковыхъ мыслей въ общества; но думаю, что невыгоды такихъ организацій гораздо значительнѣе, чѣмъ ихъ удобства. И потому я сознаю, что для меня было бы большей потерей перемѣнить свое членство великаго Божьяго общества на кажущееся полезнымъ участіе въ какомъ бы то ни было человѣческомъ обществѣ.

Мнѣ жаль, дорогой другъ, расходиться съ вами во мнѣніи, но я не могу думать иначе.

Л. Толстой.

№ 212.

И. Ф. Нажившну.

(Гаспра, 1901 г., Сентябрь).

Рѣшить вашего вопроса не могу. Знаю только, что ищущій духовнаго блага находитъ его: оно всегда въ нашей

власти. Исканіе его есть уже обрѣтеніе его. А мнѣ кажется, что вы искренно ищете его. То, что вамъ кажется, что вы идете назадъ, лучше, чѣмъ если бы вамъ казалось, что вы быстро идете впередъ. Для меня есть только одна жизнь: служеніе Богу и людямъ черезъ совершенствованіе (себя) или совершенствованіе (себя) черезъ служеніе Богу и людямъ; и потому, какъ бы далекъ я ни былъ отъ того, чѣмъ я хотѣлъ бы быть, я не могу не желать жить тою одной жизнью, которую я призналъ. То же и для всѣхъ людей, если они поймутъ, въ чемъ жизнь. Не робѣйте и не уставайте: сначала и опять сначала.

Л. Толстой.

№ 213.

Н. Е. Ф-ну.

(Гаспра, 1901 г., Дек. 30).

Получилъ ваше письмо и ни минуты не усомнился въ вашей искренности и серьезности. Чистые молодые люди вашего возраста, очень часто гораздо яснѣе понимаютъ основные религіозные вопросы, чѣмъ люди пожилые, въ особенности люди въ полномъ расцвѣтѣ физической силы и дѣятельности.

Очень желалъ бы прислать вамъ тѣ книги, которыя вы желаете имѣть, но у меня ихъ пока одинъ экземпляръ. Если пріобрѣту больше, то пришлю вамъ. Теперь же посылаю брошюру: какъ читать евангеліе, которую, я надѣюсь, вы прочтете внимательно и сдѣлаете по ней отмѣтки въ евангеліяхъ и прочтете нѣсколько разъ такое евангеліе.

Въ томъ, что вы искренно и серьезно относитесь къ религіознымъ вопросамъ, убѣдили меня ваши вопросы — всѣ самые существенные: 1) признавать ли все евангеліе священнымъ, богодуховнымъ?—Разумѣется, нѣтъ. Въ этомъ зловреднѣйшій обманъ, лишающій евангеліе всего его значенія. 2) Конфирмироваться ли, не вѣря въ догматы, признаваемые

лютеранскою церковью? Разумѣется, нѣтъ. Если дурно лгать передъ людьми и ложь всегда отзовется дурными послѣдствіями, то насколько дурно лгать передъ Богомъ (ложь эта такъ часто совершается, что она не замѣтна людямъ, и что такихъ лгуновъ очень много) и насколько ужаснѣе послѣдствія такой лжи. 3) Вопросъ о цѣломудріи тоже вопросъ, показывающій вашу искренность. Въ вашемъ возрастѣ,—это самый существенный вопросъ. Не вѣрьте ни товарищамъ, ни докторамъ и знайте, что удержать цѣломудріе до полной возмужалости, когда возникаетъ вопросъ о бракѣ, легко и тѣмъ легче, чѣмъ больше убѣжденъ человѣкъ въ томъ, что это легко, что тутъ нѣтъ никакого и подвига, что это есть лишь несовершеніе преступленія, которое не перестаетъ быть преступленіемъ отъ того, что его всѣ дѣлаютъ.

Вы стоите на добромъ пути, берегитесь всего того, что можетъ васъ свести съ него и дорожите этимъ,—тѣмъ, что вы стоите на этомъ пути—больше всего на свѣтѣ.

Любящій васъ *Л. Толстой.*

1902 г.

№ 214.

Шведскому обществу художниковъ ученыхъ

(Гаспра, 1902 г., Янв. 20).

Милостивые государи!

Назначеніе не мнѣ Нобелевской преміи было мнѣ вдвойнѣ пріятно: во-первыхъ, тѣмъ, что избавило меня отъ тяжелой необходимости такъ или иначе распорядиться деньгами, которыя считаются всѣми очень нужнымъ и полезнымъ предметомъ, мною же — источникомъ всякаго рода зла; во-вторыхъ тѣмъ, что послужило поводомъ къ выраженію мнѣ своего сочувствія уважаемыхъ мною людей, за которое отъ всей души благодарю васъ.

Л. Толстой.

№ 215.

Вел. Кн. Николаю Михайловичу.

(Ясная Поляна, 1902 г., Авг. 20).

Дорогой Николай Михайловичъ.

Благодарю Васъ за участіе. Здоровье мое поправляется. Но несмотря на то что я живу съ удовольствіемъ и стараюсь наилучшимъ образомъ употребить остатокъ своей жизни не могу не испытывать небольшой досады на то, что мой экипажъ завязшій въ трясинѣ черезъ которую мнѣ неминуемо придется переѣзжать — и даже очень скоро — вытащили не на ту, а на эту сторону.

Силы у меня все еще невелики и дѣла очень много. Отъ этого я и не писалъ Вамъ. Что же касается до вопроса объ уничтоженіи земельной собственности, то я въ послѣднее время написалъ объ этомъ—насколько умѣлъ—обстоятельное сочиненіе, которое само собою разумѣется будетъ напечатано не въ Россіи, а въ Англіи. Заглавіе сочиненія: „Рабочему народу“. Всякое сочиненіе est une lettre de l'autreur à ses amis inconnus.

Оно можетъ служить и отвѣтомъ на Ваши возраженія. И если предметъ этотъ интересуетъ Васъ — Вы прочтете его.

Теперь я занятъ окончаніемъ давно начатаго и все разрастающагося, одного эпизода изъ Кавказской исторіи 1851—52 годовъ *).

Не можете ли Вы помочь мнѣ, указавъ, гдѣ я могъ бы найти переписку Николая I и Чернышева съ Воронцовымъ за эти года, такъ же какъ и надписи Николая I на докладахъ и донесеніяхъ касающихся Кавказа этихъ годовъ?

Простите, желаю Вамъ всего лучшаго въ Вашей внутренней духовной жизни.

Все истинно хорошее бываетъ только въ этой области.

Л. Толстой.

---

*) Хаджи Муратъ.

1903 г.

№ 216.

Е. И. Попову.

(Ясная Поляна, 1903 г., Февр.).

Хотѣлъ отвѣтить длинно на ваше письмо, дорогой Евгеній Ивановичъ, но сейчасъ усталъ, а все таки не хочется оставлять хорошее письмо ваше безъ отвѣта. То, что вы пишете о необходимости бездомовности, бродяжничества для христіанина, было для меня въ самое первое время моего обращенія самой радостной мыслью, объясняющей все и такою, безъ которой истинное христіанство не полно и непонятно. Мы всѣ идемъ каждый своимъ путемъ, и вы почувствовали только теперь то, что меня поразило съ самаго начала, и вѣроятно поняли и почувствовали съ самаго начала то, что для меня, можетъ быть, теперь еще не понятно.

Про молитву я думаю, что она единственная форма, подкрѣпляющая духовныя силы общенія съ Богомъ. Для меня по крайней мѣрѣ это такъ изъ десяти, двадцати разъ, можетъ быть одинъ разъ она дѣйствительна, это такъ важно, что далеко превосходитъ тѣ ничтожныя усилія, которыя нужно дѣлать, чтобы не забывать каждый день молиться.

Вполнѣ вѣрю вашей искренности въ вашихъ отношеніяхъ къ семейству Вульфъ, но все таки, какъ это не трудно вамъ, совѣтовалъ бы какъ можно дальше держаться отъ нихъ. Передайте мой привѣтъ и сочувствіе Дудченко и хоть изрѣдка пишите мнѣ: мнѣ всегда радостно получать отъ васъ извѣстія. Здоровье мое все слабѣетъ т. е. разрушаются тѣ связи, которыя держатъ меня въ этой формѣ жизни. А это ни хорошо, ни дурно, а то, что должно быть, и я, слава Богу, такъ и смотрю на это.

Любящій васъ *Л. Толстой.*

№ 217.

Г-ну N. N.

(Переведено съ нѣмецкаго).

(1903 г., Фев. 28).

Я получилъ ваше письмо и полагаю, что вы совершенно правы.

Исторія моего письма такова. Нѣкій г-нъ Моррисонъ написалъ мнѣ о томъ, что онъ слыхалъ, что мои произведенія оказали сильное вліяніе на принцессу Луизу и спросилъ меня, какъ я смотрю на ея поступокъ. Въ числѣ другихъ отвѣтныхъ писемъ, я продиктовалъ своей дочери, т. к. былъ очень слабъ и въ дурномъ расположеніи духа, также и отвѣтъ на письмо г-на Моррисона, но имѣлъ намѣреніе еще разъ просмотрѣть отвѣтъ.

Къ сожалѣнію письмо на слѣдующій день оказалось уже отосланнымъ.

Такъ какъ я самъ былъ очень недоволенъ содержаніемъ своего письма (къ г. Моррисону) вслѣдствіе его рѣзкости и несогласнаго съ Евангеліемъ настроенія, я хотя и не предвидѣлъ, что оно можетъ быть опубликовано, написалъ г. Моррисону слѣдующее:

„Я огорченъ тѣмъ, что написалъ письмо, въ которомъ высказалъ свое мнѣніе объ образѣ дѣйствій принцессы Луизы Тосканской. Я не имѣю нравственнаго права на это, и какъ человѣкъ, стремящійся жить по примѣру Христа, не долженъ былъ этого дѣлать". Кромѣ того я написалъ въ тотъ же день одному моему другу въ Англію и просилъ его, что бы въ случаѣ опубликованія моего письма къ Моррисону, было также напечатано въ англійскихъ газетахъ мое сожалѣніе по поводу его содержанія.

Благодарю васъ за ваше письмо, и еще разъ говорю, что я какъ человѣкъ, который стремится жить по завѣту Христа, не чувствую себя въ правѣ бросить камень въ несча-

стную женщину и очень огорченъ опубликованіемъ моего жестокаго и не согласнаго съ Евангеліемъ письма.

Предоставляю вамъ распорядиться настоящимъ моимъ письмомъ по своему усмотрѣнію.

Л. Толстой.

№ 218.

Г-ну Редактору „Южнаго Края"

(Ясная Поляна, 1903 г., Февр.).

Господинъ редакторъ! Сегодня я получилъ прилагаемое письмо.

„Графъ! Прочитавши въ газетахъ Ваше письмо относительно принцессы Саксонской Луизы, письмо, въ которомъ вы говорите, что исповѣдуете христіанское ученіе, я осталась въ недоумѣніи: какъ вы можете говорить такимъ ироническимъ и гордо-презрительнымъ тономъ о несчастной женщинѣ, такъ уже поплатившейся и глубокимъ страданіемъ искупающей свой проступокъ? Вы говорите: „не судите да не судимы будете", и тутъ же произносите свой судъ. Судъ фарисея надъ мытаремъ: „Благодарю Тебя, что я не таковъ, какъ мытарь сей", забывая, что Христосъ, Котораго вы чтите, сказалъ бы въ такомъ случаѣ: „Кто безъ грѣха, брось въ нее первый камень". Если Вы удостоите разрѣшить мое недоумѣніе, прошу помѣстить отвѣтъ въ одномъ изъ № „Южнаго Края". Впрочемъ, отвѣтъ я получить не разсчитываю, т. к. отвѣтомъ можетъ быть и должно быть ваше самообвиненіе въ нелогичности по меньшей мѣрѣ, а этого вы не сдѣлаете... изъ самолюбія".

Исторія моего письма о принцессѣ слѣдующая: получивъ изъ Берлина письмо англичанина, спрашивавшаго меня о томъ, насколько можетъ быть справедливо то, что на поступокъ принцессы могли повліять выраженные мною взгляды, я въ дурную минуту продиктовалъ своей дочери отвѣтъ. Обыкновенно, дочь моя даетъ мнѣ просмотрѣть отправляе-

мыя письма, и я намѣревался пересмотрѣть, исправить или вовсе уничтожить это письмо.

Но случилось такъ, что письмо было отправлено вмѣстѣ съ другими; это было мнѣ такъ непріятно, что я вскорѣ послѣ этого написалъ моему другу, Черткову, въ Англію, что, въ случаѣ напечатанія моего письма, чего я не ожидалъ, но что, все таки могло случиться, я прошу его напечатать мое письмо къ нему, въ которомъ я признаю письмо къ берлинскому корреспонденту грубымъ, жестокимъ и не христіанскимъ. Послѣ этого я получилъ письмо отъ нѣкоего саксонца, который точно такъ же какъ и харьковская корреспондентка, совершенно справедливо упрекалъ меня въ нелогичности и главное, грубости и жестокости моего письма, и еще такого же содержанія открытое письмо къ саксонцу. Я отвѣтилъ, описавъ ему всѣ обстоятельства, при которыхъ появилось письмо и выразилъ въ немъ раскаяніе въ томъ, что допустилъ себя хотя бы въ частномъ письмѣ, высказать такія жестокости и нехристіанскія сужденія о несчастной женщинѣ; притомъ предоставилъ ему право если онъ найдетъ это нужнымъ, опубликовать мое письмо къ нему. До сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно ни въ англійскихъ ни въ нѣмецкихъ газетахъ не появилось ни мое письмо къ Черткову, ни къ саксонцу и потому, пользуясь случаемъ письма харьковской корреспондентки, я прошу васъ г-нъ редакторъ напечатать это письмо въ вашей газетѣ.

Л. Толстой.

№ 219.

Еврею N. N.

(Ясная Поляна, 1903 г., Апр. 27).

Я получилъ ваше письмо. Такихъ писемъ я получилъ уже нѣсколько. Всѣ пишущіе такъ же, какъ и вы, требуютъ отъ меня, чтобы я высказалъ свое мнѣніе о кишиневскомъ событіи. Мнѣ кажется, что въ этихъ обращеніяхъ ко мнѣ

есть какое-то недоразумѣніе. Предполагается, что мой голосъ имѣетъ вѣсъ, и поэтому отъ меня требуютъ высказыванія моего мнѣнія о такомъ важномъ и сложномъ по своимъ причинамъ событіи, какъ злодѣйство, совершенное въ Кишиневѣ.

Недоразумѣніе состоитъ въ томъ, что отъ меня требуется дѣятельность публициста, тогда какъ я человѣкъ, весь занятый однимъ очень опредѣленнымъ вопросомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ оцѣнкою современныхъ событій: именно вопросомъ религіознымъ и его приложеніемъ къ жизни. Требовать отъ меня публичнаго выраженія мнѣнія о современныхъ событіяхъ такъ же неосновательно, какъ требовать этого отъ какого бы то ни было спеціалиста, пользующагося нѣкоторою извѣстностью. Я могу,—и дѣлалъ это,—воспользоваться какимъ-либо современнымъ событіемъ для иллюстраціи проводимой мною мысли, но отзываться на всѣ современныя, хотя бы и очень важныя событія, какъ это дѣлаютъ публицисты, я никакъ не могу, если бы даже считалъ это нужнымъ. Если бы я поступалъ такъ, то я долженъ бы былъ высказывать мнѣнія необдуманныя или пошлыя, повторяя то, что было уже сказано другими, и тогда очевидно, и не существовало бы того значенія моего мнѣнія, на основаніи котораго требуютъ отъ меня его высказыванія.

Что же касается моего отношенія къ евреямъ и къ ужасному кишиневскому событію, то оно, казалось бы, должно быть ясно всѣмъ тѣмъ, кто интересовался моимъ міровоззрѣніемъ. Отношеніе мое къ евреямъ не можетъ быть инымъ, какъ отношеніе къ братьямъ, которыхъ я люблю не за то, что они евреи, а за то, что мы и они, какъ и всѣ люди, сыны одного Отца Бога, и любовь эта не требуетъ отъ меня усилій, такъ какъ я встрѣчалъ и знаю очень хорошихъ людей евреевъ.

Отношеніе же мое къ кишиневскому преступленію тоже само собой опредѣляется моимъ религіознымъ міровоззрѣ-

ніемъ. Еще не зная всѣхъ ужасныхъ подробностей, которыя стали извѣстны потомъ, по первому газетному сообщенію я понялъ весь ужасъ совершившагося и испыталъ тяжелое смѣшанное чувство — жалости къ невиннымъ жертвамъ звѣрства толпы, недоумѣнія передъ озвѣреніемъ этихъ людей, будто бы христіанъ, чувство отвращенія и омерзенія къ тѣмъ, такъ называемымъ, образованнымъ людямъ, которые возбуждали толпу и сочувствовали ея дѣламъ... Кишиневское злодѣйство есть только прямое послѣдствіе проповѣди лжи и насилія...

Вотъ все, что я могъ бы сказать по случаю кишиневскаго дѣла, но все это я давно уже высказалъ.

Если же вы спросите меня, что по моему нужно дѣлать евреямъ, то отвѣтъ мой тоже самъ собой вытекаетъ изъ того христіанскаго ученія, которое я стараюсь понимать и которому стараюсь слѣдовать. Евреямъ, какъ и всѣмъ людямъ, для ихъ блага нужно одно: какъ можно болѣе въ жизни слѣдовать всемірному правилу — поступать съ другими такъ, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобой, и бороться съ правительствомъ не насиліемъ — это средство надо предоставить правительству,—а доброю жизнью, исключающей не только всякое насиліе надъ ближнимъ, но и участіе въ насиліи и пользованіе для своихъ выгодъ орудіями насилія, учрежденными правительствомъ.

Вотъ все—очень старое и извѣстное, что я имѣю сказать по случаю ужаснаго кишиневскаго событія.

Л. Толстой.

№ 220.

В. В. Стасову.

(Ясная Поляна, 1903 г., Окт. 3).

Дорогой Владиміръ Васильевичъ.

Я сейчасъ прочелъ ваше письмо къ Софьѣ Андреевнѣ (она въ Москвѣ) и пришелъ въ ужасъ. Ради нашей дружбы,

бросьте это дѣло и избавьте меня отъ этихъ фонографовъ и кинематогр. Мнѣ это ужасно непріятно, и я рѣшительно не соглашаюсь позировать и говорить. Если этимъ отказомъ я ставлю васъ въ необходимость отказать обѣщанное, то, пожалуйста, простите меня, но избавьте. Очень благодарю васъ за книги и г-на Половцева за свѣдѣнія. Я все копаюсь съ Шекспиромъ. A je ne demords pas de mon idée. Думаю надняхъ кончить. Дѣло не въ аристократизмѣ Ш., а въ извращеніи посредствомъ восхваленія нехудожественныхъ произведеній эстетическаго вкуса. Ну, да пускай бранятъ. М. б. и Вы, но мнѣ нужно было высказать то, что сидитъ во мнѣ полстолѣтія.

Простите. Будьте здоровы и такъ же дѣятельны и добры, какъ всегда.

Л. Толстой.

Пожалуйста, простите меня, Владиміръ Васпльевичъ, за то, что надѣлалъ вамъ хлопотъ, сначала согласившись, а потомъ отказавшись отъ всякихъ фоно-кинемато-графовъ. Я согласился, когда жена спросила меня, но потомъ, когда въ ея отсутствіе прочиталъ ваше письмо, ужаснулся тому, что сдѣлалъ.

Такъ, пожалуйста, простите.

Л. Толстой.

№ 221.

И. Ф. Наживину.

(Ясная Поляна, 1903 г., Нояб. 1).

Получилъ ваше письмо, милый Иванъ Федоровичъ, и прежде получалъ ваши листки *), за которые благодарю.

...Хорошо то, что вы пишете о томъ, какъ люди начинаютъ быть лишаемы воздуха и солнца, но лучше всего то, что вы пишете про себя, про свое душевное состояніе. Это особенно радуетъ меня, потому что я искренно полюбилъ

*) Разныя вырѣзки изъ франц. газетъ.

васъ; это душевное состояніе я знаю, потому что испыталъ его; оно даетъ истинное, неотъемлемое благо...

Вы спрашиваете почему невозможно по моему мнѣнію исполненіе задуманной вами работы? *). Невозможно написать біографію, исторію, жизнь Іисуса потому, что то, что мы знаемъ изъ этой жизни есть самое высокое въ духовной области изъ всего, что мы можемъ знать. Его слова, Его ученіе есть то божественное откровеніе, которое черезъ Него стало намъ доступнымъ. Для того, чтобы описать Его жизнь, надо объяснить источникъ изъ котораго возникло это. Какъ же я могу сдѣлать это, когда я только еле-еле понимаю то, что онъ сдѣлалъ это для меня доступнымъ, открылъ мнѣ? Я не только не желалъ бы прибавить подробности о жизни Христа, но желалъ бы откинуть и тѣ, которыя есть...

Можетъ быть, вамъ неясно мое мнѣніе; тогда простите меня.

Прощайте. Благодарю васъ за любовь и братски цѣлую.

Л. Толстой.

№ 222.

М. С. Дудченко.

(Ясная Поляна, 1903 г., Дек. 10).

Очень радъ былъ получить ваше письмо дорогой Митрофанъ Семеновичъ.

Я уже давно думаю о васъ и о тѣхъ самыхъ предметахъ, о которыхъ вы пишете самыхъ важныхъ въ свѣтѣ предметахъ.

Я не только не измѣнилъ своего взгляда на необходимость удовлетворенія самому своимъ самымъ первымъ потребностямъ, но живѣе, чѣмъ когда нибудь, чувствую важность этого и свой грѣхъ неисполненія этого. Много было причинъ, отвлекавшихъ меня отъ этого исполненія, но не стану перечислять ихъ, потому что главная причина — только

*) Большой трудъ о Христѣ.

моя слабость, мой грѣхъ. И потому полученіе вашего письма было для меня духовной радостью: обличеніе и напоминаніе. Одно меня утѣшаетъ — это то, что, живя дурно, я не обманывалъ, не оправдывалъ себя и никогда не говорилъ себѣ, что я могу освободить себя отъ этого труда, потому что пишу книгу. А всегда сознавалъ то, что вы говорите, — что какъ мнѣ нужно прочесть хорошую книгу, такъ нужно и тому, кто будетъ за меня работать; и что точно также если я могу написать хорошую книгу, то есть сотни и тысячи людей, которые написали бы и лучшія книги, если бы не были задавлены, забиты работой. Такъ что я не только не согласенъ съ вами, но сильнѣе, чѣмъ когда либо, чувствую свой грѣхъ и страдая отъ него, признаю первостепеннымъ трудомъ другого человѣка.

Думая и слыша о васъ, я сознавалъ всю тяжесть вашего положенія и вмѣстѣ съ тѣмъ не переставалъ завидовать вамъ. Не унывайте, милый другъ. „Претерпѣвый до конца спасенъ будетъ“ — относится именно къ вашему положенію. Думаю, что никакая суета не можетъ помѣшать правильно мыслить, (что я вижу по вашему письму). Мѣшаетъ правильному мышленію только праздность и роскошь, и это я чувствую часто на себѣ.

Какъ ни кажется странно и недобро то, что я, живущій въ роскоши, позволяю себѣ совѣтовать вамъ продолжать жить въ нуждѣ, я смѣло дѣлаю это, потому что ни на минуту не могу усомниться въ томъ, что ваша жизнь есть жизнь хорошая, передъ своей совѣстью, передъ Богомъ, и потому самая нужная и полезная людямъ; а что моя дѣятельность, какъ бы она ни казалась полезной людямъ, теряетъ — хочется думать что не все, но уже навѣрное самую большую долю своего значенія вслѣдствіе неисполненія самаго главнаго признака искренности того, что я исповѣдую.

На дняхъ былъ у меня умный и религіозный американецъ Брайянъ и спрашивалъ у меня, почему я считаю не-

обходимою ручную, простую работу? Я сказалъ ему почти то же, что вы пишете: что, во-первыхъ, это признакъ искренности признанія равенства людей, во-вторыхъ это сближаетъ насъ съ большинствомъ людей рабочихъ, отъ которыхъ мы отгорожены стѣной, если мы пользуемся ихъ нуждой; въ третьихъ, это дастъ намъ высшее благо, спокойствіе совѣсти, котораго нѣтъ и не можетъ быть у искренняго человѣка, пользующагося услугами рабовъ.

Такъ вотъ мой отвѣтъ на первый пунктъ вашего письма. Теперь о второмъ, самомъ трудномъ — религіозномъ воспитаніи *).

Какъ безполезно и вредно кормить ребенка, когда ему ѣсть не хочется или навязывать знанія по предметамъ, которые его не интересуютъ и ему не нужны, такъ тѣмъ болѣе вредно внушать дѣтямъ какія нибудь религіозныя понятія о которыхъ они не спрашиваютъ и большей частью грубо формулировать ихъ и нарушать этимъ то религіозное отношеніе къ жизни, которое въ это время можетъ быть безсознательно возникаетъ и устанавливается въ ребенкѣ.

Нужно, мнѣ кажется, только отвѣчать съ полной правдивостью на предлагаемые ребенкомъ вопросы. Кажется очень просто отвѣчать правдиво на религіозные вопросы ребенка, но въ дѣйствительности это можетъ сдѣлать только тотъ, кто самъ себѣ уже отвѣтилъ правдиво на религіозные вопросы о Богѣ, жизни, смерти, добрѣ и злѣ,—тѣ самые вопросы, которые дѣти всегда ставятъ очень ясно и опредѣленно.

И вотъ тутъ то и подтверждается то, что я всегда думалъ о воспитаніи, и что вы говорите въ своемъ письмѣ,—то, что сущность воспитанія дѣтей состоитъ въ воспитаніи самого себя. Какъ ни странно это кажется, это воспитаніе самого

---

*) Въ воспитаніи вообще, какъ въ физическомъ, такъ и въ умственномъ, я полагаю, что главное,—не навязывать ничего насильно дѣтямъ, а выжидать и отвѣчать на возникающія въ нихъ требованія; тѣмъ болѣе это нужно въ главномъ предметѣ воспитанія—въ религіозномъ. Л. Т.

себя есть самое могущественное орудіе воздѣйствія родителей на дѣтей. И тотъ первый параграфъ, который устроили себѣ ваши будущія сосѣдки „совершенствуйся“,—есть самая высокая и, какъ ни странно это кажется, самая практическая — въ смыслѣ служенія другимъ людямъ, воздѣйствія на другихъ людей — дѣятельность человѣка. Такъ же и въ воспитаніи. Условія вашей суровой жизни, которыя вы навѣрно не цѣните по ихъ значенію, самыя выгодныя для воспитанія. Ваша жизнь серьезная и дѣти видятъ и понимаютъ это. Если же вы хотите отъ меня болѣе опредѣленнаго указанія о томъ, что именно читать или давать въ руки ребенку для религіознаго воспитанія, то я думаю, что надо не ограничиваться религіозными писаніями одного вѣрованія, у насъ христіанскаго, а наравнѣ съ христіанской учительной литературой пользоваться буддійской, браминской, конфуціанской, еврейской. Очень, очень радъ былъ общенію съ вами. Желалъ бы что бы оно было сотою долею такъ полезно вамъ, какъ полезно мнѣ, и потому желалъ бы, чтобъ оно чаще повторялось.

Любящій васъ *Л. Толстой.*

1904 г.

№ 223.

И. Ф. Наживину.

(1904 г., Янв. 19).

Оба вопроса ваши, дорогой Иванъ Федоровичъ, мнѣ очень близки. Я самъ себѣ отвѣтилъ на нихъ и, можетъ быть, вы прочтете эти отвѣты когда нибудь, теперь же отвѣчу кратко, надѣясь, что вы поймете и неполно выраженное. Все живо и во всемъ живетъ одно, и все отдѣлено одно отъ другого. Предки каждаго существа и насъ самихъ познаются нами, какъ вещество въ пространствѣ и движеніе во времени. Каждое существо есть органъ Бога и не только отдѣльно но есть особенное, единственное въ своемъ родѣ существо и

можетъ производить единственную, только ему свойственную работу. Отъ этого мы своимъ высшимъ существомъ и противимся убійству и тому, что ведетъ къ нему. Кромѣ того, когда мы страдаемъ за страданіе другихъ, мы большею частью невольно обманываемъ себя, думая, что страдаемъ за страдающихъ, а страдаемъ за заставляющихъ страдать. Мы страдаемъ за нарушеніе закона единенія, къ которому стремится все, и страданія указываютъ намъ на это нарушеніе и вызываютъ въ насъ борьбу съ нимъ для установленія единенія любви.

Второй вопросъ я для себя разрѣшилъ такъ: законъ жизни есть уясненіе, расширеніе, просвѣтлѣніе сознанія того вѣчнаго начала, которое есть въ каждомъ существѣ. Съ болѣе высокихъ ступеней сознанія, наблюдая жизнь существъ, стоящихъ на нижней ступени, ихъ дѣйствія, представляющіяся для нихъ добрыми, для высшаго сознанія представляются зломъ. Борьба съ тѣмъ, что представляется зломъ, т. е. съ болѣе темнымъ сознаніемъ возможно только черезъ свѣтъ, черезъ все большее и большее просвѣтлѣніе своего сознанія. И потому справедливо, что если бы не было зла, т. е. темноты, то не было бы добра, свѣта. Я живу хорошо, здоровъ. Пишу или скорѣе писалъ о войнѣ и еще кое-что, а теперь почти не работаю. Спасибо вашей женѣ за ея добрую приписку. Мнѣ было пріятно. Всѣ мои писанія и письма я всѣмъ предоставляю печатать. Прощайте. Очень радъ, что вы въ Россіи и здоровы и увижу Васъ.

Л. Толстой.

№ 224.

Е. И. Попову.

(Ясная Поляна, 1904 г., Февр. 19).

Получилъ сейчасъ ваше письмо изъ Англіи, дорогой Е. И., и хочется поскорѣе отвѣтить. Насчетъ внесенія или не внесенія замѣчаній Б., думаю, что если это не составитъ слишкомъ большого труда, то хорошо бы было ими восполь-

зоваться. — Теперь отвѣчу на вашъ вопросъ. Письмо ваше очень хорошо обдуманное и выраженное стоитъ стоймя у меня на столѣ. Я поставилъ его, чтобы отвѣчать. Но до сихъ поръ не отвѣчалъ и едва ли отвѣчу. Не могу оторвать свое вниманіе отъ того, чѣмъ занятъ, и направить его умышленно на другое, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время самое послѣднее съ войной. Я совсѣмъ зарылся въ замыслы кажущихся должныхъ работъ передъ Богомъ (не знаю, какимъ по вашему но такимъ, исполнять волю котораго считаю и долгомъ и высшимъ благомъ) и не могу исполнить десятой доли. Какъ бы хотѣлось высказать вамъ все, что дѣлается на душѣ, но не только въ письмѣ, на словахъ не могу высказать того, что хочется, замыслы работъ и состоятъ въ томъ, чтобы это высказать. Можетъ быть, тутъ и будутъ отвѣты на ваши вопросы. Очень радъ узнать, что вамъ хорошо и хорошо Ч. Простите.

Любящій Васъ *Л. Толстой*.

№ 225.

Графу Л. Л. Толстому.

(Ясная Поляна, 1904 г., Апр. 15).

Получилъ, милый Лева, твое письмо и, какъ всегда, собирался отвѣтить, когда придетъ срокъ отвѣчать на многія письма. Но нынче получила твое письмо мама, и спѣшу отвѣтить на твое. Мое мнѣніе всегда, что, особенно для духовной дѣятельности, движеніе, передвиженіе невыгодно.

Это справедливо особенно въ духовномъ отношеніи. Кантъ во всю жизнь не выѣзжалъ изъ Кенигсберга, и оставилъ громадное духовное наслѣдство. Но прямой мой отвѣтъ на твой вопросъ, тотъ, что главное можно уѣхать только тогда когда жена искренне согласна на это и не будетъ страдать или будетъ больше страдать, если ты не уѣдешь, чѣмъ если уѣдешь.

Другое то, что не желательно связываться съ.... Очень ужъ оно т. е. направленіе его не хорошо. А что интересно

тебѣ и манитъ твои молодые годы и въ состояніи полной силы, я очень понимаю.

Для меня безуміе, преступность войны, особенно въ послѣднее время, когда я писалъ и потому много думалъ о войнѣ, такъ ясно, что кромѣ безумія и преступности ничего не могу въ ней видѣть, и мнѣ кажется, что по отношенію къ войнѣ всякій нравственный человѣкъ долженъ устраниться отъ нея, не участвовать въ ней, чтобы не загрязниться ея мерзостью. Прощай пока, цѣлую тебя.

Л. Толстой.

№ 226.

А. И. Турчанинову.

(Ясная Поляна, 1904 г., Апр. 15).

Алексѣй Ивановичъ, получилъ ваше письмо и былъ очень радъ найти въ немъ выраженіе мысли, которую я вполнѣ раздѣляю, и чувство, которое понимаю и считаю хорошимъ. Хотѣлось бы только замѣтить, что нельзя называть правдой то, что живетъ въ человѣкѣ и составляетъ основу жизни. Эта основа жизни и есть то, что одни называютъ разумѣніемъ, другіе Богомъ. Правда же есть только вѣрное, не извращенное сознаніе этого духовнаго начала.

Еще хочется мнѣ замѣтить то, что по моему мнѣнію не слѣдуетъ увлекаться мыслію о пробужденіи къ истинѣ другихъ. Наше дѣло только въ томъ, чтобы въ себѣ, какъ можно сильнѣе, установить пониманіе истины и слѣдованіе ей.

Наше дѣло только въ томъ, чтобы въ себѣ разжечь огонь, горѣть самому, тогда окружающіе насъ сами собой будутъ согрѣваться и зажигаться. Вопросъ вашъ объ евангельскихъ чудесахъ удивилъ меня. Чудеса евангельскія не могли быть, потому что они нарушаютъ законы того разума, посредствомъ котораго мы понимаемъ жизнь, чудеса не нужны, потому что ни въ чемъ никого не могутъ убѣдить. Въ той же дикой и суевѣрной средѣ, въ которой жилъ и дѣйствовалъ Христосъ, не могли не сложиться преданія о чудесахъ, какъ

они, не переставая, и въ наше время складываются легко въ суевѣрной средѣ народа. Посылаю вамъ брошюру „Какъ читать Евангеліе“, которая отчасти отвѣчаетъ на вашъ вопросъ.

Левъ Толстой.

№ 227.

С. Л. Б-ву.

(Ясная Поляна, 1904 г.).

Не могу опредѣленно отвѣтить на вашъ вопросъ, п. ч. не знаю основной причины въ вашемъ желаніи оставить корпусъ и начать рабочую жизнь.

Если вами руководитъ желаніе устроить себѣ жизнь, болѣе соотвѣтствующую вашимъ вкусамъ, то я думаю, что, поступивъ такъ, какъ вы намѣреваетесь, вы жестоко ошибетесь: такая ваша жизнь вызоветъ огорченіе вашихъ родныхъ и не удовлетворитъ васъ и вы не выдержите ея тяжести. Такъ я думаю по своему наблюденію и опыту. И потому, не совѣтую поступать такъ, если вами руководитъ только разсужденіе о томъ, что такая жизнь будетъ лучше этой, къ которой вы готовитесь въ корпусѣ.

Если же вами руководитъ религіозное чувство, сознаніе того, что военное дѣло не согласно съ волею Божьей, тогда другое дѣло. Но и тогда вамъ не надо загадывать впередъ о той дѣятельности, которую вы изберете. А надо только сейчасъ, всякую минуту своей жизни поступать такъ, какъ требуетъ того ваша вѣра въ Бога и въ Его законы. И это родъ поступковъ, соотвѣтствующихъ требованіямъ вашей вѣры, самъ собой приведетъ васъ къ какому-либо (нельзя опредѣлить его впередъ и не должно) роду жизни.

При этомъ совѣтовалъ бы вамъ для того, чтобы не принять свои разсужденія и соображенія за вѣру, постараться прежде всего въ такъ называемыхъ мелочахъ обыденной жизни слѣдовать требованіямъ своей вѣры: въ добротѣ ко всѣмъ людямъ, воздержаніи отъ тщеславія, всякаго рода похотей, правдивости, самоотверженія, чистотѣ. Только та-

кая внутренняя работа надъ собой покажетъ вамъ и въ какой степени сильна въ васъ ваша вѣра и въ какой степени, если ваша вѣра приведетъ васъ къ измѣненію вашего положенія, въ какой степени вынуждены измѣнить свою жизнь.

Вообще думаю, что выходить вамъ изъ корпуса нужно не тогда, когда вы разсудкомъ рѣшите, что это было бы хорошо, а тогда, когда вы всѣмъ существомъ почувствуете, что эта жизнь такъ противна не вашимъ вкусамъ, а вашей вѣрѣ, что вы не можете продолжать ее. Тогда только это будетъ прочно и плодотворно. А если вы можете продолжать теперешнюю жизнь, то продолжайте ее.

Во всякомъ случаѣ совѣтую вамъ и вашимъ друзьямъ прежде всего уяснить себѣ смыслъ человѣческой жизни, религіозное міровоззрѣніе (оно выражено въ Евангеліи) и внутренно работать надъ собой, чтобы привести къ наибольшему согласію свою жизнь со своей вѣрой. Отъ всей души желаю вамъ этого.

Въ этомъ высшее назначеніе и высшее счастье человѣка.

Левъ Толстой.

№ 228.

М. П. Новикову.

(Ясная Поляна, 1904 г., Апр. 30).

Получилъ ваше второе письмо, дорогой Михаилъ Петровичъ. Всей душой сочувствую вамъ и всѣмъ тѣмъ несчастнымъ, которые вмѣстѣ съ вами призваны къ этому тяжелому испытанію.

Долго ли вы пробудете въ Тулѣ. Я бы хотѣлъ проѣхать къ вамъ, чтобы повидаться. Многаго не хочется передавать въ письмѣ. Какъ писали вамъ въ первомъ письмѣ, знайте, что у васъ и вашей семьи есть друзья. Пишите.

Любящій васъ *Л. Толстой.*

То, что вы пишете о Богѣ, въ котораго вѣруютъ православные, который дѣлаетъ чудеса и не прекращаетъ жестокости среди людей, не понравилось мнѣ. Что намъ за дѣло

до этого Бога, намъ надо самимъ-то вѣровать въ настоящаго и по-настоящему. *Л. Т.*

№ 229.

А. Ф. Кони.

(Ясная Поляна, 1904 г., Май 1).

Письмо ваше и оттискъ получилъ, дорогой Анатолій Федоровичъ, и благодарю васъ.

Особенно тронула меня ваша заботливость о такихъ пустякахъ, какъ подробности одеждъ при Николаѣ. Жена утверждаетъ, что она помнитъ плюмажи въ 50-хъ годахъ. Можетъ быть они оставались у генераловъ, а Государь уже не носилъ ихъ. Постараюсь при случаѣ справиться по портретамъ Николая въ 50-хъ годахъ. Судебную этику я прочелъ и хотя думаю, что эти мысли, исходящія отъ такого авторитетнаго человѣка, какъ вы, должны принести пользу судейской молодежи, я лично не могу, какъ бы ни желалъ, отрѣшиться отъ мысли, что какъ скоро признанъ высшій нравственный религіозн. законъ категорическаго императива Канта, такъ уничтожается самый судъ передъ его требованіями. Можетъ быть и удастся еще повидаться, — тогда поговоримъ объ этомъ.

Дружески жму вашу руку.

Левъ Толстой.

№ 230.

Л. О. Пастернаку.

(Ясная Поляна, 1904 г., Ноябрь 22).

Спасибо, любезный Леонидъ Осиповичъ, за присланные рисунки *). Особенно мнѣ понравились два: „за ужиномъ“ и особенно лицо женщины — это 5+. Также 5+ за послѣдній рисунокъ — женщины съ двумя дѣвочками. Хорошъ и баринъ — тотъ трудъ, съ какимъ онъ вытягиваетъ ногу.

Первый рисунокъ не удовлетворилъ меня, потому что тѣло ангела слишкомъ тѣлесно. Правда, задача невозможная: ангела въ тѣлѣ. То же и въ рисункѣ сапожника—

*) Иллюстрація къ „Чѣмъ люди живы“.

слишкомъ тѣлесный. Но вообще прекрасны, какъ и всѣ ваши рисунки, и я вамъ благодаренъ за нихъ.

Поклонъ вашей милой женѣ, надѣюсь, что дѣтки растутъ и здравствуютъ. Вашъ *Л. Толстой.*

1905 г.

№ 231.

Е. Е. Гончаренко.

(Ясная Поляна., 1905 года, Янв. 19).

Получилъ ваше письмо, любезный братъ Евтихій Егоровичъ, и порадовался за васъ, за тѣ хорошія чувства и мысли, которыя вы въ немъ высказываете, и за ваше твердое и бодрое душевное состояніе. Совѣта о дальнѣйшемъ вашемъ образѣ дѣйствій я никакого дать вамъ не могу. О томъ, въ чемъ дѣло христіанина, вы знаете то же, что и я. Всѣ мы должны стремиться къ тому, чтобы быть совершенными, какъ Отецъ Небесный, и всѣ мы, по мѣрѣ своихъ силъ, доходимъ до той степени совершенства, до которой насъ допускаютъ наши слабости. Мы всѣ знаемъ, что чѣмъ дальше мы дойдемъ въ этомъ совершенствѣ, всѣмъ намъ будетъ лучше. И потому учить намъ другъ друга нечему, особенно тому, кто не несетъ испытаній того, кто несетъ его. Могу только радоваться на то, что вы сдѣлали и дѣлаете и желать вамъ и твердости, которая нужна для того, чтобы не нарушить воли Бога и той мягкости и доброты, которая нужна для того, чтобы не нарушить добрыхъ, любовныхъ отношеній съ людьми, которые считаютъ себя вашими начальниками. До сихъ поръ я вижу, что вы такъ и поступали, и очень радуюсь этому. Прощайте, если еще напишете, буду благодаренъ.

Братски цѣлую васъ.

Левъ Толстой.

№ 232.

Кн. И. П. Накашидзе.

(Ясная Поляна, 1905 года, Февр. 1).

Свѣдѣнія, которыя К. сообщилъ, по моему мнѣнію, огром-

ной важности и непремѣнно надо познакомить людей съ тѣмъ огромной важности событіемъ, которое происходитъ въ Гуріи.

Хотя я и знаю, что гурійцы не имѣютъ понятія о моемъ существованіи, мнѣ все-таки очень хочется передать имъ выраженіе тѣхъ чувствъ и мыслей, которыя вызываютъ во мнѣ ихъ удивительная дѣятельность. Если вы можете и найдете это удобнымъ, передайте имъ, что вотъ есть такой старикъ, который двадцать лѣтъ о томъ думаетъ и пишетъ, что всѣ бѣды людскія отъ того, что люди ждутъ себѣ помощи и устройства жизни отъ другихъ, отъ властей, а когда видятъ, что отъ власти имъ нѣтъ помощи и порядка, то начинаютъ осуждать властителей, бороться противъ нихъ. А что не надо ни того, ни другого: ни ждать помощи и порядка отъ властей, ни сердиться на нихъ и воевать съ ними. А надо одно: то самое, что дѣлаютъ они, гурійцы, а именно: устраивать свою жизнь такъ, чтобы не нуждаться во властяхъ. Для того же, чтобы не нуждаться во властяхъ, надо дѣлать опять то же, что они дѣлаютъ: жить по совѣсти, по Христу, короче по-Божьи. Если можно, то передайте имъ, какую великую радость испыталъ этотъ старикъ, когда узналъ, что то, о чемъ онъ думалъ и писалъ столько лѣтъ и чего ученые и считающіе себя мудрыми не понимаютъ и не понимали,—что это самое сами для себя своимъ умомъ и своей совѣстью рѣшили тысячи людей и не только рѣшили, но и произвели въ дѣло, и ведутъ это дѣло такъ твердо и хорошо, что сосѣдніе люди пристаютъ къ нимъ.

Скажите имъ, что дѣло это такое важное и хорошее, что надо всѣ силы употребить (духовныя силы: кротость, разсудительность, терпѣніе) для того, чтобы довести его до конца, чтобы быть примѣромъ для ближнихъ и дальнихъ людей и послужить установленію Царства Божія не силою и обманомъ, а разумомъ и любовью.

Скажите имъ, что не я одинъ, но много и много людей радуются на нихъ, готовы всячески, если возможно и нужно,

великое дѣло и такъ много уже сдѣлавъ для него, они послужить имъ, что всѣ мы увѣрены, что, начавъ такое не оставятъ его и будутъ вести его все такъ же, показывая примѣръ людямъ.

Скажите имъ, что старикъ, человѣкъ этотъ думаетъ, что главныя ихъ силы должны быть направлены къ тому, чтобы какъ они сами говорятъ, жить по Христу, по совѣсти, исполняя одинъ и тотъ же законъ и для христіанъ, и для магометанъ, и для всѣхъ людей міра. Законъ этотъ въ томъ, чтобы любить всякаго человѣка и дѣлать другому то, что хочешь, чтобы тебѣ дѣлали. Если они будутъ жить такъ, по-Божьи, то никто имъ ничего не сдѣлаетъ. Если они будутъ съ Богомъ, Богъ будетъ съ ними и никто не будетъ въ силахъ помѣшать имъ.

Левъ Толстой.

№ 233.

И. Ф. Нажпвину.

(Ясная Поляна, 1905 г., Мартъ 2).

Очень жалѣю, милый Иванъ Федоровичъ, что пришлось такъ долго не отвѣчать вамъ на ваше такое хорошее письмо.

О забываніи въ себѣ Бога я не огорчаюсь, потому что поглядѣвъ назадъ, вижу, что было время, когда я никогда даже и не вспоминалъ Его. Вѣдь въ этомъ жизнь, чтобы замѣнять сознаніе своей личной жизни сознаніемъ Бога. И потому этимъ огорчаться не надо. Очень радуюсь за васъ обоихъ, что у васъ ожидается ребенокъ. Не слишкомъ только надѣйтесь и готовьтесь на жизнь съ нимъ.

О воспитаніи можно много сказать, но мнѣ очень понравилось то, что сказалъ объ этомъ, кажется, Эмерсонъ, что самое важное вызвать въ ребенкѣ сознаніе его божественной природы, заставить наклюнуться этотъ ростокъ. Карпентера *) возвращаю. Все прекрасно, кромѣ Enfoliation.

Л. Толстой.

---

*) „Цивилизація, ея причины и излѣченіе“.

№ 231.

Е. П. Попову.

(Ясная Поляна, 1905 г., Мартъ 3).

Спасибо, милый Евгеній Ивановичъ, за ваше хорошее письмо, за то что не сомнѣваясь въ томъ, что я люблю васъ, пишете мнѣ подробно о себѣ. На то, что тревожитъ васъ, одно могу сказать, какъ человѣкъ, переплывшій или скорѣе перенесенный теченіемъ на другую сторону, на твердую землю, боритесь, не уступая. Еще могу посовѣтовать, не внушайте себѣ, что борьба эта трудная, какъ внушаютъ себѣ запойныя пьяницы, а, напротивъ, говорите себѣ, что очень глупо портить себѣ жизнь пустяками и что не портить ее очень легко.

Разумѣется, это легко говорить переплывшему, но все-таки въ слабости этой есть доля самовнушенія и надо избавиться отъ нея.

Шкарвану я очень радъ буду служить предисловіемъ. Я сообщу ему черезъ Д. Прощайте, милый другъ.

Л. Толстой.

№ 235.

Японцу Изо-Абе *).

(Ясная Поляна, 1905 г.).

Дорогой другъ, Изо-Абе! Мнѣ доставило величайшую радость полученіе вашего письма и газеты съ англійской замѣткою. Отъ души благодарю васъ за нихъ. Хотя я и никогда не сомнѣвался въ томъ, что въ Японіи имѣется не мало благоразумныхъ, нравственныхъ и религіозныхъ людей которые питаютъ отвращеніе къ настоящей войнѣ, тѣмъ не менѣе, я былъ очень радъ получить подтвержденіе этого мнѣнія. Мнѣ доставляетъ величайшее удовольствіе, что въ Японіи у меня есть товарищи и сотрудники, съ которыми я могу вступить въ дружеское общеніе. Такъ какъ я хотѣлъ

*) Редакторъ японскаго соціалистическаго журнала.

бы быть совершенно откровеннымъ съ вами, какъ со всякимъ другомъ, котораго я искренно уважаю, то и долженъ признаться, что не могу одобрить соціализма, и я огорчился узнавъ, что наиболѣе просвѣщенная и развитая часть вашего даровитаго и энергичнаго народа переняла изъ Европы крайне слабую, обманчивую и ложную теорію соціализма. Соціализмъ имѣетъ цѣлью удовлетворить низшую сторону человѣческой природы—потребность матеріальнаго благополучія. Но даже и этого онъ не можетъ достигнуть этими средствами, которыя онъ проповѣдуетъ. Истинное благо человѣчества,—благо духовное и моральное включаетъ также и матеріальныя благополучія и эта высшая цѣль можетъ быть достигнута лишь религіознымъ и моральнымъ усовершенствованіемъ каждой отдѣльной личности, такъ какъ изъ отдѣльныхъ личностей состоятъ народы и все человѣчество. Подъ религіей я подразумѣваю вѣру въ общій законъ, данный Богомъ всѣмъ людямъ и выражающійся на практикѣ въ любви каждаго ко всѣмъ остальнымъ и въ томъ, чтобы дѣлать по отношенію другого такъ, какъ онъ хочетъ, чтобы поступали съ нимъ. Я знаю, что этотъ путь считается менѣе цѣлесообразнымъ, чѣмъ соціализмъ или другая теорія. Однако, это единственный вѣрный путь, и всѣ тѣ усилія, которыя мы дѣлаемъ, чтобы осуществить ошибочныя и невозможныя теоріи, утрачены для единственнаго истиннаго блага, какъ всего человѣчества, такъ и каждаго отдѣльнаго человѣка. Простите мнѣ дерзость, съ которой я критикую ваше ученіе и будьте увѣрены въ искренности моей дружбы. Мнѣ доставитъ радость полученіе всякаго извѣстія отъ васъ.

Левъ Толстой.

№ 236.

Японскому студенту Тамурѣ *).

(Ясная Поляна. 1905 г. Мартъ).

Дорогой другъ. Въ книгахъ: „Христіанское ученіе“ и „Въ чемъ моя вѣра“ вы найдете отвѣтъ на тѣ вопросы, которые вы мнѣ задали. Совершенно неважно: христіанинъ человѣкъ, буддистъ, конфуціанецъ или мусульманинъ; нѣтъ такого внѣшняго авторитета, которому человѣкъ былъ бы обязанъ вѣрить, но у всякаго должна быть своя религія, т.-е. разумное объясненіе и опредѣленіе его жизненной задачи. Такое разумное объясненіе жизни каждый можетъ найти въ своей собственной религіи, во всѣхъ религіяхъ это объясненіе одно и то же. Заключается оно въ слѣдующемъ: человѣкъ — слуга высшей силы, которую мы называемъ Богомъ, и онъ долженъ исполнять волю этой силы. Воля этой силы всего человѣчества, которая можетъ быть достигнута— любовь. Кто выполняетъ эту заповѣдь, тотъ не знаетъ зла ни при жизни, ни по смерти. Истина эта заключается во всѣхъ религіяхъ: въ брамнствѣ, въ буддизмѣ, въ конфуціанствѣ, въ лаотизмѣ, іудействѣ, христіанствѣ, магометанствѣ. Она не нуждается ни въ какомъ авторитетѣ для своего признанія, потому что сама она заключаетъ въ себѣ высшій авторитетъ, какой только можетъ существовать,— удостовѣреніе собственнымъ сознаніемъ. Только такая религія можетъ избавить людей отъ зла, которое создается ими самими для себя. Поэтому я убѣжденъ, что разрушеніе суевѣрій, искажающихъ всякую религію, является первою и главною обязанностью каждаго человѣка.

Вашъ другъ

Левъ Толстой.

---

*) Молодой японецъ, студентъ токійскаго университета, обратившійся къ Л. Н. съ недоумѣніями относительно христіанскаго ученія.

№ 237.

И. Ф. Нажпвину.

(Ясная Поляна, 1905 г., Мартъ 5).

Получилъ второе письмо ваше, милый И. Ф., и получилъ отъ него то же впечатлѣніе, какъ и отъ перваго.

Я думаю, что вы ошибаетесь, полагая, что христіанство, т.-е. религія, имѣетъ какія-либо внѣшнія цѣли и что о немъ можно судить по мѣрѣ достиженія этихъ представляющихся намъ общихъ цѣлей. Христіанство, истинное христіанство, по моему мнѣнію, тѣмъ и отличается отъ религій, которыя можно назвать общественными, какъ католичество, православіе, магометанство, я думаю даже конфуціанство, что оно обращается къ душѣ каждаго отдѣльнаго человѣка, для каждаго отдѣльнаго человѣка, разрѣшаетъ его вопросы жизни, указываетъ ему его назначеніе, состоящее въ исполненіи воли Бога, въ сліяніи съ ней своей воли, въ служеніи Богу и людямъ и тѣмъ даетъ имъ спокойствіе и благо. Правда, что одно изъ невольныхъ подтвержденій христіанской истины и какъ бы маленькое поощреніе къ ней состоитъ въ томъ, что исполненіе воли Бога лучшее, что можетъ сдѣлать для себя человѣкъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и осуществляется царство Божіе (царство Божіе внутри васъ есть), но сущность христіанства и то, что привлекаетъ къ нему и даетъ благо, не въ этомъ внѣшнемъ осуществленіи царства Божія, которое никогда вполнѣ не осуществится, а къ которому человѣчество всегда будетъ приближаться (какъ асимптота къ кривой), а въ томъ, что жизнь человѣка въ этомъ мірѣ въ короткій срокъ этой жизни получаетъ вѣчный радостный смыслъ.

Такъ вотъ я и думаю, что человѣкъ, понимающій такъ христіанство,—никакъ не будетъ думать о томъ, что дѣлаютъ другіе, хорошо ли это или дурно, приближаетъ ли это его близорукій взглядъ къ осуществленію царства Бо-

жія, зная, что его задача и смыслъ жизни состоитъ въ работѣ, на той одной части міра, которая составляетъ его тѣло, будетъ дѣлать всѣми силами это дѣло вполнѣ увѣренный, что обѣщанное царство Божіе наступитъ, хотя и не такъ, какъ онъ воображаетъ (царство Божіе наступитъ невидимымъ образомъ), но непремѣнно наступитъ. Содѣйствовать же ускоренію этого наступленія онъ будетъ только работой надъ собой, гдѣ все въ его власти, и сердиться и упрекать никого не будетъ, кромѣ себя, кому всѣ упреки — благо. Такъ вотъ что я думаю, милый Иванъ Федоровичъ. Если я ошибаюсь объ опредѣленіи и вашей ошибки, то простите меня.

Любящій васъ

Левъ Толстой.

№ 238.

N. N.

(С. Никольское, 1905 г., Авг. 14).

...Я сейчасъ пишу отъ брата *). Онъ очень тяжело, смертельно боленъ (у него ракъ въ лицѣ) и до сихъ поръ тяжело переноситъ свои страданія и приближеніе къ переходу. Я надѣюсь, что это пройдетъ, т. е. нужное для перехода просвѣтлѣніе.

Какъ дурно, не религіозно живутъ безъ сознанія не столько смерти, сколько частичности своего здѣшняго существованія. Думать о смерти нечего, но жить надо въ виду ея.

Вся жизнь становится торжественна, значительна и истинно плодотворна и радостна. Въ виду смерти мы не можемъ не работать усердно и потому, что она всякую минуту можетъ прервать работу, и потому, что въ виду ея смерти нельзя работать то, что не нужно для всей жизни, т.-е. для Бога. А когда такъ работаешь, жизнь становится радостнѣй и нѣтъ этого пугала—страха смерти, которое отравляетъ жизнь и живущихъ въ виду смерти людей. Страхъ смерти

*) Старшій братъ Л. Н-ча—Сергѣй Николаевичъ, умершій въ 1905 г.

обратно пропорціоналенъ хорошей жизни. При святой жизни этотъ страхъ—ноль. И такъ же отношеніе къ жизни и смерти можетъ быть воспитано—религіозное воспитаніе, но мы не воспитаны такъ и съ трудомъ должны работать надъ собой сами. А возможно ли общее религіозное воспитаніе и какое это было бы благо.

Любящій васъ
Левъ Толстой.

№ 239.

А. Ф. Мооду.

(Ясная Поляна, 1905 г., Авг. 20).

Очень, очень виноватъ передъ вами, дорогой Моодъ. Два письма ваши давно уже лежатъ у меня безъ отвѣта. Пожалуйста, не сердитесь на меня за это. Причина та, что у меня бываютъ времена, слѣдующія одно за другимъ, то упадка умственной энергіи, при которой я не могу взять на себя написать самое простое письмо, то особеннаго возбужденія ея, при которомъ я весь отдаюсь своей работѣ. А работы очень много. Только что пережилъ такіе два періода.

На первое письмо ваше о 600 фунтахъ, которые вы предлагаете мнѣ я думаю такъ: сейчасъ я не предвижу для себя возможности хорошо, несомнѣнно хорошо употребить ихъ; и потому, если вы не найдете имъ такого же несомнѣнно хорошаго употребленія, и пока не найдете, положите ихъ въ банкъ. Если же мнѣ представится случай употребленія,—я вамъ напишу. Что касается Стэда, то я особенно радъ буду его посѣщенію.

Оно уничтожитъ то недоразумѣніе, которое случайно и, вѣроятно, по моей винѣ возникло.

Передайте пожалуйста мои сердечные привѣты вашей женѣ, свояченицѣ, ея другу и дѣтямъ.

Книгу вашу не читалъ еще, но прочту непремѣнно.

Исторія духоборовъ очень интересна и значительна до сихъ поръ и, я думаю, будетъ еще интереснѣе и поучительнѣе въ будущемъ.

Дружески жму вамъ руку

Левъ Толстой.

№ 240.

А. Ф. Кони.

(Ясная Поляна., 1905 г., Авг. 26).

Дорогой Анатолій Федоровичъ!

Давно уже пора бы отвѣтить на ваше письмо; простите, что замедлилъ.

Я нынче пишу Л. Я. Гуревичъ и пишу ей, что повѣсть, которую я пишу, едва ли скоро кончу, а если и кончу, то отдамъ въ *Посредникъ*. Очень мнѣ жаль и ее и очень по-моему хорошій журналъ, если онъ въ такомъ шаткомъ положеніи.

Очень, очень мнѣ жаль, что давно не видалъ васъ и что вы не заѣхали къ намъ проѣздомъ на Кавказъ. Утѣшаю себя мыслью, что доктора всегда врутъ и что ваше нездоровье не такъ опасно, какъ вы думаете. Впрочемъ, думаю, и отъ всей души желаю вамъ этого, если у васъ его нѣтъ: вѣры въ жизнь вѣчную и потому безстрашія передъ смертью, уничтожающаго главное жало всякой болѣзни. Пишу я, правда, тотъ сюжетъ, который вы разсказывали мнѣ, но я такъ никогда не знаю, что выйдетъ изъ того, что я пишу, и куда оно меня заведетъ, что я теперь самъ не знаю, что я пишу теперь. Прощайте. Дай Богъ вамъ наибольшей близости къ нему и тогда все будетъ хорошо.

Любящій васъ

Л. Толстой.

№ 241.

Редактору „Русскихъ Вѣдомостей".

(Ясная Поляна, 1905 г., Дек. 1).

Прилагаю два письма двухъ крестьянъ, христіанъ, второй годъ томящихся въ дисциплинарномъ баталіонѣ за то, что они по своимъ (думаю никто не станетъ спорить противъ этого) истинно христіанскимъ вѣрованіямъ не могли добровольно поступить въ войско и принять запрещенную въ Евангеліи присягу.

Полагаю, что въ теперешнее время провозглашена свобода совѣсти, съ другой стороны освобождены всѣ политическіе арестанты, пора бы перестать наказывать людей за то, что они остаются вѣрными своимъ религіознымъ, мирнымъ братолюбивымъ убѣжденіямъ. Пора бы для такихъ, исключительно высокихъ по своему нравственному складу людей, найти какой-либо другой выходъ изъ того противорѣчія, въ которое они поставлены требованіями и законами Христа, чѣмъ жестокое заточеніе и розги.

Прежде, недавно еще, такіе люди ссылались въ Якутскую область. Какъ ни тяжела была эта ссылка, она все-таки была несравненно легче дисциплинарнаго баталіона. Такихъ заключенныхъ теперь въ дисциплинарныхъ баталіонахъ я знаю еще многихъ кромѣ этихъ двухъ.

Левъ Толстой.

1906 г.

№ 242.

П. И. Бирюкову.

(Ясная Поляна, 1906 г., Февр.).

... Сначала я думалъ, что не буду въ состояніи помочь вамъ въ моей біографіи, несмотря на все мое желаніе сдѣлать это. Боялся неискренности, свойственной всякой авто-

біографіи, но теперь я какъ будто нашелъ форму, въ которой могу исполнить ваше желаніе, указавъ на главный характеръ слѣдовавшихъ одинъ за другимъ періодовъ моей жизни въ дѣтствѣ, юности и возмужалости. Какъ только оправлюсь настолько, что буду въ состояніи писать, непремѣнно посвящу на это нѣсколько часовъ и постараюсь сдѣлать это.

Левъ Толстой.

№ 243.

В. А. Ш.

(Ясная Поляна, 10 Февр., 1906 г.)

Я васъ вполнѣ понимаю, не только понимаю, но сливаюсь съ вами въ одно и то же сознаніе Бога — основы нашей жизни. На этой глубинѣ сознанія мы всѣ соединяемся воедино. И такое сознаніе есть великое благо. Но мы не можемъ оставаться постоянно на этой глубинѣ сознанія. И главная задача людей, испытавшихъ это состояніе, въ томъ, чтобы, во-первыхъ, какъ можно большую часть своей жизни оставаться въ немъ, а во-вторыхъ, остальную жизнь, происходящую внѣ этого сознанія, какъ можно больше приблизить къ нему, всѣ поступки пропитать этимъ сознаніемъ единства со всѣми людьми, со всѣмъ живымъ. И это приводитъ меня къ тѣмъ мыслямъ, которыя вызвало во мнѣ это ваше второе письмо. Вы семейный человѣкъ, у васъ есть дѣти и жена, которая, какъ это и не можетъ быть иначе, не можетъ сочувствовать поступкамъ, вызваннымъ вашимъ душевнымъ состояніемъ; не можетъ сочувствовать потому, что *кто не со мною, тотъ противъ меня*. Сочувствовать измѣненію міросозерцанія, замѣнѣ мірского міросозерцанія христіанскимъ—нельзя. Можно раздѣлять или не раздѣлять его. А не раздѣляя, не только нельзя сочувствовать, но и нельзя не относиться къ нему враждебно. И таково должно быть отношеніе вашей жены и вашихъ (по мірскому) близкихъ

вамъ. Но вопросъ въ томъ, каково должно быть отношеніе ваше къ нимъ? Само собою разумѣется, что вамъ должно всѣми силами стараться поступать такъ, чтобы ваши поступки не производили бы раздраженія или какъ можно меньше раздраженія, но есть поступки, которыхъ вы не можете не дѣлать по требованіямъ своей совѣсти, которые, какъ ваша отдача земли, должны вызвать раздраженіе, не только семейныхъ, но и постороннихъ. И вотъ тутъ-то надо быть внимательнымъ къ себѣ, чтобы не заразиться ихъ раздраженіемъ, а, понимая ихъ положеніе, хотя и неизбѣжно раздражая ихъ, не переставать любить ихъ. *Пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ.* Вотъ этому-то *пребыванію* въ любви надо стараться не измѣнять, несмотря ни на какіе противъ себя поступки и чувства другихъ людей. Обыкновенно и самые добрые люди считаютъ, что — главное — не раздражать людей, сдѣлать имъ пріятное, вызвать ихъ любовь къ себѣ.

Но это большая ошибка. Поступать надо независимо отъ того, пріятно ли или непріятно это будетъ людямъ, а только потому, насколько поступки пріятны Богу. По отношенію же людей главное дѣло въ томъ, чтобы *пребывать* въ любви къ нимъ, т.-е. не испытывать къ нимъ недоброжелательства, хотя бы они и ненавидѣли и оскорбляли. И главное, что нужно для этого, это, любя, понимать ихъ и, понимая, любить ихъ. А то часто бываетъ, что для того, чтобы не раздражить людей, угодить имъ, не дѣлаешь того, чего требуетъ отъ тебя Богъ и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуешь недоброе чувство къ тѣмъ людямъ, ради которыхъ ты отступилъ отъ требованій Бога. И выходитъ двойной грѣхъ: и тотъ, что ты не исполнилъ того, что хотѣлъ Богъ и не любишь тѣхъ людей, ради которыхъ ты сдѣлалъ это. А надо было напротивъ: сдѣлать то, чего требуетъ совѣсть и, понимая ихъ положеніе, не переставая любить тѣхъ, кому непріятенъ твой поступокъ. Тогда ты навѣрное сдѣлалъ бы

то, что должно для себя, и по всѣмъ вѣроятіямъ добро тѣмъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло.

Левъ Толстой.

№ 244.

Н. Е. Ф-у.

(Ясная Поляна, 1906 г., Мартъ 15 (?)).

Милый Ф. Судя по вашему письму, думаю, что вы и не замѣтили, какъ давно уже перешли на переводной стрѣлкѣ съ рельсовъ христіанскаго пути на рельсы революціонные и катитесь по нимъ, воображая, что вы на христіанскомъ пути, въ особенности по тому, что печатаете и распространяете книги христіанскаго духа. Вы сравниваете нравственныя величины революціонеровъ и правительственныхъ людей. Но вы сравниваете одни числители (это свойство молодости), не знаменатели. А я вижу знаменатели и потому безъ всякаго сомнѣнія знаю, что солдатъ, офицеръ, чиновникъ, губернаторъ, выросшіе на этомъ, кормящіе свою семью и покоряющіеся существующему, т.-е. человѣкъ смиренный, съ крошечнымъ знаменателемъ несравненно нравственнѣе г-жи или г-на Х., твердо знающихъ, что нужно для блага Россіи, и браунингомъ достигающіе этого блага.

Берегитесь, милый Ф., отъ окружающаго васъ гипноза. Христіанину надо жить передъ Богомъ и своей совѣстью, а воздѣйствовать на другихъ не надо и нельзя, потому что онъ не знаетъ и не можетъ знать, что для нихъ хорошо. Вы печатаете мои книги и распространяете ихъ, мнѣ это, кажусь, пріятно, но я не знаю, хорошо ли это, и вамъ слѣдуетъ точно такъ же не знать этого и не класть на это вашихъ силъ...

Людямъ, желающимъ итти по христіанскому пути въ наше время, повѣрка въ отношеніи къ революціи. Нынче же съ вашимъ письмомъ получилъ письмо (прежде уже было нѣсколько такихъ) отъ женщины, которая меня укоряетъ

серьезно и горячо за то, что я не пишу о ... войнѣ возмущаюсь ея мученіями, не сострадаю ей. Вѣдь это ужасно. Несчастную дѣвушку, которая страшно жалка тѣмъ заблужденіемъ и развратомъ душевнымъ, который довелъ ее до хладнокровнаго убійства, требуетъ, чтобы мы жалѣли за ея физическія страданія. Да если бы она опомнилась, поняла, что она сдѣлала, она просила бы мученій, чтобы чѣмъ-нибудь загладить...

Л. Толстой.

№ 245.

Н. Г. С.

(Ясная Поляна, 1906 г., іюнь 30).

Любезный другъ С. (простите, забылъ ваше имя, отчество). Я получилъ ваше письмо, когда былъ нездоровъ, и потому попросилъ отвѣтить жившаго у насъ Беркенгейма. Но содержаніе вашего письма мнѣ кажется такъ важно, что хочется отвѣтить самому и выяснить, почему я не согласенъ съ вами.

По слабости своей я радовался на вашу работу распространенія моихъ мыслей и былъ, и есмь благодаренъ вамъ. Говорю: по слабости, п. ч. не беру на себя знать, нужно ли чтобы теперь распространялись мои мысли и даже, чтобы онѣ вообще распространялись. Знаю, что мнѣ надо было выражать ихъ, но не больше. Про то же, чтобы сознательно употреблять ихъ на дѣло революціи—насилія, зла—я знаю, несомнѣнно, что этого не должно. Знаю, что противовоенныя мои писанія могутъ имѣть значеніе, какъ необходимый выходъ изъ христіанскаго міровоззрѣнія, но никакъ не желаю давать имъ главное—и еще менѣе служебное значеніе для цѣлей, не только чуждыхъ, но прямо противныхъ мнѣ. Само собою разумѣется, что желательно, чтобы солдаты не стрѣляли въ братьевъ и вообще въ людей, но чтобы они воздержались отъ этого ради Бога, а не для того, чтобы со-

дѣйствовать революціи, т.-е. замѣной одной власти другою. Революціонеры не желаютъ, чтобы солдаты стрѣляли въ нихъ, но едва ли откажутся отъ того, чтобы солдаты стрѣляли въ ихъ враговъ. Они могутъ съ моими писаніями дѣлать что имъ угодно, я не могу препятствовать имъ въ этомъ но давать или содѣйствовать имъ, это все равно, что употреблять евангеліе (книжку) на поджогъ деревни.

Простите, если сдѣлалъ вамъ непріятное. Любящій васъ и Ф.

Левъ Толстой.

№ 246.

В. А. Молочникову.

(Ясная Поляна, 1906 г., Сент. 24).

Въ концѣ вашего письма вы пишете: „или быть можетъ объ этомъ не нужно думать, а дѣлать свое дѣло и не участвовать въ злѣ". Аминь. Это самое я не то, что думаю только, но въ этомъ я убѣжденъ, какъ въ томъ, что я существую. Добавлю только то, что не думать о Царствіи Божьемъ, не желать, не искать его нельзя пробудившимся къ жизни людямъ. Дѣло только въ томъ, что для достиженія этого царствія Божьяго есть только одно самое могущественное средство, то самое, которое вы говорите: дѣлать свое дѣло прежде всего вокругъ себя, въ томъ положеніи, въ которомъ находишься, если только можешь продолжать находиться въ этомъ положеніи и не участвовать въ злѣ. Этимъ я, или скорѣе вы сами, отвѣчаете на ваши предположенія внѣшнимъ образомъ измѣнить свой образъ жизни. Я бы скорѣе совѣтовалъ вамъ работать надъ собой, оставаясь въ прежнихъ условіяхъ. Главное, совѣтовалъ бы вамъ дѣлать только то, что требуетъ отъ васъ Богъ, ваша совѣсть, совершенно независимо отъ сужденій людскихъ.

Левъ Толстой.

№ 247.

И. Ф. Наживину.

(Ясная Поляна, 1906 г., Сент. 5).

Спасибо вамъ, милый Иванъ Федоровичъ, за письмо и за трогательныя свѣдѣнія о Куртышѣ. Не могу жалѣть его. Могу только радоваться и бояться... Я послалъ выписку изъ вашего письма солдатамъ, которые обращались ко мнѣ съ вопросомъ: какъ имъ быть, когда ихъ пошлютъ усмирять.

То, что вы недовольны своей жизнью, только хорошо. Когда истинно хочешь идти по прямой и видишь свое уклоненіе отъ нея, то неизбѣжно выйдешь опять на нее. Романъ вашъ вѣроятно много мѣшалъ, и я радъ, что вы его кончили. Я давно уже думалъ, что эта форма отжила,—не вообще отжила, а отжила, какъ нѣчто полезное. Если мнѣ есть, что сказать, то не стану я описывать гостиную, закатъ солнца и т. п. Какъ забава, невредная для себя и другихъ—да. Я люблю эту забаву. Но прежде на это смотрѣлъ, какъ на что то важное. Это кончилось. Привѣтъ вашей хорошей женѣ.

Л. Толстой.

№ 248.

П. И. Бирюкову.

(Ясная Поляна, 1906 г.).

...О томъ, какъ на меня подѣйствовало 1-е марта, не могу ничего сказать опредѣленнаго, особеннаго. Но судъ надъ убійцами и готовящаяся казнь произвели на меня одно изъ самыхъ сильныхъ впечатлѣній моей жизни. Я не могъ перестать думать о нихъ, но не столько о нихъ, сколько о тѣхъ, кто готовился участвовать въ ихъ убійствѣ, и особенно объ

..... Мнѣ такъ ясно было, какое радостное чувство онъ могъ бы испытать, простивъ ихъ. Я не могъ вѣрить, что ихъ казнятъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ боялся и мучился за ихъ убійцъ. Помню, съ этой мыслью я послѣ обѣда легъ внизу на кожаный диванъ и неожиданно задремалъ и во снѣ, въ полу-снѣ, подумалъ о нихъ и о готовящемся убійствѣ и почувствовалъ такъ ясно, какъ будто это все было наяву, что не ихъ казнятъ, а меня и казнятъ не съ палачами и судьями, а я же и казню ихъ, и я съ кошмарнымъ ужасомъ проснулся.

И тутъ написалъ письмо.

Левъ Толстой.

№ 249.

Н. Г. С.

(Ясная Поляна, 1906 г., Ноябрь 4).

Милый другъ С. Насчетъ изданій дѣлайте все, какъ хотите. Это ваше, а не мое дѣло, и вы дѣлаете его такъ хорошо, что мнѣ незачѣмъ мѣшаться въ него. Притомъ другія мысли занимаютъ меня все больше; мысли того же порядка, какъ и тѣ, о кот. вы пишете въ концѣ письма. Мысли эти до слезъ тронули меня, такъ онѣ близки мнѣ и радостны. „Пребывающій въ любви, пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ. Бога никто не видѣлъ нигдѣ, но если мы любимъ другъ друга, то онъ пребываетъ въ насъ“. Любовь есть та самая живая форма, въ кот. мы можемъ постигнуть Бога, или, другими словами, въ кот. мы поднимаемся на высшую доступную степень сознанія. И потому, понимая такъ жизнь и себя, мы не можемъ расходиться не только другъ съ другомъ, но ни съ какимъ человѣкомъ въ мірѣ. На счетъ же отношенія къ политикѣ прочтите въ Мыс. М. Л. *) день 13 ноября Лао-Тзе.

*) „Мудрыхъ людей“.

Только въ концѣ прибавить, что въ человѣкѣ, простомъ, свободномъ отъ страстей и мало разсуждающемъ, неизбѣжно проявится его сущность—любовь.

Много какъ будто хочется сказать вамъ, но думаю, что то, что хочется сказать, я услышалъ отъ Того, Кто говоритъ и съ вами и скажетъ вамъ то же самое.

Очень радостно имѣть такихъ друзей, какъ вы и M. и Z. и слава Богу еще много. Ваша мысль о Дымщицѣ навела меня на мысль написать о всѣхъ религіозныхъ людяхъ, страдающихъ теперь. Знаете ли вы про Куртыша-солдата, кот., понявъ законъ отъ И—ова, отказался служить. Его отдали въ дисциплинарный батальонъ, и когда его пугали тѣми муками, кот. его будутъ мучить, онъ говорилъ только: „а я за нихъ буду молиться, какъ наши учителя".

Левъ Толстой.

1907 г.

№ 250.

Е. И. Попову.

(Ясная Поляна, 1907 г., Январь 11).

На-дняхъ я думалъ и говорилъ про васъ, милый Евгеній Ивановичъ. И вотъ какъ всегда ваше длинное и какъ всегда серьезное письмо, живо изобразившее мнѣ ваше душевное состояніе. Понимаю тѣ ошибки ваши, о которыхъ вы пишете, но удивляюсь, какимъ образомъ, вы въ этихъ ошибкахъ, какъ будто умышленно обходя рѣшеніе вопроса, не пришли къ нему. Заолужденіе всѣхъ насъ, не воспитанныхъ религіозно людей, одно и то же: сначала жизнь для себя, для своихъ похотей, своего тѣла, потомъ, какъ поправка къ этому, жизнь для блага (опять тѣлеснаго блага) людей и потомъ обращеніе къ внѣшнему (внѣ себя) Богу и опять неудовлетвореніе и разочарованіе. А между тѣмъ те-

перь мнѣ дѣло жизни представляется столь очевиднымъ простымъ, что удивляешься (теперь), какъ могъ такъ долго ходить около, не видя его. Жить, значитъ — желая блага, двигаться впередъ куда-то (невольное представленіе времени). Сначала естественно желать этого блага, какъ у дѣтей себѣ, своему тѣлу и вытекающимъ изъ него похотямъ, потомъ, когда видишь тщету, неудовлетворенность и неизбѣжность конца—смерть, ищешь спасенія въ расширеніи предмета, которому желаешь блага (любовь подсказываетъ), и является служеніе людямъ. Потомъ ясно, что если земное счастіе одного Льва Николаевича гроша не стоитъ, то такъ же мало стоитъ счастіе милліардовъ Львовъ Николаевичей и тогда требуешь, нельзя ли любить того, кто источникъ, начало всѣхъ этихъ существъ. Но любить того, кого не знаешь и къ кому не чувствуешь влеченія, нельзя. И выходитъ, что жить не за чѣмъ, а надо доживать, пока живется. А между прочимъ, какъ просто. На первой же ступени, когда понялъ, что любить свое тѣло и улучшать его и удовлетворять его желанія — тщетно и глупо, надо было не бросать себя, а только понять себя,—кто настоящее „я“. И, понявъ это, перенести всю ту любовь, какую испытывалъ къ тѣлесному „я“, на это духовное и весь трудъ, всѣ усилія, которыя клалъ на улучшеніе этого „я“ и на удовлетвореніе его желаній, положить на улучшеніе духовнаго „я“ — освобожденіе его отъ всего скрывающаго его, на удовлетвореніе его желаній и вмѣсто разочарованія получаешь все большее и большее очарованіе, и не очарованіе, а спокойствіе, твердость и радость. И та смерть, которая была ужасомъ, становится желаемымъ предѣломъ. Для тѣлеснаго человѣка, старость, угашеніе похотей, страстей, даже чувствъ считается нехорошимъ, есть уничтоженіе самыхъ основъ счастья, смерть же есть ужасный конецъ всего. Для духовнаго же человѣка старость есть помощь въ его работѣ, есть освобожденіе отъ всего затемнявшаго его сознаніе; и смерть,

есть то самое, къ чему онъ стремится—соединеніе съ тѣмъ началомъ, которое онъ сознаетъ въ себѣ. Мало того и то, чѣмъ обыкновенно стараются исправить тѣлесную жизнь: служеніе людямъ и вѣра и любовь къ Богу сами собой присоединяются къ такой жизни. Чѣмъ больше человѣкъ просвѣщается божественнымъ свѣтомъ, становится лучше, тѣмъ онъ вѣрнѣе и плодотворнѣе служитъ людямъ и тѣмъ не только естественнѣе, но необходимѣе становится для него любовь къ Богу, тому Богу, котораго онъ все больше и больше сознаетъ въ себѣ. Простите, что такъ длинно пишу вамъ то, что вы сами знаете лучше меня, но письмо ваше вызвало во мнѣ эти мысли и захотѣлось сообщить ихъ вамъ.

Любящій васъ

Левъ Толстой.

№ 251.

Г-ну N. N.

(Ясная Поляна, 1907 г., Мартъ 11).

Письмо ваше доставило мнѣ ту радость, которой я боюсь желать и боюсь предаваться—радость сознанія того, что твоя дѣятельность приноситъ видимые тебѣ добрые плоды и что число близкихъ тебѣ по духу людей увеличивается.

Письмо ваше понравилось — не понравилось, а тронуло меня своей серьезностью, искренностью и простотой. Я согласенъ со всѣмъ, что вы пишете, въ особенности съ тѣмъ, что главный вопросъ для каждаго, не „что дѣлать“, а „какъ дѣлать“, „какъ жить?“ Первый вопросъ есть только маленькая частица второго и вытекаетъ изъ него.

Большинство же людей, желающихъ слѣдовать истинѣ дѣлаетъ эту ошибку, замѣнивъ вопросъ: какъ жить, вопросомъ: что дѣлать?

Я думаю, что постановленіе себѣ главной задачей жизнь въ общинѣ, распространеніе ученія истины, есть такая ошибка. По письму вашему вижу, что вы понимаете ученіе исти-

ны Христа совершенно такъ же, какъ и я, и говорить про то, чтобы не ставить мірскихъ, внѣшнихъ цѣлей главнымъ, говорить это вамъ излишне, естественно избирать ту жизнь и дѣятельность, которая меньше противна своему міросозерцанію и потому понятно желать перемѣнить медиц. ак. на земледѣльческую общину. Вы совершенно въ этомъ сходитесь съ большинствомъ изъ моихъ молодыхъ друзей, между прочимъ и съ тѣмъ N., котораго даю вамъ адресъ и которому прошу васъ передать, что я вчера получилъ его письмо и буду отвѣчать ему, но боюсь, что не очень скоро, такъ какъ очень много дѣла и послѣднее время чувствую себя слабымъ. Хотѣлось бы написать вамъ больше но кончаю на этомъ.

Очень радъ общенію съ вами. Полюбившій васъ

Левъ Толстой.

N дастъ вамъ адресъ, но и я посылаю ихъ и еще списанное для васъ моимъ живущимъ у меня другомъ Маковицкимъ письмо К., полученное мною въ одинъ день съ вашимъ.

Л. Т.

№ 252.

Г-ну Ф.

(Ясная Поляна, 1907 г., Іюля 9).

Получилъ ваше письмо, милый Ф., и не скажу, что огорченъ, но обезпокоенъ: боюсь за васъ, выдержите ли вы, употребите ли на пользу самому себѣ, настоящему с е б ѣ это тѣлесное лишеніе и страданіе. Надо бы такъ, и по письму вашему, вижу, что вы хотите, чтобъ это было такъ. Держитесь, присматривайтесь, чтобы это было такъ, милый другъ. Есть то же великое наслажденіе и въ этой духовной лодкѣ, быстро нестись по вѣтру воли Божіей, т.-е. все больше и больше сливаться такъ, чтобы не чувствовать ее, какъ не чувствуешь вѣтра, несясь съ нимъ. Поразительна и грустна причина вашего заточенія. То положеніе, которое Христосъ считалъ въ его время уже не только признаннымъ всѣми,

что онъ говорилъ только о дальнѣйшемъ, высшемъ нравственномъ требованіи, — за это положеніе судятъ и казнятъ теперь.

Хороша ваша роль. Помогай вамъ Богъ.

Цѣлую васъ.

Л. Толстой.

№ 253.

П. А. Столыпину.

(Ясная Поляна, 1907 г., Іюль 26).

Петръ Аркадьевичъ!

Пишу Вамъ не какъ министру, не какъ сыну моего друга, пишу Вамъ, какъ брату, какъ человѣку, назначеніе котораго, хочетъ онъ этого или не хочетъ, есть только одно: прожить свою жизнь согласно той волѣ, которая послала его въ жизнь.

Дѣло, о которомъ я пишу Вамъ, вотъ въ чемъ:

Причины тѣхъ революціонныхъ ужасовъ, которые происходятъ теперь въ Россіи, имѣютъ очень глубокія основы, но одна, ближайшая изъ нихъ, это недовольство народа неправильнымъ распредѣленіемъ земли.

Если революціонеры всѣхъ партій имѣютъ успѣхъ, то только потому, что они опираются на это, доходящее до озлобленія недовольство народа.

Всѣ, и революціонеры, и правительство, сознаютъ это, но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ ничего, кромѣ величайшихъ глупостей и несправедливостей, не придумывали и не предложили для разрѣшенія этого вопроса. Всѣ эти мѣры—отъ соціалистическаго требованія отдачи всей земли народу до продажи черезъ банки и отдачи крестьянамъ государственныхъ земель и такъ же, какъ переселенія—все это или неосуществимыя фантазіи, или палліативы, имѣющія тотъ недостатокъ, что только усиливаютъ раздраженіе народа признаніемъ существующей несправедливости и предложеніемъ мѣръ, не устраняющихъ ея.

Нужны теперь для успокоенія народа не такія мѣры, которыя увеличивали бы количество земли такихъ или другихъ русскихъ людей, называющихся христіанами (какъ смотрятъ обыкновенно на это дѣло), а нужно уничтожить вѣковую древнюю несправедливость.

Несправедливость эта—совершенно подобная на моей памяти уничтоженной несправедливости права владѣнія человѣкомъ, крѣпостного права, и столь же противная основнымъ законамъ добра— несправедливость эта, такъ называемое право земельной собственности, чувствуется теперь всѣми людьми христіанскаго міра, но особенно живо русскими людьми. Если и не одно сознаніе этой несправедливости породило русскую революцію, то поддерживаетъ и даетъ ей главную силу именно эта, смутно сознаваемая и большей частью ложно понимаемая несправедливость.

Несправедливость состоитъ въ томъ, что, какъ не можетъ существовать п р а в а одного человѣка владѣть другимъ (рабство), такъ не можетъ существовать п р а в а одного какого бы то ни было человѣка, богатаго или бѣднаго, царя или крестьянина, владѣть землею, какъ собственностью.

Признается это или нѣтъ теперь, будетъ ли или не будетъ это установлено въ близкомъ будущемъ, всякій человѣкъ знаетъ, чувствуетъ что земля не должна, не можетъ быть собственностью отдѣльныхъ людей, точно такъ же, какъ когда-то было рабство, несмотря на всю древность этого установленія, на законы, ограждавшіе рабство, всѣ знали, что этого не должно быть.

То же теперь съ земельной собственностью.

Но для того, чтобы это могло быть сдѣлано, необходимо дѣйствительно уничтожить ее, а не распространять, перемѣщать это право съ однихъ лицъ на другихъ, не только признавая это право за извѣстнымъ сословіемъ, за крестьянами, но поощряя ихъ въ пользованіи этимъ правомъ, какъ это дѣлается по отношенію крестьянъ. Для тѣхъ, кто пони-

маетъ этотъ вопросъ въ его истинномъ значеніи, должно быть ясно, что право владѣнія, какъ собственностью, хотя бы однимъ осьминникомъ земли, будь владѣлецъ распрокрестьянинъ, такъ же незаконно и преступно, какъ владѣніе богачомъ или царемъ милліономъ десятинъ. И потому вопросъ не въ томъ, кто владѣетъ землей и какимъ количествомъ, а въ томъ, какъ уничтожить право собственности на землю и какъ сдѣлать возможность пользоваться ею одинаково доступной всѣмъ.

И такое рѣшеніе земельнаго вопроса уничтоженія права собственности и установленія равнаго для всѣхъ пользованія ею, уже давно ясно и опредѣленно выработано ученіемъ „Единаго Налога“ Генри Джорджа.

Не стану излагать Вамъ этотъ способъ. Онъ изложенъ съ совершенной ясностью, неопровержимой убѣдительностью во всѣхъ сочиненіяхъ этого замѣчательнаго человѣка, въ особенности кратко и ясно въ его книгѣ: „Social Problems“. Боюсь, что прочтя то, что я пишу Вамъ, Вы скажете то, что я слышалъ много разъ: „Ахъ, Генри Джорджъ, знаю“. Скажете это и не только не постараетесь узнать и понять сущности этого способа освобожденія земли, но, подъ вліяніемъ распространенныхъ отрицательныхъ сужденій о Генри Джорджѣ, людей не знающихъ, но отрицающихъ его, не потрудитесь вникнуть въ то, что предлагаю Вамъ я, и въ тотъ способъ осуществленія этого предложенія, который выработанъ этимъ писателемъ.

Пожалуйста, не дѣлайте этого, а хоть на короткое время, освободясь отъ тѣхъ удручающихъ заботъ и дѣлъ, свойственныхъ Вашему положенію, постарайтесь не съ чужихъ словъ, а сами своимъ умомъ познакомиться съ ученіемъ Джорджа и подумайте о томъ, что я предлагаю Вамъ.

Если бы Вамъ хотѣлось болѣе живымъ способомъ познакомиться съ этимъ дѣломъ, я бы посовѣтовалъ Вамъ пригласить къ себѣ моего пріятеля, великаго знатока, едва ли

не лучшаго въ Европѣ, всего сдѣланнаго Генри Джорджемъ, Николаева. Онъ, я увѣренъ, не откажется съѣздить къ Вамъ для того, чтобы, по мѣрѣ силъ, содѣйствовать этому великому дѣлу.

Предлагаю я Вамъ великое по своей важности дѣло. Отнеситесь теперь Вы, правительство, къ этому земельному вопросу не съ жалкими, ничего недостигающими палліативами, а какъ должно по существу вопроса, поставить его такъ, что Вы не задабривать хотите какое-нибудь одно сословіе, или дѣлать уступки революціоннымъ требованіямъ, а такъ, что Вы хотите возстановить съ древнѣйшихъ временъ нарушенную справедливость, не думая о томъ, сдѣлано ли это, или не сдѣлано еще въ Европѣ, и Вы сразу, не знаю, успокоите ли революцію или нѣтъ,—этого никто не можетъ знать,—но навѣрное будетъ то, что одно изъ тѣхъ главныхъ и законныхъ поводовъ, которыми вызывается раздраженіе народа, будетъ отнято у революціонеровъ.

Совѣтую это я Вамъ не въ виду какихъ либо государственныхъ или политическихъ соображеній, а для самаго важнаго въ мірѣ дѣла, если не уничтоженія, то ослабленія той вражды, озлобленія, нравственнаго зла, которыя теперь революціонеры такъ же, какъ и борящееся съ ними правительство, вносятъ въ жизнь людей.

Въ томъ, что все революціонное раздраженіе держится, опирается на недовольство крестьянъ земельнымъ устройствомъ, кажется, не можетъ быть сомнѣнія. А если это такъ, то не сдѣлать того, что можетъ уничтожить это раздраженіе, вынувъ почву изъ-подъ ногъ революціонеровъ, значитъ, имѣя въ рукахъ воду, которая можетъ потушить зачинающійся пожаръ, не вылить ея на огонь, а пролить мимо и заняться другимъ дѣломъ.

Думаю, что для энергичнаго человѣка въ Вашемъ положеніи это возможно.

Начните эту работу до Думы, и Дума будетъ не врагомъ Вамъ, а помощникомъ; помощниками, а не врагами будутъ

Вамъ и всѣ лучшіе люди, какъ изъ образованныхъ людей, такъ и изъ народа.

Пишу Вамъ, Петръ Аркадьевичъ, подъ вліяніемъ самаго добраго, любовнаго чувства къ стоящему на ложной дорогѣ сыну моего друга.

Вамъ предстоятъ двѣ дороги: или продолжать ту, начатую Вами дѣятельность, не только участія, но и руководства въ ссылкахъ,—каторгахъ, казняхъ и, не достигнувъ цѣли, оставить по себѣ недобрую память, а, главное повредить своей душѣ, или, ставъ при этомъ впередъ европейскихъ народовъ, содѣйствовать уничтоженію давней, великой, общей всѣмъ народамъ, жестокой несправедливости земельной собственности, сдѣлать истинно доброе дѣло и самымъ дѣйствительнымъ средствомъ, удовлетвореніемъ законныхъ желаній народа, успокоить его, прекративъ этимъ тѣ ужасныя злодѣйства, которыя теперь совершаются, какъ со стороны революціонеровъ, такъ и правительства.

Подумайте объ этомъ, Петръ Аркадьевичъ, подумайте. Разъ упущено время, оно уже не возвращается, и остается одно раскаяніе. Если есть хоть одинъ шансъ изъ ста въ томъ, что Вы успѣете въ этомъ великомъ дѣлѣ, вы обязаны начать его. Но я думаю, напротивъ, что шансовъ успѣха больше, чѣмъ неуспѣха. Только начните это дѣло и Вы увидите, какъ тотчасъ же примкнутъ къ Вамъ всѣ лучшіе люди всѣхъ партій; съ Вами же будетъ все стомилліонное крестьянство, которое теперь враждебно Вамъ. Съ Вами будетъ могущественнѣйшая сила общественнаго мнѣнія. А когда эта сила будетъ съ Вами, очень скоро, само собою уничтожится, разсѣется то все растущее озлобленіе и озвѣрѣніе народа, которое такъ тщетно пытается подавить правительство...

. . . . . .

Знаю я, что если Вы изберете предлагаемый мною путь, Вамъ предстоятъ великія трудности.

Всѣ трудности эти облегчитъ Вамъ сознаніе того, что то, что Вы дѣлаете, Вы дѣлаете не для себя, не для своей выгоды или славы, а для своей души, для Бога.

Помогай Вамъ Богъ, и я увѣренъ, что Онъ поможетъ Вамъ, если Вы за это возьметесь.

Левъ Толстой.

P. S. Посылаю Вамъ при семъ книгу Джорджа „Social Problems“ въ русскомъ переводѣ и кромѣ того одну мою брошюру, излагающую въ самомъ краткомъ видѣ основныя положенія Генри Джорджа. *Л. Т.*

№ 254.

Крестьянину М. П. Новикову.

(Ясная Поляна, 1907 г., Сентябрь 4).

М. П., вчера получилъ ваше письмо. Оно вызвало во мнѣ сложныя чувства. Первое чувство было чувство огорченія и недоброжелательства къ вамъ — осужденія васъ. И съ вечера, и ночью много думалъ и боролся со своимъ чувствомъ, и вотъ теперь, сегодня пришелъ въ такое состояніе, въ которомъ могу спокойно и, главное, любовно отвѣтить вамъ. То недоброе, нехорошее чувство (простите меня), которымъ проникнуто ваше письмо, заразило было и меня: мнѣ захотѣлось доказать вамъ вашу неправду, осудить васъ, но, вникнувъ въ тѣ мотивы, которые руководятъ вами, я передумалъ, скорѣе перечувствовалъ и вмѣсто озлобленія, которымъ заразило меня ваше письмо, чувствую теперь искреннее, любовное состраданіе къ вамъ и въ этомъ настроеніи и пишу теперь. Состраданіе, испытываемое мною вызывается никакъ не тѣмъ состояніемъ вашего желудка, наполненнаго, какъ вы говорите, непитательной пищей, въ то время, какъ мимо васъ проѣзжаютъ сытые бары на сытыхъ лошадяхъ, а собака ихъ приказчикъ, брешетъ на народъ, а на тѣ ужасныя, мучительнѣйшія чувства, которыя вы при этомъ испытываете. Сострадаю и тѣмъ безполезно-

мучительнымъ чувствамъ и, главное, тому душевному состоянію и умственному извращенію, при которомъ возможны и даже неизбѣжны эти ужасныя чувства ненависти къ людямъ-братьямъ и зависти къ тѣмъ матеріальнымъ преимуществамъ, которыми они случайно пользуются. Чувства эти особенно мучительны еще и потому, что людямъ, испытывающимъ ихъ, свойственно все больше и больше разжигать въ себѣ мучительное чувство злобы, преувеличивая невыгоды своего положенія и выгоды тѣхъ, кто вызываетъ эти чувства.

Душевное же, приводящее васъ къ этому состоянію, чувство, которое и вызываетъ во мнѣ состраданіе къ вамъ, это то полное невѣріе въ духовную, т.-е. истинную жизнь, которое вы много разъ, какъ нѣчто очень вамъ дорогое, высказываете въ вашемъ письмѣ. Вы нѣсколько разъ, какъ бы, довольные своимъ открытіемъ, какъ бы подсмѣиваясь, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ, говорите о невѣрности, глупости мысли о томъ, что „не хлѣбомъ однимъ сытъ человѣкъ“. А между тѣмъ именно отъ того, что вы не вѣрите въ это, не вѣрите въ жизнь духовную, не вѣрите въ обязательность требованій духовной жизни, не вѣрите въ Бога, отъ этого и ваше страданіе, и ваше несчастье. Вы, между прочимъ, пишете, что вы испытываете нѣкоторыя неудобства отъ того, что вы нововѣръ. Я думаю, что вы не нововѣръ, а вы невѣръ. То, чтобы хоронить дѣтей безъ услугъ духовенства, не поститься, не ходить въ церковь, не есть вѣра; у васъ есть отрицаніе предразсудковъ старой вѣры, а нѣтъ вѣры. И въ этомъ, въ томъ, что вы не вѣрите въ духовное начало жизни и въ его требованія, въ этомъ ваше несчастье, а нисколько не въ недостаткѣ земли и въ неправильности экономическаго устройства.

Если бы вы вѣрили въ это духовное начало жизни и въ обязательность его требованій, вы бы не считали, какъ вы это теперь считаете, первымъ и неизмѣннымъ условіемъ ва-

шей жизни то, чтобы устраивать и поддерживать свое отдѣльное хозяйство на землѣ. Если бы вы не вѣрили въ необходимость именно такой жизни, а вѣрили бы въ то, что жизнь ваша есть проявленіе въ вашей ограниченной формѣ и въ этомъ мірѣ того внѣпространственнаго, внѣвременнаго начала всего, которое вы сознаете въ себѣ и что не только главная, но единственная, свойственная вамъ жизнь и дѣятельность есть стремленіе къ единенію со всѣмъ живущимъ, т.-е. любовь, тогда бы не устраивали, какъ теперь, свою жизнь по составленной и излюбленной вами лично программѣ (хотя программа эта и хороша), но исполняя волю Высшаго Начала, предоставили бы судьбѣ, обстоятельствамъ поставить васъ въ тѣ или иныя условія. Можетъ быть, исполняя высшій законъ любви ко всѣмъ, вы бы остались въ любимыхъ вами условіяхъ, можетъ быть, пришлось вамъ совсѣмъ иначе устроить свою жизнь, но какъ бы она ни устроилась, во всѣхъ условіяхъ вы бы тогда, исполняя высшій законъ любви, навѣрное, поступили бы наилучшимъ образомъ и, любя, а не ненавидя людей, нашли бы истинное благо.

Экономическое же неустройство, на которое вы жалуетесь, къ счастью, столь очевидное теперь всѣмъ, никакъ не можетъ быть устранено ни жалобами, ни ненавистью, ни насиліемъ, вытекающимъ изъ ненависти, а только тѣмъ самымъ сознаніемъ духовности того, что „не хлѣбомъ однимъ сытъ человѣкъ“, которое вамъ кажется столь нелѣпымъ, и вытекающей изъ этого сознанія, любовью.

Такъ вотъ, милый братъ, Михаилъ Петровичъ, мое откровенно высказанное, можетъ быть, ошибочное, но серьезно прочувствованное мнѣніе о вашемъ душевномъ состояніи.

Изъ этого моего мнѣнія вы сами можете сдѣлать выводъ о томъ, что если бы я могъ (а я не могу, такъ какъ не имѣю своихъ денегъ), исполнить ваше желаніе, я не сдѣлалъ бы этого такъ, какъ нашелъ бы и знаю много и много людей,

которые больше, чѣмъ вы, нуждаются въ денежной помощи. Я знаю васъ: вы человѣкъ очень умный и очень гордый, но, думаю, что вмѣстѣ съ тѣмъ въ васъ живетъ и большая нравственная сила—религіозное чувство, и потому, надѣюсь и прошу васъ очень объ этомъ: такъ же, какъ я надъ вашимъ письмомъ, подумайте и вы надъ моимъ и поработайте надъ недобрымъ чувствомъ, которое оно можетъ вызвать въ васъ и во всякомъ случаѣ, простите мнѣ то, что можетъ оскорбить васъ. Совершенно искренно могу повторить то, что сказалъ въ началѣ письма, — что ничего не чувствую къ вамъ, кромѣ самаго добраго, любезнаго чувства.

Отвѣтьте мнѣ, если испытываете то же. Если же нѣтъ — не отвѣчайте.

Я буду знать, что вы несогласны со мной — думаю, что только до времени.

Любящій васъ

Левъ Толстой.

№ 255.

А. И. Иконникову.

(Ясная Поляна, 1907 г., Окт.).

Получилъ нынче ваше письмо, милый, дорогой братъ Иконниковъ, и въ одно и то же время ваше же письмо къ И. Ф. Наживину, которое онъ переслалъ мнѣ.

Радуюсь, радуюсь и радуюсь вашему душевному состоянію и благодарю за него Бога, не за васъ однихъ, а за всѣхъ тѣхъ людей—первый я, которые находятъ и найдутъ еще подкрѣпленіе и утвержденіе своей вѣры въ истину, въ то, что жизнь истинная не въ плоти, а въ духѣ, которая такъ ясна въ вашей жизни. Очень благодарю васъ, не за вашу жизнь, это дѣло выше всякой благодарности, а за то, что вы такъ правдиво и хорошо описали мнѣ и то, что съ вами было, и ваше душевное состояніе. Помогай вамъ Богъ, милый братъ, продолжать ту же внутреннюю духовную жизнь,

въ какихъ бы условіяхъ вы ни были: въ заключеніи или на свободѣ. Хотя и не могу не желать и надѣяться, что испытаніе ваше кончится же когда-нибудь. Постараюсь узнать подробнѣе, какъ по отношенію васъ могутъ и должны поступить тѣ, которые властвуютъ надъ вашимъ тѣломъ.

Любящій васъ братъ

Левъ Толстой.

Нынѣшнее письмо ваше вызвало у меня въ душѣ особенно живое и умиленное чувство благодарности и любви къ вамъ.

Не могу ли чѣмъ служить вамъ? Не лишайте меня этой радости.

№ 256.

П. П. К—ну.

(Ясная Поляна, 1907 г., Дек.).

...Я думаю, что ваша ошибка была въ томъ, что вы искали измѣненія внѣшнихъ формъ и дѣятельности для того, чтобы начать ту новую жизнь, которая влечетъ васъ къ себѣ. Я думаю, что надо начинать эту новую жизнь безъ приготовленій внѣшнихъ, а тотчасъ, въ томъ положеніи и мѣстѣ, въ которомъ находишься: въ тюрьмѣ, въ вагонѣ, во дворцѣ. Сущность же новой жизни должна состоять въ стремленіи къ единенію съ другими людьми (преимущественно съ людьми) и Богомъ, единенію, проявляемому любовью. На воспитаніе, удержаніе въ себѣ, увеличеніе, пріученіе себя къ этой любви должны быть направлены всѣ, всѣ, силы. Предоставивъ внѣшнимъ условіямъ своей жизни складываться, какъ они хотятъ, и условія эти подъ вліяніемъ жизни, направленной на усиленіе любви, сложатся наилучшимъ образомъ.

Пишу вамъ это, милый другъ, не потому, что хочу отвѣтить вамъ и предполагаю, что это можетъ быть и вѣрно, а потому, что знаю, что это истина и по внутреннему голосу, и по разуму, и по самому несомнѣнно-убѣдительному

опыту, знаю это такъ же вѣрно, нѣтъ, вѣрнѣе, чѣмъ то, что у меня есть тѣло и что я стою на землѣ.

Испытайте это день, два, недѣлю и вы будете такъ же убѣждены и такъ же спокойны и въ смерти, и въ жизни, и не будете ни у кого ничего спрашивать.

Простите. Любящій васъ

Л. Толстой.

1908 г.

№ 257.

И. Ф. Нажвину.

(Ясная Поляна, 1908 г., марта 12).

...Для насъ съ вами не можетъ быть вопроса о томъ, что важнѣе всего на свѣтѣ: мы знаемъ очень хорошо, что важнѣе всего то, чтобы не нарушать любви. А о томъ, насколько нарушается любовь тѣмъ или другимъ поступкомъ, есть ли возможность выйти изъ того или другого положенія, не нарушая любви—это знаетъ тотъ, кому предстоитъ это испытаніе, и потому судить о немъ не берусь и только радуюсь на то, что вы вышли изъ того мучительнаго положенія, въ которомъ вы находились...

То, что вы пишете о моемъ ужасномъ юбилеѣ, навѣрное не такъ тяжело для васъ, какъ это тяжело для меня. Я дѣлаю все, что могу, чтобы прекратить это, но вижу, что я безсиленъ...

Прибавлю еще къ тому письму, которое писалъ вамъ, что статья индуса особенно поразила меня. Это необыкновенно хорошо и вся книга прекрасна, только желательно бы было прибавить къ тѣмъ голосамъ народовъ, которые есть тамъ.

Левъ Толстой.

№ 258.

Письмо въ редакцію „Русскихъ Вѣдомостей“ [1]).

(Ясная Поляна, 1908, мартъ).

Посылаю вамъ прилагаемое письмо. Такихъ писемъ отъ людей, отрицательно относящихся къ моему предстоящему юбилею, я получилъ нѣсколько; это же письмо я очень прошу васъ напечатать, какъ желаетъ этого авторъ его. Я, съ своей стороны, тоже желалъ бы его напечатанія, такъ какъ въ связи съ этимъ письмомъ я имѣю сказать кое-что относительно этого моего предстоящаго юбилея.

Сказать я имѣю именно то, что готовящійся юбилей этотъ чрезвычайно тяжелъ для меня. Причинъ этому много. Одна изъ первыхъ та, что я никогда не смотрѣлъ на такого рода чествованія съ сочувствіемъ; мнѣ казалось, что выраженіе сочувствія и любви къ дѣятельности человѣка можетъ выразиться никакъ не внѣшнимъ образомъ, а близкимъ соединеніемъ чувствами и мыслями съ тѣмъ, кому относятся эти мысли и чувства.

Вспоминаю, какъ давно уже, лѣтъ около 30-ти тому назадъ, во время чествованія Пушкина, и поставленія ему памятника, милый Тургеневъ заѣхалъ ко мнѣ, прося меня ѣхать съ нимъ на этотъ праздникъ. Какъ ни дорогъ и милъ мнѣ былъ тогда Тургеневъ, какъ я ни дорожилъ и высоко цѣнилъ (и цѣню) геній Пушкина, я отказался, потому что и тогда уже такого рода чествованія мнѣ представлялись чѣмъ-то неестественнымъ и—не скажу ложнымъ, но не отвѣчающимъ моимъ душевнымъ требованіямъ.

Теперь же, когда это касается лично меня, я чувствую это еще въ гораздо большей степени.

Но это послѣднее соображеніе. Другое, самое важное, это то, что выражено въ этомъ письмѣ и другихъ такого же рода письмахъ. Именно то, что эти готовящіяся чествованія даже при своемъ приготовленіи вызываютъ въ большомъ количествѣ людей самыя недобрыя чувства ко мнѣ. Недобрыя

[1]) Письмо было написано, но не послано.

чувства эти могли бы лежать безъ выраженія, но выбиваются и развѣваются вслѣдствіе этого. Знаю, что эти недобрыя чувства вызваны мною самимъ: самъ я виноватъ въ нихъ, виноватъ тѣми неосторожными, рѣзкими словами, которыми я позволялъ себѣ осуждать вѣрованія другихъ людей.

Я искренно раскаиваюсь въ этомъ и очень радъ случаю высказать это.

Но это не измѣняетъ самого дѣла. Въ мои года, стоя одной ногой въ гробу, одно, что желательно, это быть въ любви съ людьми, насколько это возможно и разстаться съ ними въ этихъ самыхъ чувствахъ.

Письмо же это и подобныя ему, получаемыя мною, показываютъ именно, что приготовленія къ юбилею вызываютъ въ людяхъ — и совершенно справедливо — самыя обратныя любви чувства ко мнѣ. И это мнѣ очень тяжело.

Если бы на одной чашкѣ вѣсовъ лежали самыя мнѣ пріятныя и лестныя одобренія людей, которыхъ я уважаю, а на другой—вызванная ненависть хотя бы одного человѣка я думаю, что я бы не задумался отказаться отъ похвалъ, только бы не увеличивать нелюбовь этого одного человѣка.

Теперь же я чувствую, что этотъ готовящійся юбилей вызываетъ недобрыя, нелюбовныя чувства ко мнѣ, которыя я заслужилъ, не одного, а многихъ и многихъ, очень многихъ. Это мнѣ мучительно и тяжело, и поэтому я бы просилъ всѣхъ тѣхъ добрыхъ людей, любящихъ меня, сдѣлать все, что возможно, для того, чтобы уничтожить всякія попытки чествованія меня.

Не буду говорить о томъ, что я совершенно искренно не признаю себя заслуживающимъ тѣхъ чествованій, которыя готовятся: все это показалось бы какимъ-то фальшивымъ кокетствомъ. Но не могу не сказать того, что думаю, и былъ бы счастливъ, если бы люди оставили это дѣло и ничего не дѣлали бы въ этомъ направленіи.

Левъ Толстой.

№ 259.

Болгарину Христо Досеву.

(1908 года. 17 марта).

Милый Досевъ, получилъ ваше письмо и очень радъ былъ и тому, что вы пишете про себя и про нашихъ общихъ друзей; но долженъ сказать, что я всегда боюсь приписывать слишкомъ большое значеніе внѣшнимъ явленіямъ. Это отвлекаетъ отъ заботы о внутренней жизни; а только въ этомъ внутреннемъ движеніи, единеніи съ Богомъ — и личное счастье, насколько мы можемъ его испытывать, и вмѣстѣ съ тѣмъ благотворнѣйшее воздѣйствіе на другихъ людей.

Вы спрашиваете меня о теософіи. Меня самого интересовало это ученіе, но, къ сожалѣнію, оно допускаетъ чудесное; а малѣйшее допущеніе чудеснаго уже лишаетъ религію той простоты и ясности, которыя свойственны истинному отношенію къ Богу и ближнему. И потому въ ученіи этомъ можетъ быть много очень хорошаго, какъ въ ученіяхъ мистиковъ, какъ въ спиритизмѣ даже, но надо остерегаться его.

Главное же, думаю, что тѣ люди, которымъ нужно чудесное, не понимаютъ еще вполнѣ истиннаго, простого христіанскаго ученія.

Прощайте, милый Досевъ, пишите мнѣ изрѣдка. Всегда очень радъ общенію съ вами.

Л. Толстой.

№ 260.

А. М. Бодянскому.

(Ясная Поляна, 1908, Мартъ).

Дорогой Александръ Михайловичъ!

Прочелъ ваше письмецо къ Гусеву, въ которомъ вы такъ прекрасно выразили единственное наилучшее средство чествовать меня, т.-е. сдѣлать мнѣ истинно пріятное и вполнѣ удовлетворяющее меня, а именно то, чтобы посадить меня въ тюрьму, за написаніе тѣхъ сочиненій, за распространеніе которыхъ вамъ придется сидѣть шесть мѣсяцевъ и си-

дить такъ много и много людей. Многимъ эта мысль покажется шуткой, парадоксомъ, а между тѣмъ это самая простая и несомнѣнная истина. Дѣйствительно, ничто бы такъ вполнѣ не удовлетворило бы меня и не дало бы мнѣ такой радости, какъ именно то, чтобы меня посадили въ тюрьму, хорошую, настоящую тюрьму: вонючую, холодную, голодную. Вы высказали ясно то, чего я только смутно и неопредѣленно желалъ. Послѣднее время я чувствую себя до такой степени счастливымъ, что часто задумываюсь, есть ли что-нибудь, чего бы я желалъ, и никакъ не могъ найти ничего такого. Теперь не могу воздержаться отъ того, чтобы не желать всей душой того, чтобы то, что вы предлагаете, было принято не какъ шутка, а какъ поступокъ, дѣйствительно могущій успокоить всѣхъ тѣхъ, которымъ мои писанія и распространеніе ихъ непріятны, а съ другой стороны, который доставилъ бы мнѣ на старости лѣтъ передъ своей смертью искреннюю радость и удовлетвореніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ избавилъ бы меня отъ всей предвидѣнной тягости готовящагося юбилея.

Дружески жму вашу руку

Левъ Толстой.

№ 261.

В. А. Молочникову.

(Ясная Поляна, 1908, Мартъ).

Какъ всегда, съ радостью получилъ Ваше письмо, милый Владиміръ и, какъ всегда нашелъ въ немъ выраженіе Вашей глубокой, внутренней работы, которая всегда трогаетъ меня. Нечего Вамъ говорить, что эти подъемы и упадки естественное свойство жизни души. Хорошо уже то, когда замѣчаешь и болѣзненно чувствуешь эти упадки; я думаю, что это признакъ того, что понемногу приближаешься къ тому, къ чему идешь.

Нынче почему-то такъ живо почувствовалось мнѣ то, что вся жизнь наша, не говоря о моей стариковской, вре-

менно стоящей уже такъ близко къ концу, но всякая жизнь, какъ жизнь моей трехлѣтней внучки, живущей теперь у насъ, есть не что иное, какъ постепенное умираніе. Умираніе же есть не что иное, какъ то самое, что мы называемъ жизнью, т.-е. постепенное освобожденіе духовнаго отъ тѣла.

Скоро буду имѣть радость увидѣть Васъ. Напишите и о себѣ, и о семьѣ. Пожалуйста, напишите.

№ 262.

В. А. Ш.

(Ясная Поляна, 1903 г., Мартъ 25).

Милый В. А.

Мнѣ особенно пріятно было ваше письмо, пріятно тѣмъ, что, читая его, чувствуешь, какъ одна и та же основа соединяетъ тебя съ людьми, съ которыми ты не видался никогда, которые живутъ далеко отъ тебя, но которые живутъ духовно однимъ и тѣмъ же, чѣмъ живешь и ты. Ваше отношеніе къ этому смѣшному моему юбилею было точно такое же, какъ и мое къ нему, только съ тою разницей, что мнѣ затруднительно было выразить мое отношеніе къ этимъ людямъ, такъ какъ мѣшало ихъ доброе желаніе.

Вы же этимъ не были стѣснены. Слава Богу, какъ вы, можетъ быть, прочли въ газетахъ, вся эта затѣя должно быть прекратится. Очень жалѣю, что до сихъ поръ не встрѣчался съ вами. Дружески жму вамъ руку.

Левъ Толстой.

№ 263.

М. С. Дудченко.

(Ясная Поляна, 1908 г., Марта 25).

Получилъ ваше письмо, милый Митрофанъ Семеновичъ, и очень порадовался тому выраженію чувствъ и мыслей, которое нашелъ въ приложенномъ при немъ обращеніи. Немного мнѣ показались рѣзкими нѣкоторыя обращенныя къ устроителямъ слова*), и поэтому, и не только поэтому, но во-

*) По поводу 80-ти лѣтъ Л. Н.

обще теперь уже оказывается излишнимъ это заявленіе, а чѣмъ меньше обращать на себя вниманіе, тѣмъ естественно, лучше. Я уже писалъ и въ комитетъ въ Петербургъ о томъ, какъ мнѣ больна эта шумиха, дѣлаемая вокругъ меня; то же самое на-дняхъ сдѣлаю и въ Москвѣ. Ожидаю пріѣзда ко мнѣ, кажется секретаря или предсѣдателя этого комитета. Во всякомъ случаѣ все это было мнѣ очень тяжело и очень трудно было отнестись къ этому такъ, чтобы не ошибиться, но что же дѣлать.

Очень радъ былъ узнать о васъ и о Шеерманахъ, которыхъ я не знаю, но отъ всей души люблю и уважаю.

Дружески жму вамъ руку

Левъ Толстой.

№ 264.

А. Ф. Мооду.

(Ясная Поляна, 1903 г., Мартъ 30).

Получилъ ваше письмо, любезный Моодъ, объ юбилеѣ. Я всѣми силами старался, какъ вы навѣрно предположили прекратить эту несоотвѣтствующую ни моимъ вкусамъ, ни моему достоинству затѣю, и кажется къ большому успокоенію моему достигъ этого. Относясь отрицательно къ этой странной выдумкѣ, я съ самаго начала держался того правила, чтобы не выражать никакого своего мнѣнія о томъ, что для меня по этому случаю желательно или нежелательно, и потому сожалѣю, что не могу отнестись и къ вашему вопросу иначе, тѣмъ болѣе, что увѣренъ, что все, что вы предложите, будетъ и разумно и согласно съ моими взглядами...

Здоровье мое вполнѣ хорошо, работаю надъ новымъ кругомъ чтенія и надъ статьей, которая вамъ, къ сожалѣнію, вѣроятно, не понравится.

Левъ Толстой.

№ 265.

А. И. Иконникову.

(Ясная Поляна, 1908 г., Май 27).

Милый и близкій моему сердцу братъ Иконниковъ, получилъ сегодня, 27 мая, Ваше письмо, съ волненіемъ и любовью прочелъ его, и спѣшу отвѣчать Вамъ. Не могу передать вамъ того смѣшаннаго чувства восхищенія передъ Вашей кроткой твердостью, страха за Васъ, жалости къ Вамъ и, главное, любви къ вамъ, которое испытываю, когда думаю о Васъ. Помогай вамъ Богъ, Тотъ, который въ васъ и котораго вы знаете, и которымъ живете. Какъ ни трудно то дѣло, которое Вы дѣлаете, оно должно быть сдѣлано и будетъ сдѣлано не Вами, такъ другими. И какъ ни тяжело тѣмъ, которые его дѣлаютъ, доля ихъ счастливая. Не даромъ пройдетъ жизнь, какъ она проходитъ для огромнаго большинства, проходитъ не только даромъ, но только во вредъ своимъ братьямъ-людямъ. И страдаю, и радуюсь при извѣстіи о томъ, что со всѣхъ сторонъ все чаще и чаще просыпается въ людяхъ то сознаніе, которымъ Вы живете и которое заставляетъ Васъ дѣлать то, что Вы дѣлаете. На дняхъ получилъ извѣстія объ отказахъ и приговорахъ въ тюрьмахъ въ Болгаріи, въ Венгріи, и все чаще и чаще въ Россіи.

Вы какъ будто недовольны собой, тѣмъ, какъ вы держали себя на судѣ. Какъ же еще лучше держать себя? Безропотно и спокойно принять объявленіе о 4-лѣтнемъ заточеніи, зная, что могъ бы избавиться отъ него? Въ нервномъ же возбужденіи мы не властны.

Любящій васъ братъ

Левъ Толстой.

№ 266.

В. А. Молочникову.

(Ясная Поляна, 1903 г., Іюнь 6).

Спасибо вамъ, милый Владиміръ, за ваше письмо мнѣ. Помогай вамъ Богъ, Тотъ, Который въ васъ, жить Имъ и для Него и Его пріемами. Вы это и дѣлаете*). Вотъ истинная свобода и истинное несокрушимое могущество, потому что не человѣческое, а Божеское, когда человѣкъ говоритъ, какъ вы: „вы хотите посадить меня въ тюрьму—сдѣлайте одолженіе, я самъ именно этого и желаю. Желаете высѣчь меня розгами? Очень благодаренъ вамъ за вниманіе. Желаете повѣсить? Въ какую петлю прикажете всунуть шею? Какъ это люди не понимаютъ, что только этимъ отношеніемъ къ насилію можно побѣдить, уничтожить его, и что, въ сущности, опасности, риску, непріятности при этомъ никакъ не больше, чѣмъ при борьбѣ съ нимъ. А то люди хотятъ насиліемъ побороть осуждаемое ими насиліе, не понимая того, что, употребляя насиліе противъ насилія, они самымъ могущественнымъ способомъ содѣйствуютъ тому насилію, противъ котораго борются.

Помогай, помогай вамъ Богъ. Пишите, чтобы я зналъ ваше душевное состояніе. И не думайте огорчить меня, если почувствуете слабость и признаете это. Да, какъ и изъ самаго простого, пустого и кажущагося непріятнымъ дѣла можно сдѣлать большое и радостное дѣло.

Прощайте. Любящій васъ

Левъ Толстой.

№ 267.

А. И. Иконникову.

(Ясная Поляна, 1903 г., Іюнь 23).

Письма ваши, милый братъ Антоша, должно быть, всѣ получилъ. Спасибо, что пишете, пожалуйста, если не трудно,

*) В. А. Молочниковъ отбывалъ тюремное наказаніе за распространеніе произведеній Л. Н. Толстого.

продолжайте. Часто, часто думаю и говорю о васъ. Нынче читалъ Кругъ Чтенія, который вамъ не передаютъ и, между прочимъ, напалъ на мысли, которыя мнѣ дороги и нужны, и, думаю, и вамъ, въ вашемъ испытаніи еще болѣе будутъ дороги и нужны. Посылаю вамъ ихъ. Я только въ легкихъ случаяхъ могу провѣрять истинность того, что всякія страданія и лишенія можно обратить въ благо себѣ, вы же можете испытать это въ вашемъ тяжеломъ положеніи. Помогай вамъ въ этомъ живущій во всѣхъ насъ Богъ.

Я много знаю баптистовъ, освободившихся отъ своихъ суевѣрій и признавшихъ ученіе блага въ его чистотѣ. Если бы я говорилъ съ вашимъ собесѣдникомъ баптистомъ, я бы сказалъ ему: „не будемъ говорить о томъ, кто Христосъ, о томъ, что сдѣлалъ и чего не сдѣлалъ Богъ, и что будетъ послѣ смерти. Во всемъ этомъ мы можемъ ошибиться, а будемъ говорить о томъ, въ чемъ не можетъ быть ошибки и что мы вѣрно знаемъ: о томъ, что мы должны дѣлать. Въ этомъ мы всѣ согласны съ тѣмъ, чему учитъ евангеліе: что жизнь наша въ любви, что чѣмъ больше мы любимъ и близкихъ, и чуждыхъ и, главное, враговъ, тѣмъ мы лучше исполняемъ волю Бога, и тѣмъ намъ самимъ лучше и лучше всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ мы сходимся — въ этомъ мы всѣ согласны. Такъ и давайте учиться исполнять это и помогать въ этомъ другъ другу“.

Прощайте, милый другъ. Братски цѣлую васъ. Пишите, если вамъ не трудно.

Любящій и благодарный вамъ

Левъ Толстой.

Куртышу передайте привѣтъ и благодарность.

№ 268.

В. А. Молочникову.

(1908 года, 7 Іюля).

Сейчасъ получилъ второе ваше письмо отъ васъ, милый братъ Молочниковъ. И радуюсь и не переставая,—простите—

боюсь за васъ и просто непосредственно жалѣю васъ и вашу милую жену, особенно потому, что возможно бы было облегчить ей ея положеніе. Но видно такъ надо. Помогай ей Богъ, который въ ней и во всѣхъ насъ. Хочется помочь вамъ, но чувствую, что вы на такомъ испытаніи, въ которомъ только ваша духовная сущность можетъ помочь вамъ.

Хотя вы все это знаете такъ же, какъ и я, хочется сказать вамъ одно единственное и главное, что въ вашемъ положеніи можетъ быть трудно, но въ вашемъ же положеніи и особенно нужно, это то, чтобы *при общеніи съ людьми* (это самое трудное) помнить о томъ, что въ немъ, съ кѣмъ общаешься, то же самое высшее, святое, чѣмъ я живу, и что въ общеніи этомъ важнѣе, главнѣе всѣхъ другихъ поводовъ общенія, мое духовное единеніе съ нимъ, достигаемое только однимъ: если я могу, любовью, а не могу, то хоть уваженіемъ. Я пишу это п. ч. самъ страдаю слабостью въ этомъ. Не успѣешь оглянуться—и сдѣлалъ, что не надо или, не сказалъ, что надо. И каешься, да поздно. Помогай вамъ Богъ.

Да давайте порученія: это мнѣ большое бы удовольствіе доставило.

Братъ вашъ

Левъ Толстой.

№ 269.

Л. Н. Андрееву.

(Ясная Поляна, 1908 г. Сент.).

Получилъ ваше хорошее письмо, любезный Леонидъ Николаевичъ. Никогда не зналъ, что значитъ посвященіе, хотя, кажется, и самъ кому-то посвящалъ. Одно знаю, что ваше посвященіе мнѣ означаетъ ваши ко мнѣ добрыя чувства, тоже, что я видѣлъ и въ письмѣ вашемъ ко мнѣ, и это мнѣ очень пріятно. Вы въ вашемъ письмѣ такъ искренно скромно судите о своихъ писаніяхъ, что я позволю себѣ сказать свое мнѣніе не о вашихъ собственно писаніяхъ,

но вообще мои мысли о писательствѣ, которыя, можетъ быть, пригодятся и вамъ. Думаю, что писать надо, во-первыхъ только тогда, когда мысль, которую хочется выразить, такъ неотвязчива, что она до тѣхъ поръ, пока, какъ умѣешь, не выразишь ее, не отстанетъ отъ тебя. Всякія же другія побужденія для писательства, — тщеславныя и, главное, отвратительныя денежныя, хотя и присоединяющіяся къ главному: потребности выраженія, только могутъ мѣшать искренности и достоинству писанія. Этого надобно очень бояться. Второе, что часто встрѣчается и чѣмъ, мнѣ кажется, часто грѣшны особенно нынѣшніе современные писатели (все декадентство на этомъ стоитъ)—желаніе быть особеннымъ, оригинальнымъ, удивить, поразить читателя. Это еще вреднѣе тѣхъ побочныхъ соображеній, о которыхъ я говорилъ въ первомъ. Это исключаетъ простоту, а простота—необходимое условіе прекраснаго. Простое и безыскусственное можетъ быть нехорошо, но не простое и искусственное не можетъ быть хорошо. Третье: поспѣшность писанія. Она и вредна и кромѣ того есть признакъ отсутствія истинной потребности выразить свою мысль. Потому что, если есть такая истинная потребность, то пишущій не пожалѣетъ никакихъ трудовъ, ни времени, для того, чтобы довести свою мысль до полной опредѣленности, ясности. Четвертое: желаніе отвѣчать вкусамъ и требованіямъ большинства читающей публики въ данное время. Это особенно вредно и разрушаетъ впередъ уже все значеніе того, что пишется. Значеніе вѣдь всякаго словеснаго произведенія только въ томъ, что оно не въ прямомъ смыслѣ поучительно, какъ проповѣдь, но что оно открываетъ людямъ нѣчто новое, неизвѣстное имъ и большей частью противоположное тому, что считается несомнѣннымъ большой публикой. А тутъ какъ разъ ставится необходимымъ условіемъ то, чтобы этого не было.

Можетъ быть, что-нибудь изъ всего этого пригодится вамъ. Вы пишете, что достоинство вашихъ произведеній есть

искренность. Я признаю не только это, но что и цѣль ихъ добрая: желаніе содѣйствовать благу людей. Думаю, что вы искренни и въ своемъ скромномъ сужденіи о своихъ произведеніяхъ. Это тѣмъ болѣе хорошо съ вашей стороны, что тотъ успѣхъ, которымъ они пользуются, могъ бы заставить васъ, напротивъ, преувеличивать ихъ значеніе. Я слишкомъ мало и невнимательно читалъ васъ, какъ я мало вообще читаю художественныя произведенія и интересуюсь ими: но потому, что я помню и знаю изъ вашихъ писаній, я бы посовѣтовалъ вамъ больше работать надъ ними, доводя въ нихъ свою мысль до послѣдней степени точности и ясности.

Повторяю то, что ваше письмо мнѣ было очень пріятно. Если будете въ нашихъ странахъ, радъ буду повидаться съ вами.

Любящій васъ

Левъ Толстой.

№ 270.

В. А. Молочникову.

(Ясная Поляна, 1908 г., Сент. 1).

Милый В. Молочниковъ.

Не переставая думаю о васъ, и особенно живо, когда получаю ваши письма, за которыя очень благодарю. Знаю и понимаю, какъ вамъ тяжело, и хочется чѣмъ-нибудь облегчить ваше положеніе, но знаю, что все только въ васъ, въ томъ сознаніи свободнаго, вѣчнаго духовнаго человѣка, которымъ мы всѣ живемъ. Иногда боюсь за васъ, боюсь за тѣ минуты, когда внѣшнія условія застилаютъ это сознаніе, боюсь, чтобы въ эти минуты вы со своимъ воспріимчивымъ характеромъ не отдались чувству раздраженія, осужденія людей, чувству, несогласному съ сознаніемъ духовнаго начала, которое проявляется только любовью, какъ вы это такъ же, какъ и я, знаете.

Я виноватъ передъ вами, что не написалъ до сихъ поръ. Былъ и слабъ, и много посѣтителей. Здоровье мое лучше.

Есть ли у васъ книги? Можно ли присылать къ вамъ? Описанія ваши подробностей жизни вашей и сотоварищей очень всегда интересны. Братски цѣлую васъ.

Левъ Толстой.

№ 271.

В. А. Молочникову.

(Ясная Поляна, 1908 г., Ноябрь 28).

Получилъ, милый братъ Владиміръ, ваше письмо. Спасибо, что пишете. Я часто говорю: люди живутъ на волѣ, среди кажущейся кипучей дѣятельности, а ни разсказать ни написать имъ нечего, а вы въ тюрьмѣ и каждое письмо ваше одно содержательнѣе другого.

Былъ радъ узнать изъ письма объ интересномъ вашемъ прошедшемъ. Какъ сложится теперь ваша жизнь? Знаю, что не должно безпокоиться объ этомъ, но, по старой привычкѣ, думаю не о васъ лично, а о вашей семьѣ. Только бы жена ваша продолжала быть духомъ близка къ вамъ. Помогай ей въ этомъ Богъ. Это важнѣе всѣхъ практическихъ соображеній. Передайте ей это съ моимъ сердечнымъ привѣтомъ. Не на словахъ, а точно люблю ее за ея любовь къ вамъ и вѣру въ то, чѣмъ мы съ вами живемъ, стараемся жить.

Мнѣ послѣднее время тѣлесно нездоровится, но за все только благодарю Бога и радуюсь. Пишу на листкахъ, потому что сѣлъ записывать дневникъ и подумалъ: чѣмъ писать для себя, лучше для человѣка. Ему, можетъ быть, пріятно будетъ, а подъ рукой былъ только маленькій блокъ-нотъ.

Любящій васъ

Левъ Толстой.

№ 272.

Священнику N.

(Ясная Поляна, 1908 г. Дек.)

Получилъ ваше письмо, любезный братъ И. И., и съ радостнымъ умиленіемъ прочелъ его. Все оно проникнуто истинно

христіанскимъ чувствомъ любви и потому оно мнѣ было особенно дорого.

О себѣ скажу вамъ слѣдующее:

Въ одной арабской поэмѣ есть такое сказаніе. Странствуя въ пустынѣ, Моисей, подойдя къ стаду, услыхалъ, какъ пастухъ молился Богу. Пастухъ молился такъ: „О, Господи, какъ бы мнѣ добраться до тебя, сдѣлаться твоимъ рабомъ? Съ какой бы радостью я обувалъ тебя, мылъ бы твои ноги и цѣловалъ бы ихъ, расчесывалъ бы тебѣ волосы, стиралъ бы тебѣ одежду, убиралъ бы твое жилище и приносилъ бы тебѣ молоко отъ моего стада. Желаетъ тебя мое сердце“. Услыхавъ такія слова, Моисей разгнѣвался на пастуха и сказалъ: „Ты богохульникъ, Богъ безтѣлесенъ, Ему не нужно ни одежды, ни жилища, ни прислуги. Ты говоришь дурное“. И омрачилось сердце пастуха. Не могъ онъ представить себѣ существа безъ тѣлесной формы и безъ нуждъ тѣлесныхъ, и не могъ онъ больше молиться и служить Господу и пришелъ въ отчаяніе. Тогда Богъ сказалъ Моисею: „Зачѣмъ ты отогналъ отъ Меня вѣрнаго раба Моего? У всякаго человѣка свое тѣло и свои рѣчи. Что для тебя нехорошо, то другому хорошо. Что для тебя ядъ, то для другого медъ сладкій. Слова ничего не значатъ. Я вижу сердце того, кто ко Мнѣ обращается“.

Легенда эта мнѣ очень нравится, и я просилъ бы васъ смотрѣть на меня, какъ на этого пастуха. Я самъ смотрю на себя такъ же. Все наше человѣческое понятіе о Немъ всегда будетъ несовершенно. Но льщу себя надеждой, что сердце мое такое же, какъ у того пастуха, и потому боюсь потерять то, что я имѣю, и что даетъ мнѣ полное спокойствіе и счастье.

Вы говорите мнѣ о соединеніи съ церковью. Думаю, что не ошибаюсь, полагая, что никогда не разъединялся съ нею,—не съ той какой-либо одной изъ тѣхъ церквей, которыя разъединяютъ, а съ той, которая всегда соединяла и соединяетъ

всѣхъ, всѣхъ людей, искренно ищущихъ Бога, начиная отъ этого пастуха и до Будды, Лао-Тзе, Конфуція, браминовъ, Христа, и многихъ, и многихъ людей. Съ этой всемірной церковью я никогда не разлучался и болѣе всего на свѣтѣ боюсь разойтись съ ней.

Очень благодарю васъ за ваше любовное письмо и братски жму вашу руку.

Левъ Толстой.

1909 г.

№ 273.

В. А. Молочникову.

(Ясная Поляна, 1909 г., Яи. 3).

Милый другъ Владиміръ. Получилъ сегодня ваше письмо. Я не согласенъ съ Арнольдомъ въ его утвержденіи, что христіанство выросло изъ еврейства. Я полагаю, что христіанство только исторически соединено съ еврействомъ. Основныя религіозныя истины однѣ и тѣ же во всѣхъ вѣрахъ; и въ Ведахъ, и у Зороастра, и въ Буддизмѣ, и у Конфуція, и у Лао-Тзе и въ Библіи.

Моя жизнь по-старому съ каждымъ днемъ и часомъ становится радостнѣе, удивительны и жалки люди, которые могутъ не чувствовать благодарности за благо жизни. Не могу не сумѣть воспользоваться всѣмъ благомъ жизни, но не могу не знать, что оно предоставлено мнѣ. Иногда чувствуется, что надо бы какъ-нибудь пояснѣе сказать это людямъ, да не умѣю: очевидно, не стою, не по силамъ. Прощайте пока. Можетъ быть и до свиданія.

Левъ Толстой.

№ 274.

А. М. Бодянскому.

Получ. въ Хар. губ. Жанд. Управ. 20 янв. 1909 г.

(Ясная Поляна, 1909 г., Янв. 8).

Отправ. прокурор. Суда 23 янв. 1909 г.

Прокуроръ харьковскаго окружнаго суда 26 янв. 1909 г.

Получилъ ваше письмо, милый Александръ Михайловичъ, и очень оно опечалило меня. Мнѣ всегда, особенно послѣднее время, хотѣлось быть на вашемъ мѣстѣ; но когда живо представишь себѣ то, что вы описываете, то думаешь: не обманываешь ли себя? Конечно, намъ свойственно переходить отъ состоянія бодрости и силы духовной къ временамъ слабости, и вотъ эти-то времена и страшны. Помогай вамъ та высшая духовная сила, которая живетъ въ насъ, переносить терпѣливо и кротко эти тяжелыя минуты, и дѣлать ихъ болѣе короткими. Благодарю за то, что написали мнѣ. Пишите еще, если можете и хотите. Если бы могъ чѣмъ служить вамъ, то это была бы для меня радость.

Левъ Толстой.

№ 275.

А. Ф. Кони.

(Ясная Поляна, 1909 г., Февр. 10).

Получилъ ваше письмо, милый Анатолій Федоровичъ, и какъ всегда пріятно вспомнить про васъ и про вашу ко мнѣ дружбу. Сомнительно, чтобы намъ пришлось еще увидаться, а хорошо бы было. Я тоже испытываю, что и вы, что чѣмъ старше дѣлаешься, тѣмъ больше дѣла и тѣмъ серьезнѣе это дѣло и радостнѣе его дѣлать.

О письмахъ моихъ такъ какъ и всякихъ моихъ писаніяхъ, я разъ навсегда отказался отъ всякихъ на нихъ притязаній. Одного только желалъ бы, это то, чтобы письма, какъ къ А. А. Толстой, такъ и къ вамъ, не дѣлались чьей

бы то ни было исключительной собственностью и чтобы копіи съ нихъ были даны моему другу Черткову В. Г., собирающему и издающему все мною написанное.

Дружески жму вашу руку и благодарю за дружбу.

Левъ Толстой.

№ 276.

М. С. Дудченко.

(Ясная Поляна., 1909 г., 18 Февр.).

Получилъ ваше хорошее письмо, милый Митрофанъ Семеновичъ, и какъ вамъ ни странно это покажется, совершенно согласенъ съ вами въ томъ общемъ значеніи, которое вы приписываете общинѣ и въ особенности стремленію людей къ соединенію, проявляющемуся въ общинѣ. Если я указывалъ на соблазны, присущіе этой формѣ жизни, то это никакъ не показываетъ, чтобы я находилъ эту форму неправильной и неполезной. Невыгодная сторона и извѣстные соблазны присущи всякому устройству жизни. Очень можетъ быть, что я съ особенной рѣзкостью указывалъ на эти соблазны, потому что самъ не испыталъ этого рода жизни и сознаю всю неправильность и ложность той формы жизни, въ которой продолжаю жить. Одно, на чемъ я настаиваю, и что мнѣ все яснѣе и яснѣе становится съ годами, это та опасность ослабленія внутренней духовной работы, при перенесеніи энергіи—усилія—изъ внутренней области во внѣшнюю.

Вообще же осуждать общинную форму жизни могутъ только тѣ люди, которые живутъ въ формѣ жизни, болѣе соотвѣтствующей христіанскому и нравственному складу, чѣмъ общинная.

Таковой же я не знаю, кромѣ той одной жизни бездомнаго бродяги, которая свойственнѣе всего человѣку, желающему вполнѣ исполнить ученіе Христа.

И потому считаю себя не въ правѣ осуждать общинную форму; все же, что я говорилъ объ этомъ, было только указаніе на тѣ соблазны, которые свойственны ей.

Левъ Толстой.

1910 г.

№ 277.

А. Соловьеву.

(Ясная Поляна, 1910 г., 25 іюль).

Отвѣчаю вамъ, милый братъ Александръ, и на ваше письмо ко мнѣ, и на ваши письма, которыя, спасибо ему, пересылаетъ мнѣ Молочниковъ, и на тѣ бесѣды о васъ, которыя имѣлъ съ вашимъ другомъ Павловымъ. Знаю, что трудно вамъ, милый братъ *). Для меня спасенье въ трудныя минуты одно (да вы это все знаете): забыть о личности, какъ своей, такъ и другихъ людей и ихъ сужденіяхъ, а стать передъ требованіями своей высшей души—передъ Богомъ, и тотчасъ легко, пока опять не свернешься. Помогай вамъ Богъ не свертываться, а свернулся—поскорѣе справляться. Мнѣ—да что обо мнѣ говорить—такъ хорошо, пока не свернулся, что только знаешь благодаришь Того, То, что дало мнѣ Себя—жизнь. Посылаю вамъ молитву, которую люблю повторять, когда свертываешься, и чтобы не свертываться.

Братски цѣлую васъ.

Левъ Толстой.

№ 278.

И. В. Галантъ.

(Кочеты, 1910 г., 9 Сент.).

Илья Владиміровичъ.

Я прочелъ вашу брошюру и нахожу, что несправедливость установленія черты осѣдлости выяснена въ брошюрѣ съ полной убѣдительностью для людей, доступныхъ доводамъ здраваго смысла.

---

*) С. находился въ тюрьмѣ при исключительно тяжелыхъ условіяхъ.

Мое же отношеніе къ тому распоряженію, по которому людямъ воспрещается пользоваться естественными правами всякаго живого существа и жить на поверхности земного шара тамъ, гдѣ ему удобно или же желательно, не можетъ быть иное, какъ отрицательное, такъ какъ я всегда считалъ и считаю допущеніе всякаго насилія человѣка надъ человѣкомъ источникомъ всѣхъ бѣдствій, переживаемыхъ человѣчествомъ.

Насиліе же въ ограниченіи мѣста жительства не могу не считать кромѣ того въ высшей степени нелѣпымъ и не достигающимъ своей цѣли.

Левъ Толстой.

№ 279.

І. А. Малиновскому.

(Ясная Поляна, 1910 г. Сент.).

Іоанникій Алексѣевичъ, отъ души благодарю васъ за присылку вашей книги. Я еще не успѣлъ внимательно прочесть ее всю, но, ужъ и пробѣжавъ ее, я порадовался, такъ какъ увидалъ все ея большое значеніе для освобожденія нашего общества и народа отъ того ужаснаго гипноза... Книга ваша, какъ я увѣренъ, благодаря импонирующему массамъ авторитету науки, главное же—тому чувству негодованія противъ зла, которымъ она проникнута, будетъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей этого освобожденія. Такія книги, какъ я вчера, шутя, сказалъ моему молодому другу, а Вашему земляку и знакомому В. Булгакову, могутъ сдѣлать то, что мнѣ казалось невозможнымъ: помирить меня даже съ офиціальной наукой.

Могъ ли я повѣрить 50 лѣтъ тому назадъ, что черезъ полвѣка у насъ въ Россіи висѣлица станетъ нормальнымъ явленіемъ, и „ученые, образованные“ люди будутъ доказы-

вать полезность ея. Но какъ и всякое зло неизбѣжно несетъ и связанное съ нимъ добро, такъ и это: не будь этихъ ужасныхъ послѣднихъ революціонныхъ лѣтъ, не было бы и тѣхъ горячихъ выраженій негодованія противъ смертной казни, тѣхъ и нравственныхъ, и религіозныхъ, и разумныхъ доводовъ, которые съ такою очевидностью показываютъ преступность и безуміе ея, — что возвращеніе къ ней будетъ невозможно. И среди этихъ доводовъ одной изъ первыхъ мѣстъ будетъ занимать ваша книга. Надѣюсь, увѣренъ, что не ошибаюсь теперь.

Еще разъ благодарю васъ за присылку, а главное, за написаніе Вами прекрасной книги и отъ души желаю вамъ лучшаго блага въ мірѣ: продолженія такой же плодотворной дѣятельности.

Съ искреннимъ уваженіемъ и любовью

Левъ Толстой.

№ 280.

М. Д. Челышеву.

(Ясная Поляна, 1910 г., Сент.).

Вы знаете мои взгляды. Хотя я не отрицаю пользы Вашей дѣятельности, но вообще въ дѣлахъ совершенствованія, какъ личныхъ, такъ и общественныхъ, полагаю главнымъ условіемъ измѣненіе внутренняго пониманія жизни, т.-е. религіозное просвѣщеніе, и поэтому, не отрицая Вашей дѣятельности и сочувствуя Вашимъ добрымъ намѣреніямъ и энергіи, сожалѣю, что не могу дѣйствительно участвовать въ Вашей работѣ.

Съ совершеннымъ уваженіемъ

Левъ Толстой.

№ 281.

Крестьянину М. П. Н-ву.

(Ясная Поляна, 1910 г., Окт. 24).

Михаилъ Петровичъ. Въ связи съ тѣмъ, что я говорилъ вамъ передъ вашимъ уходомъ, обращаюсь къ вамъ еще съ слѣдующей просьбой: если бы дѣйствительно случилось то, чтобы я пріѣхалъ къ вамъ, то не могли ли бы вы найти мнѣ у васъ въ деревнѣ хотя бы самую маленькую, но отдѣльную и теплую хату, такъ что васъ съ семьей я бы стѣснялъ самое короткое время. Еще сообщаю вамъ то, что если бы мнѣ пришлось телеграфировать вамъ, то я телеграфировалъ бы вамъ не отъ своего имени, а отъ Т. Николаева.

Буду ждать вашего отвѣта, дружески жму руку.

Левъ Толстой.

Имѣйте ввиду, что все это должно быть извѣстно только вамъ однимъ.

Л. Т.

Оглавленіе.

№№			
1.	Гр. С. Н. Толстому.	1848 г.	Фев. 13.
2.	„ „		Май 1.
3.	Т. А. Ергольской	1850 г.	Дек. 9.
4.	„ „		Дек. 24.
5.	„	1851 г.	Мартъ 8.
6.	„ „		Апрѣль.
7.	„ „		Май.
8.	„ „		Іюль 5.
9.	„ „		Сент. 16.
10.	„ „		Нояб. 12.
11.	Гр. С. Н. Толстому. „		Дек. 23.
12.	Т. А. Ергольской.	1852 г.	Янв. 6.
13.	„ „		Янв. 12.
14.	„ „		Май 30.
15.	„ „		Іюнь 26.
16.	„ „		Окт. 20.
17.	Гр. С. Н. Толстому.	1853 г.	Май.
18.	„ „		Іюль 20.
19.	„ „		Нояб. 23.
20.	Т. А. Ергольской.	1854 г.	Мар. 13.
21.	„ „		Май 24.
22.	„ „		Іюль 4.
23.	Гр. С. Н. Толстому. „		Нояб. 20.
24.	Т. А. Ергольской.	1855 г.	Янв. 6.
25.	Н. А. Некрасову. „		Апр. 30.
26.	Гр. С. Н. Толстому. „		Іюль 3.
27.	Т. А. Ергольской	1856 г.	Янв. 12.
28.	Гр. С. Н. Толстому. „		Мар. 25.
29.	„ „		Май 29.
30.	„ „		Нач. сент.
31.	„ „		Сент. 15.
32.	„ „		Нояб. 10.
33.	Т. А. Ергольской. „		Дек. 5.
34.	„	1857 г.	Февр. 22.
35.	„ „		Апр. 17.
36.	„ „		Апр. 4.
37.	„ „		Май 18.
38.	„ „		Іюль 8.
39.	Гр. А. А. Толстой.	1858 г.	Апрѣль.
40.	А. А. Фету. „		Май 12.
41.	„ „		Май 16.
42.	„ „		Окт. 24.
43.	Т. А. Ергольской. „		Дек. 25.
44.	Гр. С. Н. Толстому.	1860 г.	Сент.
45.	Д. А. Дьякову.	1860 г.	Осень.
46.	А. А. Фету. „		Окт. 17.
47.	Т. А. Ергольской.	1861 г.	Апрѣль.
48.	А. А. Фету. „		Май 19.
49.	Н. Г. Чернышевск.	1862 г.	Февр. 3.
50.	Т. А. Ергольской. „		Май 27.
51.	„ „		Іюнь 28.
52.	Гр. А. А. Толстой. „		Августъ.
53.	А. А. Фету. „		Окт. 9.
54.	„	1863 г.	Апрѣль.
55.	Гр. С. А. Толстой.	1864 г.	Августъ.
56.	А. А. Фету. „		Кон. нояб.
57.	Т. А. Берсъ.	1865 г.	Февр.
58.	Т. А. Ергольской. „		Мартъ 8.
59.	А. А. Фету. „		Май 16.
60.	Т. А. Ергольской	1866 г.	Январь.
61.	А. А. Фету. „		Нояб. 7.
62.	„	1867 г.	Іюнь 27.
63.	„	1869 г.	Авг. 30.
64.	Гр. С. А. Толстой. „		Сент.
65.	А. А. Фету.	1870 г.	Февр. 4.
66.	„ „		Декабрь.
67.	Гр. С. А. Толстой.	1871 г.	Іюнь.
68.	„ „		Іюнь 18.
69.	„ „		Іюнь.
70.	А. А. Фету. „		Іюль 18.
71.	Н. Н. Страхову.	1872 г.	
72.	„ „		
73.	А. А. Фету. „		Февр. 20.
74.	А. Ф. Писемскому. „		Мартъ 3.
75.	Н. Н. Страхову. „		Мартъ.
76.	„ „		Авг. 7.
77.	Гр. А. А. Толстой. „		Августъ.
78.	Н. Н. Страхову. „		Сент. 15.
79.	А. А. Фету. „		Ноябрь 12.
80.	Издателю „Моск. Вѣдомостей“. „		Нояб. (?)
81.	Н. Н. Страхову.	1873 г.	Январь.
82.	Г-жѣ Пейкеръ. „		
83.	А. А. Фету. „		Май 11.
84.	„ „		Нояб. 18.
85.	„	1874 г.	Мартъ.
86.	І. Н. Шатилову. „		Май (?)
87.	А. А. Фету. „		Окт. 22.

№№

88. А. А. Фету. 1875 г. Авг. 26.
89. Н. Н. Страхову. 1876 г. Апр. 26.
90. А. А. Фету. „ Май 18.
91. Гр. С. А. Толстой. „ Сентябрь.
92. Н. Н. Страхову. „ Нояб. 13.
93. А. А. Фету. „ Дек. 7.
94. П. И. Чайковскому. „ Декабрь.
95. Н. Н. Страхову. 1877 г.
96. А. А. Фету. „ Апр. 14.
97. Н. Н. Страхову. 1877 г. Августъ.
98. А. А. Фету. „ Сент. 2.
99. „ 1878 г. Янв. 27.
100. Н. Н. Страхову. „ Апрѣль.
101. Гр. С. А. Толстой. „ Іюль.
102. А. А. Фету. „ Сент. 5.
103. Гр. С. А. Толстой. „
104. Гр. А. А. Толстой. „ „
105. Н. Н. Страхову. 1879 г. Апр. 9.
106. А. А. Фету. „ Апр. 17.
107. „ 1880 г. Іюль 8.
108. Гр. С. А. Толстой. 1881 г. Іюль 11.
109. „ „ Авг. 24.
110. В. П. Алексѣеву. „ Окт. (?)
111. „ „ Нояб. (?)
112. Гр. С. А. Толстой. 1882 г. Мар. (?)
113. В. П. Алексѣеву. „ Нояб. (?)
114. М. А. Энгельгарту. „ Авг. (?)
115. Гр. А. А. Толстой. 1883 г. Мар. (?)
116. Н. Н. Страхову. „ Нояб. (?)
117. Гр. С. А. Толстой. „ Сент. 28
118. „ 1884 г. Дек. 8.
119. М. А. Новоселову 1886 г.
120. П. Н. Златоврат. „ Весна.
121. Н. Н. Ге. „ Май 21.
122. П. Б. Фейнерману. „ Декабрь.
123. Н. Н. Ге. „ Дек. 9.
124. П. Б. Фейнерману „ Декабрь.
125. Н. Н. Ге. „ Дек. 18.
126. П. Б. Фейнерману. 1887 г. Январь.
127. Е. И. Попову. „ Зима.
128. Н. Н. Ге. „ Февр. 25.
129. П. Б. Фейнерману. „ Іюль.
130. Л. Е. Оболенскому. „
131. П. Б. Фейнерману. „ Сент.
132. Л. Ѳ. Анненковой. 1888 г. Мар. 11.
133. Н. Н. Ге. „
134. Л. Е. Оболенскому. „ Осень.
135. М. А. Новоселову. „
136. Е. И. Попову. „ Мар. (?)
137. П. Б. Фейнерману. „ Іюль.
138. Е. И. Попову. „ Августъ.
139. Н. Н. Ге и Н. Н. (сыну) Ге. „ Дек. 1.
140. Л. Ѳ. Анненковой. 1889 г. Февр. 18.
141. Л. Е. Оболенскому. „ Апр. (?)
142. М. А. Новоселову. „
143. Е. И. Попову. „ Апрѣль.
144. Н. Н. Ге. „ Іюнь 24.

№№

145. Л. Ѳ. Анненковой. 1889 г. Авг. 23.
146. М. Н. Новоселову. „
147. Л. Е. Оболенскому. „ Осень.
148. В. В. Рахманову. 1889 г. Осень.
149. В. А. Гольцеву. „ Сентяб.
150. Л. Ѳ. Анненковой. „ Дек. 26.
151. Е. И. Попову. 1890 г. Апр. 30.
152. Л. Ѳ. Анненковой. „ Іюль.
153. Н. Н. Ге. „ Августъ.
154. Е. И. Попову. „ Августъ.
155. Л. Ѳ. Анненковой. „ Октябрь.
156. Н. Н. Ге. „ Дек. 20.
157. П. Б. Фейнерману. 1891 г. Мартъ.
158. Л. Ѳ. Анненковой. „ Мартъ.
159. В. В. Рахманову. „ Мартъ.
160. П. Б. Фейнерману. „ Апрѣль.
161. Г-ну N. N. „ Май 28.
162. Баронессѣ фонъ-Сутнеръ. „ Окт. 8.
163. Н. Н. Ге. „ Ноябрь 6.
164. Гр. С. А. Толстой. „ Нояб. 19.
165. „ „ „ Нояб. 25.
166. Н. Б. Фейнерману. „ Декабрь.
167. В. В. Рахманову. 1892 г. Янв. 21.
168. Л. Ѳ. Анненковой. „ Февраль.
169. Письмо въ редакц. „ Февр. 22.
170. Е. И. Попову. „ Мартъ 23.
171. П. Б. Фейнерману. „ Май 16.
172. М. В. А—ну. „ Іюнь.
173. Н. Н. Ге. „ Іюнь 18.
174. П. Б. Фейнерману. „ Іюнь.
175. Н. Н. Ге. „ Іюль 21.
176. „ „ „ Августъ 21.
177. В. В. Рахманову. „ Октябрь.
178. Л. Е. Оболенскому. „ Декабрь.
179. П. И. Ге. 1893 г. Іюнь 22.
180. Д. В. Григоровичу. „ Октяб. 27.
181. П. Б. Фейнерману. „ Октябрь.
182. „ „ „ Апрѣль 16.
183. Л. Ѳ. Анненковой. „ Октябрь.
184. Е. И. Попову. „ Май 13.
185. Н. Н. Ге. „ Ноябрь 7.
186. Е. И. Попову. 1894 г. Май 14.
187. П. Б. Фейнерману. „ Іюнь.
188. Г-ну N. N. „ Іюль.
189. Л. Ѳ. Анненковой. „ Сентяб. 4.
190. Е. И. Попову. „ Октябрь.
191. „ „ 1895 г. Окт. 5.
192. „ „ „ Окт. 14.
193. „ „ „ Ноябрь 5.
194. Сопоцько. 1896 г. Мар. 16.
195. Министру Юстиціи „ Апр. 20.
196. Е. И. Попову. „ Іюнь 28.
197. В. В. Рахманову. „ Окт. 18.
198. Начальнику дисциплинарн. батальона „ Ноябрь 1.
199. Англо-Русск. Литературному обществу 1897 г. Окт. 17.

№№

200. И. Б. Фейнерману 1898 г. Янв. 1.
201. А. Ф. Мооду. „ Дек. 12.
202. „ „ 1899 г. Янв. 12.
203. А. В. Власову. „
204. И. Б. Фейнерману. „
205. А. Ф. Мооду. 1900 г. Янв. 27.
206. А. Ф. Кони. „ Апрѣль 12.
207. Франц. Пастору 1901 г.
208. N. N. „
209. Священнику N. „
210. Е. И. Попову. „ Апрѣль 8.
211. Представителю Толстовскаго Общества въ Манчестерѣ „ Авг. 15.
212. И. Ф. Наживину. „ Сентябрь.
213. Н. Е. Ф-ну. „ Декаб. 30.
214. Шведскому Обществу художниковъ и ученыхъ. 1902 г. Янв. 20.
215. Вел. Кн. Николаю Михайловичу. „ Авг. 20.
216. Е. И. Попову. 1903 г. Февраль.
217. Г-ну N. N. „ Февр. 28.
218. Г-ну Редактору „Южнаго Края“ „ Февраль.
219. Еврею N. N. „ Апр. 27.
220. В. В. Стасову. „ Октябрь 3.
221. И. Ф. Наживину. „ Ноябрь 1.
222. М. С. Дудченко. „ Декаб. 10.
223. И. Ф. Наживину. 1904 г. Янв. 19.
224. Е. И. Попову. „ Февр. 19.
225. Гр. Л. Л. Толстому. „ Апр. 15.
226. А. И. Турчаninову. „ Апр. 15.
227. С. Л. Б-ву. „
228. М. П. Новикову. „ Апр. 30.
229. А. Ф. Кони. „ Май 1.
230. Л. О. Пастернаку. „ Нояб. 22.
231. Е. Е. Гончаренко. 1905 г. Янв. 19.
232. Кн. П. П. Накашидзе. „ Февр. 1.
233. И. Ф. Наживину. „ Мартъ 2.
234. Е. И. Попову. „ Мартъ 3.
235. Изо—Абе. „
236. Н. С. Тамурѣ. „ Мартъ.
237. И. Ф. Наживину. „ Мартъ 5.
238. N. N. „ Авг. 14.

№№

239. А. Ф. Мооду. 1905 г. Авг. 20.
240. А. Ф. Кони. „ Авг. 26.
241. Редактору „Русскихъ Вѣдомостей“. „ Декаб. 1.
242. П. И. Бирюкову. 1906 г. Февраль.
243. В. А. Шеерману. „ Февр. 10.
244. Н. Е. Ф—у. „ Мар. 15. (?)
245. Н. Г. С—му. „ Іюнь 30.
246. В. А. Молочникову. „ Сент. 24.
247. И. Ф. Наживину. „ Сент. 25.
248. П. И. Бирюкову. „
249. Н. Г. С—му. „ Ноябрь 4
250. Е. И. Попову. 1907 г Янв. 11.
251. Г-ну N. N. „ Мартъ 11.
252. Г-ну Ф. „ Іюль 9.
253. П. А. Столыпину. „ Іюль 26.
254. Крест. Новикову. „ Сент. 4.
255. А. И. Иконникову. „ Октябрь.
256. П. П. К—ну. „ Декабрь.
257. И. Ф. Наживину. 1908 г. Мар. 12.
258. Письмо въ редакц. „ Мартъ.
259. Болгарину Христо Досеву. „ Мартъ 17.
260. А. М. Бодянскому. „ Мартъ.
261. В. А. Молочникову. „ Мартъ.
262. В. А. Шеерману. „ Мартъ 25.
263. М. С. Дудченко. „ Мартъ 25.
264. А. Ф. Мооду, „ Мартъ 30.
265. А. И. Иконникову. „ Май 27.
266. В. А. Молочникову. „ Іюнь 6.
267. А. И. Иконникову. „ Іюнь 23.
268. В. А. Молочникову. „ Іюль 7.
269. Л. Н. Андрееву. „ Сентябрь.
270. В. А. Молочникову. „ Сент. 1.
271. В. А. Молочникову. „ Нояб. 28.
272. Священнику N. „ Декабрь.
273. В. А. Молочник. 1909 г. Янв. 8.
274. А. М. Бодянскому. „ Янв. 8.
275. А. Ф. Кони. „ Февр. 10.
276. М. С. Дудченко. „ Февр. 18.
277. А. Соловьеву. „ Іюль 25.
278. А. И. Галанту. „ Сент. 9.
279. І. А. Малиновскому. „ Сент. 25.
280. М. Д. Челышеву. „ Октябрь.
281. Крестьян. М.П. Н-ву „ Окт. 24.

Фамиліи адресатовъ.

А.

		№№
Алексѣеву, В. И.	1881 г. Окт. (?)	110.
„ „	1886 г. Нояб. (?)	111.
„ „	1881 г. Нояб. (?)	113.
А—ну, М. В.	1892 г. Іюнь.	172.
Англо-Русскому Литерат. обществу	1897 г. Окт. 17.	199.
Андрееву, Л. Н.	1908 г. Сент.	269.
Анненковой, Л. Ѳ.	1889 г. Февр. 18.	140.
„ „	1889 г. Авг. 23.	145.
„ „	1890 г. Іюль.	152.
„ „	1890 г. Октябрь.	155.
„ „	1890 г. Дек. 26.	150.
„ „	1891 г. Мартъ.	158.
„ „	1892 г. Февраль.	168.
„ „	1893 г. Октябрь.	183.
„ „	1894 г. Сент. 4.	189.

Б.

Барсъ, Т. А.	1865 г. Февраль.	57.
Бирюкову, П. И.	1906 г. Февраль.	241.
„	1906 г.	248.
Бодянскому, А. М.	1908 г. Мартъ.	260.
„ „	1909 г. Янв. 8.	274.
Б—ву, С. Л.	1904 г.	227.

В.

Власову, А. В.	1899 г.	203.

Г.

Ге, Н. Н.	1886 г. Май 21.	121*
„	1886 г. Декаб. 9.	123*
„	1886 г. Декабрь.	125*
„	1887 г. Февр. 25.	128*
„	1888 г.	133*
„ и Н.Н.(сыну)	1888 г. Декаб. 1.	139*
Ге, Н. П.	1889 г. Іюнь 24.	144*
„	1890 г. Августъ.	153*
„	1890 г. Дек. 20.	156*
„	1891 г. Ноябрь 6.	163*
„	1892 г. Іюнь 18.	173*
„	1892 г. Іюль 21.	175*
„	1892 г. Авг. 21.	176*
„	1893 г. Іюнь 22.	179.
„	1893 г. Ноябрь 7.	185.
Григоровичу, Д. В.	1893 г. Окт. 27.	180.
Гольцеву, В. А.	1889 г. Сент.	149.
Гончаренко, Е. Е.	1905 г. Янв. 19.	231.

Д.

Досеву Х., Болгарину.	1908 г. Мар. 17.	258.
Дудченко, М. С.	1903 г. Дек. 10.	222.
„	1908 г. Мар. 25.	263.
„	1909 г. Февр. 18.	276.
Дьякову, Д. А.	1860 г. Осень.	45.

Е.

Еврею.	1903 г. Апр. 27.	219.
Ергольской, Т. А.	1850 г. Декабрь.	3.
„	1850 г. Дек. 24.	4.
„	1851 г. Мартъ 8.	5.
„	1851 г. Апрѣль.	6.
„	1851 г. Май.	7.
„	1851 г. Іюль 5.	8.
„	1851 г. Сент. 16.	9.
„	1851 г. Нояб. 12.	10.
„	1852 г. Янв. 6.	12.
„	1852 г. Янв. 12.	13.
„	1852 г. Май 30.	14.
„	1852 г. Іюнь 26.	15.
„	1852 г. Окт. 20.	16.
„	1854 г. Мар. 13.	20.
„	1854 г. Май 24.	21.
„	1854 г. Іюль 4.	22.
„	1855 г. Янв. 6.	24.
„	1856 г. Янв. 12.	27.
„	1856 г. Дек. 5.	33.
„	1857 г. Апр. 4.	35.
„	1857 г. Фев. 22.	34.
„	1857 г. Апр. 17.	35.
„	1857 г. Май 18.	37.
„	1857 г. Іюль 8.	38.
„	1858 г. Дек. 25.	43.
„	1861 г. Апрѣль.	47.
„	1862 г. Май 27.	50.
„	1862 г. Іюнь 28.	51.
„	1865 г. Мар. 8.	58.
„	1866 г.	60.

№№

И.

Издателю „Моск. Вѣд.“. 1872 г. Нояб. (?). 80.
Изо-Абс. 1905 г. 235.
Иконникову, А. И. 1907 г. Октябрь. 255.
„ 1908 г. Май 27. 265.
„ 1908 г. Іюнь 23. 267.

К.

К—ну, П. П. 1907 г. Декабрь. 256.
Кони, А. Ф. 1900 г. Апр. 12. 206.
„ 1904 г. Май 1. 229.
„ 1909 г. Февр. 10. 275.
„ 1905 г. Авг. 26. 240.

М.

Малиновск., І. А. 1910 г. Сент. 25, 279.
Министру Юстиціи. 1896 г. Апр. 20. 195.
Мооду А. Ф. 1898 г. Дек. 12. 201.
„ 1899 г. Янв. 12. 202.
„ 1900 г. Янв. 27. 205.
„ 1905 г. Авг. 20. 239.
„ 1908 г. Мар. 30. 264.
Молочникову, В. А. 1909 г. Янв. 8. 273.
„ 1908 г. Іюнь 6. 266.
„ 1908 г. Іюль 7. 268.
„ 1908 г. Сент. 1. 270.
„ 1906 г. Сент. 24. 246.
„ 1908 г. Нояб. 28. 271.
„ 1908 г. Мартъ. 261.
„ 1908 г. Сент. 1. 270.

Н.

Наживину, И. Ф. 1901 г. Сентяб. 212.
„ 1903 г. Нояб. 1. 221.
„ 1904 г. Янв. 19. 223.
„ 1905 г. Мар. 2. 233.
„ 1905 г. Мартъ 5. 237.
„ 1906 г. Сент. 25. 247.
„ 1908 г. Мартъ 12. 257.
Накашидзе, И. П. 1905 г. Февр. 1. 232.
Начальнику Дисциплинари. Батальона. 1896 г. Ноябр. 1. 198.
Некрасову, Н. А. 1855 г. Апр. 30. 25.
Вел. Кн. Ник. Мих. 1902 г. Авг. 20. 215.
Новикову, М. П. 1904 г. Апр. 30. 228.
Новоселову, М. А. 1886 г. 119.
„ 1889 г. 142.
„ 1888 г. 135.
„ 1889 г. 146.
Н-ву, М. П. 1910 г. Окт. 24. 281.
N. N. 1891 г. Май 28. 161.
N. N. 1894 г. Іюль. 188.
N. N. 1903 г. Февр. 28. 217.
N. N. 1901 г. 208.
N. N. 1907 г. 251.

О.

Оболенскому, Л. Е. 1887 г. 130.
„ 1888 г. Осень. 134.
„ 1889 г. 141.
„ 1889 г. Осень. 147.
„ 1892 г. Декабрь. 178.

П.

Пастернаку, Л. О. 1904 г. Нояб. 22. 230.
Пейкеръ, Г-жѣ. 1873 г. 82.
Писемскому, А. Ф. 1873 г. Мартъ 3. 74.
Письмо въ ред. „Русск. Вѣд.“. 1908 г. Мартъ. 258.
Попову, Е. И. 1887 г. Зима. 127.
„ 1888 г. Августъ. 138.
„ 1888 г. Мар. (?). 136.
„ 1889 г. Апрѣль. 143.
„ 1890 г. Янв. 18. 151.
„ 1890 г. Апр. 30. 154.
„ 1892 г. Мар. 23. 170.
„ 1893 г. Май 13. 184.
„ 1894 г. Май 14. 186.
„ 1894 г. Октябрь. 190.
„ 1895 г. Октяб. 5. 191.
„ 1895 г. Окт. 14. 192.
„ 1895 г. Нояб. 5. 193.
„ 1896 г. Іюнь 8. 196.
„ 1901 г. Апр. 8. 210.
„ 1903 г. Февраль. 216.
„ 1904 г. Февр. 19. 224.
„ 1905 г. Мартъ 3. 234.
„ 1907 г. Янв. 11. 250.
Представит. Толстовскаго О-ва въ Манчестерѣ. 1901 г. Авг. 15. 211.

Р.

Рахманову, В. В. 1889 г. Осень. 148.
„ 1891 г. Мартъ. 159.
„ 1892 г. Янв. 21. 167.
„ 1892 г. Октябрь. 177.
„ 1896 г. Окт. 18. 197.
Редакціи „Южн. Края“. 1903 г. Февраль. 218.
Редактору „Русск. Вѣдомостей“. 1905 г. Дек. 1. 241.
Въ Редакцію. 1892 г. Февр. 22. 169.

С.

Священ. N. 1908 г. Декабрь. 272.
Сопоцько, М. А. 1896 г. Мар. 16. 194.
Стасову, В. В. 1903 г. Окт. 3. 220.
Столыпину, П. А. 1906 г. Іюль 26. 253.

		№№
Страхову, Н. Н.	1872 г.	71.
„	1872 г.	72.
„	1872 г. Мартъ.	75.
„	1872 г. Авг. 7.	76.
„	1872 г. Сент. 15.	78.
„	1873 г. Январь.	81.
„	1876 г. Апр. 26.	89.
„	1876 г. Нояб. 13.	92.
„	1877 г.	95.
„	1877 г. Августъ.	97.
„	1878 г. Апрѣль.	100.
„	1879 г. Апр. 9.	105.
„	1883 г. Нояб. (?)	116.
С., Н. Г.	1906 г. Іюнь 30.	244.
„	1906 г. Нояб. 4.	249.
Сутнеръ Баронессѣ	1891 г. Окт. 9.	162.

Т.

Тамурѣ, Н. С.	1905 г. Мартъ.	236.
Толстому, С. Н.	1848 г. Февр. 13.	1.
„	1848 г. Май 1.	2.
„	1851 г. Дек. 23.	11.
„	1853 г. Май.	17.
„	1853 г. Іюль 20.	18.
„	1853 г. Нояб. 23.	19.
„	1854 г. Нояб. 20.	23.
„	1855 г. Іюль 3	26.
„	1856 г. Мар. 25.	28.
„	1856 г. Май 29.	29.
„	1856 г. Сент. 15.	31.
„	1856 г. Нач. сен.	30.
„	1856 г. Нояб. 10.	32.
„	1860 г. Сентябрь.	44.
Толстому, Л. Л.	1904 г. Апр. 15.	225.
Толстой, С. А.	1864 г. Августъ.	55.
„	1869 г. Сент.	64.
„	1871 г. Іюнь.	67.
„	1871 г. Іюнь 18.	68.
„	1871 г. Іюнь.	69.
„	1876 г. Сент.	91.
„	1878 г. Іюль.	101.
„	1881 г. Іюль 11.	108.
„	1881 г. Авг. 24.	109.
„	1882 г. Мар. (?)	112.
„	1883 г. Сент. 28.	117.
„	1884 г. Дек. 8.	118.
„	Нояб. 19.	164.
„	1891 г. Нояб. 25.	165.
Толстой, А. А.	1858 г. Апрѣль.	39.
„	1862 г. Августъ.	52.
„	1872 г. Августъ.	77.
„	1878 г. Дек. (?).	104.
„	1883 г. Мартъ.	115.
Турчанинову. А. И.	1904 г. Апр. 15.	226.

Ф.

Фейнерману, И. Б.	1886 г. Декабрь.	124.
„	1886 г. Декабрь.	122.
„	1887 г. Январь.	126.
Фейнерману, И. Б.	1887 г. Іюнь.	129.
„	1887 г. Сентябрь.	131.
„	1888 г. Іюль.	137.
„	1891 г. Мартъ.	157.
„	1891 г. Апрѣль.	160.
„	1891 г. Декабрь.	166.
„	1892 г. Май 16.	171.
„	1892 г. Іюнь.	174.
„	1893 г. Апр. 16.	182.
„	1893 г. Октябрь.	181.
„	1894 г. Іюнь.	187.
„	1898 г. Янв. 1.	200.
„	1899 г.	204.
Ф-ну, Н. Е.	1901 г. Дек. 30.	213.
„	1906 г. Мар. 15.	244.
„	1907 г. Іюль 9.	252.
Фету, А. А.	1858 г. Май 12.	40.
„	1858 г. Май 16.	41.
„	1858 г. Окт. 24.	42.
„	1860 г. Окт. 17.	46.
„	1861 г. Май 19.	48.
„	1862 г. Окт. 9.	53.
„	1863 г. Апрѣль.	54.
„	1864 г. Кон. нояб.	56.
„	1865 г. Май. 16.	59.
„	1866 г. Нояб. 7.	61.
„	1867 г. Іюнь 27.	62.
„	1869 г. Авг. 30.	63.
„	1870 г. Февр. 4.	65.
„	1870 г. Декабрь.	66.
„	1871 г. Іюль 18.	70.
„	1872 г. Февр. 20.	73.
„	1872 г. Нояб. 12.	79.
„	1873 г. Май 11.	83.
„	1873 г. Нояб. 18.	84
„	1874 г. Мартъ.	85.
„	1874 г. Окт. 22.	87.
„	1875 г. Авг. 26.	88.
„	1876 г. Май 18.	90.
„	1876 г. Дек. 7.	93.
„	1877 г. Апр. 14.	96.
„	1877 г. Сент. 2.	98.
„	1878 г. Янв. 27.	99.
„	1878 г. Сент. 5.	102.
„	1879 г. Апр. 17.	106.
„	1880 г. Іюль 8.	107.
Французскому пастору.	1901 г.	207.

Ч.

Чайковскому, П. И.	1876 г. Декабрь.	94.
Чернышевск., Н. Г.	1862 г. Февр. 3.	49.
Шатилову, І. Н.	1874 г. Май (?).	86.
Шведскому О-ву Худож. и Учен.	1902 г. Янв. 20.	214.
Ш., В. А.	1906 г. Февр. 10.	243.
„	1908 г. Мартъ 25.	262.

Э.

Энгельгарту, М. А.	1882 г. Авг. (?).	114

Хронологическій списокъ.

1848 г.

		№№
Февраль 13.	С. Н. Толстому.	1.
Май 1.	„	2.

1850 г.

Декабрь 9.	Т. А. Ергольской.	3.
Декабрь 24.	„	4.

1851 г.

Мартъ 8.	Т. А. Ергольской.	5.
Апрѣль.	„	6.
Май.	„	7.
Іюль 5.	„	8.
Сентябрь 16.	„	9.
Ноябрь 12.	„	10.
Декабрь 23.	С. Н. Толстому.	11.

1852 г.

Январь 6.	Т. А. Ергольской.	12.
Январь 12.	„	13.
Май 30.	„	14.
Іюнь 26.	„	15.
Октябрь 20.	„	16.

1853 г.

Май.	С. Н. Толстому.	17.
Іюль 20.	„	18.
Ноябрь 23.	„	19.

1854 г.

Мартъ 13.	Т. А. Ергольской.	20.
Май 24.	„	21.
Іюль 4.	„	22.
Ноябрь 20.	Гр. С. Н. Толстому.	23.

1855 г.

Январь 6.	Т. А. Ергольской.	24.
Апрѣль 30.	Н. А. Некрасову.	25.
Іюль 3.	С. Н. Толстому.	26.

1856 г.

Январь 12.	Т. А. Ергольской.	27.
Мартъ 25.	С. Н. Толстому.	28.
Май 29.	„	29.
Начало сент.	„	30.
Сентябрь 15.	„	31.
Ноябрь 10.	„	32.
Декабрь 5.	Т. А. Ергольской.	33.

1857 г.

Февраль 22.	Т. А. Ергольской.	34.
Апрѣль 17.	„	35.
Апрѣль 4.	„	36.
Май 18.	„	37.
Іюль 8.	„	38.

1858 г.

Апрѣль.	Гр. А. А. Толстой.	39.
Май 12.	А. А. Фету.	40.
Май 16.	„	41.
Октябрь 24.	„	42.
Декабрь 25.	Т. А. Ергольской.	43.

1860 г.

Сентябрь.	С. Н. Толстому.	44.
Осень.	Д. А. Дьякову.	45.
Октябрь 17.	А. А. Фету.	46.

1861 г.

Апрѣль.	Т. А. Ергольской.	47.
Май 19.	А. А. Фету.	48.

1862 г.

Февраль 3.	Н. Г. Чернышевскому.	49.
Май 27.	Т. А. Ергольской.	50.
Іюнь 28.	„	51.
Августъ.	Гр. А. А. Толстой.	52.
Октябрь 9.	А. А. Фету.	53.

		№№
1863 г.		
Апрѣль.	А. А. Фету.	54.
1864 г.		
Августъ.	С. А. Толстой.	55.
Кон. ноября.	А. А. Фету.	56.
1865 г.		
Февраль.	Т. А. Берсъ.	57.
Мартъ 8.	Т. А. Ергольской.	58.
Май 16.	А. А. Фету.	59.
1866 г.		
Январь.	Т. А. Ергольской.	60.
Ноябрь 7.	А. А. Фету.	61.
1867 г.		
Іюнь 27.	А. А. Фету.	62.
1869 г.		
Августъ 30.	А. А. Фету.	63.
Сентябрь.	С. А. Толстой.	64.
1870 г.		
Февраль 4.	А. А. Фету.	65.
Декабрь.	„	66.
1871 г.		
Іюнь.	С. А. Толстой.	67.
Іюнь 18.	„	68.
Іюнь.	„	69.
Іюль 18.	А. А. Фету.	70.
1872 г.		
	Н. Н. Страхову.	71.
	„	72.
Февраль 20.	А. А. Фету.	73.
Мартъ 3.	А. Ф. Писемскому.	74.
Мартъ.	Н. Н. Страхову.	75.
Августъ 7.	„	76.
Августъ.	Гр. А. А. Толстой.	77.
Сентябрь 15.	Н. Н. Страхову.	78.
1872 г.		
Ноябрь 12.	А. А. Фету.	79.
Ноябрь (?).	Издат. „Моск. Вѣд.“	80.
1873 г.		
Январь.	Н. Н. Страхову.	81.
	Г-жѣ Пейкеръ, издат. „Русск. Рабочаго“.	82.
Май 11.	А. А. Фету.	83.
Ноябрь 18.	„	84.
1874 г.		
Мартъ.	А. А. Фету.	85.
Май (?)	І. Н. Шатилову.	86.
Октябрь 22.	А. А. Фету.	87.
1875 г.		
Августъ 26.	А. А. Фету.	88.
1876 г.		
Апрѣль 26.	Н. Н. Страхову.	89.
Май 18.	А. А. Фету.	90.
Сентябрь.	Гр. С. А. Толстой.	91.
Ноябрь 13.	Н. Н. Страхову.	92.
Декабрь 7.	А. А. Фету.	93.
Декабрь.	П. И. Чайковскому.	94.
1877 г.		
	Н. Н. Страхову.	95.
Апрѣль 14.	А. А. Фету.	96.
Августъ.	Н. Н. Страхову.	97.
Сентябрь 2.	А. А. Фету.	98.
1878 г.		
Январь 27.	А. А. Фету.	99.
Апрѣль.	Н. Н. Страхову.	100.
Іюль.	Гр. С. А. Толстой.	101.
Сентябрь 5.	А. А. Фету.	102.
Декабрь (?).	Гр. А. А. Толстой.	103.
	„	104.
1879 г.		
Апрѣль 9.	Н. Н. Страхову.	105.
Апрѣль 17.	А. А. Фету.	106.
1880 г.		
Іюль 8.	А. А. Фету.	107.
1881 г.		
Іюль 11.	Гр. С. А. Толстой.	108.
Августъ 24.	„	109.
Октябрь (?).	В. И. Алексѣеву.	110.
Ноябрь (?).	„	111.

1882 г.

		№№
Мартъ (?).	Гр. С. А. Толстой.	112.
Ноябрь (?).	В. И. Алексѣеву.	113.
Августъ (?).	М. А. Энгельгарту.	114.

1883 г.

Мартъ (?).	Гр. А. А. Толстой.	115.
Ноябрь (?).	Н. Н. Страхову.	116.
Сентябрь 28.	Гр. С. А. Толстой.	117.

1884 г.

Декабрь 8.	Гр. С. А. Толстой.	118.

1886 г.

	М. А. Новоселову.	119.
Весна.	Н. Н. Златовратскому.	120.
Май 21.	Н. Н. Ге.	121.
Декабрь.	И. Б. Фейнерману.	122.
Декабрь 9.	Н. Н. Ге.	123.
Декабрь.	И. Б. Фейнерману.	124.
Декабрь 18.	Н. Н. Ге.	125.

1887 г.

Январь.	И. Б. Фейнерману.	126.
Зима.	Е. И. Попову.	127.
Февраль 25.	Н. Н. Ге.	128.
Іюль.	И. Б. Фейнерману.	129.
	Л. Е. Оболенскому.	130.
Сентябрь.	И. Б. Фейнерману.	131.

1888 г.

Мартъ 11.	Л. Ѳ. Анненковой.	132.
	Н. Н. Ге.	133.
Осень.	Л. Е. Оболенскому.	134.
	М. А. Новоселову.	135.
Мартъ (?).	Е. И. Попову.	136.
Іюль.	И. Б. Фейнерману.	137.
Августъ.	Е. И. Попову.	138.
Декабрь 1.	Н. Н. Ге и Н. Н. (сыну) Ге.	139.

1889 г.

Февраль 18.	Л. Ѳ. Анненковой.	140.
Апрѣль (?).	Л. Е. Оболенскому.	141.
	М. А. Новоселову.	142.
Апрѣль.	Е. И. Попову.	143.
Іюнь 24.	Н. Н. Ге.	144.
Августъ 23.	Л. Ѳ. Анненковой.	145.
	М. А. Новоселову.	146.
Осень.	Л. Е. Оболенскому.	147.
Осень.	В. В. Рахманову.	148.
Сентябрь.	В. А. Гольцеву.	149.
Декабрь 26.	Л. Ѳ. Анненковой.	150.

1890 г.

Апрѣль 30.	Е. И. Попову.	151.
Іюль.	Л. Ѳ. Анненковой.	152.
Августъ.	Н. Н. Ге.	153.
Августъ.	Е. И. Попову.	154.
Октябрь.	Л. Ѳ. Анненковой.	155.
Декабрь 20.	Н. Н. Ге.	156.

1891 г.

Мартъ.	И. Б. Фейнерману.	157.
Мартъ.	Л. Ѳ. Анненковой.	158.
Мартъ.	В. В. Рахманову.	159.
Апрѣль.	И. Б. Фейнерману.	160.
Май 28.	N. N.	161.
Октябрь 9.	Баронесс. фонъ Суттнеръ.	162.
Ноябрь 6.	Н. Н. Ге.	163.
Ноябрь 19.	Гр. С. А. Толстой.	164.
Ноябрь 25.	„	165.
Декабрь.	И. Б. Фейнерману.	166.

1892 г.

Январь 21.	В. В. Рахманову.	167.
Февраль.	Л. Ѳ. Анненковой.	168.
Февраль 22.	Въ редакцію газетъ.	169.
Мартъ 23.	Е. И. Попову.	170.

1892 г.

Май 16.	И. Б. Фейнерману.	171.
Іюнь.	М. В. А-ну.	172.
Іюнь 18.	Н. Н. Ге.	173.
Іюнь.	И. Б. Фейнерману.	174.
Іюль 21.	Н. Н. Ге.	175.
Августъ 21.	„	176.
Октябрь.	В. В. Рахманову.	177.
Декабрь.	Л. Е. Оболенскому.	178.

1893 г.

Іюнь 22.	Н. Н. Ге.	179.
Октябрь 27.	Д. В. Григоровичу.	180.
Октябрь.	И. Б. Фейнерману.	181.
Апрѣль 16.	„	182.
Октябрь.	Л. Ѳ. Анненковой.	183.
Май 13.	Е. И. Попову.	184.
Ноябрь 7.	Н. Н. Ге.	185.

1894 г.

Май 14.	Е. И. Попову.	186.
Іюнь.	И. Б. Фейнерману.	187.

		№№
Іюль.	N. N.	188.
Сентябрь 4.	Л. Ѳ. Аненковой.	189.
Октябрь.	Е. И. Попову.	190.

1895 г.

рь 5.	Е. И. Попову.	191.
ктябрь 14.	„	192.
Ноябрь 5.	„	193.

1896 г.

Мартъ 16.	Сопоцько.	194.
Апрѣль 20.	Министру Юстиціи.	195.
Іюнь 28.	Е. И. Попову.	196.
Октябрь 18.	В. В. Рахманову.	197.
Ноябрь 1.	Нач. дисциплинарнаго батальона.	198.

1897 г.

Октябрь 17.	Англо-Русскому Литературн. общ.	199.

1898 г.

Январь 1.	И. Б. Фейнерману.	200.
Декабрь 12.	А. Ф. Мооду.	201.

1899 г.

Январь 12.	А. Ф. Мооду.	202.
	А. В. Власову.	203.
	И. Б. Фейнерману.	204.

1900 г.

Январь 27.	А. Ф. Мооду.	205.
Апрѣль 12.	А. Ф. Кони.	206.

1901 г.

	Французск. Пастору	207.
	N. N.	208.
	Священнику N.	209.
Апрѣль 8.	Е. И. Попову.	210.
Августъ 15.	Представ. Толст. Общ. въ Манчестерѣ.	211.
Сентябрь.	И. Ф. Наживину.	212.
Декабрь 30.	Н. Е. Ф-ну.	213.

1902 г.

Январь 20.	Шведскому Общест. художник. и ученыхъ.	214.
Августъ 20.	Вел. Кн. Ник. Мих.	215.

1903 г.

		№№
Февраль.	Е. И. Попову.	216.
Февраль 28.	N. N.	217.
Февраль.	Ред. „Южн. Края“.	218.
Апрѣль 27.	Еврею N. N.	219.
Октябрь 3.	В. В. Стасову.	220.
Ноябрь 1.	И. Ф. Наживину.	221.
Декабрь 10.	М. С. Дудченко.	222.

1904 г.

Январь 19.	И. Ф. Наживину.	223.
Февраль 19.	Е. И. Попову.	224.
Апрѣль 15.	Гр. Л. Л. Толстому.	225.
Апрѣль 15.	А. И. Турчанинову.	226.
	С. Л. Б-ву.	227.
Апрѣль 30.	М. П. Новикову.	228.
Май 1.	А. Ф. Кони.	229.
Ноябрь 22.	Л. О. Пастернаку.	230.

1905 г.

Январь 19.	Е. Е. Гончаренко.	231.
Февраль 1.	Кн. И. П. Накашидзе.	232.
Мартъ 2.	И. Ф. Наживину.	233.
Мартъ 3.	Е. И. Попову.	234.
	Японцу Изо-Абе.	235.
Мартъ.	Япон. студ. Тамурѣ.	236.
Мартъ 5.	И. Ф. Наживину.	237.
Августъ 14.	N. N.	238.
Августъ 20.	А. Ф. Мооду.	239.
Августъ 26.	А. Ф. Кони.	240.
Декабрь 1.	Ред. „Русск. Вѣд.“.	241.

1906 г.

Февраль.	П. И. Бирюкову.	242.
Февраль 10.	В. А. Шеерману.	243.
Мартъ 15 (?).	Н. Е. Ф-ну.	244.
Іюнь 30.	Н. Г. С.	245.
Сентябрь 24.	В. А. Молочникову.	246.
Сентябрь 25.	И. Ф. Наживину.	247.
	П. И. Бирюкову.	248.
Ноябрь 4.	Н. Г. С.	249.

1907 г.

Январь 11.	Е. И. Попову.	250.
Мартъ 11.	N. N.	251.
Іюль 9.	Г-ну Ф.	252.
Іюль 26.	П. А. Столыпину.	253.
Сентябрь 4.	Крестьян. М. П. Н.	254.
Октябрь.	А. И. Иконникову.	255.
Декабрь.	П. П. К-ну.	256.

1908 г.

		№№
Мартъ 12.	И. Ф. Наживину.	257.
Мартъ.	Въ ред. „Рус. Вѣд.“.	258.
Мартъ 17.	Болгарину Христо Досеву.	259.
Мартъ.	А. М. Бодянскому.	260.
Мартъ.	В. А. Молочникову.	261.
Мартъ 25.	В. А. Шеерману.	262.
Мартъ 25.	М. С. Дудченко.	263.
Мартъ 30.	А. Ф. Мооду.	264.
Май 27.	А. И. Иконникову.	265.
Іюнь 6.	В. А. Молочникову.	266.
Іюнь 23.	А. И. Иконникову.	267.
Іюль 7.	В. А. Молочникову.	268.
Сентябрь.	Л. Н. Андрееву.	269.
Сентябрь 1.	В. А. Молочникову.	270.
Ноябрь 28.	В. А. Молочникову.	271.
Декабрь.	Священнику N.	272.

1909 г.

		№№
Январь 8.	В. А. Молочникову.	273.
Январь 8.	А. М. Бодянскому.	274.
Февраль 10.	А. Ф. Кони.	275.
Февраль 18.	М. С. Дудченко.	276.
Май 11.	И. М. Трегубову.	277.

1910 г.

		№№
Сентябрь 9.	А. И. Галанту.	278.
Сентябрь 25.	І. В. Малиновскому.	279.
Октябрь 6.	М. Д. Челышеву.	280.
Октябрь 24.	Крест. М. П. Н-ву.	281.

Содержаніе.

А.

Автобіографія. № 242.
Авторство. № 89.
Авраамъ. № 81.
„Азбука“. №№ 72, 76, 80, 86.
Аксеновъ. № 78.
Алексѣевъ (командиръ батареи на Кавказѣ. №№ 8, 11.
Алексѣевъ (литераторъ). № 140.
Александръ II. № 27.
Александръ III. № 248.
Алсуфьевъ. № 184.
Алехинъ. №№ 157, 167, 174, 177.
Америка. №№ 153, 184, 205.
Американскій издатель. № 158.
Анна Іоанновна. № 115.
„Анна Каренина“. №№ 85, 88, 89, 92, 96, 98, 105.
Англія. №№ 77, 156, 215, 217.
Англійскій парламентъ. № 88.
Англійскія газеты. № 169.
„Антонъ-Горемыка“. № 180.
Арабская поэма. № 272.
Ариѳметика. № 76.
Армія. № 23.
Арнольдъ Матью. №№ 136, 151.
Арзамасъ. № 64.
Артиллерійскій штабъ. № 23.
Архивы. № 115.
Асока. № 194.
Астрахань. №№ 7, 39.

Б.

Балта. № 20.
Бакунинъ. № 25.
Баптисты. № 267.
Баршева, О. А. № 166.
Баратынскій, Е. А. № 93.
Башкиры. №№ 68, 69.
Бездомовность. № 216.
Безыскусственность. № 269.
Безуміе жизни. № 113.
Безсознательная жизнь. № 190.
Безсмертіе. № 136.
Бельбекъ. № 26.
Берлинъ. № 218.
Беркенгеймъ, Г. М. № 245.
Берсъ, Т. А. № 59.
Бессарабія. № 21.
„Бесѣда съ Самарянкой“. № 135.
Бибиковъ. № 196.
Бирюковъ. П. И. №№ 27, 131, 159, 170, 210.
Бичеръ-Стоу. № 162.
Благо человѣчества. № 235.
Блохинъ. № 129.
Богъ. №№ 129, 136, 194, 228.
Бодянскій, А. М. №№ 174, 177.
Божеское существо. № 122.
Божество. № 96.
Божья истина. № 114.
Божье дѣло. № 204.
Божье общество. № 211.
Божья воля. № 143.
Болговъ. № 98.
Болѣзнь. №№ 3, 8, 12, 14, 16, 21, 30, 31, 65, 68, 70, 134, 150, 188, 196.
Большинство. № 132.
Бондаревъ. №№ 119, 157.
Борисовы. №№ 54, 66.
Борьба. № 234.
Борьба съ пьянствомъ. № 280.
Боткинъ, В. П. №№ 37, 73.
Брайянъ. № 222.
Брамины. № 194.
Бриммеръ. № 10.
Броневскій. № 26.
Бродяжничество. № 216.
Брюлловъ, К. П. № 132.
Будда. №№ 148, 272.
Буддизмъ. № 273.
Буддисты. № 194.
Булгаковъ, Ф. И. № 162.
Бунаковъ, Н. Ф. № 86.
Буры. № 205.
Буткевичъ. № 129.
Буткевичъ. №№ 131, 157.
Бухарестъ. №№ 20, 21, 22.

„Бѣдные люди“. № 170.
Бѣлевъ. № 108.

В.

Валахія. № 21.
Варшава. № 47.
Весна. №№ 5, 39.
Векселя. № 12.
Верещагинъ, В. В. № 153.
Веселитская, Л. И. № 184.
Великановъ. № 189.
Вегетаріанская книга. №№ 190, 191.
Веригинъ, П. В. № 192.
Веды. № 273.
Винцигъ. № 40.
Віардо. № 85.
Влюбленность. № 29.
Власть тьмы. № 196.
„Власть тьмы“. №№ 122, 125, 126.
Вліяніе жизни. № 256.
Внутренняя работа. №№ 123, 227, 261.
Внутренняя жизнь. № 259.
Внѣшнія условія. №№ 144, 270.
Внѣшнія формы. № 198.
Волковъ, А. С. № 8.
Вольфъ. № 15.
Война. №№ 19, 22, 23, 97, 162, 223, 225.
Военная академія. № 24.
„Война и миръ“. №№ 61, 62, 72, 89, 105.
Вопросы сердца. № 81.
Воробьевка № 106.
Воскресеніе изъ мертвыхъ. № 111.
„Воскресеніе“. №№ 201, 202.
Восемнадцатый вѣкъ. № 115.
Воинская повинность. № 124.
Воздержаніе отъ литературы. № 139.
„Вопросы философіи“. № 163.
„Вопросы психологіи“. № 166.
Волькенштейнъ Л. № 187.
Возрасты духовные. № 189.
Вольтеръ. № 194.
Воля отца. № 204.
Война съ Бурами. № 205.
Воспитаніе. № 210.
Воронцовъ. № 215.
Вронскій. № 89.
Вульфъ. № 216.
„Въ чемъ моя вѣра“. №№ 195, 236.
„Выходъ изъ тайной Вечери“. №№ 144, 156.
Выводы. № 197.
Высшее Начало. № 253.
Выраженіе сочувствія. № 255.
Вѣра. №№ 12, 110, 127, 148, 154, 194.
Вѣрованія. № 81.
Вѣра бабы Акулины. № 194.
Вѣра въ безсмертіе. № 239.
Вятская семинарія. № 209.

Г.

Гафизъ. № 42.
Газеты. №№ 65, 106.
Гаррисонъ. № 153.
Гамаліонъ. № 195.
Гауфъ. № 191.
Гайдебуровъ, П. А. № 150.
Георгіевскій крестъ. № 15.
Герольдія. № 19.
Герценъ, А. И. №№ 52, 133, 179.
Гете. № 65.
Геродотъ. №№ 68, 70.
Генри Джорджъ. № 253.
Го, Н. Н. №№ 129, 131, 142, 152, 159, 160.
Героическій выходъ. № 209.
Гижицкій. № 195.
Гипнозъ. № 244.
Голландія. № 38.
Горчаковы. №№ 20, 21, 58.
Горчаковъ. №№ 22, 25, 26.
Государь. №№ 23, 115.
Гоголь. №№ 65, 75.
Гомеръ. №№ 66, 185.
Гости. №№ 108, 111, 154.
Городъ. №№ 112, 126, 177.
Гордость подвига. № 131.
Гонораръ. № 147.
Горбуновъ, И. И. № 159.
Голодъ. №№ 166, 167.
Государство. № 159.
Голіафы. № 205.
Гоненія. № 192.
Греческій языкъ. №№ 66, 84.
Григорьевъ, Аполлонъ. №№ 89, 105.
Греческая исторія. № 119.
Гриссбахъ. № 119.
Грековка. № 36.
Гротъ, Н. Я. №№ 126, 166.
Грунскій. № 191.
Грустное впечатлѣніе. № 204.
Грѣхи. № 146.
„Гусары“. № 29.
Губернаторъ. № 244.
Гуревичъ. № 240.
Гурійцы. № 232.
Гусевъ, Н. Н. № 260.

Д.

Давидъ. № 205.
„Два гусара“. № 85.
Двадцатые годы. № 104.
Дворъ. № 115.
Двѣ дороги. № 253.
Деньги. №№ 2, 17, 21, 29, 110, 127, 138, 182, 204.
Денежныя дѣла. №№ 4, 12, 87, 204.

Декабристы. №№ 106, 115.
Деревня. №№ 39, 112, 131, 177, 187.
Диккенсъ. № 19.
Дидрихсонъ. № 190.
Диллонъ. № 156.
Дилеммы. № 191.
Дисциплинарный батальонъ. № 241.
Дневникъ. № 271.
„Довольно“. № 59.
Добро. № 111.
Добрая жизнь. №№ 210, 275.
Добрый путь. № 213.
Доброта. №№ 132, 146.
Доброе чувство. № 146.
Доктора. № 239.
Долги. №№ 2, 12.
Дольнеръ. № 115.
„Долой оружіе“. № 162.
Домашніе. № 134.
Дрезденъ. № 47.
Дрожжинъ. №№ 191, 192, 198.
Дочери. №№ 150, 158, 183, 189.
Достоевскій, Ѳ. № 116.
Дружининъ, А. В. №№ 37, 41, 42.
Друзья. № 131.
Дружба. № 110.
Дунай. № 22.
Дунаевъ, А. Н. №№ 132, 184.
Духовное благо. № 212.
Духовная дѣятельность. № 225.
Духовная лодка. № 252.
Дудченко. № 216.
Дурное расположеніе духа. № 217.
Дума. № 252.
Духовная работа. № 277.
Духовное общеніе. № 210.
Духовныя усилія. № 272.
Духовныя страданія. № 132.
Духовная жизнь. №№ 188, 254. 255.
Духовное существо. № 188.
Духовная цензура. № 140.
Душевное состояніе. № 126.
„Дымъ“. № 62.
Дымшицъ. № 249.
Духоборы. №№ 201, 239.
Дѣло христіанина. № 231.
Дѣти. №№ 73, 90, 107, 108, 113, 131.
„Дѣтство“. №№ 16, 17.
„Дюже умны“. № 201.
Дюма. №№ 142, 179.

Е.

Европа. № 47.
Евангеліе. №№ 100, 119, 126, 157, 207, 217, 275.
Еврейскій языкъ. № 113.
Еврейская библія. № 116.
Еврейскій Мессія. № 130.
Еврейскій вопросъ. №№ 219, 278.
Евангельскія чудеса. № 226.
Евангельская картина. № 156.
Евангельская исторія № 176.
Единеніе. №№ 172, 199.
Единеніе въ Богѣ. № 174.
„Единый Налогъ“. № 253.
Елизавета I. № 115.
Елена Прекрасная. № 185.
Епишка. № 19.
Еросовъ. № 206.
„Ethische Kultur“. № 192.

Ж.

Жажда креста. № 171.
Желѣзистыя ванны. № 8.
Женское общество. № 23.
Женева. №№ 35, 36.
Жена. №№ 55, 73, 77, 85, 90, 91, 109, 134, 147, 158, 166, 189, 220, 229.
Женитьба сына. № 136.
Желаніе смерти. № 145.
Желаніе отвѣтственности. №№ 195, 260, 274.
Жимбу. № 20.
Жизнь. №№ 126, 134, 135, 146, 178, 188, 261.
Жизнь христіанская. № 137.
Жизнепониманіе. № 159.
Жизнь Дрожжина. № 186.
„Жизнь и смерть Дрожжина“. № 191.
Жизнь Іисуса. № 221.
Жить по совѣсти. № 232.
Жить по Христу. № 232.
Жизнь въ любви. № 266.
Жизнь бездомнаго бродяги. № 276.
Журналъ. №№ 26, 45, 47, 59, 65, 134.
Жуковскій, В. А. №№ 66, 104.
Журнальная дѣятельность. № 71.

З.

Заграничный паспортъ. № 27.
Заграница. №№ 28, 35, 171.
Захарьинъ, Г. А. № 62.
Заповѣди. №№ 114, 159.
Засѣка. № 118.
Заповѣди Христа. №№ 124, 203.
Законъ жизни. №№ 130, 223.
Засуличъ, В. № 158.
Закхей. № 159.
Законы Христа. №№ 174, 241.
„Записки Охотника“. № 180.
Задача біографіи. № 186.
Занятія. №№ 196, 205.
Забота о другихъ. № 198.
Замыслы работы. № 224.
Заблужденіе. № 250.

Задача жизни. № 275.
Звуковой методъ, № 86.
Здоровье. №№ 31, 38, 113, 134, 135, 152, 188, 205, 215, 264, 270.
Земледѣльчество. № 88.
Земельная собственность. №№ 204, 215, 253.
Земное счастье. № 250.
Зиновьевъ № 206.
Зола, Э. №№ 142, 179.
Золотаревъ, № 151.
Зороастръ. № 273.

И.

Иверская часовня. № 13.
Ивенсъ. № 181
Игра. №№ 4, 6, 12, 17, 26.
Игра роли. № 194.
Идеалъ. № 152.
Идеалъ Христа. № 154.
Изліянія чувствъ. №№ 7, 12, 14, 15, 24, 33.
„Избіеніе младенцевъ". № 125.
Избы. № 138.
Изюмченко. № 186.
Изложеніе вѣры. № 196.
Изданіе книгъ. № 248.
Иллюстрація къ „Чѣмъ люди живы". № 230.
Императрица. № 115.
Іоаннъ Богословъ. № 146.
Іоаннъ Креститель. № 275.
Исленевъ. № 4.
Искусство. №№ 46, 105, 179.
Исканіе вѣры. № 81.
Исканіе пріюта. № 281.
Истоминъ. № 89.
Исторія. № 119.
Истина. № 127.
Исповѣданіе вѣры. № 154
Испытаніе. №№ 161, 178.
Искушеніе. № 161.
Искусственное соединеніе. № 172.
Исканіе истины. № 172.
Исканіе единенія. № 174.
Истинная вѣра. № 194.
Истинная свобода. № 266.
Истинно вѣрующіе. № 278.
Италія. № 34.
Ищущіе люди. № 175.
Іуда. № 185.

К.

Казань. №№ 6, 7, 13.
Кавказъ. №№ 8, 9, 13, 16, 19, 111, 131, 155, 215, 240.
„Кавказъ". № 23.
Кавказская жизнь. № 14.
Каспійское море. № 14.
Катехизисъ. № 95.
Картинка о пьянствѣ. № 133.
Картины. №№ 144, 176, 179, 185.
Картина Іуды. № 160.
Калужскіе крестьяне. № 166.
Канада. № 201.
„Какъ читать Евангеліе". №№ 203, 213, 226.
Кантъ. №№ 225, 229.
Категорическій императивъ. № 229.
Карпентеръ. № 233.
Казнь. №№ 248, 279.
„Какъ жить". № 251.
„Казаки". № 54.
Каралыкъ. № 51.
Карамзинъ. № 75.
Квартира. № 60.
Кенворти. № 191.
Кенигсбергъ. № 225.
Кишиневъ. №№ 20, 26.
Кіевъ. №№ 20, 101, 106.
Кисеръ. № 170.
Кишиневскій погромъ. № 219.
Кинематографы. № 220.
Кларанъ. № 37.
Клобскій. № 160.
Кноррингъ. № 12.
Книги. №№ 32, 72, 213.
Книга о казни. № 279.
Князь Андрей. № 61
Книжничество. № 126.
Книга о жизни. № 140.
Корниловъ. № 23.
Константиновъ. №№ 23, 32.
Константинополь. № 38.
Козюлькино. № 41.
Комитетъ грамотности. № 86.
Корректура. №№ 96, 105.
Компромиссъ. № 159.
Кормленіе голодныхъ. № 166.
Кофе. № 183.
Корсаковъ. № 184.
Конфуцій. №№ 271, 273.
Крымъ. №№ 24, 26.
Крымская кампанія. № 24.
Крымская армія. № 26.
Критика. №№ 89, 96, 105.
Красота міра. № 107.
Крестъ. № 115.
Крапивна. №№ 117, 177.
„Крейцерова соната". № 141.
Комедія. № 144.
Кротость. № 157.
„Кругъ Чтенія". № 267.
Ксенофонтъ. № 66.
Кунакъ. № 12.
Курскъ. № 31.
Кумысъ. №№ 70, 109, 154.
Кузьминскіе. № 90.

Куреніе. № 138.
Куртышъ. №№ 246, 249, 267.

Л.

Лавра. № 101.
Лао-Дзе. №№ 186, 248, 272, 273.
Лермонтовъ. № 75.
Литература. №№ 10, 16, 33, 42, 54, 56, 61, 131.
Литературныя работы. №№ 14, 144, 163.
Лихорадка. № 21.
Литературные планы. №№ 103, 104.
Личное благо. № 138.
Личныя желанія. № 138.
Лондонъ. № 45.
Лошади. № 116.
Лугининъ. № 184.
Луиза Саксонская. № 218.
Луиза Тосканская. № 217.
Лубочныя изданія. № 121
Любовь. №№ 33, 34, 35, 91, 132, 145, 146, 148, 152, 168, 180, 197, 203, 204, 249.
Люцернъ. № 38.
Людскія сужденія. № 202.
Лѣченіе. №№ 42, 62, 70.
Лѣченіе пьянства. № 140.

М.

Математика. № 84.
Макаровы. № 129.
Матеріальныя условія. № 147.
Матеріальныя страданія. № 188.
Магометъ. № 148.
Магометанс. № 194.
Маклаковъ, В. А. № 206.
Маковицкій, Д. П. № 251.
Мечты. №№ 13, 14.
Мечты объ адъютантствѣ. № 22.
„Метель“. № 28.
Медвѣдь. № 43.
Медвѣдевъ. № 132.
Метафизика. № 209.
Минеральныя воды. № 16.
Михаилъ Ник. (Вел. Кн.). № 32.
Миноръ. № 113.
Мірская оцѣнка. № 137.
Міръ. № 145.
Милосердіе. № 156.
„Мимочка“. № 184.
Міросамопониманіе. № 190.
Мнѣніе людское. № 155.
Москва. №№ 5, 31, 43, 56, 57, 58, 60, 61, 73, 74, 83, 84, 88, 109, 111, 112, 115, 125, 131, 139, 150, 167, 168, 190, 192.
Молитва. №№ 12, 151, 216.
Молдавія. № 21.
Мольеръ. № 65.
Моисей. №№ 81, 271.
Морозовъ № 86.
Монашество. № 95.
Монахи. № 101.
Молитва слабости. № 154.
„Московскія Вѣдомости“. № 169.
Молоко. № 183.
Молодыя поколѣнія. № 210.
Моррисонъ. № 217.
Мустафа-паша. № 22.
Музыка. № 94.
Мценскъ. № 62.
Мысли о смерти. № 113.
Мысли. № 140.
Мысли о Богѣ. №№ 151, 190.
Мѣры насилія. № 195.

Н.

„Набѣгъ“. № 17.
Народный журналъ. № 82.
Народное образованіе. № 86.
Народное бѣдствіе №№ 164, 166.
Нагорная, В. В. № 90.
Наполеонъ I. № 100.
Народная газета. № 120.
Направленіе пути. № 130.
Наблюденія. № 132.
Надежда. № 148.
Нарушеніе закона единенія. № 223.
Народъ. № 253.
Наживинъ, П. Ф. № 255.
Нарушеніе любви. № 257.
Насиліе. № 266.
Некрасовъ, Н. А. № 34.
Неаполь № 38.
Нечаевъ. № 111.
Нездоровье. №№ 68, 92, 99, 123, 128, 184, 271.
Нервы. № 123.
Непротивленіе злу. №№ 127, 157.
Недѣланіе. №№ 132, 154.
Нервъ искусства. № 149.
Невидимые грѣхи. № 152.
Недостатки. № 152.
Недовольство собою. № 152.
Неспокойствіе. № 152.
Невѣріе. №№ 154, 254.
Непогрѣшимость папы. № 154.
Нездоровье жены. № 171.
Непослѣдовательность. № 202.
Недовольство жизнью. № 247.
Недовольство крестьянъ. № 253.
Никольское. №№ 40, 54, 55, 59, 87.
„Нива“. № 96.
Николай I. №№ 104, 215, 229.
Никифоровъ, Л. П. № 183.
Николаевъ. № 253.

Новый разсказъ. № 33.
Н.-Новгородъ. № 67.
Новая азбука. № 86.
Новоселовъ. №№ 131, 160, 177.
Новые горизонты. № 159.
Новый путь. № 159.
Новая жизнь. № 256.
Нобелевская премія. № 214.
Нравственная истина. № 100.

О.

Общество офицеровъ. № 8.
Обыскъ въ Ясной Полянѣ. № 52.
Оболенскій. № 58.
Общеніе съ Богомъ. № 123.
Общеніе. №№ 126, 267,
Община. №№ 137, 159. 172, 251, 275,277.
Обмѣнъ мыслей. № 177.
Обличеніе лжи. № 203.
Огаревъ. № 12.
Одесса. № 38.
Одиночество. №№ 65, 114.
Одоевъ. № 108.
„О жизни и смерти“. № 129.
„О жизни“. №№ 131, 137.
Ольховикъ. № 198.
Опрятность тѣла. № 6.
„Оптина Пустынь“. № 108.
Орловъ. №№ 87. 111, 112, 131.
Оренбургъ. № 92.
Оренбургскій край. № 103.
Оріонъ. № 118.
Оскорбленіе. № 52.
Осужденный. № 156.
Осужденіе другихъ. № 275.
Основы христіанства. № 162.
Осужденіе. № 197.
Основы жизни. №№ 226, 243.
Основы соединенія. № 262.
Отставка. №№ 17, 18.
„Отечественныя Записки“. № 32.
Отчаяніе. №№ 44, 46, 114.
Отношеніе къ своимъ произведеніямъ. №№ 141, 245.
Отреченіе отъ себя. № 146.
Отклоненіе отъ истиннаго пути. № 146.
„Отче Нашъ“. № 151.
Отношеніе народа. № 170.
Отношеніе къ духоборамъ. № 193.
Отношеніе къ войнѣ. № 205.
Отвѣтъ Синоду. № 210.
Офицерство. №№ 11, 14, 19, 26.
Офицеры. № 244.
Охота. №№ 11, 16, 19. 26, 42, 43, 59, 106.

П.

Патріотизмъ. № 22.
Парижъ. №№ 34, 36. 37, 38, 39, 45.
Паскаль. № 96.
Петербургская жизнь. №№ 1, 2.
Петербургъ. №№ 14, 27, 28, 47, 104.
Перфильевы. №№ 58, 74.
Педагогика. № 80.
Педагогическія занятія. № 88.
Перовскій. №№ 103, 104.
Пещера. № 101.
Петръ I. № 115.
Печатаніе. № 130.
Переводъ Евангелія. № 135.
Періоды вѣры. № 136.
Перемѣна жизни. № 227.
Первое марта. № 248.
„Петръ и Алексѣй“. № 156.
Письма. №№ 9, 24, 89, 132, 177, 271, 276.
Писаніе. №№ 85, 93, 154, 158, 166, 175. 197, 200.
Писательство. №№ 105, 269.
Письмо политическаго. № 190.
Планы жизни. №№ 1, 2, 12, 13, 18, 24, 63, 77.
Платонъ. №№ 66, 71.
Плотская жизнь. № 143.
Полтава. № 20.
Подпоручикъ. № 23.
„Поликушка“. № 54.
Подписка не выѣзжать. № 78.
Познаніе. № 92.
Полонскій. № 96.
Поэзія жизни. №№ 107, 118.
„Посредникъ“. №№ 119, 138, 240.
„Пора опомниться“. № 133.
Позднышевъ. № 141.
Половыя отношенія. № 141.
Повѣсть. № 144.
Потребность совершенства. № 148.
Познаніе истины. №№ 154, 172, 209.
Посѣтители. №№ 156, 176.
„Повсюду жизнь“. № 156.
Полтава. № 157.
Поповъ, Е. П. № 160.
Пожертвованія. №№ 164, 166.
Покорность волѣ Бога. № 189.
Посѣщеніе страдающаго. № 190.
Почеркъ. № 200.
Пониманіе христіанства. № 207.
Пониманіе жизни. № 280.
Половцевъ. № 220.
Политика. № 249.
Постепенное умираніе. № 261.
Правила жизни. № 4.
Природа Кавказа. № 6.
Прасковья Ильинична. № 13.
Провидѣніе. № 14.
Проектъ журнала. № 23.
Природа. №№ 39, 107, 111.
Преданіе. № 81.
Протопоповъ. № 86.

Проповѣдь №№ 111, 114.
Пресансе. №№ 116, 119.
Присяжный. № 117.
Присяга. № 117.
Преподаваніе. № 119.
Преслѣдованіе за идею. № 195.
Правда. №№ 125, 226.
Произведеніе искусства. №№ 128, 149.
Просьбы, № 142.
Проницательность любви. № 146.
Принципы. №№ 157, 160.
Прологи. № 170.
Прокопенко. № 177.
Правительство. №№ 195, 198, 253.
Простота. № 269.
Приближеніе смерти. № 196.
Пропаганда. № 210.
Пребываніе въ любви. № 242,
Правительственные люди. № 244.
Психологическая черта. № 186.
Путешествіе. №№ 6, 7, 10, 14, 20, 27, 34, 50, 57, 108.
Пушкинъ. №№ 65, 75, 258.
Путь жизни. №·114.
Путь Христа. № 203.
Пѣсни. № 94.
Пятигорскъ. №№ 14, 17.

Р.

Работа. №№ 71, 76, 92, 99, 109, 111, 121, 125, 129, 131, 138, 154, 175, 177, 181, 193, 238.
Работа на пользу людямъ. № 119.
Рабочій вопросъ. № 205.
„Рабочему народу“. № 215.
Распорядокъ жизни. № 3.
Разсужденіе. №№ 13, 81.
Раскаяніе. №№ 27, 35.
Раздраженіе. № 77.
Разумъ. №№ 81, 130, 194, 203.
Разборъ статей. № 102.
Раскольничьи архіереи. № 115.
Разсужденіе о смерти. № 126.
Радость работы. № 133.
Радость жизни. №№ 138, 150, 151, 183, 196, 273.
Радость исполненія долга. № 265.
Равенство людей. № 222.
Разрушеніе суевѣрій. № 236.
Работа надъ собой. № 246.
Разногласіе. № 142.
Разсказъ. № 150.
Разбойникъ на крестѣ. № 159.
Разочарованіе № 160.
Рахмановъ. № 160.
Ревматизмъ. № 16.
Религія. №№ 13, 100, 235.
Рейнъ. № 38.
Ренанъ. №№ 100, 156.
Религіозныя убѣжденія. № 117.
Реклама. № 153.
„Review of Reviews“. № 156.
„Revue de famille“. № 179.
Религіозное сознаніе. № 171.
Религіозное воспитаніе. № 222.
Религіозное чувство. № 227.
Религіозные люди. №№ 235, 238.
Революціонеры. №№ 243, 253.
Религія сердца. № 272.
Ростовцевъ. № 23.
Россія. № 215.
Римъ. № 38.
Руссо, Ж. № 37.
Русское войско. № 23.
Русскіе мыслители. № 71.
Русская поэзія. № 75.
Рубинштейнъ. № 94.
Румянцевская библіотека. № 111.
Русская жизнь. № 133.
„Русское Богатство“. № 134.
Русаново. №№ 157, 160.
Ругинъ. № 160.
„Русскій Вѣстникъ“. № 163.
„Русскія Вѣдомости“. №№ 167, 184.
Ручная работа. № 222.

С.

Сабатье. № 207.
Садлеръ. № 19.
Сакинъ. № 25.
Самообвиненія. №№ 2, 26,
Самоопредѣленіе. №№ 14, 111, 114, 124, 145.
Самоотверженіе. № 126.
Самодовольство. № 125.
Саратовъ. № 7.
Самара. №№ 50, 83, 88, 92, 131. 170.
Самаринъ. № 50.
Самарская губернія. №№ 51, 68, 69, 91.
Самообличеніе. № 148.
Священное писаніе. № 119.
Свои книги. № 244.
Своя жизнь. № 222.
Свои произведенія. № 195.
Свободная совѣсть № 277.
Севастополь. №№ 23, 24, 26.
Сержпутовскій. № 26.
Семейная жизнь. № 58.
Семейное горе. №№ 84. 85.
Семья. №№ 87, 113, 131, 189.
Сербское движеніе. № 92.
Селивановъ. № 108.
Секты. № 127.
Семеновъ, С. Т. № 140.
Силистрія. №№ 21. 22, 23.
Симферополь. № 26.
Сиріусъ. № 118.

Сиринъ, Ис. № 194.
Сибиряковъ. № 131.
Симонъ. № 179.
Скорбь. № 44.
Скользкій путь. № 157.
Скороходовъ. № 174.
Скука. № 176.
Слѣпцовъ. № 11.
Слезы. №№ 12, 13.
Служба въ батареѣ. № 15.
Слуга высшей воли. № 236.
Слабость. № 268.
Слабость тѣлесная. №№ 129, 175.
Служеніе Богу. № 212.
Слава мірская. №№ 153, 163, 188.
Смерть. №№ 44, 55, 136, 196, 250.
Смерть брата. №№ 44, 46.
Смиреніе. №№ 132, 157, 187, 189, 204.
Смыслъ жизни. №№ 143, 196, 237.
Смыслъ христіанскаго ученія. № 207.
Смѣлый путь. № 154.
Смерть сына. № 171.
Смерть на крестѣ. № 185.
„Современникъ". №№ 16, 49.
Солдаты. №№ 23, 243, 246.
Собаки. №№ 30, 31.
Соціализмъ. № 235.
Соловьевъ, В. С. № 111.
Совѣты. №№ 124, 127, 138, 161, 193, 231.
Состраданіе. № 254.
Сочиненіе о жизни. № 135.
Состояніе души. № 136.
Соединеніе съ церковію. № 272.
„Social Problems". № 253.
Согласіе противъ пьянства. №№ 136, 140.
Совершенствованіе жизни. № 148.
Сознаніе жизни. № 158.
Совѣсть. № 161.
Соболевскій, В. М. № 184.
Спектакль. № 107.
Споры. № 112.
Средиземное море. № 38.
Средніе вѣка. № 119.
Старый Юртъ. №№ 8, 12.
Ставрополь. № 209.
Старюртовское. № 8.
Старогладовская. №№ 10, 11, 14, 18.
Столыпинъ. №№ 23, 25, 51.
Строгановъ. № 36.
Стихотворенія. №№ 40, 42, 83, 85.
Степановка. № 48.
Старость. № 250.
Стихи. №№ 79, 93, 99.
Страховъ. № 107.
Степень вѣры. № 127
Статьи о вѣрѣ. № 203.
Стэдъ. №№ 145, 239.
Страхъ. № 150.
Столовыя. №№ 165, 167.
Страданія. № 188.
Страданія тѣла. № 171.
Суета Москвы. № 187.
Судаково. № 27.
Сущность христіанства. № 23 .
Судебная этика. № 229.
Суета. №№ 71, 154, 222.
Судебный слѣдователь. № 77.
Сущность божества. № 96.
Суздальскій монастырь. № 115.
Судъ. №№ 117, 218.
Схимникъ Антоній. № 101.
Счастье жизни. № 260.
Сытинъ, И. Д. № 124.
Сынъ. №№ 134, 174.
Сѣверная Швейцарія. № 38.
„Сѣверный Вѣстникъ". №№ 142, 179.
Сютаевъ. №№ 111, 112, 159.
Сюжеты. № 175.

Т.

Татарскія женщины. № 8.
Табакъ. № 136.
„Тайная Вечеря". № 156.
Таировъ. № 160.
Творчество. № 56.
„Temps". №№ 85, 191.
Теософія. № 259.
Тифлисъ. №№ 10, 11, 12, 13, 14, 15.
Тишендорфъ. № 157.
Толстой, Валер. П. №№ 21, 23, 24.
Толстой, Н. Н. №№ 8, 9, 12, 14, 16, 19, 22, 23, 24, 28, 35, 40, 44, 46, 53.
Толстой, С. Н. №№ 8, 12, 24, 34, 35, 36, 50, 51.
Толстой, Д. Н. №№ 22, 44.
Толстой, Л. Л. № 170.
Толстой, А. К. № 93.
Толстая, М. Н. №№ 13, 21, 24, 27, 45, 50, 51.
Толстая, А. А. № 276.
Тоска. №№ 36, 64, 68, 95, 111, 113, 114.
„Толстовство". № 208.
„Толстовское общество". № 211.
Траншейныя работы. № 22.
Троицынъ день. № 40.
Трудовая жизнь. № 143.
Троица. № 148.
Третейскій судъ. № 162.
Три ступени. № 178.
Требованія совѣсти. №№ 198, 243.
Тургеневъ, П. С. №№ 19, 24, 34, 36, 40, 48, 62, 85, 102, 258.
Тула. №№ 195, 228.
Тѣлесное лишеніе. № 252.

Тютчевъ. № 93.
Тюремное заключеніе. № 265.
Тюрьма. № 271.
Тягостная работа. № 166.

У.

Убійство настуха. № 77.
Убѣжденіе. № 81.
Уклоненіе отъ роли публициста. № 219.
Университетъ. № 1.
Упадокъ поэтическаго творчества. № 75.
Упадокъ умственной энергіи. № 238.
Устройство квартиры. № 3.
Устройство жизни. № 10.
Успѣхъ. № 85.
Усталость. № 123.
Условія жизни. № 130.
Усиленныя занятія. № 173.
Устроители слова. № 263.
Уфимская губернія. № 70.
Уходъ отъ жизни. № 139.
Ученіе двѣнадцати апостоловъ. № 145.
Ученіе Христа. №№ 157, 159, 181, 194. 209, 211, 275.

Ф.

Фамильныя бумаги. № 19.
Фетъ №№ 56, 57, 92.
Федоровъ, Н. Ф. № 111.
Фейнерманъ. И. Б. № 172.
Фельтенъ, И. Е. № 245.
Философія. №№ 2, 71.
Фирдуси. № 41.
Физическій трудъ. №№ 143, 144, 222.
Филатовъ. № 190.
Флоренція № 37.
Фоссъ. № 66.
Фонографы. № 220.
Форма романа. № 247.
Форма жизни. № 275.
Французская батарея. № 23.
Франція. № 38.

Х.

Хаджи-Муратъ. № 11.
„Хаджи-Муратъ“. № 215.
Херсонская губернія. № 20.
Хилковъ, Д. №№ 159, 190.
Хлѣбъ. № 167.
Хлѣбникъ. № 191.
Хозяйственная дѣятельность. № 48.
„Холстомѣръ“. № 54.
Хозяйство. №№ 56, 59, 61, 70, 83, 87, 88.
Холера. № 177.
Христосъ. №№ 81, 100, 126, 127, 130, 148, 155, 159.
Христіанская истина. № 100.
Христіанская жизнь. № 110, 159.
Христіанство. №№ 114, 127, 144, 159, 198, 236, 237.
Христово опредѣленіе. № 143.
Христовъ огонь. № 144.
Христіане. №№ 157, 241.
Христіанскій путь. № 244.
„Христіанское ученіе“. № 236.
Хрулевъ. № 25.
Художникъ. № 149.

Ц.

Царствіе Божіе. №№ 121, 143. 159, 246.
„Царствіе Божіе внутри насъ“. №№ 173, 181.
Цензура. №№ 82, 150.
Центръ общенія—Богъ. № 192.
Церковная вѣра. № 194.
Церковь. №№ 194, 207.
Церковность. № 209.
Цыганскій таборъ. № 6.
Цыгане. № 29.
Цѣль жизни. № 130.
Цѣломудріе. № 213.
Цѣнность поступка. № 161.

Ч.

„Часы“. № 105.
Чатырдагъ. № 26.
Чай. № 183.
Честолюбіе. № 15.
Чернь. № 87.
Черняевъ, М. Т. № 97.
Чертковъ, В. Г. №№ 126, 129, 134, 145. 151, 156, 160, 218, 276.
Чернышевъ. № 215.
Чеченецъ, Садо. № 12.
Чичеринъ Б. И. № 58.
Читатели. № 134.
Чистота. № 204.
Чиновникъ. № 244.
Чтеніе. №№ 14, 104.
„Что же намъ дѣлать“. № 121.
„Что мнѣ дѣлать“. № 148.
„Что есть истина?“. № 156.
„Что дѣлать“. № 251.
Чувствительность. № 13.
Чудеса. №№ 194, 228.
Чувство близости смерти. № 210.
Чувство огорченія. № 254.
Чувство раздраженія. № 270.

Ш.

Шамиль. № 11.
Шахматы. № 14.
Шаховской, Д. И. № 170.

Шарапова. № 129.
Швейцарія. №№ 36, 44.
Шеерманъ. № 263.
Шекспиръ. №№ 65, 220.
Шекеры. № 181.
Школа. №№ 59, 73, 86, 87, 98, 187.
Школьныя дѣла. № 85.
Школьный методъ. № 86.
Шкарванъ. №№ 192, 234.
Шмитъ, М. А. № 168.
Шмитъ. № 191.
Шопенгауэръ. №№ 63, 71, 106.
Штурмъ. № 22.
Штундисты. №№ 131, 152.
Шутка. №№ 26, 41, 53.

Щ.

Щербачевка. № 21.
Щегловъ. № 170.
Щипулинскій. № 32.

Э.

Эволюція. № 100.
Эгоизмъ. № 57.
Эзопъ. № 66.
Экспедиція. № 14.
Экзаменъ въ университетъ. №№ 1, 2.
Экономическое неустройство. № 254.
„Эмиль“ Руссо. № 170.
Эмерсонъ. № 233.
Энергія. № 154.
Эпитетъ. № 186.
Эрисманъ. № 167.
Эскиросъ. № 170.

Ю.

Юбилей. №№ 180, 257, 258, 262, 263, 264.
Юнкерство. № 2.
Юродивый. № 95.
Юрьевъ. № 150.
„Юхванство“. №№ 54, 59.

Я.

Языкъ. №№ 82, 119.
Якутская область. № 241.
Янжулъ, И. И. № 184.
Японія. № 235.
Ярошенко, Н. А. № 156.
Ясная Поляна. №№ 14, 23, 27, 29, 36, 42, 47, 50, 117, 171, 192.
„Ясная Поляна“. № 86.
Яснополянская школа. № 47.

21898

СКЛАДЪ: Москва, Тверская,
д. Бахрушина.

Цѣна 1 р. 50 к.

ТИПОГРАФІЯ РУССКАГО ТОВАРИЩЕСТВА, МОСКВА.

Б—Н